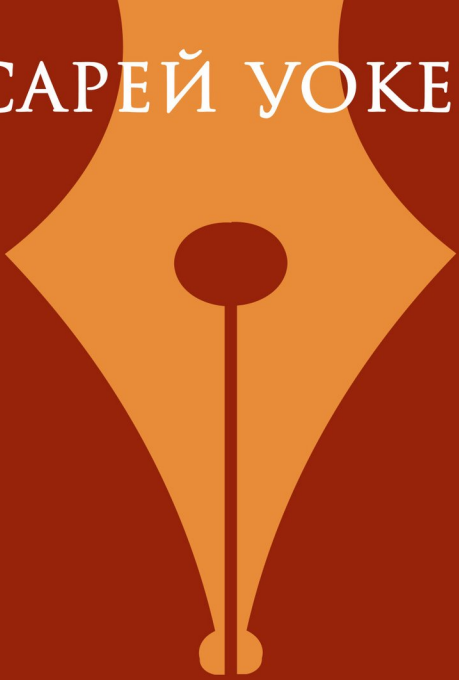
САРЕЙ УОКЕР



ВИШНЕВЫЕ ВОРЫ

Вишневые воры
Сарей Уокер

Аннотация
Сарей Уокер. Вишневые воры
Фиолетовый блокнот
Голубой дневник. Первый том
  Беллфлауэр. 1950
  Безголовая невеста. 1950
Голубой дневник. Второй том
  Эстер. 1950
  Мама и ее призраки. 1950
  Розалинда. 1951
  Калла и Дафни. 1951
Голубой дневник. Третий том
  Трупный цветок. 1957
  Сын ружья. 1957
  Не покидайте меня, леди. 1957
  Ночной ирис. 1957
  Фиолетовый блокнот

Аннотация

Айрис Чэпел и пять ее сестер – наследницы состояния огнестрельного оружия Чэпел. Они живут в роскошном викторианском особняке с отстраненным отцом-трудоголиком и психически неуравновешенной матерью, которая считает, что их дом проклят. Сестры выросли, надеясь только друг на друга. Они жаждут вырваться из жуткой сказки своего детства и попасть в большой мир, но для молодых женщин из Коннектикута 50-х годов единственный выход – выйти замуж.

Однако вскоре становится ясно, что для сестер замужество равносильно смерти.

Когда старшая сестра выходит замуж, случается трагедия. Невеста загадочным образом умирает уже на следующий день, шокировав свою семью и город. Но это только начало цепи бедствий, которые заставят каждую женщину задуматься, не убьет ли и ее настоящая любовь. Только Айрис, вторая по возрасту, находит способ сбежать, но сможет ли она навсегда скрыться от семейного проклятия?

Сарей Уокер
Вишневые воры

Sarai Walker
THE CHERRY ROBBERS

Copyright © 2022 by Sarai Walker
All rights reserved Перевод с английского Екатерины Смирновой

© 2022 by Sarai Walker
© Смирнова Е., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Моей сестре Мишель
И всем женщинам в моей жизни, которые стали мне сестрами по духу
должен разверзнуться ад; до того, как я пропаду, ад раскрыться должен красною розой, давая мертвым пройти[1].

Из «Эвридики»
Х. Д.

Семья Чэпелов

Белинда Холланд Чэпел (1900 г. р.)
Генри Чэпел (1893 г. р.)
Эстер Чэпел (1930 г. р.)
Розалинда Чэпел (1931 г. р.)
Калла Чэпел (1933 г. р.)
Дафни Чэпел (1935 г. р.)
Айрис Чэпел (1937 г. р.)
Хейзел (Зили) Чэпел (1939 г. р.)

---

[1] Сноски: 1

Хильда Дулитл. Эвридика. Перевод Я. Пробштейна. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Фиолетовый блокнот

3 августа 2017 года
Абикью, Нью-Мексико

В прошлом году Лола привезла мне из Сан-Франциско блокнот для рисования — ну, так она думала — небольшой карманный альбом, который я могла бы брать с собой на предвечерние прогулки по близлежащим холмам, чтобы делать зарисовки цветков мальвы, степных кроликов и всего того, что может встретиться мне по пути. Обычно я понятия не имею, куда приведет меня дорога и что я там увижу. Куда идти — не так важно, важен свет, лучше всего — перед самым закатом. Художники охотятся за светом.

То был блокнот с обложкой из кожзаменителя восхитительного ярко-голубого цвета, почти бирюзового, из-за которого Лола его для меня и выбрала. В Сан-Франциско всю дорогу было серо и уныло, и голубой цвет напомнил ей о небе над нашим домом, а небо обычно напоминает ей обо мне. Нашу совместную жизнь Лола однажды описала так: представьте, что вы сидите в самолете, самолет готовится к взлету, а на зем-

ле промозглая, невыносимая серость. Самолет набирает высоту и наконец прорывается сквозь облака, и вот уже вокруг лишь свет и голубое небо. Такова наша жизнь с Сильвией, — говорила она. Именно так она ощущается и именно так выглядит. На высоте более шести тысяч футов над землей небо отчего-то синее моря.

Лола всегда привозит мне что-нибудь из поездок. Это наш ритуал, небольшой элемент ухаживания, которому уже десятки лет. Ей приходится путешествовать по работе — несколько больших поездок в год. Я остаюсь дома: меня интересует только то, что рядом со мной. Мой мир здесь, а не *неизвестно где*. Но Лола, как и большинство людей, относится к этому иначе; она не боится уезжать, а когда возвращается, всегда дарит мне небольшой подарок — как знак того, что вдали от дома она думала обо мне. Голубой блокнот мне сразу приглянулся; я представила, как она покупает его в книжном магазине на какой-нибудь беспокойной улице Сан-Франциско, на ней юбка и свитер, ничего кричащего, черные волосы с проседью убраны в низкий пучок, неприметная цепочка на шее. Никакой помады, да и вообще никакой косметики. Лоле украшаться ни к чему.

Голубой блокнот был обернут в пленку, и когда

на следующее утро, пока Лола была у себя в кабинете, я его открыла, оказалось, что это не альбом для рисования, а дневник с разлинованными страницами. Лоле я решила об этом не рассказывать, как и о том, что я ненавижу эти линии: они для меня как решетки в клетке. Образы в моей голове рождаются из вспышек и впечатлений, цвета и света, а не из слов, змеящихся вниз по странице; в глубокие чертоги письменной речи я предпочитаю заглядывать пореже.

Отправив дневник в книжный шкаф в своем кабинете и надеясь, что Лола больше не вспомнит о нем, я точно не предполагала, что настанет день, когда он мне срочно понадобится.

Нет, сейчас я пишу не в том красивом дневнике-разочаровании. Впрочем, писать в нем я *буду* — после сегодняшних событий я в этом уверена, мне лишь нужно привыкнуть к мысли о том, что я начинаю писать дневник.

Сейчас я пишу в молескине, купленном сто лет назад в книжном магазине в Таосе. Он лучезарно-фиолетовый, с резинкой, тоже фиолетовой, которая вертикально перехватывает весь блокнот. Полки магазина пестрели от разноцветных молескинов, я прошлась по ним взглядом и инстинктивно выбрала фиолетовый, вспоминая

Вордсворта: «Фиалка у камня, покрытого мхом, от взора сокрытая наполовину». Каждый цвет в моей голове обычно соответствует какому-нибудь цветку. Я купила этот блокнот, думая приспособить его для списков покупок и текущих дел, то есть для всяких прозаических вещей, с которыми у меня обычно не очень, но, как и ожидалось, ни разу его не открыла, разве что положила под обложку веточку лаванды — она сплющилась, но до сих пор источает острый аромат. Наверное, я могла бы назвать этот блокнот дневником, но лучше не буду. Это рождает ожидания.

Я начала писать, потому что Лолы нет, а мне нужно с кем-то поговорить.

Просто у меня больше никого нет.

Всю свою жизнь я старалась не оставлять следов. Наверное, это странно для художницы, тем более довольно известной. Безусловно, мой след, тянущийся далеко в прошлое, — это мои картины, во многом очень личные, но на самом деле это всего лишь хлебные крошки. Люди видят мое искусство, но не меня, и я надеялась, что так будет всегда.

Но сегодня кое-что произошло, и мне бы сейчас сказать, что я всю жизнь боялась, что настанет

этот день, вот только это неправда. Меня, что называется, *застали врасплох*. Наверное, это как раз из-за того, что я не вела записей, не оставляла следов. Не так важен сам дневник, как то, о чем говорит его отсутствие. Слишком уж я старалась все забыть.

После обеда я зашла на почту, надев скрывающую лицо широкополую шляпу и выбрав свой обычный путь по грунтовой дороге, огибающей деревню (всегда предпочитала окраины). Лола уехала на месяц в Бразилию читать курс «Парфюмерия как искусство» в каком-то престижном институте, название которого я не помню. Обычно, когда она дома, мы вместе гуляем после обеда и рассказываем друг другу о том, чем будем заниматься в течение дня, до ужина (у нас есть правило: никогда не разговаривать о работе во время еды). Сейчас же я шла одна, предоставленная мыслям о том, как проведу этот день: вот уже неделю на мольберте в студии меня ждал большой чистый холст, к которому я пока не притрагивалась. Я все кружила вокруг него, не готовая приступить к работе, и пока ограничивалась тем, что делала наброски. Предвкушение всегда прекрасно.

Почтовый ящик привычно забит письмами —

как правило, это письма без моего точного адреса. Просто: Сильвии Рен, 87510, Абикью, Нью-Мексико. Настоящий адрес знают лишь несколько человек, но в деревне на 200 жителей предназначенные мне письма не теряются. Письма — это очень мило, но они быстро накапливаются и умоляют об ответе, даже если отправитель ничего такого не просит.

В Санта-Фе живет женщина, которую, наверное, можно назвать моей ассистенткой: она из тех белых людей «нового времени», которые стайками стекаются в город, искрясь бирюзовой бижутерией и источая аромат шафрана. Я бы предпочла все письма отдавать ей. Ее основная обязанность — отказывать всем, кто мне что-то предлагает: от интервью или выступлений до, прости господи, приветственных речей для выпускников. Она работает со мной уже больше десяти лет, и иногда, когда я в городе, мы встречаемся пообедать. Домой я ее никогда не приглашала, хоть и знаю, что она умирает от любопытства. Она в шутку называет себя *королевой отказов*, а когда я умру, она наверняка напишет обо мне мемуары — под каким-нибудь ужасным названием вроде *«В тени Сильвии Рен»*. Каждый раз, когда мы встречаемся в ресторане

отеля «Ла Фонда», я так и вижу, как она делает мысленные заметки.

Но письма от поклонников я своей ассистентке не доверяю — Лола предпочитает читать их сама и рассылать ответы на открытках, которые она специально для этого распечатала. Она всегда любила читать письма фанатов; мне даже кажется, что, когда мы были помоложе, это ее немного заводило — куча людей устраивает шум из-за меня, а в моей постели — лишь она одна.

Я быстренько забрала письма и через несколько секунд уже вышла из здания: чем дольше остаешься, тем выше шансы для непрошеной беседы. Вернувшись домой, я повозилась с замком калитки: наш участок по периметру окружен низкой отштукатуренной стеной, и калитка — единственный проход к дому. Днем, когда мы дома, калитка всегда открыта, но на ночь мы ее запираем, и когда уходим — тоже. Сколько бы раз мы ни смазывали замок, это мне не сильно помогало; Лола никогда не мучается с ним так, как я. На этот счет у меня есть теория: дом не хочет, чтобы я его покидала, и когда я все-таки выхожу, он наказывает меня — заставляет пострадать, прежде чем впустить обратно. Между мной и домом существует связь, как у влюбленной парочки.

Я провела здесь десятилетия, жила и работала в этих стенах. Однажды здесь же я и умру.

Мой кабинет расположен в заднем крыле дома, стол стоит у окна, откуда открывается вид на цветник и холмы, а вдалеке высится Серро Педерналь, столовая гора, напоминающая шею без головы. Каменистые холмы за нашим домом выглядят красными, почти марсианскими, и им очень подходит определение «неземные» — гораздо больше, чем всем тем вещам, которые обычно описываются этим словом.

Я просмотрела письма, борясь с желанием попросту бросить их куда-нибудь и забыть о них. Когда Лолы нет, мне стоит больших усилий справляться с бытовыми вещами — этой частью нашей жизни обычно заведует она: платить по счетам, ходить по магазинам, звонить сантехнику. Я отложила в сторону счет за электричество и рассортировала почту поклонников — авиапочта из Японии и Южной Африки и более знакомые американские конверты, почти все подписанные женской рукой. Мне пишут в основном девушки и женщины — в конце концов, я не просто художница, а *женщина-художница*. Еще два письма я отложила для своей ассистентки — два официальных конверта с отпечатанным адресом;

одно письмо из Университета Небраски, второе — от женщины из Гринвича, Коннектикут. Наверняка в обоих просьбы поучаствовать в чем-то, от чего я откажусь.

Но некоторые письма я все же просматриваю, чтобы совсем уж не отрываться от реальности — неудивительно, что из этих двух я выбрала письмо из Коннектикута.

Надорвав конверт, я достала бледно-голубые листы слегка шероховатой бумаги. На первой странице было напечатано: Элайза Л. Мортимер, журналист, режиссер документального кино.

Уважаемая г-жа Рен, писала Элайза. *Я большая поклонница Вашего творчества.* Я тяжело вздохнула. Ну же, Элайза, ты можешь придумать что-нибудь получше.

> *Я так давно пытаюсь связаться с Вами! Я независимый журналист и режиссер – снимаю документальное кино об искусстве. Я звонила Вашему агенту в надежде поговорить с Вами, но он сказал, что Вы никогда не встречаетесь с журналистами, и отказался даже переслать Вам мое письмо. Наконец, после того как я обратилась ко всем, кому только*

могла, знакомый моего знакомого смог достать Ваш почтовый адрес, выпросив его у владельца одной галереи (надеюсь, Вы не будете возражать, если я не выдам этих людей). Хочется верить, что Вы получите мое письмо. Я знаю, что Вы не любите, когда Вас беспокоят, но…

И так далее и тому подобное о том, что она восхищается моими работами и что постер моей картины *«Пурпурный ирис»* висит прямо у нее над кроватью. Мне никогда не нравилось, что мои работы печатают на постерах, открытках и, того гляди, подставках под бокалы, магнитах и других тому подобных вещах. Зачем я вообще согласилась на это? Дело в доступности, говорила мой юрист, когда я подписывала лицензионное соглашение.

«Искусство должно быть доступно массам». Она намекала, что я сноб, но это не так. При моем успехе я могла бы жить на вилле где-нибудь на юге Франции, перепоручая всю работу многочисленным помощникам и перемещаясь от одной модной вечеринки к другой, но вместо этого у меня скромный дом с глинобитными стенами и автомобиль, которому уже четырнадцать

лет, и удовольствие я нахожу не в окружающем мире, а в работе и таинствах ежедневной рутины, ее производящей. Не думаю, что мое нежелание превращать эту работу в безвкусные безделушки, место которым на свалке, так уж запредельно.

Я уже собиралась отложить письмо Элайзы, поскольку решила, что ее лесть в итоге выльется в очередную просьбу об интервью, но мое внимание привлекло начало следующего абзаца: *Недавно в Музее Сэндлера проходил званый обед, и я сидела рядом с женщиной, которая выросла в Беллфлауэр-виллидж, Коннектикут…*

Я сделала резкий вдох, ощутив острый укол паники.

> *Ее зовут Полина Левассёр, она коллекционирует произведения искусства и живет то в Париже, то в Нью-Йорке. Она старается держаться в тени и в целом не особо выделяется, чего не скажешь о других коллекционерах ее уровня. Ее девичье имя – Полина Попплуэлл. Узнав, что я из Гринвича, она рассказала мне, что выросла в соседнем Беллфлауэр-виллидж. Она тепло вспоминала о своих юных годах, которые она провела на Сент-Ро-*

нан-стрит в большом викторианском доме нежно-голубого цвета – самом красивом, по ее словам, доме в городе.

Скажите, Вам это знакомо?

У меня вырвался нервный смешок, отразивший тревогу и удивление. *С какой стати* мне должно быть это знакомо? Меня зовут Сильвия Рен, я художница, живу в Абикью, Нью-Мексико. Я родилась и выросла в Иллинойсе, а сейчас я «новая мексиканка». О Новой Англии я ничего не знаю. Ну или, по крайней мере, так все думают.

Но читать письмо я не перестала, потому что Беллфлауэр-виллидж, семья Попплуэлл и дом нежно-голубого цвета мне действительно знакомы — точнее, не мне, а той женщине, которой я была раньше.

Не стану прикидываться, госпожа Рен, и перейду сразу к делу. За обедом миссис Левассёр немного перебрала шампанского и проговорилась о том, что знает Вашу тайну.

Я сложила письмо и положила его обратно в конверт. Если я притворюсь, что не открывала

его, мне ведь удастся избежать того, что оно мне сулит? Время невозможно повернуть вспять, но почему бы не попробовать. Я засунула конверт в пачку писем, закрыла глаза и представила, что я только что вернулась домой, села за стол и никаких писем не открывала.

В раковине на кухне скопилась посуда, и я начала ее мыть. Работа по хозяйству всегда вызывает во мне гордость, ведь в домашних делах я всю жизнь, пока не повстречала Лолу, была беспомощна — лет до двадцати даже яйцо не могла сварить. Теперь же, когда годы уже не те, мы договорились с нашими молодыми соседями, семейной парой, что будем платить им за помощь с более трудоемкими делами — они моют у нас полы, убираются и делают другие мелкие дела, а с недавнего времени они еще и за садом следят, хотя я по-прежнему сама поливаю цветы и подрезаю кусты.

Какое-то время я занималась делами — нашинковала овощи для салата и выбрала на огороде длинные веточки розмарина, чтобы поставить их в вазу на моем столе. Старалась занять себя чем-то, но оказалось, что повернуть время вспять, увы, никак нельзя. Письмо, с его манящим упоминанием тайны, никак не выходило у меня

из головы, и маленькое семечко любопытства дало устойчивые зеленые побеги. Закрыть глаза на ситуацию — не значит ее исправить. Я вернулась за стол и вновь начала читать.

Остальная часть письма выглядела так:

Я стала расспрашивать миссис Левассёр, что за тайну о Вас она знает, и она рассказала, что Вы тоже выросли в Беллфлауэр-виллидж. И зовут Вас на самом деле Айрис Чэпел, а не Сильвия Рен, и Вы – наследница оружейной компании «Чэпел файрармз». У Вас было несколько сестер, но все они умерли, хотя никто не знает, что именно с ними случилось. По слухам, Айрис сбежала из дома в конце 1950-х годов, когда ей было около двадцати лет, но люди все еще помнят о ней. Миссис Левассёр говорит, что сестры Чэпел навсегда остались в памяти поколения Беллфлауэр-виллидж. В семидесятые годы кто-то из горожан увидел фотографию Сильвии Рен в журнале «Life» и узнал в ней Айрис Чэпел. Но в своем стремлении защитить дочь Беллфлауэра жители не стали распространяться об этом. Ее

жизнь была столь трагичной, что разве мог кто-то обвинить ее в том, что она убежала от судьбы, которая настигла ее сестер – и которая могла бы стать и ее судьбой тоже?

Я сказала миссис Левассёр, что хотела бы провести расследование и проверить все эти факты. Она ужасно испугалась, и я прошу Вас не винить ее: она не знала, что я журналистка, хотя, когда нас друг другу представляли, я об этом упомянула. (В ее возрасте у нее, видимо, проблемы со слухом.) Я навела кое-какие справки и подозреваю, что миссис Левассёр говорит правду, поэтому я решила Вам написать: надеюсь, Вы не откажетесь поговорить со мной.

Вы знамениты на весь мир, но, как я знаю, живете затворницей. Я где-то читала, что одна писательница хотела выпустить Вашу биографию, но через год безуспешных попыток сдалась. «Сильвия Рен – призрак!» – заявила она, переключившись на Эдну Сент-Винсент Миллей. Затворница, призрак… уверена, у Вас есть на это свои причины, но мне кажется,

что Ваша история должна быть рассказана. Я уже поговорила с редакторами нескольких ведущих журналов о том, что хотела бы написать о Вас. Очень рассчитываю на Ваше сотрудничество в этом.

Прошу Вас, ответьте на это письмо, свяжитесь со мной по электронной почте или позвоните мне. Я была бы очень рада с Вами поговорить. К письму прилагаю свою визитку.

С уважением,
Элайза Л. Мортимер

Я положила письмо на стол и смахнула его рукой — оно шлепнулось на пол, как неразумный ребенок. За окном, пытаясь меня как-то приободрить, мне махали веточки мальвы, но я была не в настроении.

Письмо беспокоило меня, в этом никаких сомнений не было, но ведь эта женщина не сможет докопаться до правды — она неизвестна никому за пределами семьи Чэпел. И кто из Чэпелов сейчас жив и может рассказать обо всем? Никто.

Я взяла одну из открыток, которые Лола рассылает в ответ на письма моих поклонников, — плотный картон цвета слоновой кости,

черно-белая фотография неба над Абикью с одной стороны и нежная голубая кайма на другой — и написала:

Уважаемая г-жа Мортимер,

Я получила Ваше письмо, и хотя я восхищаюсь Вашим упорством, боюсь, мне придется Вас разочаровать. Я не Айрис Чэпел.

Всего наилучшего,
Сильвия Рен

Наклеив марку на конверт, я ждала, что вот сейчас почувствую, что победила эту Мортимер, но никакого удовлетворения не ощутила. Наоборот, я была уверена, что это лишь начало.

4 августа 2017 года
Абикью, Нью-Мексико

На почту я пошла сразу после завтрака, не дожидаясь своей дневной прогулки. По дороге меня совершенно не радовали ни тополя, ни безоблачное небо, и я негодовала по поводу того, как основательно госпожа Мортимер нарушила мои ежедневные ритуалы. В них нет ничего эдакого, но для меня они важны, особенно в дни, когда

Лолы нет рядом. Я плохо спала прошлой ночью — примерно так и выглядит приближение хаоса.

Я опустила открытку в отделение для исходящих писем и заметила в своем почтовом ящике новый конверт от госпожи Мортимер. Открыть его я решилась только дома, в своем кабинете. В нем была копия газетной статьи, а сверху — зеленый квадратик клейкой бумаги, на котором было написано:

Это снова Элайза. Недавно из отпуска вернулась волонтер, которая ведет дела Исторического общества Беллфлауэр-виллидж, и я смогла обратиться к их архивам. Посылаю Вам копию статьи, которую я там обнаружила. Судя по всему, Айрис Чэпел в конце 50-х не просто сбежала, а исчезла при весьма странных обстоятельствах. Очень хочу это с Вами обсудить!

«Гринвичский обозреватель»
19 августа 1957 г.

Пропавшая наследница

Полиция штата Коннектикут про-

сит помощи граждан в установлении местонахождения Айрис Чэпел, 20 лет, жительницы Беллфлауэр-виллидж. Вчера мисс Чэпел тайно сбежала из психиатрического отделения больницы Сьюарда. Она покинула учреждение без разрешения и в настоящее время находится в розыске.

Реймонд Уестгейт, врач мисс Чэпел, сообщил «Обозревателю», что мисс Чэпел не представляет угрозы для общества, однако она находится в состоянии сильного замешательства и может причинить себе вред.

За информацию о местонахождении его дочери президент оружейной компании «Чэпел файрармз» предлагает вознаграждение в размере одной тысячи долларов. Если вы владеете какой-либо информацией по этому вопросу, просим вас обратиться к сержанту Уилкинсу, отделение полиции штата.

Невероятно! Мне редко доводилось вспоминать Айрис Чэпел — как по мне, так она давно уже умерла (бедная Айрис!). Но какие-то вещи тем

не менее забыть невозможно. Да, однажды она непродолжительное время находилась в психиатрическом отделении больницы Сьюарда (и в этом ничего страшного нет), но она не *сбегала тайно* из больницы и не была в розыске. Может причинить себе вред? Возмутительно! Я перечитала статью, потрясенная тем, какие истории, оказывается, ходили в городке после исчезновения Айрис.

Я начала сомневаться, что Элайза Мортимер вообще была той, за кого себя выдавала. Что, если статья поддельная? В наши дни сфабриковать можно что угодно, ну и потом, что, если эта Мортимер хочет денег за молчание? Знаменитость при деньгах — у таких людей всегда есть риск оказаться мишенью в подобных аферах. Меня об этом предупреждали юристы.

Я сразу же подумала о Лоле. Она бы знала, что делать. Мне хотелось ей позвонить, но я понятия не имела, сколько времени сейчас в Бразилии. Она весь день преподавала, а вечером участвовала в мероприятиях, и мне очень не хотелось ее отвлекать. Свой ноутбук она забрала с собой, а это был единственный компьютер в нашем доме — я не очень дружу с новыми технологиями, поэтому искать информацию, чтобы прояснить

свои опасения, мне было негде. Какое-то время я размышляла, не позвонить ли своему агенту, но он человек совершенно несносный (Лола считает, что я просто его не понимаю, да и вообще, он — не моя проблема, ведь все мои дела ведет Лола). А поскольку здесь могли быть замешаны юридические вопросы, я решила позвонить своему юристу в Нью-Йорке — единственному представляющему мои интересы человеку, который не сводил меня с ума. Только рассказывать о случившемся нужно было осторожно. Как и большинство людей, Ребекка очень мало знала обо мне, и я бы предпочла так это и оставить — если, конечно, ситуация с госпожой Мортимер не начнет обостряться.

Сделав запрос в интернете, Ребекка подтвердила, что Элайза Мортимер действительно журналист и режиссер, живет в Гринвиче, делает репортажи об искусстве.

— Я сейчас читаю ее веб-сайт, — сказала Ребекка. — Здесь интервью с Джуди Чикаго, Джонни Маркизом, Захой Хадид. Документальный фильм о «Девушках из Глазго». Похоже, она настоящая.

— Что-то я не уверена.

— Просьбы об интервью наверняка поступают к вам ежедневно, Сильвия. Откуда такая паника?

— Нет никакой паники, — сказала я, прикрыв трубку рукой, чтобы выровнять дыхание. — Эта так называемая журналистка утверждает, что знает обо мне какие-то тайны. Это разве не шантаж?

— Она требовала денег?

— Нет, не требовала. Она хочет взять у меня интервью.

Ребекка издала смешок, но притворилась, что покашливает.

— Ну так именно этим и занимаются журналисты. Это не преступление.

— Я не хочу, чтобы она тут все вынюхивала.

— Хорошо, — сказала Ребекка. — Я всегда готова помочь. На какие тайны она намекает? Что-то дискредитирующее? Если она распространяет о вас недостоверные сведения, можно направить ей предупреждение.

Старое доброе *требование о прекращении противоправных действий*.

Я не ответила; мои мысли начали блуждать, в голове то и дело возникала строчка из письма Элайзы: *«Сильвия Рен — призрак»*. Как это ужасно — стать призраком еще при жизни. Но ведь нельзя сказать, что она совсем уж не права. Если бы у женщин были фамильные гербы, на моем

точно был бы призрак.

Я осознавала, что молчу, а время идет, почасовая оплата и все такое, хоть меня это не очень беспокоило.

— Сильвия? — сказала Ребекка, словно обращаясь к загулявшей кошке. — Вы еще здесь?

— Я здесь, — сказала я. — И я хочу получить запретительный приказ против Элайзы Мортимер.

– *Запретительный приказ?* Сильвия, что происходит? Лола дома?

Я повесила трубку. Через несколько секунд телефон зазвонил, но я не ответила. Он звонил весь день — я не отвечала. Я выкинула газетную статью с запиской от Элайзы и остаток дня провела за работой в саду, а потом налила себе лимонад, устроилась поудобнее и, успокоенная легким августовским ветром, смотрела на солнце, уходившее за красные холмы на горизонте.

Глубокой ночью

В письме Элайзы Мортимер мне было ненавистно все, но ее слова о *знаменитой затворнице* беспокоили меня не меньше, чем упоминание *призрака*, и я не могла заснуть, снова и снова прокручивая эти мысли в своей голове. Я так успешно отгородилась от мира — того мира, который простирался далеко за пределами очер-

ченных мной границ, — что описание того, кем я стала и как видят меня другие люди, оказалось довольно пугающим.

Никогда я не собиралась становиться затворницей. Мне жаль, что люди не знают этого обо мне. Если бы я захотела ответить Элайзе что-то осмысленное, я бы сказала ей, что затворничество вообще не соответствует моей природе. У меня было пять сестер, и мы росли как единый организм, как та индийская богиня со множеством рук и лиц. Чтобы стать затворницей, мне пришлось бы почувствовать себя отдельной личностью — а этого я в детстве была совершенно лишена. А разве годы становления не определяют, как сложится вся остальная жизнь?

Я потратила много времени и сил, чтобы стать той, кем я стала — *призраком, знаменитой затворницей* или, как назвали бы меня в народе, *чокнутой*. В итоге затворничество стало основным фактом моей биографии, хотя на самом деле я никогда не хотела этого. Люди думают, что мои отказы от интервью — это что-то вроде феминистской декларации, как и то, что я избегаю публичного внимания и что в этом мире у меня есть лишь один представитель — мое творчество. В женщинах воспитывают покорность, и когда

женщина очерчивает вокруг себя четкие границы, переступать которые никому не дозволено, ее считают исключительной.

Вот так взять и исчезнуть — мне это далось нелегко, скажем прямо. Но все мы вынуждены адаптироваться к обстоятельствам, какими бы они ни были. Монахини привыкают к своему монастырю, птицы привыкают к своим клеткам, вот и мне пришлось привыкнуть к своему образу жизни — к тому, что я стала другим человеком и все эти годы пыталась скрыть правду. Постоянная скрытность — то была вынужденная мера, но постепенно она стала моей второй натурой. Я больше не притворяюсь, что я Сильвия Рен. Я и есть Сильвия.

С другой стороны, я могу сколько угодно твердить о том, что давно превратилась в Сильвию, но ведь это далеко не вся моя история, а весьма упрощенный взгляд на нее.

Несколько лет назад мне попалась статья о цирковом тигре из Лас-Вегаса: покорное создание, он более десяти лет почти каждый вечер выступал на арене, прыгая сквозь огненные обручи на потеху толпы, пока однажды, безо всяких видимых причин, не набросился на своего дрессировщика прямо во время выступления, разорвав его

сонную артерию своей лапищей. Дрессировщик истек кровью прямо на сцене еще до прибытия помощи, а зрители с ужасом смотрели, как лужа крови вокруг него становится все больше и больше.

Если всю жизнь сопротивляться своей природе, можно приспособиться к обстоятельствам, но где-то глубоко внутри останется частица вашей настоящей души. Ваш дикий зверь, которого нельзя укротить.

Тук-тук.

Ну вот, начинается. Этого я и боялась. Я так давно не вспоминала Айрис, ее сестер, больницу и побег, что неудивительно, что обращение к давно похороненным воспоминаниям разбудило что-то во мне.

Я услышала стук, села в кровати и включила лампу — заснуть все равно не получалось. Шторы были закрыты, но я знала, что скрывается за ними: кромешная тьма, бесконечная и неизмеримая, черная, как космос, и такая же необъятная и непостижимая.

Жизнь в глубинке Нью-Мексико имеет и обратную сторону: ночную. Поэтому под кроватью я храню винтовку, с ней спокойнее спится. Она заряжена, и стрелять я умею. Оружие рождает

мир в моей душе — эту иронию способна понять только Лола. В такие моменты, когда меня подавляет тьма, мне нужно держаться за что-то более сильное, чем я сама.

Я сидела в кровати и не двигалась — ждала, когда снова постучат. Винтовка мне не поможет, это я понимала, но другой защиты у меня не было. Стук в стекло как первое указание на то, что должно произойти. Когда Лола дома, такие вещи со мной не случаются. Мой посетитель приходит, лишь когда Лолы нет, когда все то, что я так долго хранила в себе, поднимается на поверхность.

Тук-тук.

— Это она, — сказала я вслух. — Не бойся.

Голубой дневник
Первый том

асфодель цветет
в преисподней
моего разума
калла чэпел

Беллфлауэр
1950

1

Позднее, когда трагедии стали случаться одна за другой, городские детишки сочинили про нас стишок:

Сестрички Чэпел:
венчаются с милым
и сразу в могилу.

Не очень помогало нам и то, что мы жили в огромном викторианском особняке, который выглядел как свадебный торт. Будь мы на страницах романа, эта деталь во многом отдалила бы границы правдоподобия, но наш дом был именно таким, и реальность мне не изменить. Особняк, возвышавшийся в западной части Беллфлауэр-виллидж, был прекрасным образцом архитектуры в стиле «свадебный торт». Из всех частных резиденций в Коннектикуте наш дом был одним из самых фотографируемых; наверняка даже сейчас в каком-нибудь учебнике можно найти его изображение.

Казалось, что весь дом, с его каскадом ярусов и декоративными элементами, был покрыт белоснежной сахарной глазурью. Первым делом взгляд выхватывал призрачно парящую над домом центральную башенку в готическом стиле, с крошечными слуховыми окнами (можно было представить, как Рапунцель спускает оттуда свою косу). Верхнюю часть дома под башенкой огибала покатая мансардная крыша с окнами третьего этажа, снизу казавшимися миниатюрными. На втором этаже красовалась «дорожка вдовы»[2] с балюстрадой, ну и, наконец, первый этаж — эркеры, портик, причудливые завитушки тут и там, высокие стебли растений вокруг.

Все говорили, что наш дом словно сошел со страниц сказки. И если бы можно было разрезать его на кусочки, как свадебный торт, внутри обнаружились бы шестеро незамужних дам: Эстер, Розалинда, Калла, Дафни, Айрис и Хейзел, каждая из которых знала, что однажды станет невестой. Это было единственное, в чем они все были уверены.

Дорогие влюбленные.

---

[2] Сноски: 2
Widow's walk *(англ.)* — площадка на крыше с перилами.

Безвременно почившие.

2

Первой была Эстер. Ей — как самой старшей из сестер — было не привыкать к первым ролям, поэтому логично, что эта история начинается с ее шагов к алтарю, а потом и дальше — туда, где, как говорила мама, ее ждало «что-то ужасное». Кто-то должен был стать первой, а поскольку Эстер всегда была самой доброй и ответственной из нас, я уверена, что, даже не будь она старшей, она все равно посчитала бы своим долгом проложить путь для своих сестер. Как бы то ни было, она не знала, что начинает историю, окончание которой увидит лишь одна из нас.

Лето перед свадьбой Эстер было последним нормальным нашим летом. Именно тогда она встретила Мэтью. Не люблю думать о нем, как и обо всем, что ворвалось в нашу жизнь с его появлением, но без него не было бы никакой свадьбы.

Летом 1949 года мы отправились на Кейп-Код, где отдыхали каждый год. Там мы заняли трехкомнатный номер-люкс в отеле на Террапин-Коув — улице, расположенной в нижней части полуострова. Мы с мамой и сестрами выби-

рались куда-либо из «свадебного торта» только на эти две недели в июле. Летний отпуск был нашим ежегодным проветриванием: нависший над нами купол поднимался, и мы — выбирая из множества метафор — расползались, как муравьи, разлетались, как бабочки, уносились с ветром, как цветочные лепестки.

Впрочем, мы так привыкли постоянно быть в четырех стенах, что слишком уж далеко не разбегались и целые дни проводили на пляже, растянувшись на пестрой куче одеял. Мой отец, которому слово «отдых» было неведомо, с работой не расставался и всю неделю проводил дома. Он приезжал в выходные, но как будто и не приезжал вовсе: весь день сидел в гостинице, разбираясь с бумагами и бухгалтерскими книгами. А когда он все же выходил на улицу — в своем немодном коричневом пиджаке, щурясь на солнце, прикрывая глаза козырьком ладони, — то выглядел совершенно не к месту. Он искал глазами жену и дочерей, наш островок на песке, а когда находил, не махал нам рукой и не улыбался, а разворачивался и возвращался в дом, удостоверившись, что мы на месте. Мне казалось, что это так и записано у него в календаре: *11:00, время для семьи*.

Каждый день мы с сестрами и мамой сидели на пляже у гостиницы, окружив себя открытыми зонтиками. Белинда, наша мама (я постараюсь почаще так ее называть; в конце концов, она была самой собой, а не только нашей мамой), на пляже всегда скрывалась под зонтом, как и дома, когда работала в саду. Она носила белые льняные платья и убирала свои длинные седые волосы (она поседела после сорока пяти лет) в викторианский пучок, выпустив пару прядей по бокам, чтобы скрыть бесформенные мочки ушей.

Казалось, что, как и тот свадебный торт, она живет не в своем времени. Внешне она напоминала строгих, меланхоличных женщин с фотографий Джулии Маргарет Камерон: широко поставленные, опущенные глаза, овальное лицо с рельефными скулами, почти орлиный нос, бледная кожа, покрытая морщинами — как будто кто-то взял льняную бумагу, смял ее и тут же разгладил.

Она любила пляж, он успокаивал ее — дома ей никогда не удавалось достичь такого состояния. Она не купалась, не загорала и не участвовала в наших забавах, а вот гулять ей нравилось. Большую часть дня она читала — какой-ни-

будь поэтический сборник Эмили Дикинсон или роман одной из сестер Бронте; стопка книг аккуратно высилась рядом с ее парусиновым стулом. Когда она читала, ноздри ее трепетали, вдыхая соленый воздух. Это было самым близким подобием *лечения на водах*, на которое она соглашалась.

Мы с сестрами, такие же бледнокожие, как и мать, только темноволосые, брали себе по одеялу и зонтику и сразу после завтрака, облачившись в скромные купальные костюмы, занимали места на пляже. Там мы проводили почти весь день, там же и обедали — корзинку с едой присылали из гостиницы, эдакое декадентское пиршество: маленькие горшочки с фуа-гра, толстые ломтики ветчины и сыра эмменталь, французский багет и абрикосовый пирог. Иногда я ходила купаться со своей младшей сестренкой Хейзел, которую все звали Зили. Мы заходили в воду по пояс — плавать на глубине нам не разрешалось. Когда поднималась волна, подбираясь к нашим тогда еще весьма призрачным грудкам, мы бежали на мелководье, чтобы не пришлось сгорать от стыда от криков мамы, зовущей нас на берег.

— Может, прогуляемся к бухте? — однажды днем спросила она нас с Зили (судя по присут-

ствию в гостинице папы, это был выходной). Как самые младшие и наименее циничные из сестер, мы были единственными, кто согласился бы на подобную экскурсию. Зили тут же начала торговаться.

— А можно я возьму черепашку в гостиницу? — спросила она.

— Ты же знаешь, что нельзя, — ответила мать.

— А фруктовый рожок можно?

И мы втроем пустились в путь: Белинда шла под зонтиком, а мы с Зили ринулись вперед вдоль длинной болотистой полосы из травы и песка, выискивая морских черепах и наслаждаясь безраздельным маминым вниманием. В тот день мы видели лишь пару черепах — их алмазные спинки и пятнистые панцири привели нас в восторг и полностью оправдали прогулку.

Белинда же, как всегда, больше интересовалась растениями.

— Это трава-галофит, — сказала она, показывая на участок зелени, похожий на огромную поляну, уходившую в море. — Помните, что это значит?

— Значит, что она может расти в соленой воде, — быстро сказала я, пока Зили не опомнилась.

— Верно, — сказала мама, довольная моим от-

ветом. Она знала о растениях все.

Вскоре мы вернулись на пляж — мы с Зили к тому времени уже облизывали малиновое мороженое. За время нашего отсутствия семья не сдвинулась с места. Мои старшие сестры, Эстер и Розалинда, читали журналы, загорали и о чем-то сплетничали — они могли делать это дни напролет. Эстер была пухленькой, а Розалинда — высокой и изящной; в купальных костюмах этот контраст был более заметен, хотя бросалось в глаза даже не это, а то, что на их телах мерцал мелкий песок, покрывавший кожу поверх крема от солнца. Это мне запомнилось особенно отчетливо: их ноги и руки цвета румяных сахарных печений, которые еще не достали из печи, а сверху — слой коричневого сахара-песка, из-за чего их кожа казалась сладкой глазурью.

— К Рождеству они объявят о помолвке, — говорила Розалинда, когда мы подошли. Они с Эстер обсуждали каких-то своих друзей. — Она совершает ужасную ошибку. Помнишь, в каком *кошмарном* галстуке он пришел к ней на день рождения?

— Нельзя судить о мужчине по его галстуку, — сказала Эстер, похлопывая Розалинду по руке свернутым в трубочку журналом *«Гламур»*.

— Разумеется, *можно*!

— Ну серьезно, Рози. По-моему, он милый.

— Так и *хочется* в это поверить, правда? — ответила Розалинда иронично, но беззлобно.

Мои средние сестры, Калла и Дафни, сидели, скрестив ноги, на своем одеяле, каждая погруженная в свое занятие. Калла записывала в блокнот стихи, укрываясь от солнца под зонтом и под широкополой шляпой. Дафни рисовала что-то акварелью в альбоме; после ланча и до вечера она съедала тонны еды — несколько длиннющих хот-догов и пару пакетов попкорна.

Они сидели рядом и занимались своими делами — эта мирная рутина лишь изредка прерывалась небольшими стычками.

— Ты мне капнула на ногу фиолетовой краской! — вскричала Калла, отталкивая от себя Дафни. — Теперь кажется, что у меня гангрена!

— Гангрена — разве это не романтично? — Дафни снова побрызгала краской на ноги Каллы. — Вся эта увядающая плоть. У Теннисона наверняка есть что-то об этом.

— Скорее, у Уитмана, — сказала Калла, покусывая карандаш. Казалось, что подобные размышления ее успокаивают.

Белинда неохотно вернулась на привычное

место, со вздохом села на стул и взяла книгу.

— А с вами двумя что такое приключилось? — спросила Розалинда, испуганно разглядывая меня и Зили.

— Ваши рты такие… алые! — сказала Эстер.

— Фруктовый рожок на обратном пути, — сказала Зили, пока я вытирала рот пляжным полотенцем.

— Ты как будто голову у чайки откусила, — сказала Калла. — Гадость какая.

Потом все начали пререкаться, не помню уже, по какому поводу, как вдруг рядом послышался оглушительный всплеск воды. Вынырнув на поверхность, словно подводная лодка, со дна океана поднялось какое-то существо — по крайней мере, так я это помню. Мы не слышали, чтобы кто-то заходил в воду, только вдруг на том месте, где только что ничего не было, теперь стоял он — мужчина лет тридцати, обнаженный торс, прилипшие ко лбу завитки светлых волос, обтягивающие полосатые плавки.

До того момента я и не думала, что мужчины могут быть красивыми. Не то чтобы я почувствовала к нему влечение — скорее меня притягивала его внутренняя сила; в нем пульсировала жизнь, его кожа была цвета золотистого сиропа, а мыш-

цы живота колыхались под кожей, будто флаг на ветру. Позднее мы узнали, что во время войны он был летчиком, героем: каких-то четыре года назад он бороздил небо над Японией, поливая огненным дождем людей на земле. Море или воздух, никакой разницы: он был повелителем стихий.

Спотыкаясь в волнах прибоя, он выбежал на берег в сопровождении своего товарища. Они шли, не разбирая дороги, смеясь и поддразнивая друг друга, и через пару секунд это морское существо едва не снесло наш островок. Он резко остановился и уставился сверху вниз на семерых женщин, поднявших к нему свои лица.

— Мадам, — сказал он Белинде, вмиг посерьезнев и склонив голову. — Прошу прощения. Надеюсь, мы вас не побеспокоили.

— Ничего страшного, — ответила она, отложив в сторону книгу стихов. Ее лицо было скрыто в тени зонта. Она посмотрела на море за его спиной. Он ничего для нее не значил, по крайней мере, тогда.

— Дамы, — продолжал он, кивнув моим сестрам и мне, пока мы дружно натягивали на себя полотенца, прикрывая ноги и руки. — Меня зовут Мэтью Мэйбрик.

Я в это время никак не могла оторвать взгляд от его симметричных красных сосков. Мама снова подняла на него взгляд, явно недовольная тем, что он все еще был здесь.

— Белинда Чэпел, — сказала она.

— Чэпел? Оружейная компания?

Она поморщилась, как и всегда при упоминании оружия. Дочери инстинктивно повернулись к ней, и тут заговорила Эстер, спеша предотвратить дальнейшую неловкость.

— Да, те самые Чэпелы, — весело сказала она, взглянув на Розалинду.

И вот так Эстер, которой только-только исполнилось девятнадцать, оказалась в эпицентре внимания Мэтью. Она была в купальном костюме: оранжевая юбочка, вышивка с бабочкой-монархом на груди. Он улыбнулся ей с высоты своего роста. Она еще выше подтянула полотенце, скромно сложив под собой ноги, и стряхнула темные кудри с плеч. Мэтью не отрывал от нее глаз, и, чуть помедлив, она встретила его взгляд; ее лицо было круглым, как морской гребешок, горящие глаза блестели, а глянцевые губы застыли в форме маленького сердечка. Мэтью довольно бесстыдно рассматривал ее, оценивая то, что было на виду, и явно додумывая то, чего видно

не было. Он позволил своим глазам блуждать, где им вздумается, а потом повернулся к своему другу, стоявшему чуть позади.

— Эрни, смотри, семья Чэпел! — Одной рукой он изобразил пистолет и выстрелил. Эрни застенчиво помахал рукой.

— А я один из Мэйбриков, — еще раз сказал Мэтью, и его родовое имя опустилось на нас, как вуаль. Очевидно, это имя должно было что-то нам сказать, примерно как ему что-то говорило наше имя, но оно молчало. Семья Мэтью владела компанией «Мэйбрик стил», о которой Белинда наверняка слышала; большинство американских поездов ездили по рельсам «Мэйбрик стил», большинство нью-йоркских небоскребов были построены из выпускаемой ею стали. Компанию основал Август Мэйбрик, самый беспощадный барон-разбойник девятнадцатого века.

Но если Белинде эта фамилия и была знакома, она ничем это не выдала. Ей не было никакого дела до известных семей и их отпрысков. В обычной ситуации семья такого уровня, как наша, вела бы на Кейп-Коде совсем другой образ жизни: нас бы ежедневно приглашали в просторные особняки на побережье и на роскошные вечеринки; мы же устранились из подобного общества,

и мама предпочитала все оставить именно так.

— А мистер Чэпел тоже здесь? — спросил Мэтью, надеясь, по всей видимости, впечатлить хотя бы его.

— Он работает в гостинице, — ответила Эстер, а Розалинда тут же сказала:

— Решает *деловые вопросы* у себя *в номере.* — И добавила: — Он не коридорным работает.

Мэтью рассмеялся и снова повернулся к другу.

— Мы были бы рады с ним познакомиться, правда, Эрни?

— Это большая честь для нас.

– *Правда?* — спросила Зили, и я толкнула ее локтем, чтобы она замолчала.

Мы не часто думали об отце, поэтому забывали, каким его видели люди со стороны. Как и мать, он предпочитал жить уединенно, и даже тогда, будучи маленькой девочкой, я понимала, что ему нет никакого дела до того, какое впечатление он произведет на Мэтью Мэйбрика и его друга. Мой отец был богатейшим человеком Новой Англии, наша фамилия красовалась на оружии, продаваемом по всему миру. Фамилия Чэпел внушала страх. Человек, который производил товар, служивший мостом *на другую сторону,* давно не стремился никого впечатлить.

Белинда не питала большой любви ни к оружию, ни к мужу, поэтому разговор об этом заставил ее нахмуриться, и она встала с пляжного стула, отряхнув платье.

— Пойдемте, девочки, — сказала она. — Ваш отец наверняка уже беспокоится, куда это мы запропастились.

Мы знали, что никто о нас не беспокоится, но все равно поднялись с одеял, понимая, что непрошеный собеседник ей не по душе.

Вероятно, Мэтью Мэйбрику не было известно о странностях нашей семьи. Большинство жителей Беллфлауэр-виллидж считали Белинду сумасшедшей, но, судя по всему, эта ее репутация не дошла до Нью-Йорка, откуда были родом Мэйбрики. Мэтью, который не осознавал, что расстраивает Белинду, и явно не считал себя непрошеным гостем, сделал движение в нашу сторону.

— Позвольте спросить, — окликнул он нас. — Не согласятся ли две ваши старшие дочери…

— Эстер и Розалинда, — сказала я, впервые к нему обратившись. Он подмигнул мне так, как взрослые подмигивают детям.

— Не согласятся ли Эстер и Розалинда выпить со мной и моими друзьями перед ужином? —

А когда Белинда пристально на него посмотрела, поспешно добавил, уже чуть менее уверенно: — Там еще будут мои родители и сестра.

Белинда не удостоила его ответом, повернулась и пошла к гостинице, а за ней поплелись Дафни, Зили и я; Калла к тому времени уже почти добежала до входа. С Мэтью остались только Эстер и Розалинда, которые присоединились к нам через полчаса, подпрыгивая от волнения.

Они рассказали отцу, что Мэтью Мэйбрик пригласил их на аперитив, и спросили, можно ли им пойти.

— Сын Лиланда Мэйбрика? — Отец удивленно посмотрел на них, снял очки и положил их на свой деловой блокнот. Очки предназначались для работы, а здесь явно было дело семейное — в таком он обычно не принимал участия.

— И зачем вы ему?

— Папа! — чуть ли не вскричала Розалинда. Из нас всех лишь она называла его *папой*, этим живым, человечным словом, как будто оно могло сподвигнуть его стать тем, кем он не был.

— Что *странного* в том, что Мэтью захотелось пригласить двух очаровательных девушек на аперитив?

— Понимаю, — ответил отец. Мы с Каллой, Даф-

ни и Зили наблюдали за этой сценой со стороны. Мама ушла к себе.

Годом ранее Эстер окончила среднюю школу и уже ходила на свидания с молодыми людьми, чьи семьи жили в нашем городе, или с братьями одноклассниц — все они происходили из богатых и уважаемых родов, но Мэйбрик — то была птица совсем другого полета.

— Ну пожалуйста, — сказала Эстер. Она стояла в туго завязанном халате, ее лицо раскраснелось после целого дня на солнце. Эстер была совершеннолетней, Розалин-да тоже подбиралась к этому возрасту, но они никогда бы не стали делать все, что им заблагорассудится, не спросив разрешения.

— Что ж, хорошо, — ответил отец, водрузив очки обратно на переносицу и снова взяв в руку карандаш. Он считал Мэйбриков выскочками, но, как и у мистера Беннета из *«Гордости и предубеждения»* — романа, который мама читала минимум раз в год, — у него было много дочерей на выданье, а значит, следовало делать исключения.

Все было устроено, и тем вечером мы сидели с тремя сестрами и родителями в обеденном зале гостиницы, а Эстер и Розалинда щебетали с Мэй-

бриками на террасе. Ужин в ресторане всегда подавался в виде фуршета, и я набирала себе закусок — коктейль с креветками, фаршированные яйца и картофельные шарики, а Зили все за мной повторяла, чем выводила меня из себя. Родители не следили за тем, что мы берем в буфете, и Дафни нагружала тарелку розовыми ломтями говяжьих ребрышек, клешнями рака и многочисленными порциями картофеля «Дюшес». Потом мы садились за стол и ели, глядя на океан, чтобы не смотреть друг на друга.

С наших мест хорошо просматривалась терраса — прямо за ней шумел океан, — и я могла наблюдать за Эстер и Розалиндой. В их бокалах мерцал их любимый напиток: содовая, капля гренадина и листочек мяты — настоящий коктейль для девочек; да они и были по большому счету совсем еще девчонками. Сестры болтали с морским существом и его родней: Мэтью был одет в пастельно-желтую рубашку на пуговицах и брюки. На Эстер и Розалинде были летние платья с бретельками, купленные специально для этой поездки; оттенков я уже не помню, но отчетливо вижу их прелестные обнаженные плечики в лучах заходящего солнца и струящийся вокруг них медовый свет приморского вечера.

Я ковырялась в тарелке, не в состоянии сосредоточиться на еде. Я понимала, что в нашей истории намечается поворот и что вот-вот нагрянут перемены.

Через пять месяцев Мэтью Мэйбрик, герой войны, наследник состояния сталелитейной компании «Мэйбрик стил», попросит руки Эстер. Непрошеный гость пробрался внутрь.

3

Где-то через год после первой встречи на пляже Эстер и Мэтью объявили о предстоящей свадьбе. Я пытаюсь воскресить в памяти события, произошедшие в предсвадебную неделю, чтобы описать их для вас (кто они, эти *«вы»*?). Только вот я давно загнала эти воспоминания в «преисподнюю своего разума» — так это место называет Калла. Только представьте: холодное и пустынное пространство; через трещины в цементе пробиваются цветки асфодели; где-то вдали капает вода; скрипит тяжелая дверь.

Эмили Дикинсон писала, что привидения водятся не только в домах и что «в душе есть коридоры»[3]. Это правда. И мои коридоры пе-

---

[3] Сноски: 3

Э. Дикинсон. Не нужно комнат привидению. Перевод Я. Бергера.

реполнены. Преисподняя моего разума, все эти коридоры с призраками, опишите это как угодно — там невозможно ступить, не наткнувшись на осколки стекла. Я поднимаю одно стеклышко и рассказываю о том, что вижу, а потом возвращаю его на место.

История выходит изорванной; она может оставить глубокие раны. Это не та история, которую шьют иголкой с ниткой красивыми стежками. У меня либо осколки, либо ничего.

4

Давайте попробуем еще раз. Неделя перед свадьбой.

Наступили летние каникулы. Свободные от школы, мы с Зили бешено носились по полям вокруг дома, обширным, как городской парк. Беллфлауэр-виллидж расположен в двадцати минутах от Гринвича, который, в свою очередь, находится от Нью-Йорка в одной короткой поездке на поезде. Здесь обосновались многие богатые семьи, но других домов такого размера в нашем городке не было.

От дома до улицы простирался широкий газон, струившийся вниз, словно тихий ручей.

Задняя часть дома выходила на цветочные сады с террасой, а за ними был лягушачий пруд, окруженный поляной. К северу от дома, через дорогу, тянулся густой лес, а на южной стороне под пологом кленов расположился семейный кладбищенский участок, окруженный кованой оградой с заостренными прутьями. Когда я была маленькой, там было лишь три могилы: дедушки, бабушки и старшего брата моего отца, родившегося мертвым. Остальные части кладбища ждали своего часа.

Летом мы с Зили почти все свое время проводили на свежем воздухе, радостно вырвавшись из мрачных, темных комнат нашего дома и улизнув от шумных, вечно командовавших нами старших сестер. Нам это разрешалось, лишь бы мы не уходили за пределы принадлежавшей нам территории. Пожелай кто-нибудь найти нас, им бы это вряд ли удалось, но обычно никто и не пытался. Наши имена часто произносили скороговоркой, как одно целое: *АйрисиЗили.*

«Где же *АйрисиЗили*?» Этот вопрос обычно звучал именно так.

Но то лето — свадебное лето Эстер — было совсем другим. Привычные шалости меня уже не забавляли. Июнь был невероятно жарким —

почти каждый день столбик термометра переваливал за отметку в тридцать пять градусов. И как будто этого было мало: в дополнение ко всему у меня, тринадцатилетней, впервые пошли месячные. Эстер показала мне, как пользоваться этой ужасной штуковиной — гигиеническим поясом; других приспособлений у нас тогда не было. Когда начались кровотечения, я осознала, что дни беспечного веселья подходят к концу. Я не очень понимала тогда, что со мной происходит, но знала, что распространяться об этом не стоит. Носить брюки нам не разрешали, и мне постоянно приходилось нагибаться и рассматривать ноги на предмет каких-либо неожиданностей.

Я предложила Зили устраивать прогулки на природе. Мы ходили смотреть божьих коровок и бабочек, а я брала с собой альбом для рисования и карандаши. О моих месячных мы не говорили, хотя Зили о них знала. Обсуждать такое не было принято даже с сестрами; я и маме не сказала, да и наверняка это не очень бы ее заинтересовало. Но начавшиеся кровотечения, пусть даже и небольшие, омрачили те летние дни. Если бы меня попросили создать палитру цветов для июня 1950 года, я бы начала с киновари,

затем добавила гематит, а поверх — глубокий красно-коричневый; оттенки ватных прокладок стали бы фильтром для моей памяти.

В то воскресенье мы с папой и сестрами ходили в церковь. Вернувшись домой, мы с Зили пошли к лягушачьему пруду, где я стала делать зарисовки к ее портрету. Она беспрерывно щебетала что-то о свадьбе, спрашивая своим тоненьким голоском маленькой девочки на пороге зрелости:

— Правда же, Мэтью *сказочный*? — Она обожала называть мальчишек *«сказочными»*. — Вот бы уже поскорее увидеть наши платья на свадьбу! — О платьях она тоже обожала говорить, называя их не иначе как «платьями принцесс». Они еще не были готовы, и Эстер тоже об этом беспокоилась — эти два пункта она никак не могла вычеркнуть из своего списка.

Зили все продолжала щебетать, а я все пыталась — безуспешно — ее нарисовать. Она слишком превосходила мои тогдашние таланты — черноволосая прерафаэлитка, уменьшенная до размеров одиннадцатилетней девочки. Они с Эстер были очень похожи — как две подставки для книг на полке сестер, начало и конец

нашего алфавита[4]. Обе были спело-округлыми — в наши дни их назвали бы толстыми, в том негативном смысле, как это сейчас принято, но тогда все было иначе. Казалось, что их кожа не может вместить полноты их существа и что, если я надавлю пальцем на руку Зили, из нее потечет сок. Я даже знаю, что на вкус это будет спелый персик.

Мне сразу вспоминается стихотворение Кристины Россетти о двух сестрах и гоблинах: «А ну, налетай, а ну, покупай!»[5] Мы с сестрами очень любили эту поэму, хотя в то время еще не видели в ней эротического подтекста.

Потом мы проголодались и пошли домой, а в саду увидели Белинду — тоненькая фигура в длинном белом платье, розовый зонтик — прямо как распустившийся георгин — над ее головой. Она занималась цветами, издалека казавшимися пестрой полосой фиолетового, розового и желтого.

Цветник находился за домом, рядом с террасой, и это было целиком и полностью царство Белин-

---

[4] Сноски: 4
Aster (A), Zelie (Z) — первая и последняя буквы английского алфавита.

[5] Сноски: 5
К. Россетти. Базар гоблинов. Перевод Б. Ривкина.

ды; основную работу делал садовник, но задания ему давала она. Это было единственное аккуратное и ухоженное место в ее жизни, с розами на решетке, кустами гортензии и стройными рядами петуний, сальвий и цинний. Такой порядок сильно контрастировал с тем, что было у нее в голове: темные дебри печалей и страхов, окруженные забором, ключ от которого был только у нее. Казалось, что солнечный свет — тот целебный свет, в котором купались ее цветы, — никогда не попадал в чертоги ее разума.

— Мама! — радостно крикнула Зили, и Белинда обернулась. Она смотрела на нас, и по плотно сжатым губам было понятно, что ей не хотелось отвлекаться, но она все равно улыбнулась.

В отличие от наших сестер мы всегда были рады ее видеть. А это удавалось нам нечасто — обычно только во время обеда или ужина, ну или в такие редкие моменты, как сегодня. Я не могу с уверенностью сказать, как именно она проводила свои дни. Она ухаживала за садом, консультировалась с Доуви по вопросам домашнего хозяйства, делала записи в своем спиритическом дневнике, иногда занимала себя вышивкой и рисованием. Днем она могла уйти подремать, потому что ночью всегда спала плохо. Трудно представить,

как все это складывалось в целый день жизни, но жизнь эта в любом случае была почти полностью скрыта от наших глаз.

— Вы только посмотрите на себя! — обеспокоенно сказала она, взяв мое лицо за подбородок и поворачивая его из стороны сторону. — Вы обе красные, как редиски! — Другой рукой она приобняла Зили и сжала ее плечи. — Сегодня слишком жарко, чтобы быть на улице!

— Но *ты* на улице, — сказала Зили. Это и правда было удивительно, потому что днем, в жару, Белинда обычно не выходила из дома.

— Хм, — ответила она. Мы стояли, обняв ее за талию — несмотря на жару, от ее тела исходила прохлада. Мы чувствовали запах ее любимых духов «Вайолет флер» — реплики любимого аромата императрицы Жозефины. К запаху духов не примешивался запах пота, и было видно, что она недавно напудрилась. На улице она пробыла не так долго.

— Ты собираешь букет для свадьбы Эстер? — спросила Зили.

Белинда взглянула на нее, но не ответила. В подготовке к свадьбе старшей дочери она не принимала никакого участия, да и вообще никак этим не интересовалась. Сейчас я понимаю,

что, возможно, то был предвестник подбиравшейся к нам беды.

— Я вышла посмотреть, все ли в порядке с цветами, все-таки такая жара. Волнуюсь за них. — Она высвободилась из наших рук, передала мне зонтик и нагнулась, проведя большим пальцем по лепесткам поникшей лиловой петунии, а потом по душистому горошку. Я тут же почувствовала укол ревности.

Белинда была привязана к своим цветам — как ребенок, связанный с мамой пуповиной; цветы питали ее жизнь. После долгой зимы она и сама расцветала при виде лепестков в своем саду, словно спустя несколько темных месяцев в ее мире вдруг зажигался свет. Но был только июнь, а цветы увядали.

— Мои цветы умирают, — сказала она, хотя это было не так: они сохли, как и все мы, но, как и все мы, они были еще живы.

— Они не умирают, у них просто солнечный удар, — сказала Зили, нагнувшись над клумбой и положив руку на спину Белинды. — Они поправятся.

— Боюсь, что нет. — Белинда встала, и мы придвинулись к ней, под тень ее зонта, и вновь обвили руками ее талию. Мы посмотрели на нее

снизу вверх, но она больше ничего не сказала и не ответила нам успокаивающим взглядом. Ее глаза блуждали по клумбам и разглядывали чуть поникшие стебли.

— Идите домой, лепесточки, — сказала она, вновь высвобождаясь из наших объятий; очень уж она была увертливой. — Я пойду прилягу ненадолго, голова болит. — Она достала из кармана белый платок, и я подумала, что она хочет вытереть лоб, но вместо этого она прижала его к носу и рту и вдохнула. — Зайдите на кухню, попейте воды. Ну, бегите.

Оставшись без ее внимания, мы нехотя ушли из сада и поплелись по траве вокруг дома, задетые тем, что больше ей не нужны. Повернувшись, чтобы еще раз посмотреть на нее, я увидела, как во дворе за ней закрылась дверь.

На кухне Доуви усадила нас за стол, и мы обе выпили по два стакана воды.

— Ну вы даете, — сказала Доуви, покачав головой. — На таком солнце и в обморок упасть недолго. Вы только посмотрите на себя — прямо как две собачки, умирающие от жажды.

Должно быть, ей тогда было около пятидесяти, как и Белинде. К тому времени она жила в Америке уже больше двадцати лет — приехала

из Ирландии и начала работать у моих родителей почти сразу после их свадьбы. Формально она была нашей экономкой, но на самом деле она играла в семье Чэпел гораздо большую роль.

— Мы видели в саду маму, — сказала Зили, и вода потекла у нее по подбородку, намочив переднюю часть платья.

Доуви слегка нахмурилась, не пытаясь, впрочем, как-то это скрыть от нас, и вновь наполнила наши стаканы из кувшина.

— Немного солнца ей не помешает. — Она была одета в клетчатую юбку и белую блузку, а ее голову обрамляли тонкие светлые волосы, завитые перманентом в тугие локоны. Ее звали Эдна Бёрд, но для нас она была Доуви[6] — если она и возражала, то никогда не говорила об этом. Она жила на третьем этаже, в крыле для прислуги, в котором, кроме нее, никого не было. Кухарка и горничные с нами не жили.

На кухонном столе лежали бумажные пакеты с ореховыми драже, катушки с лентами и крошечные золотистые мешочки из сетчатой ткани. Шла подготовка к свадьбе, и дом был переполнен милыми вещицами.

---

[6] Сноски: 6
Dovey *(англ.)* — голубка.

— Можно мне один такой? — спросила я, потянувшись к мешочку с драже, но Доуви шлепнула меня по руке.

— Нельзя! Я все утро с ними возилась! — Она достала из рефрижератора наш обед — тарелку бутербродов из белого хлеба с ветчиной и горчицей и мисочку клубники, посыпанной сверху дробленым кокосом.

— Опять ветчина с горчицей? — спросила я, поднимая с тарелки половинку бутерброда.

— Все претензии к миссис О'Коннор.

Миссис О'Коннор жила в соседнем городке — кухаркой в нашей семье она стала еще до моего рождения. Когда ее сын погиб на войне, она два месяца не приходила на работу, а когда вернулась, отец запретил нам жаловаться на ее стряпню.

— Нет уж, — сказала я.

— Ее все равно здесь нет, — сказала Доуви. — Уехала домой. Ужин сегодня готовит Эстер.

— Эстер не умеет готовить, — сказала Зили, и мы засмеялись. Мысль об Эстер, готовящей что-либо, была уморительной.

— Будет учиться. Ей предстоит самой вести домашнее хозяйство, и ей ведь нужно будет готовить для мужа, как вы считаете?

Зили высунула язык, задумавшись об этом, и взяла половинку бутерброда, а затем другую.

— Лучше я тогда наемся как следует… — Она откусила огромный кусок, и капельки горчицы потекли с ее губ.

— Вы бы поддержали сестру, — сказала Доуви. — Быть хозяйкой непросто. Мне ли не знать.

Она снова открыла дверь рефрижератора и принялась двигать ею вперед и назад, словно это был веер. Ее платье в подмышках потемнело от пота.

— Сегодня днем не ходите больше на улицу — в газетах пишут, что такая жара опасна.

Хотя в ее рабочие обязанности это не входило, Доуви ежедневно к нам заглядывала, чтобы убедиться, что мы с Зили не умираем от жажды или голода, солнечного удара или обморожения.

— Сбегайте-ка за сестрами. У меня выходной, и я уже ухожу, — сказала она, прогоняя нас из кухни. — Скажите им, что их обед я оставлю в столовой.

На втором этаже «свадебного торта» у нас было отдельное крыло — девичье, как его называли: три спальни и гостиная. Несмотря на размеры дома, мы с сестрами всю жизнь ютились здесь, по две сестры в спальне. Стены наших комнат пестрели цветами — мама нарисовала их, когда

мы были маленькими, вдохновленная французской книжкой ботанических иллюстраций: листья и лепестки, каждой спальне свой сад, каждый сад на краю темного леса.

Спальня Эстер и Розалинды была расписана астрами и розами, но астры преобладали. Белинда никогда не любила розы и, назвав дочь Розалиндой, пыталась схитрить — почтить память своей матери, Розы, не уступая при этом ненавистному цветку. Астры же она обожала и рисовала их в виде звезд: *aster* на латыни — *звезда*, и каждый цветочек сиял заостренными пурпурными лучами, расходившимися из золотистого центра. Когда я была маленькая, Эстер сажала меня на коленки, показывала на стену астро-звездочек и говорила: «Загадывай желание!» — и каждый раз я загадывала что-то новое, что-то еще более захватывающее, чем в предыдущие разы. Когда Эстер забрали у нас, я сидела около этой звездной стены и изо всех сил желала, чтобы она вернулась. «Хочу, хочу…» — шептала я, зажмурившись. Я желала, чтобы она выбралась из своей могилы и возвратилась к нам.

На стене в комнате Каллы и Дафни были нарисованы каллы, стоявшие в вазе у открытого окна: Белинда считала, что лилии ядовиты и что

нахождение с ними в закрытом помещении может привести к удушью. Для Дафни мама нарисовала бледно-розовые цветки волчеягодника, позади которых возвышалось лавровое дерево. Она рассказала нам историю прекрасной нимфы Дафны, которая дала обет целомудрия и которую охваченный страстью Аполлон преследовал в лесу. Убегая от него, Дафна взмолилась своему отцу, речному богу, чтобы тот защитил ее — и он превратил ее в лавровое дерево, чтобы Аполлон не смог до нее добраться. Это мне всегда казалось несправедливым: если кто-то и должен был стать деревом, так это Аполлон, чтобы его жадные руки, навеки застывшие шершавыми ветвями, больше никогда не познали объятий настоящей любви. Но даже в том возрасте я понимала, что от последствий мужских действий приходится страдать именно женщинам.

В спальне, где жили мы с Зили, на стенах распускались пурпурные ирисы. Они были похожи на созвездия астр, но здесь цветы росли из земли и широким ковром простирались вглубь, до самой кромки темного леса. Для Зили стена была расписана цветками колдовского ореха, только вот, несмотря на мамины усилия, эти паукообразные желтые соцветия вовсе не были красивыми.

Вероятно, поэтому Хейзел стали называть Зили почти сразу после ее рождения; имя Хейзел[7] нашей младшей сестренке не очень подходило — она была кругленькой, как пион.

Садовую тему продолжала девичья гостиная, в которую вел длинный коридор. Она напоминала оранжерею: кругом большие окна, обрамленные зелеными занавесками, вздувавшимися от ветра, словно горло лягушки. Зеленоватых оттенков ткани — обивка дивана и стульев цвета нильской воды, по углам керамические горшки с папоротниками, стены вручную расписаны узорами вьющегося плюща. Лишь одна вещь казалась здесь чужеродной: портрет над камином, Энни Оукли с винтовкой Чэпела через плечо. Это был подарок от самой Энни — винтовки она использовала в своих шоу «Дикий Запад» с Буффало Биллом. Когда мой отец был маленьким, она часто приезжала сюда в гости. Портрет много лет висел в рабочем кабинете отца, пока он не решил, что у нас ему самое место.

Мы с Зили нашли сестер в гостиной. Из-за жары они находились в разной степени обнаженности — их длинные белые руки и ноги были

---

[7] Сноски: 7
Hazel *(англ.)* — лещина, лесной орех.

вытянуты вдоль диванов, а тонкие пальцы накручивали пряди темных волос. Их шеи, похожие на белые цилиндры, были вытянуты, а головы покоились на бархатных подушках и ручках диванов; в такую погоду каждое движение давалось с трудом. В комнате было душно, но запах пота, распространявшийся от них, меня не смущал. Я смотрела на них как завороженная, на всех четырех, томных и красивых, как лебеди в трясине.

Через какое-то время они заметили, что мы стоим в дверях.

— Наши малышки пришли, — сказала Розалинда своим скрипучим голосом, по тембру напоминавшим пчелиный гул. Она на секунду подняла голову, посмотрела нас с Зили и вновь опустилась на подушку, упиравшуюся в ручку дивана.

— Закройте дверь, зайки. А то еще заглянет кто.

— Боже, ну и вид у вас, — испуганно сказала Эстер, взглянув на нас с Зили. — Чем это вы занимались после церкви?

Она лежала на диване напротив Розалинды, их щиколотки были переплетены. На полу был открыт путеводитель Бедекера по Парижу с загнутыми страницами, отмечавшими места

предстоящей поездки Эстер и морского существа в медовый месяц.

— Что же с вами будет, когда я уеду? — спросила она, не отрывая щеки от ручки дивана.

— Ты еще не уехала — и только посмотри на них, — сказала Дафни. — Совсем одичали. — Она откинулась на спинку своего дивана; на коленях у нее была одна из тех мрачных книг в мягкой обложке, которые она вечно читала: *«Дьяволица»* или *«Грех на колесах»*.

— Когда я уеду, вы должны последить за ними, — сказала Эстер Розалинде, Калле и Дафни. — Все вы!

Калла, свернувшаяся калачиком в кресле у камина и безучастно смотревшая в окно, неохотно повернулась и взглянула на нас с Зили.

— Не так уж плохо они выглядят, — сказала она и вновь отвернулась к окну.

— В этом-то и проблема, — сказала Эстер. — Вы ничего не замечаете.

— Мы замечаем, — ответила Дафни. — Просто нам все равно.

Розалинда села и жестом подозвала меня к себе. Я оставила Зили у двери и осторожно села на подушку, волнуясь, не испачкаю ли я ее кровью, но не решаясь спросить об этом. Розалинда

потянула за ленту и распустила хвост, в который были убраны мои средней длины волосы. Она попыталась было распутать их, подергала пару прядей, потянула за узел, а потом со вздохом опустила руки.

— Проще отрезать это все, — сказала она, откидываясь назад.

— Рози, что ты будешь делать, когда выйдешь замуж? — спросила Эстер, садясь, чтобы освободить место для Зили. — У тебя дети будут? Или ты забыла об этом?

Розалинда задумалась.

— У меня будет дочка, очень воспитанная. — Только одна. А если окажется, что материнство — это не для меня, я положу ее в корзинку и оставлю на чьем-нибудь пороге.

— Ужасно даже шутить об этом! — сказала Эстер. — Ну ты и *скажешь* иногда, Рози!

— Вот бы мама с нами так поступила, — сказала Дафни.

— Интересная мысль, — отозвалась Калла, задумавшись. — Можно попытаться представить, какая судьба нас бы ждала.

Мне не нравились разговоры о замужестве, детях и судьбе. Мало того что Эстер уезжает, так еще думать о том, что однажды уедет и Розалинда!

— Я не хочу, чтобы ты тоже выходила замуж, — сказала я Розалинде, прижавшись к ее влажной руке, которой она тут же меня обняла. Эстер месяцами наполняла сундуки, стоявшие в холле, — «ее приданое», как она сама говорила. Когда она наконец закончила, их увезли.

— Не выходить замуж? И остаться в этом доме навсегда? Нет, *благодарю вас*. — Розалинда взяла со стола бокал с лимонадом и приложила его к щеке. — Из этого дома есть лишь один выход, девочки. Наша Эстер покидает его первой, но и я здесь не задержусь.

— Правда? — спросила Дафни. — И как его зовут?

— Пока не знаю, — ответила Розалинда, прикусывая нижнюю губу. — Но следующим летом меня здесь уже не будет, помяните мое слово. Мне все равно, *кем* он окажется. — Она повернулась к Дафни. — А ты, Даф? Каким будет мужчина, за которого ты выйдешь замуж?

— Как насчет «никаким»? — ответила она, обменявшись взглядами с Розалиндой.

— Замужество — это такая скука, — заметила Калла. — И в каком-то смысле *трагедия*. Взять хотя бы нашу мать.

— Наша мать была трагичной и до свадьбы, —

сказала Розалинда.

— Да, но замужество уж точно делу не помогло. — Калла взяла со стола блокнот и карандаш. — Бедная женщина — ее утроба, должно быть, искромсана, как капуста. Задумайтесь хотя бы на секунду о том, какому разрушению подвергается тело женщины в течение жизни и какому разрушению подвергается ее *душа* — и все ради чего? Чтобы сохранить человеческую расу? А ведь всего несколько лет назад человечество едва не стерло себя с лица земли. Она с отвращением покачала головой и записала что-то в блокнот.

— Ну надо же, — сказала Эстер под смех Дафни. — Ты предполагаешь, что после свадьбы со мной произойдет именно это, Калла? Полное разрушение?

Калла подняла глаза и задумчиво постучала карандашом по подлокотнику.

— Возможно, — ответила она без каких-либо эмоций и продолжила писать.

Эстер выглядела подавленной, и Розалинда поспешила на помощь.

— Не обращай на них внимания, Эстер, дорогая. Это они исходят желчью от зависти.

Я покрутила кольца на пальцах Розалин-

ды — топаз на одном пальце, коралловая камея на другом. Сначала Эстер, потом Розалинда — все они рано или поздно оставят этот дом. Я уже видела, как это будет: мы с Зили одни в доме родителей, тишина в девичьем крыле, пустые спальни, унылые обеды.

— Ужасно быть самой младшей!

— Второй самой младшей, — поправила меня Зили, не желая отказываться от места в конце «хвоста». Я ухватилась за коралловую камею и стянула ее с костяшки пальца Розалинды, прежде чем она выдернула палец из моих рук.

— Не так уж это и плохо, — сказала она, возвращая кольцо на место. — Когда мы состаримся, вы с Зили все еще будете молодыми — моложе нас, по крайней мере.

— Не хочу быть моложе.

— Ну же, это неразумно, — сказала Розалинда.

Зили поднялась с дивана и взяла с каминной полки павлинье перо, стоявшее в вазе. Держа его перед собой, она стала обмахивать нас, как веером; его зеленовато-синий глаз гипнотически покачивался.

— Им нужна няня, — сказала Эстер, разглядывая Зили, ее влажное платье, ее сандалии и ноги, испачканные в грязи.

— Ни в коем случае, — ответила Дафни. — Отец приведет сюда очередную ирландскую командиршу, которая почему-то будет считать, что может говорить *мне*, что я должна делать. А мне не нужно, чтобы за мной присматривали.

— И мне не нужно, — сказала Калла, пока Зили продолжала обдувать нас пером. Наша последняя няня сбежала много лет назад, и с тех пор нам никого больше не нанимали.

— Ну кто-то же должен последить за ними после моего отъезда, — сказала Эстер.

— Вообще-то у них есть мать, — сказала Розалин-да, и старшие девочки, включая Эстер, громко рассмеялись.

5

Мама считала, что в нашем доме водятся привидения. Над ней посмеивались и поэтому тоже. Она много раз рассказывала нам, что в тот день, когда она впервые вошла в «свадебный торт», от него повеяло холодом дома, за который заплачено смертью. Она слышала голоса. Видела фигуры. Она всегда верила в привидения, с самого детства, верила в них еще до того, как встретила моего отца и стала его женой. С первых дней замужества она была уверена, что в «свадебном

торте» живут духи, которые хотят говорить с ней, и только с ней.

За этот дом *и правда* заплачено смертью, с этим не поспоришь. Наш отец унаследовал его от своего отца, а его отец построил его в 1870-х годах на деньги, заработанные во время Гражданской войны. Собственно, так наша семья и обогащалась: война, убийства, суициды, забой скота. И как бы жутко это ни звучало, винтовка Чэпела остается почитаемой иконой Америки, и у отца есть фотографии, на которых он позирует с генералом Джоном Першингом и президентом Франклином Рузвельтом. Оружейный завод Чэпела находится недалеко от нашего города. Он давал рабочие места сотням людей в мирное время и тысячам во время войны. Если рабочие не могли себе позволить жить рядом, их привозили сюда на автобусах из других городов, а затем увозили обратно — каждый день, в четыре часа.

Завод Чэпела производил продукцию, которая была востребована во всем мире, и этим местные жители очень гордились. Во время войны женщины из Беллфлауэр-виллидж работали на заводе, и выпущенные с их помощью винтовки вооружали войска в странах Европы и Тихоокеанского региона, где они применялись

против нацистов и японских солдат.

Но моя мать была не такой, как все. Для нее завод Чэпела и производимое им оружие бросало тень на весь Беллфлауэр-виллидж — тень морального осквернения. Девочкой я не понимала, почему Белинда так ненавидит оружие; как и сестры, я находила это крайне странным — и даже постыдным. Она не гордилась завоеваниями Чэпелов — выигранными войнами, захваченными территориями, когда все вокруг, казалось бы, гордились.

Она практически не принимала участия в жизни местного общества, ее нельзя было увидеть днем на Мейнстрит, куда наведывались женщины ее класса, чтобы приобрести что-нибудь для дома и посидеть за кофе с эклерами. В «свадебном торте» можно было жить, как на необитаемом острове. Не исключено, что в этом, отчасти, и заключалась проблема («проблема!», когда дело касалось мамы, мы всегда пытались найти первопричину проблемы, а это было бесполезно, уж сейчас-то я должна это понимать). Из нашего дома невозможно было разглядеть жизнь вокруг даже через бинокль. Белинда заявляла, что ненавидит «свадебный торт», но при этом почти никогда его не покидала, замуровав себя внутри,

без связи с остальным миром. В своем длинном белом платье она прогуливалась по коридорам своего собственного мира — мира дочерей, цветов и призраков.

Еще в детстве я видела, что с мамой что-то не так, но не понимала, что именно. Я предполагала, что другие матери не просыпаются по ночам, как наша, утверждая, что видели или слышали призрака. Я предполагала, что они не проводят все утро за своим дневником, описывая встречи с этими призраками. Родные не верили ее рассказам, поэтому она записывала их в блокнот — примерно такой же, в каком я сейчас пишу.

Я удивлялась, почему она не может быть нормальной, почему не может отвозить нас в школу, как другие матери, почему не ждет нас вместе с остальными родителями у школьной калитки после занятий в цветном платье с сумочкой и туфельками в тон, с безупречно завитыми волосами. Только вот в школу она никогда не приходила, да и была значительно старше матерей моих одноклассниц — и выше, под метр семьдесят пять. (Вы представляли ее маленькой? Нет, маленькой она не была.) Худощавая, вытянутая — в своем белом платье, с копной светлых

волос, она издалека была похожа на ватную палочку.

Никто из нас не верил ее рассказам, поэтому привидения нас не пугали. Нас больше пугала Белинда и сила ее воображения; мы все жалели ее — отец, сестры и я. Нам казалось, что это не дом населен призраками, а сама Белинда. Я выросла с мыслью о том, что наша мама одержима, а поскольку мы с сестрами по очереди жили внутри нее в течение девяти месяцев, я спрашивала себя, не одержимы ли и мы тоже.

6

Готовясь к жизни в пригороде Нью-Йорка и предстоящей роли домохозяйки, в тот вечер Эстер решила приготовить нам семейный ужин. Миссис О'Коннор отправили домой, а от мамы какой-либо поддержки ожидать не приходилось: она не принимала никакого участия в подготовке старшей дочери к замужней жизни.

За неимением лучшего Эстер прибегла к помощи новой кулинарной книги Бетти Крокер, которую миссис О'Коннор окрестила «гадкой вещицей». Выбор пал на ростбиф с картофельным пюре и стручковой фасолью. Это было несколько чересчур для нее, тем более в знойный летний

вечер, но было воскресенье, и отец ждал воскресного ужина.

Казалось, что Эстер не имеет ни малейшего представления о том, что делает. Розалинда, обещавшая помочь, куда-то испарилась.

— Это просто катастрофа, — сказала Эстер, — не обращаясь ни к кому в особенности и промокая лоб кухонным полотенцем. Получив строгое указание не мешаться, мы с Зили сидели за столом и наблюдали за процессом.

Пробыв в своей комнате намного дольше, чем того требовали освежающие процедуры, за которыми она отправилась, Розалинда наконец соизволила появиться.

— Я смотрю, после моего ухода дела пришли в полнейший упадок, — сказала она с порога.

— Тебя не было целую *вечность*!

— Правда? Ах, простите. — ответила Розалинда. — В мое отсутствие ты умудрилась измазать картофельным пюре это драгоценное личико.

Потрясенная беспорядком на кухне и взъерошенным видом Эстер, Розалинда взяла ее под руку и подвела к раковине, чтобы помочь ей умыться.

— Не пойму, готов ли ростбиф, — сказала Эстер, вытирая руки новым полотенцем.

— Меня можешь не спрашивать. — Розалинда

взбила свои темные волнистые волосы: у нее была стрижка «под пажа», которую ей прошлым вечером подровняла Эстер. Боковые пряди были чуть забраны назад и закреплены черепаховыми гребнями, открывая крошечные серьги-кольца. Она взяла бутылку холодного пива, купленного для отца, и сделала большой глоток, после чего быстро потрясла головой, словно приободренная.

— Вызываем миссис О?

— Я должна справиться сама. В нашем с Мэтью доме никакой миссис О'Коннор не будет.

— Да уж надеюсь, что нет, — сказала Розалинда. — Не очень бы вам было весело, правда, девочки?

Розалинда была пузырьками и пеной нашей семьи — все остальные в сравнении с ней тихонько плавали на дне бокала. Она единственная из нас несла в себе проблески оружейного наследия. Я часто размышляю, какой Розалинда могла бы стать, родись она в другой семье. Так и вижу, как она пилотирует какой-нибудь «Ласкомб-10», совершая пируэты над Атлантикой, или летит на воздушном шаре над полем красных маков на юге Франции, или покоряет снежные Анды. Почему-то я редко представляю ее на земле. Ка-

залось, что с нами она лишь растрачивает себя понапрасну, темпераментная и кипучая, запертая в леденящем сумраке «свадебного торта», единственный выход из которого для нее — брак.

Розалинда открыла духовку, чтобы проверить ростбиф, и повернулась к нам за спиной Эстер с выражением безмолвного *«а-а-а!»*.

— Этот бедняга какой-то совсем черный. Это что, дым? — Розалинда закашлялась и отпрянула от духовки, ладонью отгоняя дым от лица. Эстер, вооружившись прихватками, достала жаровню из духовки и водрузила ее на плиту.

— О нет, — сказала она, чуть не плача. — Ростбиф сгорел!

— Уверена, что внутри оно нормальное. — Розалин-да поскребла обуглившуюся корочку мяса своими ярко-красными ногтями.

— Выше голову! — сказала она, положив руку на плечо Эстер. — Ты же не хочешь, чтобы твой будущий муж видел тебя в таком состоянии, вернувшись с работы?

— Нет, конечно. Но должна же я научиться готовить, чтобы кормить его.

— Да господи, он же не немецкая овчарка, — ответила Розалинда. — Послушай, он как-то дожил

до своего нынешнего возраста — сколько ему, тридцать? Этот человек бомбил Токио, в конце концов! Он переживет и подгоревший ростбиф, и подгоревшую курицу, и все то, что там у тебя подгорит в будущем.

Эстер беспомощно оглядела потерпевшую крушение кухню, разбросанные вокруг миски, клокочущие кастрюли на плите, из которых выплескивалась вода и валил пар.

— Здесь главное — контролировать свою реакцию, — продолжала утешать ее Розалинда. — Что в такой ситуации сделала бы Кэтрин Хепберн? Посмеялась бы над этим всем с коктейлем в руке.

— Кэтрин Хепберн? Роззи, ты не помогаешь. — Эстер снова стала мять картошку, а Розалинда, образумившись, принялась выкладывать лежавшие на противне булочки в хлебную корзинку.

— Отличные булочки, — сказала она, понюхав одну. — Молодец!

— Их сделала миссис О'Коннор, — сказала Эстер, не поднимая глаз от миски.

— Ах вот оно что. — Розалинда повернулась к нам с Зили и одними губами произнесла *«упс»*.

Мы, девочки семьи Чэпел, почти никогда не имели дела с работой по дому. Наш дом был

таким большим, что для ведения хозяйства требовался целый штат служащих, и никто не ждал от женщины такого социального положения, как моя мать, что она будет горбатиться у плиты и штопать одежду. Для женщин нашего класса учиться вести домашнее хозяйство означало учиться руководить другими женщинами, которые, собственно, и будут делать всю работу.

Эстер и Мэтью хотели другой жизни. *Современной*, как говорила Эстер. Мэтью отказался от таунхауса в Верхнем Ист-Сайде, который ему предложили родители, и вместо этого выплатил из своих средств первый взнос за дом в колониальном стиле в районе Рай, в пешей доступности от станции пригородных поездов на Манхэттен. Мэтью, первый вице-президент компании «Мэйбрик стил», собирался ездить на работу на поезде, а Эстер планировала сидеть дома, готовить, делать небольшую уборку (более серьезную работу по дому намеревались поручить помощнице, приезжающей два раза в неделю) и впоследствии сидеть с детьми, которых они с Мэтью собирались завести в самом ближайшем будущем. Эстер, рассказавшая Мэтью о «свадебном торте» и жизненном укладе в нем, не хотела жить в замке, а Мэтью не хотел такой жизни, которую вели

его родители — пропитанные мартини вечера его матери, любовные интрижки его отца, их бесконечные ссоры.

— Ты сделала что могла, Эстер, милая, — сказала Розалинда. — *À table!*[8]

Она развязала фартук Эстер и поочередно выключила все конфорки.

Эстер вручила нам с Зили напитки, чтобы мы отнесли их в столовую. Розалинда взяла корзинку с булочками и миску с пюре. Отец и Калла уже сидели за столом, положив на колени льняные салфетки. Они молчали: Калла читала книгу стихов Теннисона и не обращала на отца никакого внимания.

Когда мы с Зили начали разливать всем напитки, появилась Дафни — брюки капри, клетчатая рубашка без рукавов, завязанная в узел у талии, волосы убраны в торчащий хвостик. Отец посмотрел на нее, а затем опустил глаза, ничего не сказав. Он не одобрял женщин в брюках или с обнаженным пупком. Любую из нас он послал бы наверх переодеваться, но спорить с Дафни не имело смысла.

— И где ужин? — спросила она, когда я нали-

---

[8] Сноски: 8
К столу! *(фр.)*

вала ей лимонад. Каждый вечер мы собирались в столовой в шесть тридцать, а сейчас было уже на десять минут позже. Дафни не хотела провести за столом с родителями ни одной лишней секунды.

— Давайте сегодня будем добрее, — сказала мама, зайдя в столовую и опустившись на свое обычное место на противоположном от папы конце стола. — Я уверена, что Эстер очень старалась. — Как и днем в саду, мама выглядела напряженной.

Когда я садилась на свое место рядом с ней, из кухни послышался звук падающей посуды и голос Эстер: *«О нет!»* Дафни засмеялась, отпивая из бокала. Розалинда отправилась на кухню посмотреть, что случилось.

Отец налил себе пива. После церкви мы его с утра так больше и не видели. Когда он был дома, он всегда работал у себя в кабинете.

— Чем вы сегодня занимались? — спросил он нас с Зили. Его воротник был расстегнут, но при этом, несмотря на жару, он по-прежнему был в коричневом пиджаке, в котором ходил в церковь.

— Айрис рисовала меня на лягушачьем пруду, — ответила Зили.

— А уроки у вас на этой неделе есть?

— В понедельник у нас урок фортепиано, — ответила я.

— А у меня в пятницу занятие балетом, — сказала Зили. Она напряженно сидела на стуле и расслабилась только тогда, когда допрос закончился. Его вопросы обычно были довольно безобидными, но лучше всегда быть начеку.

— А ты, Калла? — спросил он. — Что у тебя там такого в книге, что ты не можешь оторвать от нее взгляда даже за столом?

— «Леди из Шалота», — ответила она и начала читать вслух: — «Пред нею зеркало давно // Висит — его прозрачно дно // Где тени зреть ей суждено: // Большой дороги полотно // До башен Камелота»[9].

— Большое спасибо, — сказал папа, подняв брови и поправив вилку с ножом. — Поэзию я никогда не понимал.

— Это точно, — сказала Калла. Она отложила книгу, взяла стакан с водой и сделала аккуратный глоток. У нее были красивые пухлые губки, но в закрытом состоянии они были сложены в гримасу недовольства, что несколько портило их очарование.

---

[9] Сноски: 9

А. Теннисон. Леди из Шалота. Перевод А. Лукьянова.

Наконец Эстер с Розалиндой принесли ростбиф и стручковую фасоль. Порезанное на куски мясо источало приятный аромат, но больше на белом блюде ничего не было. Миссис О'Коннор обычно украшала тарелку зеленым салатом, веточками петрушки или кусочками апельсина, но Эстер этого не сделала. Мясо плавало в маслянистой жидкости, словно его бросили в лужу. По очереди опуская кусочки на свои тарелки, все мы постарались убрать с лица брезгливое выражение.

Дафни начала есть еще до того, как остальные наполнили свои тарелки, — сначала она театрально пыталась разрезать кусок мяса ножом, а потом взяла его пальцами и стала откусывать прямо так. Отец задержал на ней взгляд, а потом с отвращением отвернулся. Эстер оглядела нас, ожидая вердикта. Обычно к ужину она спускалась опрятная и уложенная, но сегодня ее щеки раскраснелись, а волосы торчали в стороны, как у Альберта Эйнштейна. На воротнике ее белого платья остались бледно-розовые брызги крови — видимо, от куска сырого мяса, с которым она возилась несколько часов назад.

— Никогда не угадаете, кто сегодня ответил на приглашение, — сказала Розалинда, появляясь из кухни с забытым соусником. Она села

на свое место рядом с отцом: ее фраза прервала невыносимое молчание. Отец повернулся к ней, отпивая пиво и не желая играть в угадайку.

— Сэмюэл Кольт, — сказала она. — Сэмюэл Шестой, или Седьмой, или сколько их там уже. Он тот, который помоложе, — кажется, ему лет двадцать.

Отец поставил стакан на стол и задумался.

— И кто же его пригласил?

— Мы, конечно, — ответила Розалинда. — Папа, ты же сам одобрил список гостей.

— Правда? — Часто казалось, что его мысли блуждают где-то далеко, устремленные на какие-то гораздо более важные вещи.

— И твои оружейники придут, — добавила она.

— Они не *мои* оружейники, — сказал он. Большинство производителей оружия в Америке базировались в Коннектикуте и Массачусетсе — «Кольт», «Смит и Вес-сон», «Винчестер», «Спрингфилд Армори», «Моссберг», «Ругер», «Ремингтон», но отец и его собратья по кровопролитию были по большей части конкурентами, а не друзьями.

Отец принялся за мясо, а Эстер взволнованно за ним наблюдала. Он отрезал большой кусок, отправил его в рот и, начав жевать, кивнул ей.

На маминой тарелке лежал кусок ростбифа, окруженный стручковой фасолью, но было очевидно, что есть все это Белинда не собиралась. Она намазала маслом булочку, откусила и рассеянно жевала, неотрывно глядя в окно за спиной мужа, туда, где к северу от дома простирался лес. В моменты особого стресса она казалась отрешенной — так обычно выглядят люди под воздействием лекарств: то вглядывалась в пустоту, а то вдруг резко возвращалась к разговору. Но не думаю, что она на самом деле принимала лекарства. Врач к нам домой приходил редко, а в те случаи, когда я тайно пробиралась в ее спальню или пользовалась ее ванной, если наша была занята, таблеток я никогда не видела — только аспирин. Казалось, что у Белинды не было пороков — она не курила, не пила кофе и алкоголь, и каждый новый день она встречала лицом к лицу, ничем не защищенная. В результате она как будто избегала самой жизни — смотрела на солнце и, не выдержав, отворачивалась.

— Вессоны тоже придут, — сказала Эстер. — Эльвира Вессон и ее мать.

— Мы бы и Энни Оукли с Буффало Биллом пригласили, если бы они были живы, — пошутила Розалинда, и отец утвердительно крякнул.

Благодаря Мэйбрикам свадьба разрослась до необъятных размеров. Они разослали сотни приглашений, и почти все эти люди согласились, поэтому прием перенесли из нашего дома в Уэнтуорт-холл, поместье под Гринвичем, где проводились свадьбы особ высшего общества и другие крупные мероприятия. С нашей стороны гостей ожидалось мало. Отец был единственным ребенком, его родители умерли. Родителей мамы тоже уже не было в живых. У нее был сводный брат, живший с семьей в Бостоне, но она его ненавидела — мы с ним никогда не общались. Мы пригласили нескольких важных персон Белл-флауэра и парочку бизнесменов, производивших оружие в Новой Англии, но на этом наш список гостей исчерпывался.

— Дело в том, что… — начала было Розалинда, но закончить фразу не успела.

— Я… — вдруг сказала Белинда, и все замолчали и повернулись к матери, но она не торопилась договаривать предложение. Ее пустые глаза по-прежнему были обращены к лесу. Через какое-то время, когда ее внимание вернулось к нам, она продолжила: — Я чувствую, что должно случиться что-то ужасное.

И вот так наконец это было произнесено. Она

открыла дверь неизбежному.

— То есть… — Она положила булочку на край тарелки. — Мне кажется, что свадьба обернется чем-то ужасным. Не знаю, чем именно, но нам следовало бы ее отложить.

На странное поведение мамы мы реагировали примерно как на запах свежей краски: сначала ты его замечаешь, а потом привыкаешь. Я была еще слишком маленькой, чтобы понимать, какие ее фразы и действия действительно заслуживали внимания, но даже мне было ясно, что эта точно заслуживала. Послышался стук серебряных приборов о фарфор — отец и сестры положили вилки на тарелки и повернулись к маме с разной степенью обеспокоенности.

Отец первым нарушил молчание.

— Дорогая, что ты такое говоришь?

— Мама? — спросила Эстер с дрожью в голосе.

Своим мягким голосом Белинда произнесла лишь несколько фраз, но они знали, на что она была способна с ее неисчерпаемой склонностью к драме.

— Должно произойти что-то ужасное, и я не понимаю, к чему такая спешка с этой свадьбой, — сказала она, потянувшись к ушам и легонько потирая их бесформенные мочки.

— Спешка? Мне двадцать лет, — сказала Эстер взволнованно. Ей оставалось совсем немного — через неделю она собиралась уехать, а тут вдруг такое.

— Вот именно. Ты еще молода, — сказала Белинда. — Ты ничего не знаешь ни о браке, ни о том, что после свадьбы женщина становится собственностью мужчины и перестает быть собой.

— Ох, мама, — сказала Розалинда, закатывая глаза.

— Торопиться совсем не нужно, — сказала Белинда. — Я вышла замуж только в двадцать девять.

— Да, но ты… — сказала Эстер поспешно; ее голос взобрался чуть выше, чем обычно. Розалинда толкнула ее локтем, и Эстер сделала паузу, чтобы перевести дух.

— Ты *не хотела* выходить замуж, — сказала Розалин-да. — А Эстер, видишь ли, хочет, в этом вся разница.

Отец взял солонку и потряс ее над стручковой фасолью, не сводя глаз с Розалинды и, по всей видимости, ожидая от нее извинений за бестактность, но та никак не отреагировала. Ни для кого не было секретом, что Белинда действительно не хотела выходить замуж. К чему притворять-

ся?

— Почти все мои подруги замужем или помолвлены, — сказала Эстер. — Я этого хочу: быть женой и матерью.

— Для этого у тебя достаточно времени. Я родила Зили почти в сорок лет.

— В сорок? — сказала Розалинда. — Мама, ты какие-то странные вещи говоришь. Кто будет ждать до сорока, чтобы родить ребенка?

— Я бы хотела, чтобы Эстер пока осталась в колледже. По крайней мере до тех пор, пока мое предчувствие не исчезнет.

Эстер целый год проучилась в женском колледже Дарлоу, но осенью возвращаться туда не планировала, поскольку выходила замуж. Розалинда, недавно окончившая среднюю школу, в сентябре собиралась приступить к учебе там же. Это не был колледж в традиционном понимании — скорее институт благородных девиц из богатых семей. Более академически устремленные девушки в ожидании замужества выбрали бы колледжи Смит или Уэллсли, а менее обеспеченные отправились бы в секретарскую школу, но наш отец не позволил бы ни того, ни другого. Он считал, что девушке из семьи Чэпел не нужно университетское образование,

ведь ей никогда не придется зарабатывать себе на жизнь. Он разрешил Эстер учиться в Дарлоу, чтобы время после окончания средней школы и до замужества не пропало даром. Ей следовало совершенствоваться и изучать историю искусств и иностранные языки, чтобы она смогла воспитать культурных детей, которым не пришлось бы стыдиться за мать. Отец не одобрял полноценного обучения для своих дочерей, но загнивания мозгов он не одобрял тоже. Это был тонкий баланс — пусть женщина будет умной, но не слишком.

— Я собираюсь учиться в колледже столько, сколько это будет возможно, — сказала Дафни. — А потом поступлю в школу искусств в Европе.

— Я не собираюсь оплачивать никакую школу искусств, — ответил отец. — Можешь выбросить это из головы.

— А я сама буду ее оплачивать, — ответила Дафни, и эта мысль всем показалась настолько нелепой, что даже не вызвала ответных реплик.

— Для чего мне оставаться в колледже? — спросила Эстер. — Чтобы стать учительницей или медсестрой? — Она произнесла «учительницей или медсестрой» таким тоном, будто говорила «бродягой или проституткой». Она

посмотрела на отца, ожидая его поддержки. Он кивнул.

— Откладывать мы ничего не будем, — сказал он.

— Мэтью не станет ее дожидаться, — сказала Розалин-да. — Такие мужчины, как Мэтью, ждать никого не будут.

Потерпев неудачу, мама откинулась на спинку стула. Неужели она действительно думала, что сможет отложить свадьбу? Воспитанием дочерей она никогда не занималась, никогда не пыталась указать нам, в какую сторону двигаться, поскольку вся ее энергия — день за днем — была направлена на собственное выживание. Ее дочери проходили обычные стадии жизни, и теперь одна из них готовилась выйти замуж. Менять этот курс было уже слишком поздно.

— Должно произойти что-то ужасное, — повторила она, на этот раз еле слышно. Сестры переглянулись. Отец уставился в тарелку. Белинду всегда переполняли самые странные идеи, но не помню, чтобы она когда-либо делилась с нами предзнаменованиями.

— Она хочет, чтобы меня постигла та же участь, что и Милли Стивенс, — сказала Эстер. Милли считалась самой трагичной фигурой в Беллфлау-

эр-виллидж. Незамужняя в свои двадцать восемь лет, она получила юридическую степень в Колумбийском университете, куда поступила только из-за того, что Йельская школа права не принимала женщин, а после выпуска перед ее носом захлопнули двери все до единой юридические конторы Новой Англии. Разгромленная практически по всем фронтам, она жила с родителями на Бёрч-стрит и зарабатывала уроками фортепиано. Другая ее работа по совместительству, внушавшая ужас всему женскому населению Беллфлауэра, была неоплачиваемой.

— Мне всегда нравилась Милли, — сказала Белинда, и это было правдой. Раз в неделю Милли приходила давать мне и Зили уроки фортепиано, и мама иногда заводила с ней беседы — редко кто еще удостаивался такой чести.

— Видимо, ты бы предпочла, чтобы это она была твоей дочерью? — сказала Эстер, уже немного переигрывая.

Белинда не ответила, и Эстер вскочила со стула и швырнула салфетку на тарелку. Она задвинула свой стул и схватилась за его спинку, чтобы унять дрожь в руках.

— Все эти месяцы я ничего не говорила, мама, но…

Отец пытался ее остановить:

— Перестань, дорогая, прошу тебя.

— Прости, но я должна это сказать. Я все время держала это в себе и теперь просто обязана высказаться. — Эстер повернулась к матери. — Ты не проявляешь никакого интереса к свадьбе! Мои подруги выходят замуж, и для их матерей это главнейшее в жизни событие — но только не для тебя. Очевидно же, что тебе совершенно все равно.

Пока Эстер говорила, я смотрела на свои колени и мечтала провалиться под землю. Мы с сестрами за глаза постоянно обсуждали мать, но никто и никогда не говорил ей таких вещей прямо в лицо.

— Не понимаю, что с тобой, мама. Никогда не понимала. — Казалось, что слова Эстер испепеляют все вокруг; вся семья сидела, опаленная ими. — Но я не позволю тебе испортить этот важный для меня день.

— У меня нет привычки кому-то что-то портить, — сказала Белинда спокойным голосом, но я знала, что внутри нее бушует ураган.

Дафни фыркнула:

— Да ты *только этим* и занимаешься!

— Довольно! — сказал отец. Он велел Дафни от-

правляться в ее комнату, услышав от нее в ответ «Аллилуйя!».

Эстер ушла из столовой вслед за Дафни — очевидно, ее кулинарный запал не распространялся на последующее мытье посуды. Розалинда промокнула губы салфеткой, подтолкнула ее под тарелку и тоже вышла.

За столом остались родители, Калла, Зили и я. В какой-то момент обсуждения Калла снова раскрыла книгу и теперь читала ее, отодвинув тарелку. Пюре и фасоль были съедены — на белом фарфоре остался лишь сероватый кусочек мяса, напоминавший мышиный трупик.

В наступившей тишине она стала читать вслух, ни с того ни с сего, однако же отражая настроение собравшихся:

— «Плыл мимо зданий и церквей — холодный труп…»

— Перестань, — сказал отец.

— «Холодный труп среди огней, в тиши у Камелота».

— Ну хватит уже! — сказал он, и Калла вышла из-за стола, прихватив с собой Теннисона.

Зили перевела взгляд с мамы на папу, и ее глаза наполнились слезами. Такая неприкрытая война разразилась за столом впервые. Обычно разно-

гласия обсуждались приглушенными голосами за закрытой дверью.

— Я не хочу, чтобы случилось ужасное, — сказала она, надеясь, что вот-вот будут произнесены слова, которые все поправят, и все будет снова хорошо.

— Не слушай свою мать, — сказал отец. — Ничего ужасного ни с кем не случится. — Он отодвинул тарелку с недоеденным ужином и через весь стол воззрился на жену.

— Надеюсь, ты довольна собой?

— Я должна была это сказать.

— Точно должна была? — Он допил пиво и велел нам с Зили идти к себе.

Мне не хотелось оставлять маму одну, и я замешкалась. Зили, как обычно, смотрела на меня и ждала, что я буду делать. Я не думала, что отец ударит мать или наорет на нее. Нет, он никогда не проявлял агрессии, никогда не кричал. Он правил царством женщин, не повышая голос. И все равно мне не хотелось оставлять ее. Ей нужен был союзник — ведь он у нее так редко бывал.

— Вы слышали, что я сказал? — спросил он.

Я встала, маленькая трусишка, и потянула за собой Зили. Белинда смотрела куда-то в пол,

как будто стыдясь встретиться со мной взглядом, поэтому я наклонилась и прошептала ей на ухо: «Я тебе верю, мамочка».

Не знаю, верила ли я ей тогда. Но ведь она была права. Что-то ужасное *действительно* приближалось, и впоследствии я не раз буду спрашивать себя — неужели это возможно? Неужели мама и правда все предвидела?

Безголовая невеста
1950

1

За несколько недель до свадьбы Эстер Белинда начала чувствовать запах роз. Она чувствовала запах роз, когда никакими розами не пахло, когда все окна были закрыты и ароматы сада не проникали в дом, когда никто не пользовался мылом или туалетной водой с этим запахом. Аромат розы был в нашем доме под запретом, поэтому он не мог исходить откуда-то из дома.

Когда Белинда незадолго до свадьбы начала чувствовать запах роз, она уже знала, что искать источник запаха бессмысленно. Такое с ней уже бывало. Впервые необъяснимый аромат розы почудился ей двадцать лет назад, когда она была беременна Эстер. Точнее, она еще не знала, что беременна: они с мужем только вернулись после медового месяца в Европе, и она впервые вошла в этот дом. Сперва запах был едва различимым — она решила, что где-то оставили букет цветов или ароматический пакетик, и, хотя она никогда не любила розы, поначалу это не сильно

ее беспокоило. Только вдруг оказалось, что запах роз преследует ее повсюду — он был в ванной, он был в ее постели. Она спросила мужа, но тот сказал, что в доме ничем не пахнет, и перестал об этом думать. Тогда она обыскала весь дом, но источника запаха так и не нашла. Врач сказал, что фантомные запахи могут быть результатом беременности — иногда беременных тянет на маринованные огурцы или сардины, так вот это то же самое. Он заверил ее, что волноваться не о чем. Чтобы избавиться от запаха, она зажимала нос и дышала ртом, но это не помогало. Она поняла, что аромат розы исходил от нее самой.

Каждый день, просыпаясь, она чувствовала запах роз в своем дыхании. Он становился таким навязчивым, что ее постоянно тошнило. Врач сказал, что это токсикоз, но Белинда знала, что дело не в этом. Она сгибалась перед туалетом и наполняла его цветочным запахом, распространяя душистый аромат по всей ванной. Врач сказал, что через несколько месяцев это пройдет, но шли месяцы, а запах оставался; она поняла, что врач ей не поможет, и перестала ему звонить, оставшись наедине со своей бедой.

Шло время, и ее муки становились настолько невыносимыми, что она кричала, сжимала го-

лову руками и билась об стену, пытаясь изгнать из себя ненавистный запах. Она кричала так громко, что у нее саднило горло и гудела голова. Боль приглушала запах и немного отвлекала, но запах никуда не уходил. Тогда врач пришел снова — на этот раз он привязал ее к кровати, а ее муж начал подозревать, что она сумасшедшая.

Мать Белинды звали Роуз — она умерла, рожая Белинду, в 1900 году.

Мать Роуз звали Долли — она умерла, рожая Роуз, в 1873 году.

Мать Долли звали Альма — она умерла, рожая Долли, в 1857 году.

У Белинды не было матери, у ее матери — тоже, у матери ее матери — тоже. В процессе рождения Белинда убила женщину, которая могла бы любить ее больше всех на свете. Она никогда не видела маму, но какое-то время существовала внутри нее; их жизни были переплетены в беспокойном партнерстве: Белинда и тень ее матери.

Когда Белинда впервые почувствовала запах роз, она подумала, что мать пытается предупредить ее, но мысль об этом была такой пугающей, что Белинда прогнала ее прочь. Однако аромат роз окутывал ее все плотнее, и она догадалась, что материнского наследия ей не избежать —

и скоро она умрет.

Провести последние дни жизни привязанной к кровати, как в сумасшедшем доме, ей не хотелось, она и так растеряла почти все свое достоинство: брак сам по себе оказался величайшим унижением — то, как муж пользовался ее телом ради наслаждения и медленно убивал ее этой беременностью. Решив, что времени у нее осталось совсем мало, она вознамерилась сохранить для себя хотя бы остаток свободы. Она перестала кричать и научилась молча переносить запах. Ее больше не привязывали к кровати, и несколько дней она притворялась нормальной: каждое утро выходила к завтраку, провожала мужа на работу, а когда он возвращался домой, мило беседовала с ним, вышивая что-нибудь для детской комнаты. Ее по-прежнему мутило от запаха роз, но она вела себя непринужденно — уж что-что, а скрывать свои чувства она умела. Как только ей удалось убедить всех вокруг, что с ней все в порядке, — не только мужа, но и его родителей, и бдительную домоправительницу, они перестали следить за каждым ее шагом, и однажды утром она вышла из дома, прихватив с собой стул и моток веревки, и направилась вглубь леса к северу от дома. Она водрузила стул

на лесную подстилку и села немного отдохнуть, поглаживая свой восьмимесячный живот, прежде чем сделать то, что должна была сделать.

Она встала на стул и закинула веревку на ветку, думая о том, что этот ее поступок — убить себя и ребенка — стал бы тяжким грехом для многих. Но отец Белинды был ученым, и он всегда говорил ей, что никакого Бога нет, и Белинде не приходило в голову сомневаться в его словах. Разве Бог позволил бы ей стать убийцей своей матери? А если Бога нет, то и наказания не последует. Они с ребенком просто переселятся в мир вечных душ и станут жить, как светлячки на летнем лугу теплым вечером, — Белинде нравилось представлять это именно так.

Обвязывая шею веревкой, она подумала о том, не лучше ли ей умереть своей смертью во время родов, чтобы сохранить жизнь ребенку. Она была готова на страшную смерть ради младенца, ведь, несмотря на то что она не хотела этой беременности, с тех пор как внутри нее зародилась жизнь, она чувствовала потребность защищать ее. Но она понимала, что это означало бы оставить ребенка на попечении мужа и его родителей в ненавистном ей «свадебном торте». Если она сама с трудом выносила такую жизнь, то каково

пришлось бы ребенку?

Когда Белинда не появилась на ланче, домоправительница отправилась ее искать. Доуви, ирландская иммигрантка, преждевременно ставшая женщиной средних лет, в своей извечной вязаной кофте, клетчатой юбке и толстых чулках кремового цвета, продралась сквозь чащу и увидела миссис Чэпел, застывшую на стуле с петлей на шее.

— Силы небесные! — закричала она, вцепившись в золотой крест, висевший у нее на шее. И тут же поняла, что, учитывая то шаткое положение, в котором находилась миссис Чэпел, пугать ее криками не стоило.

Вздрогнув, Белинда чуть не потеряла равновесие. Она с удивлением отметила, что ее первым инстинктом стала борьба за жизнь, и, пока стул ходил ходуном под ее ногами, она хваталась за веревку и пыталась освободить шею. В течение нескольких секунд ее мир висел на волоске. Врата в загробную жизнь открывались и закрывались перед ней, как расшатанная дверь в салун. Открыто, закрыто. Открыто, закрыто. Балансируя на стуле в ожидании своей судьбы и не ослабляя своей хватки за веревку, она видела перед своими глазами проблески вечной жизни. Позже она

скажет, что никогда не чувствовала себя такой живой, как в тот момент.

Через два дня Белинда без каких-либо осложнений родила Эстер. Девочка родилась на рассвете, и Белинда качала ее на руках, пока не взошло солнце и не осветило их обеих через окна спальни. Она месяцами ждала смерти, но смерть не пришла, и она стала упиваться жизнью. Она вдыхала это новое чувство, как аромат ее сада, как запах гвоздик и лилий, но только не роз. Запах розы был изгнан из нее вместе с ребенком.

За восемьдесят девять лет она стала первой женщиной по материнской линии, выжившей после родов. Она любовалась Эстер, этим маленьким чудом, ее крошечными ноготочками и аккуратными ресничками. Белинда бросила вызов смерти, которую ей пророчила мать, и теперь, чувствуя уязвимость младенца у нее на руках, она стала опекать его сверх меры. Она не отходила от девочки ни на шаг, не разрешала няне забирать ее и велела поставить колыбель рядом со своей кроватью. У них с мужем были разные спальни, расположенные в одном крыле, так что он не возражал, а учитывая, что с ней происходило во время беременности, даже радовался тому, как сильно Белинда привязалась

к ребенку. Когда он и его родители хотели навестить Эстер, она приносила ее в гостиную, где могла всех видеть, и наблюдала, как они держат ее на руках, неуклюже, будто свиной окорок, силясь полюбить ее так, как силились полюбить все остальное. Ужинала она тоже в гостиной, не выпуская дочь из рук, и даже мылась вместе с ней в ванной. В те редкие вечера, когда муж приходил к ней в спальню, вновь ища услад ее тела, Белинда оставляла Эстер в колыбели у своей кровати.

Три месяца Белинда не расставалась с Эстер, пока однажды запах роз не вернулся. Он был таким же сильным, как и в последние месяцы предыдущей беременности, только теперь к нему прибавился их вкус у нее во рту и шелестение их лепестков у нее в ушах.

Розы говорили ей, что она беременна вторым ребенком. В этот раз ей нездоровилось с самого начала: от запаха роз ее почти постоянно рвало, и она так ослабла, что из спальни в ванную ей иногда приходилось ползти. В таком состоянии она не могла заботиться об Эстер, и дочку пришлось сдать няне. Когда ребенок плакал, а Белинда не могла ни утешить ее, ни покормить, ее сердце разрывалось. Но в темноте спальни,

под натиском роз, она говорила себе, что, возможно, это к лучшему и Эстер пора привыкать к жизни без матери.

Ведь если первый ребенок не убил ее, то, возможно, ее убьет второй.

Но Белинда снова выжила, и после родов ей стало гораздо лучше. Она решила назвать вторую дочь Розалиндой, в честь матери, надеясь так задобрить ее и избежать участи, которую та ей пророчила.

После Розалинды последовал большой перерыв, и Белинда надеялась, что ее способности к деторождению на этом исчерпаны. Несмотря на ее мольбы, что еще одной беременности она не выдержит, муж продолжал приходить к ней; он говорил, что она не может отказывать ему, что это неестественно. Минуло шесть месяцев, а затем минул год. Она боялась слишком привязываться к Розалинде, но шло время, а розы не возвращались, и она успокоилась.

Прошел еще один год, и Белинда воспряла духом, но однажды утром аромат роз вновь окутал ее, возвестив о муках новой беременности. Калла родилась в 1933 году, а в 1935-м появилась Дафни. Каждую новую беременность она переносила хуже, чем предыдущую, не успевая оправиться

после родов. Первые четыре ребенка оставили тяжесть в ее теле; ей казалось, что внутренности тянут ее вниз и что, если она перестанет сжимать ноги, часть ее существа вывалится наружу. И она держалась словно натянутая струна.

А муж продолжал приходить к ней. В 1937 году она родила меня, а еще через два года, когда ей было почти сорок, родилась Зили. Всю последнюю беременность ей пришлось провести в постели. Она говорила, что Зили была очень колючим ребенком и что на выходе ее шипы проткнули плаценту и расцарапали ей все внутренние органы.

Каждый день после обеда дочери приходили навестить ее, давно привыкнув к ее крикам и к тому, что ей постоянно плохо. Это не беспокоило их, и ее это удручало. Они бесконечно болтали, бегали по комнате, поддразнивая друг друга и дергая за волосы, кричали: «Мама, посмотри на меня!» — но у нее не было сил даже поднять на них глаза. Она произвела на свет пятерых девочек, еще один младенец был на подходе, и все они цеплялись за нее, требуя того, чего она не могла им дать. Заботу о них практически целиком перепоручили няне.

К тому времени, когда Белинда родила Зили,

она была вымотана до предела, но ее утешала мысль о том, что больше рожать она не будет никогда. Она просто не смогла бы. Белинда слышала бабушкины сказки о беременности — о том, что девочки забирают мамину красоту. Она никогда не была особенно красивой, но каждая дочь у нее что-то отнимала; дети и муж опустошали ее, оставляя внутри нее свою тяжесть, лишая здоровья и сил, лишая ее жизни. Она подарила этому миру шесть прекрасных жемчужин, пока наконец от нее самой не осталась лишь раковина — и раковина эта была пустой.

Белинда спрашивала себя, не об этом ли мать пыталась предупредить ее. Возможно, Роуз предсказывала ей не смерть, а, наоборот, жизнь — только такую, какой она никогда не хотела, такую, которую она не могла выносить.

2

В детстве мы с сестрами знали о розах, донимавших маму каждую ее беременность. Нам тогда казалось, что розы — это тоже призраки, только другие, принявшие обличье нашей бабушки, Роуз, и навещавшие маму в это опасное для всех женщин нашей семьи время. Мы привыкли к рассказам о маминых призраках,

в каком бы виде они ни появлялись, и нас это вовсе не тревожило и не пугало. Все наше детство отец отмахивался от этих ее историй и считал их плодом ее воображения.

Однажды, когда я была еще совсем маленькой, мы играли в мамином саду. Дафни сорвала розу, глубоко вдохнула ее аромат и воскликнула:

— Ах, спасите меня! У меня будет ребенок!

Мы все попадали со смеху, и после этого розы были для нас не более чем шуткой.

Видимо, поэтому Белинда не сказала нам, что за несколько недель до свадьбы Эстер и Мэтью она снова начала слышать запах роз. В понедельник, после того чудовищного ужина, она к нам больше не выходила. Было понятно, что ее предостережение не будет воспринято всерьез, и она закрылась в себе, словно ночной цветок. Доуви приносила подносы с едой к ней в комнату, а все остальное время дверь в ее гостиную, расположенную в их с отцом крыле, оставалась плотно закрытой.

Весь следующий день, проходя мимо темного коридора, я хотела заглянуть к ней и спросить, что же такого ужасного должно случиться с Эстер и Мэтью после свадьбы. Все мои сестры, включая Эстер, не придали маминому предупреждению

никакого значения, предложив свои версии происходящего: она ищет внимания, она ненавидит брак и хочет лишить Эстер этой возможности; ну а самая убедительная теория была у Розалинды, которая попросту заявила: «Она сумасшедшая!»

Я признавала, что мои старшие сестры знали Белинду лучше, чем я, но боялась, что в этот раз все идет не так: раньше Белинда никогда не пыталась предупреждать нас о чем-то. Мы никогда не думали, что духи, с которыми она общалась, образы, которые ее преследовали, могут навредить и нам тоже. Если бы она сказала мне: «Айрис, не ходи завтра на луг, иначе случится что-то ужасное», я бы испугалась и осталась дома. И мне казалось, что не бояться сейчас — это большая ошибка. Но я знала, как отреагируют сестры, скажи я им об этом, поэтому помалкивала.

И все же предупреждение Белинды не оставляло меня. В понедельник днем у нас с Зили был урок фортепиано. Увидев нашу учительницу, Милли Стивенс, я тут же вспомнила обо всем, что произошло накануне. А Зили, конечно же, тараторила об этом не умолкая.

— А мы вчера за ужином говорили о тебе, — сказала она Милли по пути в музыкальную комнату в задней части дома. — О том, что ты

не замужем.

Я схватила Зили за руку и вцепилась ногтями в ее нежную кожу; она ответила мне яростным взглядом. Милли — темные волосы убраны в высокий хвост, клетчатое платье — улыбнулась, чтобы скрыть смущение, и засеменила дальше; она вошла в комнату и поставила нотную тетрадь на фортепиано.

— Отец всего лишь спрашивал нас об уроках, — обратилась я к Милли, присаживаясь на скамейку рядом с ней; от нее пахло гарденией. — Мы сказали ему, что нам очень нравится заниматься с тобой.

Зили плюхнулась в кресло у окна и не осмелилась возразить мне.

— Я польщена, что вы сказали обо мне отцу, — тихо сказала Милли. Я надеялась, что мое вранье поможет как-то исправить ситуацию, но до конца урока чувствовала неловкость перед Милли, вспоминая, с какой жестокостью о ней отзывалась Эстер. Жизнь Милли вовсе не казалась мне плохой — быть учителем, целый день играть музыку. Вполне возможно, что ей это нравилось больше, чем быть домохозяйкой и сидеть с детьми.

Когда мои полчаса вышли, я с готовностью

уступила место Зили, более серьезно подходившей к занятиям музыкой. По пути наверх, в пустое девичье крыло, я снова прошла мимо темного маминого коридора. Присев на подоконник в нашей гостиной, я немного поработала над рисунком малиновки, к которому приступила ранее в тот день. Через какое-то время я услышала голос Эстер.

— Айрис, — сказала она. Ее голос звучал приглушенно, как будто она говорила из спальни.

Слегка раздражаясь, что меня отвлекают и никак не оставят в покое, я не поднимала глаз от рисунка.

— Что? — крикнула я в ответ.

— Айрис, ты нужна мне.

На этот раз ее голос вибрировал — я почувствовала его отзвук сквозь паркетную доску под ногами. Я отложила карандаш и пошла к ней в спальню. Но там никого не было.

— Эстер? — Я заглянула в другие комнаты, но везде было пусто. Ошеломленная, я стояла в холле. Я же совершенно точно слышала ее голос.

Через несколько минут с урока вернулась Зили, обнаружив меня растерянно стоящей в холле.

— Где Эстер? — спросила я. Зили, наша мисс

любопытство, всегда знала лучше меня, где и кто находится в нашем доме.

— Они с Мэтью уехали покупать мебель.

— Не может быть. Она только что звала меня.

— Прямо из Нью-Йорка? Что ж, у тебя прекрасный слух, прямо как у Чудо-женщины, — сказала она, заливаясь задорным смехом.

— Перестань, — отрезала я, смущенная тем, что меня поймали на выдумках. Я потрясла головой. Наверное, я слишком много думала об Эстер и пророчестве Белинды.

В тот вечер Эстер снова должна была готовить ужин, но она осталась в городе с Мэтью — судя по всему, чтобы не встречаться с Белиндой. Миссис О'Коннор приготовила то, что собиралась готовить Эстер — макароны и томатную запеканку. Но Эстер зря волновалась о том, что ей придется общаться с матерью, — место Белинды за столом пустовало. Я подумала, что теперь настроение за ужином будет повеселее, но этого не произошло. Мы по-прежнему ощущали тяжесть предыдущего вечера, и мамино предсказание о таинственных ужасных вещах продолжало довлеть над нами.

В понедельник Белинду мы так и не увидели,

но зато услышали ее ночью, когда ее резкий крик внезапно прорвал окутывавший нас защитный покров тишины. Я открыла глаза, повернулась на другой бок и сразу же уснула снова. Мы давно привыкли к маминым крикам; она кричала не каждую ночь, но достаточно часто, чтобы это перестало меня беспокоить. Ее кошмары были нашей колыбельной. Сестры с детства научили меня игнорировать их.

Во вторник на кухне появились признаки жизни Белинды: на столе стоял поднос с остатками обеда, который Доуви принесла из ее комнаты: белая фарфоровая тарелка с недоеденным куриным крылышком и пустая пиала со следами чего-то сладкого — должно быть рисового пудинга.

Я взяла крылышко и стала легонько его посасывать. Потом в кухню примчалась Зили — она провела пальцем по стенкам пиалы и слизала остатки сладкой массы. Как самые младшие в семье, мы постоянно что-то доедали за мамой.

— Пойдем к ней в комнату, — предложила я, положив крылышко обратно на тарелку. Мы пошли наверх, в ту часть дома, где жили родители. У мамы было две комнаты — спальня и гостиная. Дверь в спальню была открыта, и я осторожно заглянула внутрь. Никогда не мог-

ла отказать себе в этом. Обстановка в комнате была аскетичной: стены выкрашены в белое, на них ни одной картины, ни одного украшения. На кровати — простое одеяло из бельгийского льна соломенного цвета, у стен — мебель из каштана, строгие линии, почти без орнамента. На одной тумбочке возвышалась коллекция свечей в баночках — мама говорила, что свет ламп ночью для нее слишком ярок. На другой стояло крошечное чучело крапивника — его лапки были приклеены к лакированному деревянному бруску. Эта гостиная совсем не была похожа на красочные, утопающие в цветах комнаты девочек, стены которых она сама же и расписала. Белинда — старинное имя, означающее «змея». Однажды мы с Зили играли в маминой спальне, когда ее самой не было дома — она уехала по тем редким делам, которые иногда вынуждали ее покидать дом и Беллфла-уэр-виллидж. Тогда я и заметила змею, нарисованную на стене за шкафом, прямо над плинтусом. Она была петлистой, цвета патины, с круглыми бурыми глазками и небольшими пятнышками. Тайная змея Белинды, отражение ее имени: в отличие от дочерей цветком она не была.

В комнате никого не было — и неудивительно:

здесь Белинда только спала. Я постучала в дверь, ведущую в гостиную.

— Войдите, — сказала Белинда, и мы с Зили вошли. Она сидела на диване и держала в руках чашку чая.

— А, это вы, — сказала она. — Я думала, это Доуви. Она поставила блюдце с чашкой на столик для закусок, рядом с пупырчатой вазой с желтыми каллами. Занавески были задернуты — между ними оставалась лишь тонкая полоска света. Убранство гостиной было более броским, чем спальни, и даже в полумраке я могла разглядеть кремовые японские хризантемы на обоях, на письменном столе и на стеллаже, где хранились разные диковины, которые она собирала, — в основном привезенные из поездок с отцом много лет назад. Несмотря на задернутые шторы, в комнате стояла удушливая жара.

— Закрой дверь, Айрис, — сказала она.

— Но как же… — Я показала на вазу с каллами.

— Утром Доуви купила их для меня в городе — они прекрасны, правда?

— Но ты не разрешаешь ставить каллы в закрытом помещении. Ты всегда говорила, что они отравляют воздух, а сама…

— А сама что? — В ее голосе слышались нотки

досады и раздражения.

— Сидишь с ними взаперти целый день.

— Закрой дверь.

Я осторожно закрыла дверь. Зили села на диван рядом с мамой — аккуратно, на краешек подушки, а не развалясь на нем, как обычно, руки-ноги в стороны.

— Где ваши сестры? — спросила Белинда, прижав ко рту платок.

— Внизу, — сказала Зили, наклоняясь к Белинде, чтобы рассмотреть ее лицо. — А почему у тебя платок?

— Я не очень хорошо себя чувствую. — Белинда с трудом встала с дивана, пытаясь избежать настойчивых глаз Зили. Она подошла к письменному столу у окна, взяла карандаш и принялась рисовать.

— Мама? — спросила я.

— Что? — Она сидела ко мне спиной и не повернулась.

— Что ты имела в виду, когда сказала, что, если Эстер выйдет замуж, случится что-то ужасное?

— У меня плохое предчувствие. И я не хочу об этом говорить.

— Но с Эстер все будет в порядке?

Она не отрывалась от рисунка, игнорируя мой

вопрос, и я могла лишь предположить, что ответ вряд ли меня порадует. Я нахмурилась и сделала знак Зили — мол, вставай, нам пора. Пойти к маме предложила я, но теперь сама жалела об этом. Пока я ждала Зили, которая на цыпочках шла ко мне, но отвлеклась на какую-то безделушку на кофейном столике, я заметила мамин дневник, оставленный на столе с чаем и каллами. Я взяла его в руки и начала украдкой переворачивать страницы. А что, если в дневнике найдется разгадка? Я раскрыла последнюю запись, сделанную тем утром.

2.40 утра. Маленькая девочка, индианка, без правой части головы, вся в крови, стоит у моей кровати, плачет, зовет маму.

Я не ожидала прочесть такое и стояла, потрясенная этим страшным описанием. Надо было мне вернуть дневник на место, но я пролистала несколько страниц назад, завороженная этим окошком в чертоги разума моей матери. Раньше ее призраки мне представлялись иначе — бесформенные существа, парящие в воздухе, прозрачные, как медузы, белесые, тихо мерцающие. В моей голове это были романтичные привидения, как герои Каллиных стихов, — несчастные, потерянные влюбленные, скитающиеся по бо-

лотам. Но кровь и страдания? Нет, такого я и представить не могла.

3.22 утра. Маленькая индийская девочка продолжает причитать. Где ее мама? Пусть она оставит меня в покое.

4.04 утра. Стук в дверь, мужской голос: «Мне нужно видеть тебя, открой!»

Я положила дневник на место. *Мне нужно видеть тебя.* От таких слов просто мороз по коже. И так подробно все описано — сложно поверить, что такое можно выдумать. Белинда рассказывала, что ее посещают призраки людей, убитых оружием «Чэпел файрармз». Ей казалось, что наша семья каким-то образом повинна в их смертях и что призраки приходили к нам, потому что наш завод производил винтовки, из которых их убили, а к Белинде их тянуло особенно — ведь она была единственной, кто мог их видеть и слышать.

Странно, что они приходили именно к нам, а не к тем, кто их убивал, — но этими сомнениями я с мамой не делилась. Старшие сестры советовали мне выкинуть это из головы. Даже Калла, которая по характеру больше всех походила на мать, презрительно морщила нос, услышав о мами-

ных выходках, которые она считала досадным проявлением «женской истерии». Свои раздумья о призраках Калла превращала в поэзию — она говорила, что это гораздо более пристойный способ самовыражения, чем дневники и ночные крики.

Белинда встала из-за стола. Я тоже поднялась и сделала несколько шагов к двери.

— Что-то случилось? — спросила она, глядя на меня и возвращаясь к дивану своей шаркающей походкой, из-за которой она казалась намного старше.

— У тебя были видения, связанные с Эстер?

Белинда села и снова взяла в руки блюдце с чашкой.

— Какой странный вопрос, — сказала она. — Что ты имеешь в виду?

— Ну к тебе же приходят мертвые?

Белинда сделала глоток чая, слегка поморщившись, словно чайные листья были слишком горькими.

— Это не видения. Все эти духи живут с нами в этом доме.

— И они сказали тебе, что с Эстер что-то случится?

— Я же говорила — это просто предчувствие.

Я не знаю, что оно означает. — Она задержала на мне взгляд, а потом откинула голову на спинку дивана и закрыла глаза. По этому взгляду было понятно, что она что-то недоговаривает.

— Я устала, — сказала она сонным голосом. — Пойдите поиграйте на улице.

— Мама? — прошептала я через несколько секунд, чтобы проверить, не потеряла ли она сознание от цветов. Но она не ответила.

Я открыла дверь и жестом позвала за собой Зили. Мы вышли, и я закрыла дверь, а потом немного подумала и приоткрыла ее снова, чтобы отравленный воздух выходил из комнаты.

3

Зили хотела, чтобы мы пошли к сестрам вниз, но я сказала ей, что пойду в наше крыло. Она пошла за мной, хотя, конечно, я ее об этом не просила.

— Ну и жарища здесь, — пожаловалась она, когда мы зашли в гостиную, которая на контрасте с маминой комнатой казалась живой и светлой.

— Вот и иди вниз, — сказала я, садясь на зеленый диван и надеясь, что она уйдет. Мы с сестрами всегда ходили парами — просто мне не повезло быть в паре с сестренкой, которая

никогда не замолкала.

— Айрис, — пропела Зили. — А что ты делаешь? — Она покрутилась у галереи окон, из которых был виден лес.

— Зили, помолчи *хоть немного*! — Я застонала и откинулась назад, закрыв глаза. Мне хотелось посидеть немного в тишине и подумать. Зили продолжала шуршать по комнате, и когда стало понятно, что она меня в покое не оставит, я открыла глаза. Она сидела на подоконнике, окно было открыто, чтобы хоть какой-то ветерок проникал в комнату. Она читала одну из своих книжек про Нэнси Дрю, но каждые несколько секунд поднимала глаза на меня.

— Думаешь, наша мать безумна? — спросила я. Зили с готовностью оторвалась от чтения, закрыла книгу и положила ее рядом с собой, даже не потрудившись заложить страницу.

— Все так думают.

— Я не это спрашиваю! — Для меня это была не новость. — А вдруг все ошибаются?

— В каком смысле?

— Что, если мама права и скоро *действительно* случится что-то ужасное? Может, мы должны что-то предпринять? На всякий случай.

— А что мы можем предпринять?

— Что, если мы уговорим Эстер отложить свадьбу? Пока у мамы не пройдет это ее предчувствие? Чтобы мы точно знали, что с ней все будет в порядке?

Зили ошарашенно уставилась на меня — для нее это явно было слишком. Нужно было брать дело в свои руки.

— Пойдем! — сказала я.

Все вещи для свадьбы хранились в ближайшем от нас крыле, в библиотеке. Вдоль одной стены были сложены аккуратные белые коробки, которые в день свадьбы будут погружены в автомобиль. В одних коробках были подарки для гостей, на каждое место за столом — мешочки с драже, зажигалки с гравировкой «Э&М» и пакетики с семенами астр, вручную расписанные Дафни. Еще для гостей были приготовлены трюфели с шампанским, но их отправили в погреб, чтобы они не растаяли.

В других коробках были карточки с именами для праздничных столов, подписанные профессиональным каллиграфом, и план рассадки гостей, над которым Эстер трудилась несколько месяцев, консультируясь с семьей Мэтью. В одной из коробок были сложены подарки для друзей Эстер, помогавших с приготовлениями к свадьбе.

В роли подружек невесты и девочек-цветочниц Эстер видела только своих сестер; нас было так много, что пригласить кого-то еще она просто не могла. Но чтобы не обижать друзей, она просила их помощи с подготовкой — то с одним, то с другим. Для них и для нас она приготовила зеркальца из жемчуга «мабе» и флаконы духов «Уайт шолдерс».

Вдоль других стен стояли раскладные столы, покрытые кремовыми скатертями, на которых были разложены свадебные подарки. Они прибывали каждый день — Эстер распаковывала их и выкладывала сюда: хрустальные подсвечники и вазы, фарфоровые сервизы, которые они с Мэтью выбрали, столовое серебро, картины в рамках и большие оловянные блюда — иными словами, все то, что вряд ли подойдет для дома в колониальном стиле, который должен стать их семейным гнездышком. Им бы пришлось купить еще один дом только для подарков.

Но как бы ни притягивали к себе эти вещицы, они блекли перед главным объектом экспозиции: прямо в середине комнаты парило свадебное платье Эстер, причем ровно так, как я и представляла себе маминых призраков — бесплотная белая фигура, зависшая в воздухе. Платье было

сшито из самого дорого шелка: длинные рукава, спускающиеся вниз ярд за ярдом, высокий воротник, приталенный корсетный лиф, юбка-колокол. Невероятно элегантное и грациозное, оно напоминало средневековые платья. Его королевский шлейф покоился на полу, плотным кругом охватывая подол, и казалось, что платье взлетает над ним, как Венера над раковиной.

Платье, конечно, никуда не взлетало — оно было водружено на специальную подставку, манекен без головы. Манекен было практически не разглядеть за ниспадающими волнами платья — лишь над воротником можно было заметить тонкую полоску его тонкой белой шеи. Над шеей ничего не было, словно невеста разделила судьбу Марии Антуанетты. Фата, которая для фигуры в центре комнаты была без надобности, покоилась на специальном столике в другом конце комнаты. Она была выполнена из привозного французского кружева, с вышивкой из оранжевых цветов.

Хотя мне уже было тринадцать лет, а Зили — одиннадцать, в комнату с безголовой невестой нам заходить не разрешалось. Мы всегда, в любом возрасте, оставались для нашей семьи младшими сестренками, неразумными детьми. Эстер вол-

новалась, что мы что-нибудь сломаем, начнем хватать платье грязными руками или испачкаем его в жвачке. Территория, на которую мы допускались, ограничивалась коридором и входной дверью в спальню, откуда Зили по нескольку раз в день жадно взирала на платье — живое воплощение ее сказочных грез о принцессах.

Я вышла из гостиной — Зили не отставала — и отправилась в нашу старую игровую комнату около библиотеки. Игрушек там больше не было, и теперь комната служила кладовой; здесь хранились дорожные принадлежности, которые мы брали с собой на Кейп-Код летом. Я схватила две огромные холщовые сумки и вручила Зили небольшой чемодан. Оттуда мы пошли в библиотеку — я прошмыгнула внутрь, а Зили осталась у двери.

— Айрис! — прошептала она. — Ты куда? А если Эстер поднимется?

— Что ты как в детском саду, — сказала я, открывая одну из белых коробок, стоявших у стены. Я выудила оттуда пригоршню мешочков с драже и опустила их в свою холщовую сумку, потом стала доставать зажигалки. Зили смотрела, как я опустошала коробки в свои сумки — пакетики с семенами, духи и остальные подарки.

— Спустись в подвал, — сказала я ей, — и наполни свой чемодан коробочками с трюфелями. Встретимся на улице, у садового сарая.

— Зачем?

— Делай, что я говорю, Зили! — зашипела я на нее. Она умчалась. Иногда она побаивалась меня, и в этот раз я этим воспользовалась. Я никогда не обижала ее — если кто-то и щипал нас или дергал за волосы, когда мы плохо себя вели, так это Дафни — но, видимо, для Зили все старшие сестры несли в себе определенную угрозу.

Я высыпала в сумки все сувениры, подарки, карточки для гостей, план рассадки. В одной из сумок оставалось место, и я схватила хрустальные подсвечники и одну из ваз, затолкала все это внутрь и еле закрыла молнию. На выходе я подобрала фарфоровое блюдо и понесла его под мышкой. Пробираясь по лестнице на цыпочках, чтобы сестры или Доуви не услышали, я с трудом удерживала на плечах две тяжеленные сумки. Во дворе я увидела Зили — она ждала меня у сарая с чемоданом в руках. Сарай был не заперт, но мистера Уорнера в нем не было. Я скинула сумки прямо на землю, а сверху водрузила фарфоровое блюдо; при виде этой картины у Зили глаза на лоб полезли. Не обращая на нее внимания, я

юркнула в сарай и схватила две лопаты.

Взвалив на себя сумки и лопаты — и, конечно же, фарфоровое блюдо, мы направились в лес.

— А что это мы такое делаем? — всю дорогу спрашивала Зили, стараясь не отставать. — Айрис, нам за это попадет!

Я продолжала ее игнорировать, уверенно двигаясь вперед, и хотя я не до конца была уверена в своем плане, признаваться в этом Зили я не собиралась.

В лесу было прохладнее — красные клены и речные березы своими кронами защищали нас от палящего полуденного солнца. Над нами простиралось чистое небо — я могла видеть его голубое кружево сквозь зеленые верхушки деревьев. Когда мы были совсем маленькие, мама иногда брала нас на прогулки в лес — если у нее были на это силы; она рассказывала нам о мхах и папоротниках: ее отец был ботаником, и она знала о растениях все. Домой мы обычно возвращались с внушительной коллекцией листьев и цветов, и она помогала нам раскладывать их между страничками старых книг.

Но сейчас, нагруженная сумками, я тащилась по тропинке и даже не пыталась думать о том, как называются листья, на которые я наступаю.

Я обернулась проверить, где там Зили — не сбежала ли она домой, чтобы наябедничать на меня. Она не сбежала, но отстала от меня довольно сильно.

Так мы шли минут десять, не меньше, пыхтя и отдуваясь, пока наконец не дошли до поляны на достаточном удалении от дома, где я остановилась и скинула с себя вещи, не в силах больше двигаться.

— Будем копать здесь, — сказала я. — Мы обе должны вырыть по одной большой яме.

— Но зачем? — Она резко отпустила чемодан и топнула ногой, и я тут же пожалела, что взяла ее с собой. — Я и не подумаю копать, пока ты не расскажешь, в чем дело, — сказала она, а я тем временем уже вонзила лопату в землю, наступив на нее своей маленькой ножкой, обутой в сандалию. Это будет труднее, чем я думала.

Несколько минут я копала, а Зили смотрела на меня. Ничего похожего на яму мне пока вырыть не удалось — я лишь перевернула какое-то количество земли пополам с прутьями, ветками и разбросанными листьями.

— Мы должны зарыть здесь все, что принесли в этих сумках. Давай, помогай.

С минутку я отдыхала, рассматривая свои ноги

на предмет следов крови. Зили так и не сдвинулась с места. Я мельком посмотрела на нее и по ее яростному взгляду поняла, что она завелась еще сильнее.

— Зили, ну давай же. Ты ведь слышала, что мама сказала, — с Эстер случится что-то ужасное. Нам нужно помешать этой свадьбе.

Было видно, что Зили пытается принять решение — в ее голове боролись противоречивые мысли о том, что мы всегда насмехались над страхами Белинды и что она боится расстроить Эстер и сорвать свадьбу, а еще о том, что вдруг Белинда говорит правду? — казалось, эта последняя мысль и заставила ее взяться за дело. Она схватила лопату и начала копать, хотя на самом деле лишь немного приподняла землю. Я поняла, что одной ей не справиться, и велела ей копать вместе со мной. Какое-то время мы молча работали, и вскоре перед нами появилась ямка, в которой мог бы уместиться пакет муки или котенок. У нас что-то получалось, но дело шло очень медленно. От физического напряжения, жары и менструальных спазмов меня начало подташнивать. Ужасно хотелось пить, но взять с собой воды я не додумалась. Чтобы хоть немного отдохнуть, я облокотилась на лопату, а Зили, видя, как я

страдаю, вновь позволила сомнениям завладеть ее мыслями.

— Это все ерунда. Ничего с Эстер не случится. Давай вернемся и положим вещи на место, еще не поздно.

— Но если что-то и правда случится, мы будем винить себя в том, что даже не попытались ее спасти!

— Спасти от чего?

— Не знаю, мама не сказала. — Я принялась копать с удвоенной энергией, и у меня наконец начало получаться — на глубине земля была мягче, и чем дольше я копала, тем темнее и пахучее она становилась.

Крики птиц у нас над головой размеренно чередовались с лязгом скребущих землю лопат и нашим натужным кряхтением. Щеки Зили опасно порозовели, ее темные кудри прилипли к шее потными завитками. Кажется, мы впервые в жизни так активно работали. В лесу мы обычно просто гуляли, а на уроках физической подготовки в школе играли в теннис или бегали по залу — обычно нас не заставляли делать ничего, что требовало бы сильного напряжения, словно мы фарфоровые куколки, которые нужно сохранить в стеклянной витрине для некоего

грядущего предназначения. Мне же нравилось копать, пыхтеть, словно зверушка, и чувствовать, как горят мои мышцы. Яма становилась все шире, и я с удовольствием отдалась этой борьбе — мне хотелось посмотреть, как далеко нам удастся продвинуться. И вдруг меня что-то испугало — вспышка, видение, и я вскрикнула и отбросила лопату.

— Ты чего? — в ужасе спросила Зили, пока я пятилась от ямы. — Что случилось?

Испуганная своим видением, я пятилась назад, спотыкаясь, пока не уперлась спиной в дерево. Прильнув к стволу, я попыталась перевести дыхание. Яма передо мной была совершенно пустой — вот только минуту назад мне показалось, что в ней лежит безголовая невеста.

— Айрис?

— Мне что-то померещилось, — сказала я, тряхнув головой. — Ничего страшного.

— Что тебе померещилось?

— Змея, — сказала я первое, что пришло в голову. Зили испугалась, и мне пришлось долго убеждать ее, что никакой змеи в яме нет.

Я понимала, что безголовая невеста мне лишь привиделась, но меня беспокоило то, какой настоящей она казалась мне, как будто она и правда

лежала там, в могиле. Это все мама. Это она внушила мне всякие ужасы. Я положила руку на грудь и попыталась успокоиться, а через какое-то время вновь перешла в режим старшей сестры, стараясь не думать о том, что видела.

— Все в порядке, — заверила я Зили, и, хотя она слишком хорошо меня знала, чтобы поверить в это, мы обе снова принялись за работу и копали, пока яма не стала достаточно глубокой.

— Такой, думаю, хватит. Давай все закопаем.

Зили открыла чемодан, а я расстегнула молнии на холщовых сумках и перевернула одну из них над ямой — зажигалки, драже и бутылочки духов посыпались вниз.

— Можно мне один съесть? — спросила Зили, поднимая пакетик с ореховыми драже. — Я проголодалась.

— Съешь, — сказала я. Она захрустела твердой глазурью, а я высыпала в яму содержимое второй сумки, а потом вывалила из чемодана розовые коробочки с трюфелями. Сверху я водрузила фарфоровое блюдо.

— Бедная Эстер, — сказала Зили, глядя на пеструю кучу под нашими ногами — мерцание золота и серебра, весенние краски пакетиков и блеск бутылочек из-под духов, часть которых треснула

и теперь источала аромат бергамота и персика. Этот хаос, причиной которого я стала, заставил меня забыть страшную картину — безголовую невесту в могиле. Теперь в яме — и в моей голове — были все эти красивые вещи.

— Не понимаю, как это помешает свадьбе, — сказала Зили, пока я наполняла яму землей. Честно признаться, я и сама не знала как. Но я знала одно — попытаться стоило.

4

Той ночью я проснулась от резких спазмов внизу живота. Я лежала, прижав к животу бутылку с горячей водой, которую для меня оставила Доуви, но боль не отступала, к тому же в спальне было так жарко, что теплая бутылка и вовсе не помогала мне заснуть.

Я встала и заковыляла по коридору, стараясь не разбудить сестер. Не зажигая свет, я закрыла за собой дверь в ванную и тут же оказалась в какой-то плотной шелковой паутине. Я щелкнула выключателем, и яркий свет лампочки залил все нестерпимым белым светом, а потом я увидела, что это было: чулки и бюстгалтеры, которые сестры постирали перед сном и повесили сушиться на веревках, растянутых от одной

стены до другой. Я отмахивалась от них, пробираясь к раковине сквозь свисающие джунгли, сквозь сплетение влажных ветвей этих женских тропиков. Из шкафчика для лекарств я достала две таблетки аспирина и запила их водой из-под крана, прямо из горсти, а потом оперлась о прохладные бока раковины, надеясь, что лекарство скоро подействует.

В туалет мне идти не хотелось — я боялась смотреть на потоки крови в воде. В то время я еще не понимала, что происходит в моем теле, и мне казалось, что кровь вытекает из какой-то невидимой раны, как из тех несчастных мертвых животных, подвешенных вверх ногами. Я крепко сжала ноги, надеясь остановить течь.

И тут, все еще стоя у раковины, я услышала тихие шаги и слабый скрип паркета в коридоре. Я выключила свет и открыла дверь, но в темноте поначалу видела одни пятна.

— Кто здесь? — прошептала я, думая, что кто-то из сестер ждет, пока освободится ванная. Но снаружи никого не было.

Когда глаза привыкли к темноте, я разглядела белую фигуру, удалявшуюся по коридору в сторону библиотеки.

Ночные инциденты в «свадебном торте» слу-

чались довольно часто — Белинда периодически забредала в наше крыло, напуганная, ничего не соображавшая, и тогда кто-нибудь из нас отводил ее обратно в постель. Я подумала, что это снова она, только удивилась, что она молчит. Чуть помедлив на пороге ванной, я вспомнила события того дня, вспомнила лес и безголовую невесту в яме. Молчание начинало действовать мне на нервы.

Я решила пойти за белой фигурой. Сестры всегда говорили мне, что мамины призраки — это вымысел, поэтому было бы глупо их бояться. Фигура остановилась у двери в библиотеку и напряженно вглядывалась внутрь. Приблизившись, я узнала ее, но от этого узнавания я только вся напряглась.

— Мама, — прошептала я. — Ты что здесь делаешь?

Казалось, что она не в себе. Что она не слышит меня. Не помню, чтобы она ходила во сне когда-либо раньше, но от мамы всякого можно было ожидать.

— Мама, — снова прошептала я и вытянула руку, чтобы дотронуться до ее плеча, но тут же отдернула ее, испугавшись, что от моего прикосновения она закричит. Замерев, Белинда стояла

перед безголовой невестой, слабо освещаемой лунным светом, лившимся из окна. Она не отрываясь смотрела на платье, и ее глаза были широко раскрыты. Мне захотелось плакать. Было очень страшно видеть ее такой.

— Мама? Ну что ты? — Она продолжала в страхе смотреть в середину комнаты — должно быть, именно так она выглядела, когда ее посещали призраки. — Здесь ничего нет. Это просто платье Эстер.

Белинда не отвечала. Казалось, она не видит меня и не слышит.

— Мама?

Наконец она повернулась ко мне, взглянув на меня большими, как у куклы, глазами, безжизненными, словно две черные пуговицы.

— Они идут за нами, Айрис. *Беги!*

5

И я побежала — пулей влетев в спальню, я нырнула в кровать и накрылась с головой одеялом. Так я пролежала остаток ночи — без сна, прислушиваясь к шагам в коридоре и ожидая тех, кто идет за нами. Но никто не пришел.

Перед самым рассветом я поднялась, надела одно из своих летних платьев и пошла в биб-

лиотеку. Безголовая невеста, торжественная в холодном утреннем свете, встретила меня безмятежно и невозмутимо — в отличие от меня события прошлой ночи никак ее не побеспокоили. В руках у меня была еще одна холщовая сумка, и я огляделась вокруг, решая, что взять на этот раз. Если бы сюда заглянула Эстер, она бы, скорее всего, и не заметила, что в комнате чего-то не хватает. Белые коробки со свадебными сувенирами такими же аккуратными стопками стояли у стены. Платье и фата были на месте, и лишь со столов исчезли некоторые подарки.

Трогать платье или фату я не осмелилась — было понятно, что в комнате, где для меня все было под запретом, эти вещи были особенно недосягаемы. Я на секунду представила, что стягиваю платье с манекена, но дальше я боялась зайти даже в своих фантазиях. От мысли о том, что я могу причинить вред платью, у меня все внутри переворачивалось. Помешать свадьбе придется без этого.

Я оглядела столы и решила, что пришла очередь свадебного сервиза. Разве могла я выбрать что-то другое? Это был нежный сливочно-белый фарфор с розоватыми яблоневыми цветами — конечно, не розами: Эстер хорошо понимала, что

допустимо, а что нет. Наверное, было непросто найти сервиз с цветочным узором, и при этом не с розами. На столе возвышались стопки блюд, тарелок, пиал, чашек и блюдец — роскошный веджвудский сервиз на восемь персон. Я аккуратно погрузила в сумку сначала тарелки, думая, не сбегать ли мне в спальню за какой-нибудь одеждой, чтобы приглушить стук тарелок друг о друга, но рисковать не стала, ведь меня могли увидеть сестры. Места в сумке хватило только на тарелки — да и то она стала практически неподъемной. Остальные части сервиза пришлось оставить.

Нести сумку было очень тяжело, тем более нести ее так, чтобы она не издавала звуков. Пробираясь мимо спальни родителей и вниз по лестнице, я усомнилась в том, что исчезновение фарфора остановит свадьбу, но это было единственное, что я могла сделать. Я собиралась отрезать от этой свадьбы по кусочку. Может быть, все вместе это и сложится во что-то значимое.

Спустившись с лестницы, я не почувствовала привычных ароматов утреннего кофе. Доуви еще не встала, а миссис О'Коннор пока не приехала, и кухня, тускло освещаемая первыми лучами солнца, была пуста. Я вышла из дома через боко-

вую дверь, аккуратно прикрыв ее за собой.

На улице было уже тепло; ночной прохладе не удалось до конца преодолеть жару предыдущего дня. Достигнув кромки леса, я опустила сумку на землю и потащила ее за собой, держа за одну ручку. Она прыгала по корням и упавшим веткам, и грохот тарелок эхом отзывался через весь лес, распугивая птиц. Всю дорогу в моей голове звучал мамин голос: «*Они идут за нами, Айрис. Беги!*»

Что она имела в виду? Я не знала, кто и почему идет за нами, но все равно упрямо тащила сумку, надеясь поскорее выйти к поляне, где мы зарыли остальные вещи. Неожиданно меня обуяла злость на сестер — я тут работала как каторжная, чтобы предотвратить бедствия, грозившие Эстер, а значит, всем нам, а они там прохлаждались в своих постельках. Даже мама спала — ну или была в своей комнате, окруженная призраками.

Сегодня, несколько десятилетий спустя, я никак не могу перестать думать о том, что, если бы я тогда могла предвидеть будущее, я бы бросила сумку и не оглядываясь пошла бы дальше в лес, через Массачусетс и Вермонт, к канадской границе, и все шла и шла бы вперед, оставив далеко позади и «свадебный торт», и Беллфлауэр-вил-

лидж. Я могла бы жить где-нибудь в пещере, оградив себя от неминуемой травмы. Но, как говорят, задним умом мы все крепки, и едва ли кто-то мог тогда предположить, что нас ожидает. Даже, осмелюсь сказать, Эдгар Аллан По.

Когда я добралась до поляны, у меня так ныли и горели руки, что я решила не рыть новую яму. Я оставила сумку, уселась на бревно и посмотрела на нашу с Зили яму — припорошенную свежей землей могилу, в которой покоились свадебные мечты Эстер. На ней крест-накрест лежали две лопаты, которые мы оставили в прошлый раз.

Немного отдохнув, я начала доставать тарелки и разбрасывать их по одной вокруг места захоронения подарков. Тарелки приземлялись то лицевой стороной вверх, то тыльной, но ни одна не разбилась. Они только выглядели хрупкими — а на самом деле это была добротная посуда, которая прослужила бы много лет на кухне у Эстер. Я почувствовала укол ностальгии по воображаемому будущему (для этого есть какое-то слово?), но меня это не остановило.

Закончив раскидывать тарелки, я посмотрела вокруг — они лежали белыми кругами на темной земле, словно подношение далеким богам или инопланетные рисунки на полях. Я схватила

лопату и вонзила ее в одну из тарелок, в самый уязвимый ее центр, расколов ее надвое. Я наносила удары снова и снова, и тарелка распадалась на дольки, пока не стала похожа на изысканный цитрусовый фрукт.

Я стала разбивать одну тарелку за другой, сопровождая каждый удар громким возгласом, своим персональным боевым кличем. Мне нравилось бить тарелки, я ощущала прилив сил, во мне росло чувство приятного возбуждения, как в тот раз, когда я копала яму. Мне в ноздри били запахи свежей земли и моей крови, и я снова и снова вонзала лопату в тарелки, каждый раз издавая громкий клич, а потом я заплакала, и все было кончено. Земля была покрыта белыми осколками, которые местами раскрошились в белую пудру и походили на выпавший летом снег. Я очень надеялась, что сделала достаточно.

6

Я заснула прямо в лесу, свернувшись на пустой холщовой сумке, и проснулась от голоса Белинды и ее крика: *«Беги!»*

Было слишком жарко, чтобы бежать. Я не знала, который час, но понимала, что была уже середина дня — одного из тех дней июня 1950 го-

да, когда казалось, что земля подошла слишком близко к солнцу.

Я встала и почувствовала, как по внутренней части ноги прямо в сандалию скатился ручеек крови. Попытавшись вытереть кровь рукой, я лишь размазала ее по всей ноге. Мне тут же вспомнилось, как я, бывало, приходила домой с лесных прогулок, прихрамывая, вся в царапинах, и Доуви протирала мне раны ваткой с обеззараживающим средством.

Я бросила на поляне грязную холщовую сумку, взяла одну лопату и отправилась домой. Обе лопаты нужно было вернуть в сарай, пока их не хватились, но одну я решила оставить — вдруг я смогу еще раз вернуться сюда.

Мистер Уорнер, наш садовник, рассмеялся, увидев меня, растрепанную, ошалевшую от жары и жажды, плетущуюся к сараю с лопатой в руке.

— Все надеешься найти тот клад?

Пару лет назад, начитавшись детских романов о пиратах, мы с Зили одолжили у мистера Уорнера садовые совочки и целыми днями раскапывали в поисках сокровищ газоны вокруг дома, пока они не стали выглядеть так, будто подверглись нашествию бродячих грызунов.

Я отдала мистеру Уорнеру лопату и молча улыб-

нулась, молясь всем богам, чтобы он не заметил кровь на моей ноге. Повернув в сторону дома, я увидела, что у открытой двери кухни меня поджидает Эстер. Я похолодела от ужаса.

— Айрис? — сказала она.

По ее голосу, выдававшему лишь любопытство, трудно было догадаться, знает ли она о моих приключениях. Я ничего не ответила и пошла в ее сторону, аккуратно переступая через ряды морковок, салата и базилика на овощной грядке миссис О'Коннор, чтобы ненароком не наступить на них — лишенная свободы уничтожать все, что мне вздумается. Эстер оглядела меня с головы до ног, приподняв брови, но никаких атакующих действий не предприняла. Я поняла, что она ничего не подозревает.

— Ты где была? — спросила она. Из-за ее спины показалась Зили, которая, взглянув на меня, тут же отвернулась — уж она-то сразу поняла, где я была.

— Гуляла, — сказала я, прошмыгнув мимо Эстер в кухню и стараясь не смотреть ей в глаза.

— Ты пропустила завтрак. И обед! — сказала она моей удаляющейся спине, пока я пересекала кухню в сторону лестницы, ведущей в девичье крыло.

— Приведи себя в порядок, — крикнула мне Эстер. — Вечером мы едем в город!

В ванной я принялась смывать с себя грязь и кровь — бурая вода закручивалась в спираль и стекала в слив. Освежившись и переодевшись, я отправилась искать сестер в надежде, что они еще не убежали. Двери в родительское крыло были закрыты, в коридоре было темно, и я подумала о маме — должно быть, она сейчас томится там, вдыхая отравленный лилиями воздух. Я задержалась у дверей, размышляя, не рассказать ли ей обо всем — возможно, это принесло бы ей облегчение.

— Айрис? — крикнула снизу Эстер. — Ты где?

Я пошла дальше — на разговор с Белиндой времени не было. Спускаясь по центральной лестнице, я увидела сестер, стайкой столпившихся у выхода. Они, как по команде, повернули ко мне свои лица, и я почувствовала себя дебютанткой на балу. Мне стало не по себе от их внимания, мне казалось, что я виновата перед ними. Пока они не подняли на меня глаза, я и не подозревала, что меня съедает чувство вины. Я оправила платье, волнуясь за гигиенический пояс. Сестры выглядели слегка раздраженными. Должно быть, Зили все-таки наябедничала, и они

все знают. Я смело преодолела последние ступеньки и пробралась вглубь девичьей группы, оказавшись в шуршащем облаке их ситцевых платьиц, окруженная ароматами сирени и жимолости. Они потеснились, освобождая для меня место — тихий шелест семенящих ножек по плитке, все глаза по-прежнему устремлены на меня, темно-голубые и изумрудно-зеленые.

— Наконец-то! — сказала Эстер, вложив в одно-единственное слово столько энергии, что стало понятно — она будет прекрасной матерью. В конце концов, она всю жизнь воспитывала меня.

Эстер открыла дверь, и нас обдало волной зноя. Сестры вышли следом за ней на улицу и сели в автомобиль; я притворила за собой входную дверь, замыкая процессию. Розалинда и Калла сели впереди, рядом с Эстер, а Дафни, Зили и я — сзади. Мы с Зили сидели рядом, наши платья соприкасались, но мы друг на друга не смотрели и не разговаривали.

Эстер везла нас в город. Всеми нашими выездами руководила она, и никто не знал, что станет с этим видом досуга после ее отъезда. Наверное, ее место займет Розалинда — она хоть и провалила экзамен на вождение, но уже вовсю готовилась к новому. Эстер была полноправной

хозяйкой огромного универсала, купленного отцом для мамы, — «Хадсон Коммодор» с деревянной отделкой, за руль которого Белинда ни разу не садилась. Не знаю даже, были ли у нее права.

Я наслаждалась поездкой, хоть и была в этот раз провинившейся. Все сердились на меня, но лишь одна Зили знала точно, почему им действительно следовало сердиться. Пока же они просто были раздражены — я исчезла без причины, да еще и без Зили, а вернулась в плохом настроении. Я опустила стекло и высунулась из окна, отдавшись во власть ветра и разглядывая природу — покатые склоны изумрудно-хризолитовых каньонов, которые я обожала. Цвета я изучала на занятиях живописью — и этот цвет, который я называю коннектикутский зеленый, до сих пор регулярно появляется в моей палитре — и как же я хочу увидеть его вновь своими глазами!

— Айрис, — повернулась ко мне Розалинда, — если ты угодишь лицом в телеграфный столб, кровавые бинты будут плохо смотреться на свадебных фотографиях.

Я втянула голову внутрь. Там уже начали сгущаться тучи, и я не хотела своим неразумным поведением вызвать грозу.

Мейн-стрит, главная улица Беллфлауэр-вил-

лидж, была пустынна. Почти все дети отправились куда-нибудь к воде — в бассейн, на океан, к озеру — в такую жару годился любой водоем. Эстер припарковалась у кафе-мороженого, и мы высыпали на улицу стайкой цветных платьев. В кафе мы заняли угловую кабинку у окна. Эстер с Розалиндой заказали по вишневой коле, а мы с Зили, как всегда, шарики мороженого с клоунской шапочкой из рожка. Дафни заказала самый большой банановый сплит во всем меню и проглотила его за пару минут, Калла же не взяла ничего, а потом они обе извинились и ушли — Дафни на прогулку со своей подружкой Вероникой Крим, а Калла — в библиотеку.

Эстер была явно огорчена их уходом.

— Не так уж много совместных выездов нам осталось, — сентиментально вздохнула она.

— А ты не выходи за Мэтью и останься с нами, — сказала Дафни. Она пыталась пошутить, но вышло иначе — мне показалось, что ее слова лишний раз напомнили Эстер о предсказании Белинды.

— Что ж, идите, — сказала Эстер, а когда они ушли, взглянула на меня. Шансов куда-то уйти у меня точно не было.

Это была моя первая еда за день — клубнич-

ное мороженое неприятно урчало в животе. Эстер и Розалинда разложили на столе свадебные журналы. Наша компания пополнилась их подружками из города — точно не помню, кто именно пришел, но, кажется, там была Полина Попплуэлл. (Да-да, *та самая* Полина Попплуэлл. Теперь я не испытываю к ней большой симпатии, что логично, но в то время я ничего против нее не имела.) Эстер и Розалинда распланировали чуть ли не каждую минуту свадьбы, почти все было готово, и все равно они перерывали журналы в поисках того, что сделает этот день еще более идеальным, хотя свадьба была в ближайшую субботу. Я не могла понять, откуда у них столько сил на это. Приготовления донимали нашу семью много-много месяцев — примерно как ветрянка, которой я болела за несколько лет до этого и которая, слава богу, прошла гораздо быстрее.

Они стали обсуждать медовый месяц, восхищаясь тем, что в это время на следующей неделе Эстер и Мэтью уже будут на борту лайнера «Кьюнард Лайн» на пути в Европу. Они увидят Лондон, Париж, Рим, Афины и в конце поездки — Святую землю, целый месяц путешествий в новом статусе мужа и жены. Эстер уже упаковала чемоданы — платья, сумочки, туфельки в тон, и они

были отправлены в их будущий дом. Нам с Зили были обещаны открытки из каждого города, где они побывают.

Следующим пунктом обсуждения стала прическа Эстер — свое решение о ней Эстер меняла уже тысячу раз. Поднять или распустить? Этот животрепещущий вопрос они обсуждали так, словно участвовали в саммите Организации Объединенных Наций. Зили с готовностью включилась в дискуссию, предложив проголосовать за прически из журналов, которые больше подойдут Эстер. Я смотрела в окно на безлюдную улицу, покусывая шапочку-рожок. Колокольчики на клумбах пожухли и скукожились. Немногочисленные горожане, отдыхавшие на лужайке, лежали на траве, будто их поразила неведомая болезнь. Мужчина в костюме дремал, накрыв лицо шляпой. Ребенок продвигался по траве, пытаясь переползти через сонную мать. Как бы тяжело ни переносилась жара в деревне, в городе было еще хуже. В свой выходной Доуви ездила в Нью-Йорк и потом рассказывала, что город изнывал от зноя — кругом пузырящийся асфальт, раскаленный бетон и потные, красные лица прохожих, словно они все как один трудились в прачечной.

— Тебе какая прическа больше нравится, Айрис? — спросила Эстер, пододвигая ко мне два журнала, открытых на нужных страницах. Пока я глазела в окно, они проголосовали, и два представших на мой суд изображения прошли финальный отбор. На одной — розовощекая брюнетка, мягкие кудри каскадом спадают на открытые плечи; на другой — холодная блондинка, волосы убраны в пучок.

— Какая разница? — сказала я, отодвинув от себя журналы.

— Да что с тобой сегодня? — спросила она.

— Не обращай внимания на эту вредину, у нее гормоны разыгрались, — сказала Розалинда. Она закрыла журналы, и полукруг женских лиц в нашей кабинке нахмурился, словно это было одно существо.

Я не хотела обижать Эстер. Больше, чем кто-либо из сестер, я переживала, когда обижала Эстер. Но сейчас я делала это ради нее. Я пыталась ее спасти.

7

— Назад в пастораль? — спросила Розалинда, когда мы — без Дафни и Каллы — уселись в автомобиль. Зили, оставшись на заднем сиденье

наедине со мной, отказывалась даже смотреть на меня.

Мотор тихо урчал, а Эстер задумчиво сжимала руль.

— Нет, — сказала она, переключив скорость. — Поехали посмотрим дом. *Мой* дом.

Розалинда и Зили с восторгом согласились; Эстер посмотрела на меня в зеркало заднего вида — я ответила ей безучастным взглядом. Она нажала на газ, выехала на Мейн-стрит и повезла нас в резиденцию будущих мистера и миссис Мэтью Мэйбрик из Рая, Нью-Йорк. Никто из нас еще не видел их новый дом, даже Розалинда, к ее большому огорчению. Мэтью завершил сделку лишь неделей ранее, и Эстер не хотела нас приглашать, пока они не обустроятся. Вероятно, она передумала.

Мы выехали из Беллфлауэр-виллидж, вновь пересекли зеленые каньоны, добрались до Гринвича и повернули на шоссе, ведущее в Рай. Мимо нас проплывали рекламные щиты и огромные неоновые вывески, тусклые при свете дня, заправочные станции и бургерные, и все это насыщенных, искусственных цветов — так недалеко от дома, а как сильно они контрастировали с благородными оттенками Беллфлауэр-виллидж

и великолепием «свадебного торта».

Я снова опустила стекло, но высовываться наружу не стала. Эстер, Розалинда и Зили без устали болтали о свадьбе — на этот раз о цветах и о том, что Эстер, увы, для своего букета не может взять цветы из маминого сада, где все поникло от жары, и вынуждена заказывать их в Нью-Йорке.

За весь день имя Белинды было упомянуто впервые. С того ужина наша жизнь протекала без матери, как, впрочем, и всегда, и сестры как будто не замечали этого или не придавали этому значения. При этом я подозревала, что верно было и обратное: Белинда вряд ли знала, что нас нет дома.

Когда мы съехали с шоссе на Бостон-Пост-роуд, вокруг нас вновь встали деревья. Эстер провезла нас мимо вокзала, откуда Мэтью собирался ежедневно ездить на работу в город.

— Он наслаждается последними деньками городской жизни, — сказала Эстер, пропуская девушку с коляской, переходившую дорогу. Эстер и Мэтью не виделись больше недели. Мэтью в преддверии свадьбы и медового месяца долго засиживался на работе, а вечером у него был мальчишник — и даже, кажется, не один.

— Скорее последними деньками свободы, —

сказала Розалинда. Я проследила за выражением лица Эстер, но та только рассмеялась. Кто бы ни говорил о свадьбе, речь всегда шла о том, что для Эстер все только начинается, а для Мэтью — заканчивается. Я не могла понять почему — ведь это Мэтью ухаживал за Эстер, это Мэтью сделал ей предложение, это Мэтью везде проявлял инициативу — а Эстер оставалось только сказать «да».

Розалинда легонько толкнула Эстер локтем.

— Я шучу, сестренка. Хотя я бы предпочла жить в городе, а не здесь, — добавила она, разглядывая прачечную и банк, мимо которых мы проезжали. — «Приезжай скорее в Рай и со скуки умирай». Новый девиз этого города.

— А по-моему, Роззи, — откликнулась Эстер, — здесь очень мило. Ты же знаешь, городская жизнь — не для меня. Каждый раз, когда я приезжаю в Нью-Йорк, у меня раскалывается голова.

— Ну тогда хотя бы заведи небольшую квартирку в центре города. Она тебе может понадобиться.

— Понадобиться для чего?

— Для того чтобы не сбрендить тут окончательно, вот для чего. Вспомни нашу мать. А ведь это у нас в крови!

— Роззи, — снова попыталась образумить ее

Эстер, взглянув на нас с Зили в зеркало заднего вида и стараясь понять, прислушиваемся ли мы к их разговору.

— Что у нас в крови? — спросила Зили.

— Ничего, — ответила Эстер. — С нашей кровью все в порядке.

Женщина с коляской перешла дорогу, и Эстер снова нажала на газ, доехала до конца основной дороги и свернула в жилые кварталы. Сама она была здесь лишь дважды, поэтому по пути несколько раз поворачивала не туда. До свадьбы домом занимался Мэтью, но после переезда Эстер собиралась взять все в свои руки.

— Он сказал, что остальную мебель я могу выбрать сама, — взахлеб рассказывала она, не отрывая глаз от дороги, — и обои тоже! Он мне выделит на это бюджет, но, зная Мэтью, можно предположить, что мне его хватит с лихвой.

— Он знает, что женится на женщине с отменным вкусом, — сказала Розалинда. — Когда ты закончишь обставлять дом, ты можешь стать профессиональным декоратором.

— Он никогда не допустит этого, ты же знаешь.

— Шучу. Я знаю, что он человек *строгих правил*.

— На которые я с радостью согласилась. Я и не

собиралась думать о карьере.

Вскоре мы проехали мимо вывески «Эплсид Эстейтс» — нового жилого района Эстер и Мэтью, где все дома были построены совсем недавно, а через несколько минут свернули на Граус-корт, в глухой закуток, в самой середине которого стоял купленный Мэтью дом.

Перед поворотом на Граус-корт Эстер притормозила, чтобы мы смогли разглядеть дом со стороны улицы.

— Мэтью говорит, такие дома называются «четыре на четыре», — сказала она. — Четыре комнаты внизу, четыре наверху. Абсолютная симметрия.

Это был квадратный дом, выкрашенный в белый цвет, с крутой двухскатной крышей и трубой из красного кирпича. Четыре окна на первом этаже были расположены на одной линии с четырьмя окнами на втором, каждое было прикрыто декоративными черными ставнями. Весь дом легко поместился бы на лужайку перед «свадебным тортом» и даже не занял бы ее всю.

— Вам нравится?

— Еще как! — сказала Розалинда.

— Он сказочный! — сказала Зили, придвинувшись ко мне, чтобы получше рассмотреть дом.

— Забудь все, что я говорила, я хочу такой же, он просто прекрасен! — сказала Розалинда.

— Это же не сумочка, Роз.

— Знаю, но я все равно хочу такой вместе с мужчиной, который к нему прилагается. Парный комплект.

На Граус-корт было еще два дома, по обе стороны от центрального особняка Эстер и Мэтью: один тоже в колониальном стиле, желтого цвета, а второй — коричневатый, похожий на амбар. На тротуаре у желтого дома стояла маленькая девочка — ей было не больше года, из одежды на ней был только подгузник, а во рту болталась бутылочка. Ее живот свешивался над слишком туго затянутым подгузником.

— Вы только посмотрите на этот ужас, — сказала Розалинда, и мы все уставились на девочку. — Прямо горгулья Нотр-Дама. Где ее мать?

И тут же из дома вынырнула изможденного вида молодая девушка, по виду — старшеклассница, которая подняла девочку и унесла ее в дом.

— Няня, — сказала Эстер.

— Номер телефона у нее не проси, — откликнулась Розалинда.

8

Я так хорошо помню дом Эстер, каждый его дюйм, будто видела его только вчера. Он, как говорят, выжжен в моей памяти. Его детали отпечатаны в преисподней моего разума — прямо в мягких тканях, в которые проник тот июньский день: вокруг него наложили швы, а рану прижгли (отсюда и «выжжен»). Там и белый колониальный дом по адресу Граус-корт, 64 (видите, я и это помню), и, наверное, весь «Эплсид Эстейтс» с его аккуратными клумбами и изгородями, с фонарями, которые освещают мне путь, когда я теряюсь в чертогах своего разума.

Внутри пахло свежей краской и сосной, что совсем было не похоже на затхлое, вековое дыхание «свадебного торта». Голые белые стены, почти никакой мебели. Недалеко от входной двери начиналась лестница на второй этаж. Слева две ступеньки спускались в гостиную, где были завернутые в целлофан диван, кресло с подголовником и кофейный столик. Справа располагалась столовая — длинный стол из красного дерева, шесть стульев и буфет для посуды, тоже в целлофане.

Новый дом я видела впервые в жизни. Он был

одновременно и пуст, и полон возможностей. Зили убежала смотреть задний двор — огороженную забором лужайку с молодыми деревцами, высаженными в круг. Эстер показывала Розалинде дом, и я осталась с ними. Они переходили из комнаты в комнату, я же плелась позади: Эстер указывала на разные предметы, а Розалинда предсказуемо всем восхищалась. Когда Эстер говорила, куда поставит свадебные подарки — вазу или пару хрустальных подсвечников, я мрачно отмечала про себя, что эти вещи теперь покоятся в лесной могиле. Эстер сказала, что из поездки в Европу хочет привезти картину, которая займет почетное место над камином.

— Если ты как следует попросишь, папа разрешит тебе забрать портрет Энни Оукли, — пошутила Розалинда.

— Нет, спасибо! Никакого оружия в этом доме.

— А пистолет в тумбочке? Он бы тебе пригодился на случай ограбления!

— Здесь нет преступности, — заверила ее Эстер. — Это привилегированный район.

Они пошли наверх, а я присела на диван в гостиной — сквозь целлофан просвечивала белая обивка с голубыми цветами. Кругом цветы. Я слышала их шаги на втором этаже — они быстро

переходили из одной спальни в другую. В комнатах было пусто, смотреть было особо не на что. Они говорили о том, где можно обустроить детскую, и Розалинда сказала, что она им наверняка понадобится уже следующим летом, а я вспомнила девочку-гаргулью с бутылочкой во рту.

— Ты уверена, что хочешь провести здесь свою первую брачную ночь? — приглушенно сказала Розалин-да, но ее голос отражался от стен и эхом прокатывался по лестнице — Розалинда никогда не осознавала, как громко она разговаривает. Даже с такого расстояния я услышала преувеличенную скандальность в ее голосе на словах «брачная ночь».

Я имела некоторое представление о том, что такое брачная ночь. Дафни объясняла нам с Зили какие-то элементарные вещи о сексе. Она говорила, что после первого раза с мужчиной на простынях остаются следы крови и что все мужчины хотят видеть эти следы, ведь они доказывают, что они взяли в жены девственницу. На вопрос Зили о том, откуда идет кровь, Дафни ответить не смогла. Ее рассказы были поверхностными — скорее всего, она и сама половину не понимала.

Ожидая сестер, я стала думать о том, что ска-

зала бы Дафни о новом доме. Вполне вероятно, что Эстер привезла нас сюда как раз потому, что с нами не было Дафни и ее острого язычка. Из всей семьи только Дафни позволяла себе сквернословить, читать дешевые романы и приносить домой всякие непристойности вроде той фотографии обнаженной женщины, которую она вырезала из журнала, или старой карточки викторианских времен с голым мужчиной на голой женщине. Откуда она все это брала, мы не знали — наверное, то было влияние ее подруги Вероники, с которой она проводила время, пока я тут терпела эту экскурсию на Граус-корт.

— Разве это не романтично? — донесся сверху голос Эстер. — Провести брачную ночь в собственном доме?

— В роскошном отеле было бы романтичнее.

— Ох, Роз, — сказала Эстер. За сегодняшний день она уже раз сто повторила «Роз» или «Роззи» своим особым тоном, с игривым укором. Я представила, как Мэтью уходит на работу, а она остается здесь одна на весь день, и когда она говорит: «Ох, Роз!», ей никто не отвечает.

— Мы проведем здесь всего две ночи перед медовым месяцем. Он сказал, что в пятницу нам в доме быть нельзя — думаю, он запланировал

что-то на день после свадьбы.

Розалинда театрально вздохнула.

— Ты уж вспоминай обо мне в цветочном магазине! — сказала она. — А то, пока ты будешь в Европе, я попрошу Дафни пробраться сюда, взломать замок и разрисовать все стены, как у нас дома. Только представь: пустынный пейзаж с перекати-поле в гостиной, венерина мухоловка в спальне…

— Перестань!

— Морские водоросли в ванной, заколдованный дуб в детской…

— Только попробуйте!

Они спустились вниз, и я встала с дивана и пошла за ними на кухню — следующий пункт в программе экскурсии. Здесь царил ослепительный желтый — шкафчики и бытовые приборы лимонного цвета, ламинированная столешница с золотистыми вкраплениями. Напротив стеклянных дверей, ведущих на задний двор, было пустое место, где вскоре встанет стол, за которым дети Эстер будут поедать хлопья и тосты перед выходом в школу, а Мэтью — читать газету за утренним кофе, и все это, конечно, приготовит Эстер, ведь кухарки у них не будет. Эстер открывала шкафы и показывала Розалинде их

содержимое — пакет муки, бутылочка растительного масла, смеси для выпечки, баночки горошка.

— Когда мы приезжали сюда в прошлый раз, я попросила Мэтью свозить меня в супермаркет, чтобы купить все это, — так ведь гораздо уютнее.

— Пожалуйста, не говори мне, что снова собираешься готовить, — сказала Розалинда.

— Я ведь скоро стану замужней женщиной. А Мэтью от меня этого ждет.

Произнося его имя, Эстер подняла левую руку и полюбовалась кольцом с камнем — это был инстинктивный жест, как поглаживание живота беременной женщиной.

— Какой смысл иметь богатого мужа и не пользоваться всем, что к этому прилагается? Даже наш прижимистый отец не жалеет деньги на кухарку. С тем же успехом ты могла бы жить в пещере и носить мешковину вместо одежды.

— Мы на пороге новой эпохи, — ответила Эстер. — На дворе 1950 год.

— Пф-ф, — фыркнула Розалинда и повернулась ко мне: — Ты сегодня ни слова не проронила, противное ты создание. Фазенда Мэйбриков тебя не впечатляет?

Я пожала плечами, пытаясь разглядеть из две-

рей кухни, где там Зили. Она бегала по лужайке за белым котом — видимо соседским. Маленький огороженный дворик наглядно демонстрировал то, что я думала об этом доме: это тупик. Я завидовала тому, что Эстер теперь может вырваться из «свадебного торта», но новый дом не был для меня олицетворением свободы — его низкие потолки и тонкие стены, его идеальная симметрия и крошечная полоска зелени на заднем дворе, и все это зажато между другими домами. Здесь не было простора, нечем было дышать, негде спрятаться, никаких секретов. А наш «свадебный торт» был полон секретов.

— Айрис, ты расстроилась из-за тех маминых слов? — спросила Эстер. — Иначе как еще объяснить твое поведение?

Я повернулась к ней, она стояла у плиты.

— Я не хочу, чтобы с тобой случалось что-то ужасное.

В тесноте этого дома на меня накатил приступ паники, стало трудно дышать.

— Зачем тебе сюда переезжать? — спросила я. — Почему ты не можешь сначала окончить коллеж и только потом выходить замуж?

Эстер снова посмотрела на кольцо и нахмурилась. Я продолжала причинять ей боль и сама

страдала от этого.

Розалинда подошла ко мне, стуча каблучками по линолеуму. Она схватила меня за плечи и встряхнула так, чтобы я посмотрела ей в глаза.

— Мама вечно пугает нас своими мрачными мыслями, но это все неправда. — Она замолчала, хотя было видно, что она не закончила. — Как бы тут выразиться поделикатней… — Она прикусила нижнюю губу, как и всегда, когда задумывалась. — Ты ведь знаешь, что когда наша мама родилась, *ее* мать умерла?

Я кивнула. Тогда еще я мало знала о мамином прошлом, но мне было известно, что ее мать звали Роуз, и что та умерла в родах, и что Белинда ненавидела розы.

— Это ужасно травмировало нашу бедную маму — шутка ли, своим появлением на свет убить собственную мать! От этого и все ее проблемы. — (Видите? Мы все и всегда пытались докопаться до сути проблем.) — А хуже всего то, что она не знает, каково это — быть матерью, потому что сама выросла без материнской заботы. Понимаешь? Она запуталась и все испортила, но это не ее вина. Это как если взять волчицу из леса и заставить ее воспитать шесть человеческих детей.

— Роззи, — сказала Эстер.

— Не так уж я и преувеличиваю. Эти ежедневные завывания. Боже милостивый.

Тогда мне пришла в голову мысль — раньше я об этом не задумывалась. Я хотела додумать ее, прикусив нижнюю губу на манер Розалинды, но они ждали моего ответа.

— А вдруг с тобой случится то, что случилось с бабушкой Роуз, — сказала я. — У тебя будет ребенок, и тебя ждет смерть в родах.

Эстер вздрогнула. Как грязному следу на полу, слову «смерть» было не место в ее блестящем новом доме.

— Так ты этого боишься? Что я умру, рожая ребенка?

— Здесь нет смерти, — сказала Розалинда. — Это привилегированный район.

Эстер ответила ей хмурым взглядом, а потом повернулась ко мне.

— Уверяю тебя, ничего подобного со мной не случится. В наши дни женщины не умирают во время родов.

— Но Айрис в некотором смысле права, — сказала Розалинда. — В воспаленном мозгу нашей мамы брак означает секс…

— Розалинда! — Эстер была в ужасе: сначала смерть, теперь секс.

— Помолчи немного, дорогая, — сказала Розалин-да. — Айрис уже большая. Так вот, мама считает, что брак значит секс, секс значит ребенок, ребенок значит смерть. Все это было у ее матери, бабушки и так далее.

— Но наша мать не умерла, — сказала Эстер, раздражаясь. — У нее родилось шестеро детей, и она выжила. Так что это все ерунда.

— Она несет в себе ужасы прошлого. Она и сама продукт этого прошлого, и — хотя мне и неприятно об этом говорить — мы тоже. — Розалинда вздрогнула. — И что еще хуже, она ненавидит нашего отца и никогда не хотела замуж. Нас она тоже никогда не хотела.

— Ужасно так говорить, — сказала Эстер.

— Конечно, ужасно. Но это правда. Ее жизнь после встречи с отцом и стала для нее в некотором роде смертью, вам не кажется? Быть может, это и есть то самое «ужасное», от которого Эстер, по мнению мамы, должна держаться подальше.

Эстер подошла к нам, словно пытаясь опередить Розалинду, пока та еще чего-нибудь не наговорила. Судя по всему, они планировали эту беседу, только она пошла немного не так.

— Основная мысль, которую мы хотели до тебя донести, состоит в том, что ничего ужасного ни с

кем не случится, честно. Свадьба — это прекрасное, счастливое время, и я хотела бы, чтобы тебе оно тоже принесло радость.

Я кивнула, но только чтобы успокоить ее. Спорить с ними было бесполезно, мне это было очевидно. Я не была уверена в том, что Белинда права, как не была уверена в том, что она ошибается. Безголовая невеста в лесной могиле, голос Эстер, зовущий меня, — все это было.

— Можно, я посмотрю верхние комнаты? — спросила я в надежде побыть одной.

Эстер вздохнула с облегчением и разрешила мне подняться на второй этаж, позвав Розалинду смотреть комнату для стирки.

— О, чудненько, — откликнулась Розалинда.

Поднявшись по лестнице, я остановилась. Весь второй этаж занимал меньше места, чем девичье крыло в нашем доме. Две спальни по обе стороны от лестницы, а впереди — ванная комната в пепельно-розовых тонах. В главной спальне уже стояла богато декорированная кровать с балдахином, ее пружинная сетка и матрас были завернуты в целлофан.

Я присела на краешек кровати, а потом откинулась назад. Белизна стен здесь казалась бесконечной, ослепляющей, особенно по сравнению

со спальнями в нашем доме. Снизу доносились голоса Эстер и Розалинды, иногда я слышала обрывки их фраз.

— Яйцо пашот? Отлично! — сказала Розалинда.

Я раскинула руки и стала водить ими вверх и вниз по гладкому целлофану. Скоро у молодоженов будет брачная ночь. Эстер ляжет в эту постель, а сверху — Мэтью, и они будут раздеты, как та парочка на фотографии.

— Ох, Роз, — сказала внизу Эстер, и я подумала, откуда, интересно, должна взяться кровь.

9

Вернувшись домой, мы обнаружили в холле новые коробки свадебных подарков, изысканно упакованные в бумагу золотистых, серебряных и нежно-кремовых оттенков, с роскошными бантами и лентами. Мы взяли по паре коробок и направились вслед за Эстер в библиотеку — тут-то, думала я, и раскроются мои злодеяния. Пока мы шли за сестрами по длинному коридору, Зили обернулась и бросила на меня обеспокоенный взгляд. Я немного отстала от процессии, ожидая вот-вот услышать крики и причитания.

Однако же Эстер ничего не заметила, попросила нас оставить подарки у входа и, едва заглянув

в библиотеку, направилась к себе в спальню, увлеченная разговором с Розалиндой. Я опустила коробки на пол и посмотрела на столы с нераспакованными подарками: на тех местах, где когда-то был сервиз и хрусталь, ныне зияли пустоты.

Из спальни Эстер и Розалинды донеслись радостные крики, а потом еще и еще, умножаясь, словно эхо. Войдя к ним, я увидела, что Доуви принесла платья цветочниц для нас с Зили, которые прибыли с доставкой чуть раньше. Это были миниатюрные версии привезенных несколько недель назад платьев подружек невесты — Розалинды, Каллы и Дафни. Все платья были нежно-зеленого цвета, оттенка морской пены, что, как мне казалось, прекрасно подходило для свадьбы с морским существом. Эстер не знала — и никогда не узнает, что я так его про себя называла. Выбор цвета, объясняла она, был связан с Кейп-Кодом — местом, где она познакомилась с Мэтью и где наша семья провела много счастливых дней.

— Платья просто прелестны! — сказала Доуви с выражением счастья на лице: как всегда, это была едва заметная улыбка, по сравнению с которой Мона Лиза показалась бы просто во-

площением восторга.

Эстер подняла платья на деревянных вешалках, чтобы мы могли их рассмотреть, а когда Зили попыталась схватить одно, отвела руку в сторону — примерить их мы могли только на следующий день, после ванны. Мы знали, что они нам по размеру — однажды мы уже надевали их в магазине на Медоу-стрит, а потом Эстер отдала их в ателье на вышивку, и теперь у горловины блестели яркие бусинки в форме ракушек.

— Что за веселье? — спросила Дафни, войдя в комнату. На ней были шорты (нам не разрешалось носить шорты), открывавшие шершавые коленки и небритые ноги. За ней шла Калла, часто моргая, как будто только что проснулась.

— Платья цветочниц привезли! — сказала Зили, Дафни крякнула и плюхнулась на кровать Розалинды.

Вскоре платья отправились в шкаф Эстер, но сюрпризы на этом не закончились.

— Ваш отец уехал в Бостон и вернется только поздно вечером, — сказала Доуви. Сегодня вас ждет холодный ужин, и можете съесть его, когда захотите.

Доуви ушла, и Розалинда сказала с нарастающей радостью в голосе, хлопая в ладоши:

— Знаете, что я думаю? Давайте устроим девичник!

— О, давайте, как здорово! — Эстер прижала руки к груди. Она уже начинала скучать по нас.

Эта идея обрадовала всех, даже наименее впечатлительных Каллу и Дафни, хотя недавно к их лагерю извечных скептиков присоединилась и я. Девичник означал пикник: на улице, если было тепло, или — в холодную погоду — в нашей гостиной. Отец всегда настаивал на горячем ужине, даже в самые жаркие вечера, и, осознав, что на сегодня мы освобождены от чопорного ужина в душной столовой, где мамино место снова будет пустовать и всем будет неловко, мы почувствовали необычайную легкость.

Время до ужина мы провели на бледно-изумрудных диванах в нашей гостиной, такой зеленой, словно в ней навстречу весне распустились молодые почки деревьев. Эстер принесла поднос с помадами, чтобы выбрать подходящий цвет для свадьбы, и Розалинда наносила разные тона себе на губы, чтобы показать Эстер, как они выглядят на ком-то еще. Розалинда брала помаду, красила губы, улыбалась, складывала губки бантиком, посылала воздушные поцелуи, а потом стирала ее салфеткой и наносила другую — все

они были красно-розовых оттенков. Увидев на Розалинде семь разных тонов, от фуксии и амаранта до «цвета балеток» и «яркой гвоздики», Эстер остановила свой выбор на оттенке «цветение вишни» — весеннем, нежно-розовом. Он был ее фаворитом уже давно, и Розалинда, выступавшая за «матовый коралл», решила, что все ее старания как модели пропали втуне. Потом Калла почитала нам Теннисона — но, кроме меня, ее никто не слушал. Зили забрала поднос с помадами и уселась с ним в углу, пробуя нанести их одну за другой, новый слой поверх предыдущего, и вскоре у нее на губах образовалась смесь из всех оттенков розового. Эстер и Розалинда болтали, орудуя пилочками для ногтей, а Дафни рисовала.

Калла продолжала читать, не отвлекаясь на шутки и вспышки смеха, пока в комнате не стало так шумно, что Розалинда сказала: «Я есть хочу, пойдемте уже!»

Забрав с кухни еду, мы отправились на луг, прихватив с собой пледы, корзинки для пикника и фонари со свечами на вечер. Мы миновали заднюю часть дома и ночной сад Белинды, который она называла «лунным» — здесь росли цветы, распускающиеся по ночам и отдающие

свой аромат только с заходом солнца: белый гелиотроп, тубероза, энотера, ночная красавица и луноцвет — ветвистая лиана светящихся в темноте звездочек. Воздух был наполнен ароматами апельсина, лимона и ванили; я с наслаждением вдохнула его, а когда посмотрела вверх, вздрогнула — у окна спальни стояла Белинда: белая ночная сорочка, длинные белые волосы распущены, в руках — свечка в банке.

Я остановилась и крикнула:

— Мама!

Сестры, испуганные резким звуком, одна за другой обернулись, налетев друг на друга. Белинда не смотрела на нас — ее взгляд был устремлен далеко вперед. Может быть, она подошла к окну, услышав наши голоса. Даже издалека она казалось испуганной, словно готовила себя к приходу ночи. Должно быть, вид заходящего солнца наводил на нее ужас — ведь то был час пробуждения призраков.

Розалинда что-то пробормотала, и они с сестрами пошли дальше, оставив меня стоять под окнами.

— Мама, я здесь! — еще раз закричала я, надеясь, что она опустит глаза и увидит меня. Мне хотелось развеять ее ночной морок, чтобы она

улыбнулась. Но она лишь задула свечу и растворилась в облаке дыма.

10

Летом наш луг пестрел россыпью полевых цветов: красный мак и монарда, голубые васильки и люпин, желтоглазые маргаритки и черноглазые рудбекии. Некоторые растения достигали половины человеческого роста. Для нас это был укромный уголок. Дом отсюда виден не был — окруженный высокими деревьями, он был скрыт из виду, как Центральный парк, со всех сторон окруженный небоскребами.

Мы скинули обувь и разложили пледы, по одному для каждой пары сестер, и тут же распахнули корзиночки с едой, приготовленной миссис О'Коннор: мы все страшно проголодались. Салфетки и приборы мы не захватили, поэтому просто выложили все тарелки в середину — туда, где соприкасались наши пледы, — и стали есть руками, отправляя в рот ярко-розовые кусочки холодной семги, в два укуса поедая вареные яйца, сдирая зубами мясо с куриных ножек и раскидывая косточки. Порой мы действительно напоминали стадо голодных животных. Съев все мясо, мы начисто вытерли тарелки кусочками

хлеба, предварительно разорвав руками круглую буханку черного. Мы поглотили пшеничные крекеры с ломтями сыра чеддер, а потом опустошили банку зеленых оливок, выплевывая косточки в траву. Затем настал черед овощей — бланшированной стручковой фасоли и редиса с маслом. Расправившись с последовавшим за этим десертом — печеньем с корицей и лимонадом, — мы откинулись на пледы, чтобы перевести дух.

Небо окрасилось полосками розового, потом оранжевого; мы какое-то время молчали. Никто не захотел сказать вслух то, что думала каждая из нас: это наш последний настоящий совместный вечер. На следующий день Эстер идет на барбекю к родителям Мэтью, а через день — репетиция свадьбы; она будет волноваться и готовиться, и ей будет не до бездельничанья с нами. В воздухе витала грусть, но я чувствовала не только это — во мне колотилась мысль, что время уходит и что я сделала недостаточно.

Калла увлекла Зили плетением венков из маргариток, и они тихонько сидели на краешке пледа, соединяя упругие стебельки. Дафни достала из кармана пачку сигарет и спички.

— Тебе обязательно это делать? — спросила Эстер, приподнимаясь и поправляя руками хво-

стик.

— Вообще-то да.

— Я тоже хочу, — сказала Розалинда, пододвигаясь к Дафни; и они обе, скрестив ноги, склонились над горящей спичкой, как два больших насекомых.

Дафни зажгла свечи в двух фонарях, а я тоже стала плести венок из маргариток.

— Давайте поедем куда-нибудь, — сказала Розалин-да, выдохнув облако дыма и закашлявшись. — Например, в Нью-Йорк, на танцы.

— И как мы туда доберемся? — спросила Эстер, включившись в игру.

— Ты отвезешь нас до гринвичского вокзала, а оттуда мы поедем на поезде, — сказала Дафни.

— Серьезно, Дафи? — сказала Эстер. — *Ты* хочешь поехать в Нью-Йорк танцевать с мальчиками?

— В Нью-Йорк ездят не только за *мальчиками*, — сказала Дафни, которая курила с гораздо большей легкостью, чем Розалинда.

— Кого волнуют какие-то мальчики? — сказала Розалинда. — Мне нужен мужчина!

– *Роззи*, — сказала Эстер.

— К Рождеству у меня должна состояться помолвка, а к июню — свадьба. Этим летом, Эстер,

дорогая, выходишь замуж ты, ну а следующим — я. Через пару лет настанет черед Каллы, а после нее…

— Вот уж дудки, — сказала Дафни.

— Ах да, ты же собралась в *художественную школу* в *Европе*, — сказала Розалинда, кривляясь.

— Ты и твой зануда-муж можете иногда меня навещать, — ответила Дафни. — В Париже, я полагаю. Или в Амстердаме.

Розалинда нахмурилась:

— Почему ты думаешь, что мой муж обязательно будет *занудой*?

— Пару дней назад ты сказала, что тебе все равно, кем он будет, лишь бы ты упорхнула из отчего дома следующим летом. Не так уж много времени, чтобы найти идеального мужчину.

— Пфф, — ответила Розалинда. — Может, мы *вообще* не поедем ни в какую Европу. Так, на чем я остановилась? — Розалинда рассеянно обвела взглядом сестер, развалившихся на пледах. — Ах да. За мной последует Калла, Дафни мы пропускаем, значит, за Каллой — Айрис, но ей придется подождать несколько лет.

— Да уж, точно придется, — сказала Эстер.

— Потом наконец придет черед Зили, — продолжила Розалинда.

— Почему это я всегда последняя? — отозвалась Зили.

— Потому что ты *и есть* последняя, Зили, дорогая. Так вот, моя очередь настанет уже следующим летом, — сказала Розалинда. — Мне нужно найти мужчину, а на деревьях они не растут, знаете ли. А вдруг сегодня самый важный вечер в моей жизни?

— Да перестань ты уже, — сказала Дафни.

— Только представьте, сколько их там — роскошные вечеринки, ночная жизнь, — сказала Розалинда, двигаясь в такт воображаемому ритму. Когда она упоминала Нью-Йорк, она всегда говорила «там» и вытягивала руку, словно весь город помещался в нашем сарае. — Они все там, а мы — *здесь*, в каком-то лесу, одичавшие, грязные и невоспитанные…

— Ну хватит, правда, — сказала Эстер. — Мы вовсе не грязные, большое спасибо.

Слова Розалинды нас всех покоробили, но ведь в каком-то смысле она была права, хоть я и поняла это гораздо позже. Мы не были грязными или одичавшими, но наш культурный уровень нельзя было назвать высоким, при нашем-то социальном статусе и обеспеченности. И пускай мы жили недалеко от Нью-Йорка, во всех нас

было что-то *деревенское*, словно мы — это шесть кристаллов розового кварца, только что извлеченных из-под земли, но еще не отшлифованных. Неудивительно, что Эстер выбрала жизнь в пригороде: в нью-йоркском обществе она стала бы овечкой, окруженной волками. Мы никогда не были в Европе, хоть война и осложнила возможности путешествовать. Но мы и за пределы северо-восточных штатов никогда не выезжали. По сравнению с обычными американскими девушками мы, возможно, и жили как принцессы, но в отличие от других представительниц нашего класса опыта у нас не было практически никакого.

— Мы должны поехать в Нью-Йорк *сегодня*, иначе нам не запустить череду нужных событий, — сказала Розалинда. — А для тебя, Эстер, дорогая, это будет последний *кутеж* перед замужней жизнью.

— Когда это у нас был хоть какой-нибудь *кутеж*? — спросила Калла, не отрывая глаз от венка маргариток.

— Вот именно! Нам и повеселиться-то толком не довелось! — сказала Розалинда.

— Повеселитесь в субботу на моей свадьбе, или вы о ней уже забыли?

— Что-то такое слышали, — откликнулась Дафни. — Всего лишь каждую минуту каждого дня.

— Когда ты выйдешь замуж, для танцев будет слишком поздно, — сказала явно разочарованная Розалинда.

— Слишком поздно? — сказала Эстер. — Боже, меня же не в тюрьму посылают!

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, — сказала Розалинда. — После свадьбы ты уже не сможешь ходить со мной по вечеринкам и знакомиться с *мужчинами*.

— Я и *сейчас* не могу, — сказала Эстер, раздражаясь, но стараясь не выдавать этого. — Не переживай, я буду жить рядом, и мы еще сто раз повеселимся.

— Ну и ладно, — сказала Розалинда, легко отступаясь; она затевала это просто ради забавы.

Мы бы никогда не уехали вот так, неожиданно, в Нью-Йорк, не спросив разрешения у отца, которого, впрочем, он бы и не дал. Мы всегда были примерными девочками. Даже Дафни, самая испорченная из нас, по большей части вела себя прилично. Когда наша сестринская группа достигла определенного возраста, за нами практически перестали следить, но мы не отбились от рук. Такое впечатление, что вокруг

нашего дома был электрический забор — из тех, что устанавливают для собак, чтобы они далеко не убегали, иначе их ударит током. Однажды хозяин может отключить забор, потому что собака знает свою территорию и больше не пытается ее покинуть. Вот и мы были такими. Притихнув, мы слушали музыку леса — стрекотание сверчков и кузнечиков, серенады лягушек. В фонарях мерцали свечи, отражаясь от стекла и создавая причудливые узоры на пледах.

Луна, все это время прятавшаяся в синеве, наконец показалась на фоне потемневшего неба, и Калла, словно повинуясь тайному знаку, поднялась на ноги.

— Ночь, летучая мышь[10], — сказала она.

Она встала за спиной Эстер, держа в руках венок из маргариток, и попросила ее распустить хвостик. Эстер повиновалась, и ее темные волосы волнами упали на плечи. Калла подняла над ее головой венок, состоявший из трех переплетенных кругов маргариток.

— И пылание розы вошло мне в грудь, — продекламировала она своим звучным поэтическим голосом.

---

[10] Сноски: 10

А. Теннисон. Выйди в сад поскорее, Мод. Перевод Г. Кружкова.

— Как прекрасно! Чьи это стихи?

— Теннисона! — хором ответили мы.

— А вот Мэтью ненавидит поэзию, — сказала Эстер.

— Значит, тебе не стоит выходить за него, — сказала Калла.

— Придется выйти, свадьба уже в эту субботу. — Эстер рассмеялась, хоть и немного нервно, будто защищаясь.

— В это время на следующей неделе ты больше не будешь невинна, — сказала Дафни.

— Ну, Даф! — воскликнула Эстер, посмотрев на нас с Зили, и, будто по команде, Зили тут же спросила:

— Что значит «невинна»?

Эстер поднесла руку ко рту, чтобы скрыть улыбку, и с мольбой взглянула на Розалинду.

— Это значит *виновна*, только наоборот, — объяснила Розалинда.

Очень торжественно, без тени кривляний, Калла водрузила венок из маргариток на голову Эстер.

— Нарекаю тебя королевой-розой девичьего сада распускающихся бутонов, — сказала она. — Свети нам, милая головка, лучись прелестными кудрями, дари тепло нашим цветам и будь наве-

ки нашим солнцем.

Розалинда взяла один из фонарей и поставила его перед Эстер — получилось как будто солнце. Поджав под себя ноги, Эстер величественно восседала на пледе, изображая королеву. Свет фонаря выхватывал из темноты ее розовый сарафан и озарял ее румяное, улыбающееся лицо; белые лепестки маргариток, короновавшие ее каштановые локоны, сияли и переливались над ее головой. Она сидела, купаясь в нашем обожании, и этот образ был таким невыносимо прекрасным, словно все это происходило не по-настоящему. Мы взялись за руки, вдыхая ароматы луговых цветов и слушая стрекотание насекомых, а вокруг нас мерцали светлячки, окружая наш тесный кружок из шести сестер живым ожерельем.

Этот короткий момент останется со мной навсегда. Словно фотовспышка, он периодически возникает у меня перед глазами: Эстер, королева девичьего сада распускающихся бутонов, свет ее кожи, отблеск маргариток. Я вижу перед собой этот образ в самых обыденных ситуациях — за рулем или в супермаркете. Этот миг избежал участи других моих воспоминаний и был похоронен не так глубоко, как остальные, и время от времени он вдруг встает передо мной, а потом

так же быстро исчезает. Последний счастливый миг моего детства.

11

В период ухаживаний и после обручения Эстер успешно ограждала нас от встреч с Мэтью и его семьей. Когда Мэтью приезжал за ней, она обычно ждала его на улице, даже зимой, чтобы ему не пришлось заходить в наш особняк, где он мог наткнуться на Белинду, испытать на себе странности поведения Каллы и Дафни или подвергнуться бесконечному допросу со стороны болтушки Зили. Вряд ли что-то из этого заставило бы его сломя голову бежать прочь отсюда (ну, кроме Белинды), но мне кажется — хотя, конечно, я никогда до конца не пойму, что происходило в голове моей сестры, — что она боялась потерять его, боялась, что его уведет какая-нибудь более практичная и эффектная особа, без этих жизненных сложностей, девушка из семьи, репутация которой омрачена лишь парочкой адюльтеров или нечистоплотных финансовых делишек — иными словами, обыденными, заурядными скандалами, которые то и дело случаются среди богатых, но даже близко не напоминают тайны семьи Чэпел, с их контактами со сверхъесте-

ственным, уединенностью, бесконечной чередой сестер с цветочными именами, и ни одного наследника мужского пола вокруг.

Будущие молодожены проводили время в компании семьи и друзей Мэтью: на вечеринках в прибрежных особняках Коннектикута и Лонг-Айленда, на ужинах и концертах в Нью-Йорке и на летней вилле Мэйбриков в Гудзонской долине. Иногда к ним присоединялась Розалинда, увлеченная поиском будущего мужа. Они уезжали втроем, а когда Мэтью привозил их домой, Эстер никогда не приглашала его в дом. Возможно, это лишь добавляло ей привлекательности.

Но когда до свадьбы оставалось два дня, Эстер больше не могла держать оборону. Мэтью с родителями и младшей сестрой направлялся из Нью-Йорка в Нью-Хейвен, где жил брат миссис Мэйбрик, декан Йельского университета, со своей семьей. Миссис Мэйбрик предложила Мэтью заехать к нам на пару коктейлей, а потом забрать Эстер и Розалинду на барбекю, которое в честь какого-то события устраивал брат. Эстер была уверена, что миссис Мэйбрик специально это подстроила, чтобы наконец побывать у нас дома (то была далеко не первая ее попытка). Ей, видимо, хотелось посмотреть на нас в естественной среде

обитания. Если бы Эстер саму не пригласили на барбекю, она даже была готова заподозрить, что никакой вечеринки в Нью-Хейвене и не планировалось.

Весь день мы готовились к визиту Мэйбриков, назначенному на четыре часа, помогая Эстер переставлять мебель в гостиной на первом этаже. Эта комната еще более походила на музей, чем остальные, — она была оформлена в довоенном стиле (и речь тут о Первой мировой). Как и большую часть дома, гостиную обставляла наша бабушка по отцовской линии. Приехав сюда молодой невестой, Белинда менять ничего не стала — ей не было дела до неживых материй вроде мебели и картин.

Мы переставляли туда-сюда стулья «истлейк» и два дивана — один с шелковой обивкой цвета шампань с цветочной вышивкой, другой — вельветовый, изумрудно-зеленый, с изогнутой спинкой. Мы передвигали столики со стеклянными лампами и изысканными фарфоровыми украшениями. На стенах висело несколько грозных портретов наших остролицых и угрюмых предков, а рядом с ними — антикварные винтовки Чэпел, но с ними мы ничего поделать не могли. Винтовки расстраивали Эстер: по ее

словам, из-за них наш дом напоминал охотничью берлогу. Она говорила, что семейный дом Мэтью — таунхаус в Верхнем Ист-Сайде — был декорирован в элегантных сливочно-кремовых тонах, а на стенах висели картины с морскими пейзажами и парусниками.

— Но зато *свой* дом на Гус-корт ты обставишь сама, и это самое главное, — сказала Розалинда, пытаясь утешить сестру.

– *Граус*-корт.

— Я о том, что мама Мэтью вряд ли станет вменять тебе в вину эту коллекцию старья. Нашим родителям — может быть. Но не *тебе*.

Это успокоило Эстер в той степени, в какой ее можно было успокоить: ее нервы были натянуты как струна. Забежав на кухню — проверить, как там закуски и напитки, — она отправилась наверх одеваться, потребовав, чтобы мы тоже начали собираться и были готовы без пятнадцати четыре, на случай если Мэйбрики приедут раньше. Словно выводок послушных утят, мы последовали за ней наверх. У родительской части дома она остановилась: дверь в гостиную мамы была закрыта.

— Айрис, оденься побыстрее, пожалуйста, и посмотри, как там мама. Доуви же напоминала ей

о визите Мэйбриков, но нужно убедиться, что она готова.

— Ты точно хочешь, чтобы она к ним вышла?

Эстер вздохнула.

— Я, может, и не хочу, но миссис Мэйбрик будет настаивать.

Я не знала, почему меня выбрали на эту почетную роль, но возражать не стала. Надев выходное платье — что-то яркое, что для меня выбрала Эстер, — я подошла к гостиной Белинды и постучала.

— Доуви? — откликнулась она.

— Нет, мама, это я, — держась за дверную ручку и ожидая приглашения войти, сказала я. Она не отвечала.

— Айрис, — пояснила я.

Дверь резко распахнулась, кругляш ручки выскользнул из моей руки, и я вздрогнула. Мама стояла передо мной — белая блузка, юбка лавандового цвета чуть ниже колен, черные туфли на небольшом каблуке. Странно было видеть на ней цветную одежду — лавандовая юбка говорила о том, что Белинда сделала над собой усилие или хотя бы хотела, чтобы все так подумали.

Я вошла в гостиную. Как и в прошлый раз, здесь было невыносимо душно. Шторы были приоткры-

ты, а на столике у дивана по-прежнему стояла ваза с лилиями и лежал дневник. Она просидела в этой комнате всю неделю, дыша отравленным цветами воздухом, и я была уверена, что это лишь усугубило ее страхи о предстоящей свадьбе.

Закрыв за мной дверь, она подошла к зеркалу и попыталась приколоть брошку на блузку.

— Я хорошо выгляжу? — спросила она, повернувшись ко мне. Руки ее дрожали, и она сжала их в кулаки.

С одеждой все было прекрасно, но вот ее волосы были убраны в слишком тугой пучок, открывая покореженные мочки ушей. Она присела на диван, позволив мне поправить ей прическу. Я высвободила несколько прядей по бокам и опустила их чуть ниже, чтобы они прикрывали уши.

— Так лучше, — сказала я, и она заметно расслабилась, хоть и не до конца. Она вытянула из кармана белый платок и стала дышать через него. Мне было невдомек, что она снова чувствует запах роз, но я видела, что ей нехорошо.

— Сказать им, что тебе нездоровится?

— Нет-нет, — ответила она из-под платка приглушенным голосом. — Все только начнут беспокоиться.

Я присела рядом с ней: было очевидно, что из комнаты она пока выходить не собирается, хотя в дверь уже позвонили. Она продолжала дышать через платок, глядя прямо перед собой, и я не знала, о чем с ней говорить. Мне так часто не хватало ее внимания, что когда я наконец получила его, то не знала, как себя вести. Она заставляла меня нервничать.

Она опустила платок и расправила его на коленях, сделав несколько глубоких вдохов, словно ее сейчас стошнит. Я подала ей стакан воды со столика, но она лишь отмахнулась.

— У меня ничего не вышло, — сказала она, расправляя на коленях платок — белый, с вышитыми на нем крошечными пчелками. Когда она была маленькой, так ее называл папа: «моя пчелка». — Почему меня никто не слушает?

— Я тебя слушаю, — сказала я, размышляя, не признаться ли ей в том, что сделала, но опасаясь ее реакции. И все же она была так расстроена, что мне очень захотелось поднять ей настроение.

— Вообще-то я пытаюсь остановить свадьбу, — сказала я. — Не знаю, насколько это поможет, но я уже разбила весь свадебный фарфор и уничтожила другие подарки: зарыла их в лесу.

Сегодня, как только Эстер уедет, я собираюсь идти за новой порцией.

Она непонимающе посмотрела на меня.

— Если подарки исчезнут, ей ведь придется отложить свадьбу? — На самом деле я понимала, что мои усилия вряд ли к чему-то приведут. — Просто я не знала, что еще можно сделать.

Белинда ласково похлопала меня по коленке, и я поняла, что этим жестом она выражает мне свою признательность.

— Мне кажется, я знаю, что должно случиться, — сказала я, взяв ее руку в свою. — Ты думаешь, что Эстер умрет, рожая ребенка, как бабушка Роуз.

При упоминании Роуз ее глаза приобрели настороженное выражение — она как будто удивилась. Ее губы сложились в подобие слабой улыбки: так она благодарила меня за попытку ее понять. Потом ее лицо посерьезнело, она сжала мою руку и проговорила:

— У Эстер никогда не будет ребенка.

Она снова взяла платок и приложила его к губам, закрыв глаза. Я представила себе новый дом Эстер и Мэтью с его пустыми спальнями, которые только и ждут, когда их наполнит детский смех. От маминых слов мне стало дурно.

Я не понимала, откуда она может все это знать, но чувствовала, что с Граус-корт что-то не так. Розалинда предупреждала меня о том, какие темные мысли роятся у мамы в голове, но в какой-то момент я перестала отличать ее мысли от своих.

— Тебе лучше пойти вниз. Скажи им, пожалуйста, что я спущусь через минуту, — сказала она. — Мне нужно собраться с духом.

Мне казалось, что лучше бы ей никуда не ходить, что в ее нынешнем состоянии спускаться в гостиную к Мэйбрикам — все равно что бросить зажженную спичку в топливный бак. Но я не знала, как ей об этом сказать, и точно знала, что, если она не выйдет, Эстер рассердится на нас обеих.

— Хорошо, — сказала я и вышла из комнаты.

12

Незаметно присев на верхнюю ступеньку центральной лестницы, я разглядывала собравшихся в гостиной людей. Отец Мэтью стоял у камина с Розалиндой, которая что-то ему рассказывала, размахивая руками и хохоча — несомненно, мистера Мэйбрика она уже очаровала, как она очаровывала абсолютно всех. Мой отец стоял в углу с матерью и сестрой Мэтью: они вели бо-

лее спокойный разговор. Калла и Дафни сидели рядом на истлейковских стульях, всем своим видом показывая, что им скучно, а Зили порхала по комнате, подслушивая разные разговоры и не принимая участия ни в одном из них.

Как только я начала размышлять, куда подевались Мэтью и Эстер, отворилась задняя дверь, и они вошли в холл, не замечая меня, притаившуюся на лестнице прямо над ними.

— Так говорить жестоко! — прошептала Эстер, пока они шли в сторону гостиной, продолжая начатый ранее разговор. — Мне не нравится, когда ты такой.

Мэтью приобнял Эстер сзади и ущипнул ее за бок, потянув за жировую складку.

— Ты же знаешь, мне нравится, что ты не худышка, — сказал он, засмеявшись. — Я имел в виду, что на этом бы тебе и остановиться. Ты и без того достаточно упитанная. Что я такого сказал?

Эстер остановилась и повернулась к нему. Было видно, что она чуть не плачет.

— Ну перестань, не переживай ты так, — сказал он, притянув ее к себе и обняв за талию. — Я тебя выбрал. И я ни о чем не жалею.

— Точно? — спросила она. Вместо ответа он

нагнулся и поцеловал ее.

Продолжая обнимать Эстер одной рукой, Мэтью повел ее в гостиную. Мне пришла в голову мысль о том, что Белинде, может, и не стоило так волноваться и теперь Эстер сама отменит свадьбу. Она никогда не рассказывала о том, что Мэтью бывает жестоким. Но как только они присоединились к остальным, от напряженности между ними не осталось и следа, и вскоре в комнате воцарилось веселье — то и дело раздавался смех, сияли улыбки, в руках сверкали бокалы. Я чувствовала, как волна веселья перетекает ко мне, словно тепло от очага.

Я осталась на своем наблюдательном посту. В комнате преобладали темные волосы, и на этом фоне в глаза сразу же бросались золотистые кудри Мэтью. Одет он был свободно — широкие брюки цвета зеленой травы, легкая полосатая рубашка. Но у меня в голове жил его изначальный образ — морское существо, выбравшееся из воды, — и этот образ всегда был основным. Полностью одетым Мэтью выглядел забавно, даже немного странно, словно стройный белокурый примат, облаченный в костюм. По сравнению с ним остальные члены его семьи несколько терялись: его отец был одет в приглушенно-серые

тона под стать его пушистым усам и чем-то напоминал медведя. Его мать была в серовато-белом, цвета сосульки, платье без рукавов, с изящным золотым поясом. Ее черные как смоль — и явно подкрашенные — волосы были убраны во французский пучок, и контраст между ее бледной кожей и темными волосами рождал в мыслях образ скунса. Сестра Мэтью — должно быть, ровесница Эстер — не рождала вообще никаких образов.

До моего плеча дотронулась холодная рука, и я вздрогнула.

— Ты спустишься? — спросила мама, проходя мимо меня по лестнице. Я сказала, что спущусь через пару минут. Она пошла вниз — спичка, готовившаяся появиться в комнате, уже наполненной невидимыми парами. Она вошла, и все взгляды устремились на нее. Комната преобразилась, словно на пороге появился важный гость. Отец подошел к Белинде. Она пожала руку матери Мэтью, потом ее отцу, потом самому Мэтью, а тот наклонился и поцеловал ее в щеку.

Отец подвел маму к дивану. Ей лучше было присесть; если позволить ей свободно передвигаться, ее поведение станет еще более непредсказуемым. Мать Мэтью села на диван напротив; мужчины

присели рядом со своими женами. Мэтью и Эстер остались стоять в тесном объятии, поддерживая друг друга за талию.

Мэтью был постоянным героем наших бесед, но никто, кроме Эстер и Розалинды, не видел его вот уже несколько месяцев. Теперь же, когда он был в нашем доме, мои родители и сестры не могли отвести от него глаз, как, впрочем, и я: его мальчишеское лицо сияло, а сам он был полон жизни. В его присутствии менялась и Эстер: все смотрели на них, и оттого казалось, что она лишь играет свою роль, легко преображаясь из девочки, которой она была с нами, в спутницу жизни этого стального магната, героя войны.

Мэтью начал что-то рассказывать, а Белинда достала из кармана платок и поднесла его ко рту. Я вцепилась в перила: это был плохой знак. Мэтью ей не нравился, и все в комнате это знали, хоть и не понимали почему. В то время я не могла себе этого объяснить, все-таки мысли Белинды я читать не умела, даже если их направление было мне понятно; теперь же я вижу это совершенно отчетливо. Для всех вокруг Мэтью был героем войны, но не для моей мамы. Белинда видела в нем подобие своего мужа — человека, занятого в бизнесе убийств. Ей было все равно,

кто герой, а кто злодей: она мыслила категориями насилия. Ее муж никого не убивал — на это у него не хватило бы мужества, но для нее он был олицетворением каждого спуска курка винтовок Чэпел. Мэтью же убивал сам — в бомбардировках Токио погибло более ста тысяч человек, включая женщин и детей. Я знаю, о чем думала мама, когда смотрела на него: этими самыми руками, которыми он нажимал на кнопки запуска бомб, он вскоре будет ласкать обнаженное тело ее дочери.

Мэтью замолчал, и Белинда что-то сказала. Ее слов я не расслышала: говорила она тихо, а я была далеко, но в гостиной случилось какое-то замешательство; гости открывали рты и поворачивали головы, и рябь от ее слов морской волной прошла от стены к стене.

— Мама, как ты можешь! — закричала Эстер.

Из кухни прибежала Доуви, чей слух всегда чутко улавливал такое, и они с папой помогли Белинде подняться с дивана. Доуви вывела ее из комнаты — вместе они направились через заднюю дверь в мамин сад. Свежий воздух был для Доуви лекарством от всех неприятности.

В суматохе мама уронила платок на пол у двери, и я спустилась вниз, чтобы поднять его.

В гостиную я даже не заглянула — начавшаяся там драма к этому не располагала. Прижав к губам платок с пчелками, я отправилась к себе в спальню. Мне не хотелось смотреть на то, что произойдет дальше. Ситуация была ужасной, но не катастрофической. Катастрофа ждала впереди.

13

Какое-то время я сидела за столом в своей комнате, делая зарисовки цветка каллы по центру альбомного листа. Вскоре пришла Зили — у нее в руках были наши свадебные платья на вешалках.

— Айрис, ты никогда не поверишь, что случилось! — сказала она. — Эстер не находит себе места. Мама сказала Мэйбрикам, что мы должны отменить свадьбу. Она повторила все, что тогда говорила нам, — «случится что-то ужасное».

Я не слишком удивилась. Не то чтобы поведение Белинды было непредсказуемым.

— Куда ты несешь платья? — спросила я.

Зили рассказала, что Эстер пригласила миссис Мэйбрик и сестру Мэтью наверх, в библиотеку, чтобы показать им свое платье, и мы должны переодеться и тоже показаться им. Мне стало

не по себе — я не ожидала, что они поднимутся сюда. Мне казалось, что им уже пора на барбекю в Нью-Хейвен.

Я неохотно скинула свой праздничный наряд и через голову надела «морскую пену». Зили облачилась в свое платье и выбежала из комнаты, радуясь возможности наконец-то в нем покрасоваться. Я же вернулась к столу и снова принялась рисовать, ожидая приглашения в библиотеку. Теперь-то уж Эстер увидит результаты моих проделок — это был лишь вопрос времени. Нескольких минут, если быть точнее. Нет смысла бежать туда сломя голову: лучше пока подождать.

Я еще немного поработала над наброском и вскоре услышала, как по лестнице поднимаются сестры в сопровождении женской части семьи Мэйбрик. Я рисовала, работая над изящным изгибом колокола каллы, а через открытую дверь до меня доносились оживленные голоса. Эстер, судя по всему, оправилась от потрясения, вызванного поведением Белинды, или хотя бы нашла в себе силы вести себя непринужденно перед Мэйбриками. Услышав вздохи «Какая красота!» и «Просто сказочно!», я поняла, что они вошли в библиотеку и увидели безголовую невесту.

— Я так рада, что вам нравится, — сказала Эстер слегка приглушенным голосом, в котором не было привычной мягкости. Впрочем, родственники Мэтью еще плохо ее знали, чтобы это заметить.

Разговор продолжался еще какое-то время — и вот наконец:

— А куда подевался мой свадебный фарфор? Где хрусталь и ваза?

Прошло несколько минут — должно быть, они начали проверять коробки, — а затем голос Розалинды:

— Здесь ничего нет! Где столовые наборы? Где все подарки? Зили, беги скорее, позови Доуви!

Я отложила карандаш. Зили прекрасно знала, кто виноват в этом переполохе, но ничего не сказала — должно быть, боялась, что я ее выдам. Я услышала ее шаги по коридору и вниз по лестнице. Вскоре она вернулась с Доуви, которая была озадачена не меньше других.

— Прислуге в эту комнату заходить не разрешается, — сказала она. — Уборку я провожу здесь сама.

— Но не могли же эти вещи просто испариться! — сказала Эстер с паникой в голосе. — Может быть, их… — сказала она, намереваясь поделиться своей теорией, но вдруг ее тон изменился,

и она твердо сказала: — Это мама. Ее рук дело.

— Не думаю, чтобы мама… — начала Розалинда уверенно, но потом задумалась и оборвала фразу на полуслове.

— Миссис Чэпел не стала бы этого делать, — сказала Доуви. Из всех собравшихся в библиотеке, судя по всему, лишь она одна действительно хорошо знала Белинду. Мама обитала в психологических сферах — сны, призраки, странные идеи — и к физической расправе над вещами прибегать бы не стала.

— Скоро узнаем, — сказала Эстер.

Мать и сестра Мэтью молчали — их последние реплики относились к платью, и мне стало интересно, не ушли ли они, ну и если нет — как им нравится это незапланированное дневное представление в особняке Чэпелов. Если миссис Мэйбрик действительно напросилась в «свадебный торт», чтобы поглазеть на нас, то наверняка она и представить не могла, что перед ее глазами разыграется такой первоклассный спектакль, да еще и с экскурсией за кулисы.

Судя по шагам в коридоре, вся процессия направлялась в крыло моих родителей.

— Мама! — крикнула Эстер. Все остальные притихли, следуя за ней. — Выйди к нам, пожа-

луйста!

Как бы ни хотела я остаться в комнате, притворяясь, что ничего не происходит, я не могла переложить вину за свои действия на Белинду. Выбежав из спальни, я помчалась по нашему коридору, а затем направо, по коридору родителей, туда, где собрались все женщины этого вечера.

— Подождите! — крикнула я, и все обернулись. Миссис Мэйбрик с дочерью все еще были здесь, и даже в столь юном возрасте я понимала, что по правилам приличия им бы следовало спуститься вниз, чтобы позволить этой семейной драме развиваться без посторонних глаз. Но они остались и теперь стояли с краю, у лестницы, рядом с моими сестрами и Доуви, повернув ко мне свои лица.

— Это я сделала, — сказала я. — И виновата только я.

— Что сделала? — спросила Эстер. В присутствии своих будущих родственников она старалась держать себя в руках, и я была им очень благодарна за плохие манеры.

— Это я испортила фарфор и хрусталь. Я все испортила.

– *Испортила*? В каком смысле?

— Уничтожила.

Присутствующие пытались переварить услышанное.

— Но зачем? — спросила Эстер.

Я взглянула на Мэйбриков, стараясь придумать более деликатное объяснение, но пути назад уже не было.

— Я хотела остановить свадьбу.

По коридору, как и тогда в гостиной, прокатилась волна недоуменных взглядов. Миссис Мэйбрик решительно шагнула вперед.

— Ваша мать не хочет, чтобы Эстер выходила за моего Мэтью? И по какой же причине? Для *этой* семьи Мэтью недостаточно хорош? — Она говорила, указывая пальцем на меня, а на ее руке позвякивали три круглых золотых браслета. — Потому что я убеждена, что… — Она издала горький смешок, и ее лицо исказила гримаса едва сдерживаемой ярости. Я уже приготовилась услышать продолжение этой суровой тирады, но Эстер не дала ей закончить.

— Дорогая Делит, — сказала Эстер, обняв будущую свекровь. — Объяснить все это непросто, но к Мэтью это никакого отношения не имеет.

— Надеюсь, что нет!

Доуви попыталась проводить миссис Мэйбрик с дочерью вниз по лестнице, но сделать это ей

оказалось не под силу: они не сдвинулись с места. Можно сколько угодно говорить о тяготах жизни под одной крышей с Белиндой, но она хотя бы проводила дни в своей комнате, подальше от людских глаз.

— Айрис, — сказала Эстер, приподняв подбородок и собрав остатки гордости. — Иди к себе в комнату, поговорим об этом позже.

Наши взгляды встретились, и на мгновение коридор будто опустел. Ее глаза, обычно такие светлые и приветливые, устало смотрели из-под нависших век. Вчерашняя Эстер, королева-роза девичьего сада распускающихся бутонов, медленно исчезала, словно акварель под дождем.

— Эстер, — сказала я, страдая от мысли о том, что причинила ей боль в этот и без того тяжелый день. — Я хотела тебе помочь. Плохое предчувствие было не только у мамы. Мне кажется, я тоже это чувствую.

— Хватит, — сказала Эстер, на секунду закрыв лицо ладонями и подавляя крик. — Иди к себе.

Я поняла, что сказать здесь больше нечего, повернулась и пошла вниз.

Но мне удалось спуститься лишь на пару ступенек, потому что Эстер вдруг воскликнула:

— Айрис, посмотри, что ты наделала!

Она подошла ко мне и приподняла задний подол моего платья. Я обернулась и увидела яркое пятно крови, огромное и уродливое, цвета кораллового рифа, проступающее сквозь «морскую пену».

— Ох, нет! — сказала я, потрясенная и униженная.

Калла начала декламировать своим поэтическим голосом: *«Вскричала: «То проклятья длань!» — Затворница Шалота»*[11].

И если до этого мне удавалось сдерживать эмоции, то теперь мои глаза наполнились слезами: горячими, солеными слезами стыда. Кровотечения у меня начались несколько месяцев назад, и все это время я хранила их в тайне. И вот мой алый позор открылся сразу всем. Я выдернула подол платья из рук Эстер, всей душой желая провалиться сквозь землю. На меня были направлены восемь пар глаз, и ни в одном взгляде не было сочувствия, никто не посмотрел на меня с состраданием, никто не сделал мне любезности отвернуться. Мне казалось, что в воздухе витало невысказанное: «Она получила по заслугам». Но карма редко действует так быстро.

---

[11] Сноски: 11

А. Теннисон. Леди из Шалота. Перевод А. Лукьянова.

Эстер схватила меня за руку чуть выше локтя, ее ногти впились мне в кожу.

— Ай! — вскрикнула я, а она потащила меня по коридору к нашим спальням. За нами помчались Доуви и Розалинда. Доуви пыталась успокоить Эстер, но та не отпускала мою руку: вся ее ярость, накопившаяся за день, сейчас выплескивалась наружу. Когда мы добрались до спальни, она с силой втолкнула меня внутрь. Спотыкаясь, я сделала несколько шагов и рухнула на кровать. Она подбежала ко мне и начала срывать с меня платье.

— Ты его испортила! — кричала она. — И я не удивлюсь, если ты сделала это нарочно!

Она пыталась стянуть с меня платье через голову, но я не давалась, крепко прижав руки к бокам и рыдая уже в полный голос. Мое упрямство лишь удвоило ее гнев, и она продолжала тянуть платье, пока не раздался звук рвущейся ткани.

Доуви и Розалинда пытались оттащить ее от меня, но она отпихивала их локтями.

— Нужно его постирать, — шипела она сквозь зубы.

— Эстер, дорогая, — сказала Доуви, когда ей наконец удалось вырвать платье у нее из рук. — Это платье испорчено. Стиркой тут уже не помо-

жешь.

Наступила тишина; все переводили дух. Одернув платье и смахнув волосы с мокрого лица, я повернулась к Эстер.

— Можешь взять его и сжечь, мне уже все равно, — сказала Эстер. — Никакой цветочницей на свадьбе ты не будешь: Зили сама справится. Да и вообще, — продолжила она решительно, — я вообще не хочу тебя видеть на свадьбе.

— Но она же не виновата, — сказала Розалинда.

— Правда? А как насчет всего остального, что она тут устроила?

— Может, поговорим об этом позже? — Розалинда, обычно такая невозмутимая, явно опешила от этой внезапной вспышки гнева.

— И маму на свадьбе я тоже видеть не хочу. Доуви, скажешь ей? Вряд ли она расстроится. Скорее наоборот.

— Эстер, — сказала Доуви, потянувшись к ней. — Но это же твоя мать!

Эстер отдернула руку и вышла из комнаты. Розалин-да и Доуви поспешили за ней.

Оставшись одна, я оперлась о край кровати, чтобы унять дрожь. Казалось, что мое тело сжали невидимые клещи. Где-то на лестнице послы-

шалось утешающее воркование, а затем шаги удалились, и стало совсем тихо.

Несколько минут я не могла заставить себя пошевелиться, а потом поднялась проверить, ушли ли Мэйбрики. Я пошла в библиотеку, окно которой выходило на парадный подъезд. Внизу отец Мэтью открывал дверь своего серебристого седана: его жена и дочь сели впереди, а сам он обошел автомобиль и сел за руль. В это время на улицу вышли Мэтью, Эстер и Розалинда; Розалинда шла чуть впереди, чтобы не мешать молодоженам. Как и раньше, Мэтью обнимал Эстер за талию, но теперь он нежно поглаживал ее бок.

Мне бы посочувствовать Эстер: это был ужасный день, превзошедший наихудшие ее опасения. Но никакого сочувствия во мне не было. Когда автомобиль Мэйбриков отъезжал от подъезда, мои глаза опять обожгли слезы, а в душе разгорелась злость. Мной руководила любовь к сестре, и все мои действия были направлены на ее защиту, а она взяла и унизила меня при всех.

Мне захотелось принять ванну, чтобы смыть с себя кровь и слезы. Я отошла от окна и оказалась прямо перед безголовой невестой. За последние дни я так часто ее видела, что перестала обращать

на нее внимание. Но сейчас ее красота поразила меня: воздушный кремовый шелк, женственные линии, очертания фигуры Эстер, по которым это волшебство было скроено.

Во мне вновь закипела злость, перемешанная с безумием: все-таки в моих жилах текла мамина кровь. Я приподняла подол своего платья и засунула правую руку в трусы, затем левую. Достав руки, я потерла их одна о другую, размазав по ладоням липкую красную жижу.

Кремовый шелк платья на ощупь был таким же роскошным, как я себе и представляла. Прислонив ладони к лифу платья, я провела руками вниз: на шелке остались яркие следы крови. И там, где когда-то пульсировала моя злость, начали биться волны удовольствия.

14

В ту ночь разразилась гроза: мощные порывы ветра и дождя бились в окно, диковинные белые узоры молний разрывали небо. Иногда я открывала глаза и видела в окне яркие вспышки света. Я смутно понимала, что засуха наконец закончилась: молния раскрошила ее, разнесла на кусочки, как стеклянную вазу.

Казалось, что гроза длилась несколько часов,

а потом все стихло. Под утро, измученная беспокойной ночью, я крепко заснула. Меня разбудил доносившийся откуда-то шум, далекая какофония, становившаяся все громче. Я подтянула одеяло к подбородку и подоткнула его по краям, зарывшись в середину матраса, словно в норку. К шуму добавились причитания банши и резкие крики ветра. Я и не думала, что ветер может так кричать. Прижавшись щекой к подушке, я была рада, что в теплой постели меня никто не тронет.

Вскоре я вновь подскочила от оглушительного грохота. Ветер был все сильнее, все громче, и он был в моей спальне. Я нерешительно приподняла голову и почувствовала, что меня за плечи и бока тянут чьи-то руки. Комната закружилась, и я упала с кровати на пол, сильно ударившись головой о паркет. Сквозь пелену шока и страха я увидела Эстер: она склонилась надо мной, сжав руки в кулаки и обрушивая на меня удар за ударом.

15

Остаток дня я провела с мамой в ее гостиной — меня уложили на диван и приложили ко лбу компресс. Доуви поочередно приносила то аспирин, то горячий бульон. Она ухаживала за мной,

потому что это была ее работа, но свое неодобрение моих поступков ей скрыть не удалось. Боль во всем теле и затяжной шок от нападения Эстер не позволили чувству вины захлестнуть меня всю. Я не могла поверить, что это я испортила платье. Я была не в себе. Быть может, я превращалась в кого-то еще? Но эта новая «я» мне совсем не нравилась. Лежа на диване, я чувствовала лишь головную боль и тяжесть в сердце; мне казалось, что я состою из нескольких разрозненных частей, что я и не человек вовсе.

На мою радость, Доуви заставила маму открыть окно и впустить свежий воздух: мы все должны были хорошенько проветриться. Белинда знала о том, что я натворила, но ругать меня не стала — кажется, она вообще не замечала моего присутствия. После того как все ее попытки привлечь чье-либо внимание потерпели поражение, она еще больше замкнулась в себе. И хотя она была со мной в одном помещении, она казалась бестелесной, как ее призраки. Я слышала, как ее карандаш поскрипывает по тисненой бумаге: это мягкое шуршание было единственным звуком в комнате.

Ближе к вечеру Доуви расскажет мне, что последний день перед свадьбой мои сестры провели

в дождливом Манхэттене, бегая по универмагам и свадебным салонам. Они вымокли насквозь, отчаянно пытаясь найти новое платье, которое село бы на фигуру Эстер — с ее высокой талией и пышными формами — без дополнительной подгонки. Июньский свадебный ажиотаж схлынул, выбор был небольшой, но в последний момент Эстер повезло: она набрела на готовое платье из синтетического атласа, отделанное рюшем и носившее гордое название «Лунная мечта». Платье, которое никто не купил. Эстер ненавидела его.

Мне довелось увидеть это платье на следующее утро, но лишь мельком, когда сестры собирались на свадьбу. Ту ночь я провела у мамы в гостиной: в девичьем крыле меня видеть никто не хотел, даже Зили не зашла меня проведать. Когда я услышала шелест платьев и шаги в коридоре, я выглянула за дверь и шепотом позвала маму посмотреть, но она невидящим взглядом смотрела на свой цветочный сад, вцепившись в края письменного стола так, что ее пальцы скрючились от напряжения.

Эстер стояла на верхних ступеньках, глядя в противоположную от меня сторону. Новое платье было огромным, скроенным так замысловато

и пышно, что оно напоминало кафедральный собор. Его объемные оборки топорщились в самых странных местах: этот наряд был полной противоположностью элегантному совершенству испорченного мной платья. К нему была приколота та самая вуаль из привозного французского кружева с вышивкой из оранжевых цветов. Я не смогла разглядеть ни головы Эстер, ни ее волос, ни вообще какой-либо части ее тела — белая колонна, окутанная тканью. Я вроде бы видела ее, но, как и моя мать, она казалась бестелесной.

Вокруг нее выстроились мои сестры в платьях оттенка морской пены, в волосах — веточки гипсофил. Розалинда, стоявшая рядом с Эстер, встретилась со мной взглядом. Она наклонилась к Эстер, приподняла ее вуаль и прошептала ей что-то на ухо, но та никак не отреагировала.

Розалинда велела девочкам идти вниз, чтобы Эстер спокойно спустилась за ними. Когда они удалились, Эстер какое-то время стояла на лестнице одна, и я надеялась, что она обернется, но она не удостоила меня вниманием. И я понимала, что действительно его не заслужила. Она начала спускаться: сначала исчезла нижняя часть платья, потом середина, и вот осталась видна только верхушка ее головы. Мне хотелось

позвать ее, мое горло сдавили рыдания, но она уже скрылась, словно вошла в глубокие воды, которые плотно сомкнулись над ней.

16

Когда все ушли, я вернулась к себе в спальню: находиться у мамы я больше не могла. Всю прислугу позвали на свадьбу, и мы с Белиндой остались в доме одни. Миссис О'Коннор оставила в холодильнике бутерброды с салатом из тунца и, конечно, с ветчиной и горчицей. Я съела две штуки, пока рисовала у себя за столом, а потом легла вздремнуть. Спала я долго, а потом снова села за свой рисунок каллы, который начала пару дней назад. Вокруг я добавила еще цветов: гипсофилу, наперстянку, дельфиниум, пурпурный вьюнок и волчий корень — все токсичные, ядовитые — для моего личного букета невесты.

Когда я закончила, уже было темно, и пока я прорисовывала последние детали, в моей голове возникали танцы, праздничный торт, звон бокалов — словом, все то, что я пропустила. Я думала о том, когда же должно случиться что-то ужасное, но к тому времени уже поняла, что оно либо случится, либо нет, и ничего мне с этим больше не поделать.

Около полуночи, все еще сидя за рисунком, я услышала, как вернулись сестры: по паркету застучали каблучки, наперебой зазвучали радостные голоса. В комнату вошла Зили, в каждой руке по белому мешочку, которые она без объяснений положила на свой туалетный столик.

— Ах, Айрис, — прошептала она, слишком взволнованная, а потому забывшая, что меня следует игнорировать. — Что это был за вечер! — Она говорила так быстро, что сама за собой не поспевала; слова вылетали из ее рта, словно пузырьки из переполненной бутылки сельтерской воды. Сначала она рассказала о церемонии венчания, потом перенеслась на прием в Уэнтуорт-холле, но мысли ее путались, и следить за рассказом было невозможно: мне удалось уловить лишь какие-то обрывки ее впечатлений.

Она сказала, что Эстер была очаровательной невестой, даже в ее безумном «лунном» платье. Упомянув платье, Зили не сделала паузу, чтобы отчитать меня: столько всего ей хотелось рассказать.

— Мне разрешили посыпать дорожку, ведущую к алтарю, лепестками роз, — говорила она. — Ведь мамы не было, и Эстер сняла запрет на розы.

Розалинда стояла у алтаря подле Эстер, «словно

королевна»; Дафни и Калла мало улыбались, но все равно были прекрасны. Все вместе они «были похожи на русалок». Зили подробно описала момент, когда отец отдавал Эстер ее будущему мужу — он *отдавал ее*; она говорила об этом так буднично, словно это был пакет с вещами, который передали на благотворительность.

В церкви яблоку негде было упасть, люди толпились у входа, чтобы посмотреть на невесту — первую из сестер Чэпел, выходившую замуж; на них глазела вся округа, и Зили чувствовала себя кинозвездой. После церемонии их фотографировали, Эстер позировала в кругу всех сестер, «кроме тебя». Для семейного портрета с Эстер — невестой без матери в главный день ее жизни — сфотографировался отец. Впрочем, это было не так уж странно: Белинда вообще редко где-либо появлялась. На праздничный ужин они поехали в «Роллс-Ройсе». Зал приемов был похож на «заколдованный лес», сказала Зили, чьи фантазии сплошь состояли из волшебных сказок (мне казалось, что в них не хватало ведьмы — хотя, наверное, ведьмами были мы с мамой). Весь зал был украшен гирляндами из кремовых роз: их привезли прямо перед свадьбой, после того как Белинду вычеркнули из списка приглашен-

ных. По словам Зили, Эстер сказала: «Какая же свадьба без роз», и я подумала, как удобно она воспользовалась отсутствием мамы. На каждом столе стояла ваза с астрами и жасмином, спинки стульев были увиты плющом, по всему залу горели свечи. Под потолком, словно миниатюрные луны, мерцали белые бумажные фонари.

Мэтью, конечно, был сказочным. Умопомрачительным. Галантным. Он был каждым прилагательным из словаря Золушки. Зили даже танцевала с ним под песню Дорис Дэй «Это волшебство»; когда Зили дошла до этого места в рассказе, она сделала небольшой пируэт. С папой она прошла круг традиционного вальса, а потом танцевала с Дафни и Каллой. Дафни съела больше порций стейка с картошкой, чем кто-либо из присутствовавших в зале мужчин.

В конце вечера Мэтью увез Эстер на открытом кабриолете. Гости осыпали их конфетти и лепестками роз, хлопали и кричали, пока молодожены не скрылись из виду. Я представила, как кабриолет подъезжает к их дому на Граус-корт, где их приветствует девочка-гаргулья.

— Торт был с *лимонным кремом*, — сказала Зили, потирая живот. — Я съела два куска.

Она подошла к туалетному столику и взяла

один из мешочков.

— Смотри, — сказала она, положив мешочек ко мне на стол и приподняв верхнюю ткань, под которой обнаружился тоненький кусочек торта, размером не больше черепаховых гребней Розалинды.

— Я не голодна, — сказала я. Это были мои первые слова с тех пор, как она вернулась. Измятый бисквит, растаявшая глазурь: всю дорогу до дома Зили держала этот торт в своих теплых ладошках.

— Его не надо есть, глупая. Его надо положить под подушку, и тогда тебе приснится будущий муж.

Должно быть, я отреагировала довольно мрачно, потому что Зили наконец оставила меня в покое и вернулась к стадии игнорирования. Я снова взялась за рисунок и добавила к букету несколько цветков кальмии, прокручивая в голове детали церемонии и праздничного ужина. Я никогда еще не чувствовала себя такой покинутой, хотя и не относилась к этому с таким трепетом, как Зили. Хотя и пыталась все испортить.

Зили вышла из ванной и переоделась в ночную рубашку. Она взяла с туалетного столика свой

мешочек с тортом и положила его под подушку.

— Это был самый грандиозный вечер в нашей жизни! — сказала она, забираясь в постель. В волосах ее все еще блестели гипсофилы, а в голосе слышалась злоба.

Я продолжила рисовать, пока не поняла по ее дыханию, что она уснула. Букет невесты был закончен, и я приколола рисунок к доске над своим столом, а потом сняла халат и села на краешек кровати, собираясь выключить свет и лечь спать, тем самым перевернув страницу этого дня — самого грандиозного в их жизни и самого ужасного — в моей. Но тут мой взгляд упал на мешочек со свадебным тортом, который Зили оставила на моем столе. Было глупо, да и довольно негигиенично класть торт под подушку, но я не смогла устоять. О своем будущем муже я практически не думала. Я знала об этом лишь то, что однажды он у меня будет, хочу я этого или нет. И если он правда мне приснится, я хотя бы буду знать, кого потом искать.

Я осторожно опустила голову на подушку и стала ждать, когда торт пришлет мне свои прогнозы. Сразу заснуть у меня не получилось: той ночью в девичьем крыле нас было лишь пятеро, и все казалось неправильным.

17

Где-то в ночи послышался вой.

Я спала, но не понимала этого. Мне казалось, что все происходит наяву, и пусть кто-нибудь попробует доказать мне обратное.

Сперва я подумала на Белинду, но это не было похоже на ее обычные ночные крики: казалось, что где-то рядом стонет раненый зверь. Потом послышались шаги: они приближались и казались оглушительными; от них содрогался пол и дребезжали стекла.

Это что, мой будущий муж?

Я в ужасе вцепилась в края кровати. Шаги становились все громче, пока вдруг не затихли у моей двери, а потом кто-то забарабанил в дверь. Я хотела убежать и спрятаться, но мои ноги отяжелели. Все, что я смогла сделать, это закрыть глаза, чтобы хотя бы не видеть того, что будет.

Дверь со скрипом распахнулась, и я почувствовала, что меня навестил вовсе не будущий муж. В комнате было женское присутствие: в воздухе тут же распространился запах роз. Я делала короткие, резкие вдохи. Мне стало трудно дышать; мои легкие наполнились невозможным ароматом,

а воздух стал таким влажным, словно в нем разлили океан духов. Тот, кто открыл дверь, прошел в комнату обычным, почти неслышным шагом. У подножия кровати послышалось шуршание, и я наконец открыла глаза. Передо мной стояла безголовая невеста. Она была прекрасна, как и в последний раз, когда я ее видела: приталенный лиф, волны ткани, ниспадающие в шлейф, который тянулся из коридора, как молочная река. В комнате было темно, но невесту освещал лунный свет; ее кремовый шелк сиял и переливался. В платье был лишь один изъян — оно было перепачкано в крови. Моей крови. Но, даже несмотря на это, она вся светилась, как и должна светиться каждая женщина в день своей свадьбы.

Безголовая невеста обошла мою кровать и наклонилась ко мне. Я дрожала от страха. Она приблизила к моему уху пустое место, где должны были находиться ее голова и рот, и прошептала очень-очень тихо:

Почему ты не спасла меня?

Голубой дневник
Второй том

Эстер
1950

1

Наутро после свадьбы я завтракала на кухне одна: мне было понятно, что сестры вряд ли хотят меня видеть. Миссис О'Коннор подала мне тарелку омлета и, наливая мне яблочный сок, сказала:

— Будь моя воля, я бы тебя вообще не кормила.

Из столовой доносились голоса сестер и отца — они говорили тихо, все еще утомленные после предыдущего вечера. Миссис О'Коннор приготовила яичницу для моего отца, а сестры, даже Дафни, попросили лишь чай с тостами: их желудки до сих пор пытались справиться с изобильным свадебным ужином. Подав завтрак, миссис О'Коннор вернулась на кухню, села напротив меня и принялась доедать яичницу прямо с чугунной сковороды.

Вскоре пришла Доуви — она несла поднос с нетронутым завтраком Белинды.

— Говорит, что не голодна, — сказала Доуви, и я догадалась, что, не будь на кухне меня, она не ограничилась бы этой фразой. Они разобрали

невостребованный завтрак — миссис О'Коннор взяла тост и баночку малинового джема, а Доуви — яйцо всмятку и чашку чая с молоком.

Я ела в тишине, стараясь побыстрее расправиться с завтраком, чтобы убежать наверх до того, как сестры закончат свою трапезу. Я не знала, как долго продлится моя вынужденная изоляция. Тогда мне казалось, что таким теперь будет мое будущее: есть на кухне со слугами, жить тихо, как мышка, неслышно снующая по половицам, и не попадаться никому на глаза.

Но тут раздался телефонный звонок, и будущее изменило свое направление.

Розалинда подошла к телефону в главном холле.

— Резиденция Чэпелов, — сказала она, и ее голос звучным эхом пронзил тишину дома. Через несколько секунд она тревожно спросила: — Мэтью, что случилось?

Миссис О'Коннор, Доуви и я переглянулись и, отложив чашки, вилки и салфетки, повернули головы в сторону дверного проема.

— Заболела? — сказала Розалинда. — Ох, ну как же так! Могу я с ней поговорить? — Розалинда выслушала ответ Мэтью, несколько раз угукнув. Наконец она сказала: — Хорошо. Осторожнее

за рулем.

Как только она положила трубку, все сестры одновременно задали свой вариант вопроса «Что случилось?». Я прошла в холл и притаилась у столовой — так, чтобы меня никто не видел, но я могла всех слышать.

— Эстер больна, у нее небольшая температура, — сказала Розалинда папе и сестрам. — Она попросила Мэтью привезти ее домой.

— Зачем это? — спросил отец. — Она здесь больше не живет. — Его слова прозвучали резковато, но мне, честно говоря, тоже показалось странным, что Эстер попросила Мэтью привезти ее обратно в «свадебный торт». Она ведь уже не была маленькой девочкой, нуждающейся в маминой заботе. Да и заботливой мамы у нас никогда не было.

Розалинда явно была обеспокоена: она даже не стала отчитывать отца за его слова, что сделала бы в обычной ситуации. Вместо этого она лишь сказала:

— Я не знаю.

— Она напугана, — сказала Калла.

— В смысле? — спросила Дафни.

— Эстер боится маминого пророчества. О том, что случится что-то ужасное. Вы забыли?

— Мы все прекрасно помним, — сказал отец, — нет нужды заново это обсуждать.

— А что, если Калла права? — сказала Розалинда. — Эстер проснулась и плохо себя почувствовала, что *неудивительно*: последняя неделя выдалась непростой. Стресс, связанный со свадьбой, может свалить с ног *любую* женщину, а ей ко всему прочему пришлось переживать еще и из-за… — Розалинда откашлялась и продолжила, понизив голос: — Из-за всех этих ужасных дел с мамой и Айрис. Должно быть, бедняжка волнуется, что небольшая простуда обернется для нее смертельной болезнью.

— Может, ты и права, — сказал отец.

— Конечно, права. Мэтью привезет ее сюда, мы окружим ее сестринской заботой, и к обеду она уже будет как огурчик. Они с Мэтью вернутся в их милый домишко, и Эстер приготовит… — Розалинда осеклась. — Ну, или они сходят в ресторан.

Казалось, что Розалинде удалось развеять беспокойство, вызванное телефонным звонком Мэтью, но, не видя их лиц, я не могла понять, действительно ли они ей поверили — и верила ли она себе сама. Я не стала доедать завтрак и, пока остальные не начали покидать столо-

вую, пошла наверх, мышкой прошмыгнув мимо темного родительского коридора. Белинда безвылазно сидела в своей гостиной, не подозревая о случившемся, и я не собиралась ей ничего рассказывать.

2

Через час приехала Эстер. Она медленно шла по коридору девичьего крыла: белая колонна, которая покинула дом каких-то двадцать четыре часа назад, снова была здесь, и, хотя все одобряюще ей улыбались, мы понимали, что с ней далеко не все в порядке.

Ее вели под руки Мэтью и мой отец, и она не выглядела как человек с небольшой простудой. Она была в халате и домашних тапочках; медленно продвигаясь по коридору, она с трудом отрывала ноги от пола. Через полуопущенные веки она смотрела прямо перед собой, никого не замечая. Ее волосы были частично заколоты и в некоторых местах слиплись от лака. На ее губах бледнели остатки «цветения вишни», а под глазами чернели разводы туши и карандаша. Такой она вернулась к нам: уже не невеста и еще не жена.

Мэтью с моим отцом уложили Эстер в ее старую

постель и сняли с нее халат, под которым обнаружилась полупрозрачная сиреневая сорочка с открытой спиной и рукавами-колокольчиками. Через этот соблазнительный кружевной наряд просвечивали полумесяцы сосков — не самое подходящее зрелище для отца. Как только Эстер накрыли одеялом, он ретировался. Отец редко заходил в девичье крыло, и теперь стало особенно понятно почему. Выходя из комнаты, он велел Доуви вызвать врача.

Мы с сестрами окружили кровать Эстер: общие переживания позволили мне вернуться в их круг. Розалин-да поставила стул рядом с изголовьем и теперь протирала мокрым полотенцем лоб и шею Эстер. Каждые несколько минут она опускала полотенце в миску с холодной водой, которую держала Калла. Дафни стояла у подножия кровати и мягко массировала пальцы ног Эстер через вязаное одеяло. Зили взяла меня за руку, и мы, замерев, смотрели на Эстер.

Мэтью, одетый в легкий бежевый костюм, стоял в коридоре, нервно перебирая в кармане ключи и монеты.

— Завтра мы отплываем, — сказал он. — Она поправится?

Ему никто не ответил. Это он был виноват

в случившемся: я это знала, мы все это знали. Эстер прожила с нами целую жизнь, и что с ней стало после одной лишь ночи с ним? Он пытался разглядеть ее с порога, но ближе не подходил. Мы окружили ее девичью кровать, и для него места не было.

С момента прибытия Эстер не сказала ни слова — было неясно, может ли она вообще говорить. Казалось, что ее выключили, как лампочку: она была еще теплой, но уже не излучала свет. А я все смотрела на нее и ждала, когда же она снова загорится. Несмотря на все случившееся — предсказание Белинды и мою встречу с безголовой невестой, невозможно было представить, что этого не произойдет.

Я нагнулась и дотронулась до ее руки.

— Скажи что-нибудь, — умоляюще прошептала я. Как бы я хотела, чтобы при виде меня ее щеки порозовели, чтобы она разозлилась на меня за все, что я сделала. Что угодно, лишь бы она вернулась к нам. Как бы я была рада, если бы она открыла глаза и приказала мне убираться из комнаты, ведь тогда она стала бы прежней.

Розалинда обеими руками нежно обхватила лицо Эстер.

— Эстер? — сказала она тихо. — Дорогая, ты

слышишь меня?

Я надеялась, что Эстер откроет глаза и скажет ей с шутливым укором: «Роззи, убери от меня эту мокрую тряпку», но она молчала. Ни движения, ни жеста, ни тени узнавания. Казалось, что она лишь глубже погрузилась в овладевшую ею тьму.

— Эстер, проснись! — громко сказала я, тряся ее за плечо. Она не дернулась и не моргнула.

— Что с ней? — спросила Зили, силясь не заплакать. Она посмотрела на меня, как будто я знала ответ, и перевела взгляд на сестер. Розалинда, Калла и Дафни старались держаться невозмутимо, глядя на Эстер почти таким же пустым взглядом, каким та смотрела перед собой, и я знала, о чем они думают, и сама думала о том же: вот оно, *что-то ужасное*.

В коридоре послышались голоса.

— Это, надеюсь, доктор? — спросил Мэтью. Я уже забыла, что он тоже был здесь.

В сопровождении Доуви появился доктор Грин, облаченный в коричневый вельветовый костюм, — очевидно, он прибыл сюда сразу после церковной службы. Он был нашим семейным врачом еще до моего появления на свет: низкорослый, плотный мужчина, седая борода, очки

в проволочной оправе.

Доктор Грин поговорил с Мэтью («Вчера вечером с ней все было в порядке, — донесся до меня голос Мэтью. — Утром ей стало нехорошо, а потом… все хуже и хуже»). Доктор Грин, выслушав его, вошел в спальню с черным медицинским чемоданом в руках.

— Я уверен, это всего лишь переутомление, — сказал он, слегка подталкивая Розалинду и Каллу, чтобы подойти к кровати.

Он оглядел Эстер — она лежала в своем сиреневом пеньюаре, на лице — следы свадебного макияжа, по подушке разбросаны жесткие, как солома, каштановые локоны. Она выглядела как старый манекен, списанный в универмаге и выброшенный на помойку. Никто не должен видеть ее такой, подумала я, переживая за ее честь и достоинство. Мне захотелось накрыть ее одеялом до подбородка и смыть с нее косметику влажным полотенцем.

Она все еще смотрела прямо перед собой через полуопущенные веки. Доктор Грин оглядел ее, обеспокоенно пощипывая свою бровь, но как только он заметил на себе мой пристальный взгляд, его широкое, мясистое лицо расплылось в улыбке.

— Да, как я и говорил: переутомление. — Он поднял руку Эстер и пощупал ей пульс.

— Завтра мы должны отплывать в свадебное путешествие, — донесся из коридора голос Мэтью.

— С этим не должно быть проблем, мистер Мэйбрик, — сказал доктор Грин. Он опустил руку Эстер и потрогал ее лоб. — Пульс слабоват, и у нее температура, — продолжил он. — Сегодня ей нужно дать отдохнуть, а завтра она должна поправиться. — Он оглядел нас и добавил: — И лучше не толпиться вокруг нее, молодые леди. — Но никто из нас не пошевелился.

Он пожал плечами, как бы говоря: «Ну, как знаете», и отошел от кровати, прихватив по пути свой черный чемодан, к которому даже не притронулся.

— Что, это все? — спросила Розалинда.

— Она просто утомлена, — сказал доктор. — Свадебные волнения, ничего страшного. Волноваться не о чем.

— Но вы ее даже не осмотрели!

— Моя дорогая…

— Может быть, нам лучше отвезти ее в больницу? — сказала Калла.

– *В больницу?* — сказал доктор Грин. — Да вы ей

тут вздохнуть не даете, а от этого, конечно, никакой пользы. Вы бы вышли прогуляться, пускай она отдохнет. Возвращайтесь через час, к тому времени она уже придет в себя.

— Да вы понятия не имеете, о чем говорите, — сказала Дафни.

Доктор Грин засмеялся, удивленный такой настойчивостью.

— Милая леди, я понимаю, что вам тяжело видеть сестру в таком состоянии, но неужели мне нужно напоминать вам, кто из нас окончил Йельский медицинский институт? — Он говорил с наигранной беззаботностью. Мы были дочерьми Генри Чэпела, и это, вероятно, в некоторой степени оправдывало наше упрямство. — Успокойтесь. С ней все в порядке, уверяю вас.

— Но она не может пошевелиться, — сказала Розалинда. — Она ничего не говорит. Она даже не знает, что мы здесь!

— Вероятно, ей поможет морской воздух? — сказал Мэтью из коридора. — Мы завтра отплываем, — повторил он. Дафни застонала.

— Именно! — сказал доктор Грин, нахмурившись и неодобрительно взглянув на Дафни. — Вы плывете из Нью-Йорка в Саутгемптон, не так ли? — спросил он Мэтью.

— Да, — ответил Мэтью. — Лондон, Париж и так далее.

— Прекрасно! Спокойный отдых на борту лайнера — это как раз то, что нужно этой молодой леди. Говорю вам как врач.

Мысль о том, что Эстер может встать и отправиться в путешествие, не укладывалась в голове. Ее пришлось бы поднимать на корабль на носилках, но доктора Грина это почему-то не беспокоило. Он вышел в коридор к Мэтью и Доуви и свободной рукой взял Мэтью за плечо.

— У меня три дочери. Это хрупкие создания.

— Да, — сказал Мэтью. — Я начинаю это понимать.

— В семейную жизнь их лучше вводить осторожно. — Он похлопал Мэтью по спине, и они оба хмыкнули, обменявшись взглядами, смысл которых я не поняла. Быть может, это имело отношение к первой брачной ночи, когда у женщины из-за мужчины текла кровь. Но зачем бы они стали смеяться над таким? Там, где кровь, всегда боль — по крайней мере, я так считала.

— Позвоните мне, если состояние миссис Мэйбрик изменится, — сказал доктор Грин, и Доуви пошла его провожать. Мэтью сказал, что ему нужно позвонить, и тоже ушел вниз. Судя по все-

му, вердикт доктора — «переутомление» — его вполне удовлетворил.

— И что нам теперь делать? — спросила Розалинда, когда мы остались одни. Ее беспомощность пугала меня. Эстер с Розалиндой могли принять решение в любой ситуации, и теперь я боялась, что вокруг не осталось никого, кто мог бы нам помочь. Я хотела вновь украсить голову Эстер венком из маргариток, назвать ее королевой-розой девичьего сада распускающихся бутонов, чтобы она засияла, как тогда, на лугу. Вместо этого я смотрела на стену с астрами за ее спиной и шептала: «Хочу, хочу…»

3

— Ну что там?

Беспокойно ожидавшая новостей Розалинда повернулась к Зили, которая только что вошла в нашу гостиную.

— Она все еще с ней. — сказала Зили. — Ничего не говорит.

Белинда уже несколько часов сидела у кровати Эстер. Она неслышно вошла в комнату, в своем обычном льняном платье, волосы заколоты наверх, с ног до головы белая, как мотылек; ее глаза смотрели только на Эстер, словно никого

из нас в комнате не было. Она попросила нас оставить их вдвоем, и мы ушли. С тех пор она молча сидела у кровати дочери, держа ее за руку и время от времени промокая ее лоб влажным полотенцем.

Доуви принесла нам поднос с бутербродами — ветчина с горчицей на треугольных половинках хлеба — и кувшин лимонада, в котором уже растаял лед, а на поверхности плавали сморщенные листья мяты.

Взяв половинку бутерброда, Зили забралась на подоконник.

— Там Мэтью в саду, — сказала она, глядя в окно и вяло покусывая уголок хлеба.

— И что он делает? — спросила Розалинда.

— Курит и ходит туда-сюда.

Розалинда умоляла папу и Мэтью не слушать доктора Грина и отвезти Эстер в больницу, но мужчины доверились диагнозу «переутомление» и больше слышать ни о чем не желали.

— Не понимаю, почему никто ничего не предпринимает! — сказала Розалинда. — Наша сестра лежит без движения, от нее осталась лишь оболочка, и никто в этом доме не выказывает никакого беспокойства! Мэтью курит на улице, отец неизвестно где, а наша мать — наша безумная

мать! — которая всю неделю вещала нам о конце света, теперь просто сидит у ее кровати и молчит. Розалинда осеклась, но лишь на секунду; несколькими резкими движениями она утерла выступившие на глазах слезы, явно раздосадованная, что те осмелились прервать эту вспышку праведного гнева. Сидевшая рядом с ней Калла потянулась к ней и похлопала ее по плечу, но от этого прикосновения Розалинда лишь вскочила на ноги.

— Нет, — сказала она. — Так дело не пойдет! Мы знаем Эстер лучше, чем кто бы то ни было. Ей очень плохо. — Она перевела дух, укрепляясь в своей решимости. Это снова была та Розалинда, которую я ждала все утро.

— Мы можем сами отвезти Эстер в больницу, — сказала Дафни.

— Да, — согласилась Розалинда еще до того, как Дафни закончила говорить. — Мэтью в саду, а отец, наверное, засел в своем кабинете. Они не сразу заметят, а когда мы уедем, они уже ничего не сделают.

— А разве нельзя вызвать «Скорую»? — спросила Калла.

— Папа наверняка отошлет их обратно, — сказала Розалинда. — А мы больше не можем терять

время, неужели ты не понимаешь?

— Но как мы донесем Эстер до автомобиля? — спросила Калла.

— Проще простого, — сказала Дафни. Двое берут ее под руки, двое поднимают ноги, кто-то один идет впереди.

— Мне кажется, мы не сможем, — сказала Калла.

— Сможем! — ответила Розалинда. — За руль сяду я.

— Но врачи в больнице — они ведь такие же, как доктор Грин? Нас просто отправят домой, — сказала Калла.

— А мы им не позволим. — Я не открывала рта с тех пор, как мы вышли из спальни Эстер. Я понимала, что мне не слишком-то рады, хоть никто сейчас и не обращал на меня особого внимания, но молчать я больше не могла. Розалинда была права — если мы не сделаем что-нибудь немедленно, с Эстер случится что-то ужасное. Я всю неделю знала, что это должно случиться, но теперь со мной была согласна не только Белинда. — Мы откажемся уходить из больницы, пока они не начнут ее лечить, — сказала я. — Если они попытаются выгнать нас, я устрою скандал. Им придется вызвать полицию, чтобы

нас выставить.

— Так и сделаем, — согласилась Розалинда. — Но нам нужно торопиться! Зили, спускайся вниз, найди ключи от автомобиля и жди нас у выхода.

Мы встали и выстроились гуськом за спиной Розалинды, которая подошла к двери и выглянула в коридор. Вокруг было тихо, в коридоре никого не было. Она кивнула нам.

Мы высыпали из гостиной и помчались к спальне Эстер и Розалинды, с твердым намерением забрать ее и увезти прочь. В тот короткий миг мы все приободрились. Нас было не остановить. *Мы* были силой, которая спасет нашу сестру.

И вдруг…

Раздался крик. Нет, это кричала не Белинда — ее крики мы хорошо знали. То, что мы услышали, было больше похоже на завывание. Мы все ринулись к спальне, но в коридоре я вдруг остановилась, не в силах пошевелиться. Этот вой я уже слышала прошлой ночью.

Мы опоздали.

4

Мне не было видно Эстер — сестры в панике

столпились вокруг нее, — но я видела маму, которая прислонилась спиной к стене и смотрела на дочь расширенными от страха глазами, прикрыв рот рукой. Она перевела взгляд на меня, и на мгновение наши глаза встретились. Мы обе все поняли.

Эстер лежала в постели, и с ее губ срывался протяжный вой. Подойдя поближе, я увидела, что она обеими руками сжимает себе шею; ее глаза были открыты, но в них не было ничего, кроме пустоты. Она выла беспрерывно, не делая пауз для вдоха. В комнату вбежал отец, а за ним — Мэтью с Доуви.

— В чем дело? — спросил Мэтью. — Что происходит? — На этот раз он не остался в коридоре и стал прорываться к кровати: солдат, готовый к бою.

— Я позвонила врачу, — сказала Доуви. Она запыхалась и, чтобы не упасть, схватилась за комод.

Отец попытался оторвать руки Эстер от ее шеи, но та вцепилась в нее мертвой хваткой и не поддавалась. Мэтью поспешил на подмогу, и вместе они смогли разжать ее руки, оставившие на шее красные полосы и царапины от ногтей. Эстер больше не сопротивлялась. Она перестала выть

и вдруг обмякла.

Теперь она лежала, как и прежде: раскрытые глаза, отрешенный взгляд. Сестры пытались унять дрожь и справиться со слезами. Никто не знал, что делать дальше.

Но передышка была временной. Эстер села в кровати — впервые за это время, открыла рот и снова принялась выть. На этот раз она вытянула перед собой руки — прямые, негнущиеся. В ней было что-то звериное.

— О господи, — сказала Розалинда, пятясь от кровати. Доуви резким движением схватила Зили за руку и вывела из комнаты.

— Эстер, милая, — сказал Мэтью. — Прошу тебя, скажи, что случилось! — Он подавил всхлип. Я никогда не видела, как плачут мужчины; он пытался сдерживаться, но отчаяние душило его. — Я люблю тебя, — лишь смог выдавить он.

Услышав эти слова, Эстер перестала выть и начала смеяться — громко, безумно. Она опустила руки и взялась за края кровати, удерживая себя в сидячем положении, и спустила ноги на пол. Все это время она продолжала смеяться.

Сквозь сиреневую сорочку просвечивали ее соски: прежняя Эстер сгорела бы от стыда. Она схватила с тумбочки лампу Тиффани — зеленое

стекло в тон нарисованного на стене леса — и встала, выдернув шнур из розетки. Мэтью подошел к ней и попытался забрать у нее лампу. Она перестала смеяться и уставилась на него.

— Дорогая, — сказал он, обняв ее и пытаясь увести к постели. Эстер развернулась и ударила его лампой по лицу, и он упал, взвыв от боли. Бросив лампу рядом с ним, она подбежала к окну. Размахнувшись, она разбила кулаком стекло, а потом втянула окровавленную руку обратно. Раны были серьезными, но она не вскрикнула и даже не поморщилась от боли, равнодушно глядя на стекающую с руки кровь.

Никто из нас не проронил ни слова, никто из нас не пошевелился, когда она медленно стянула с плеча сиреневый пеньюар, обнажила грудь и начала медленными, нежными движениями растирать грудь кровью с порезанной руки. Она сняла пеньюар с другого плеча, и он сполз на пол. Она размазала кровь по шее и груди, а затем по животу, бокам и бедрам. Потом она подняла руки над головой, почти радостно, и стала выть еще глубже и протяжнее, чем раньше. Ее тело вибрировало и гудело, извиваясь и выворачиваясь с каждым воплем. Казалось, что она парила в экстазе; ее голова была вздернута вверх,

как у волка, а из гортани вырывались утробные, животные стоны.

Затем она обрушилась на пол и умерла.

5

Вскоре на место трагедии прибыл доктор Грин. Не знаю, что именно отец рассказал ему о произошедшем. Доктор предложил сделать вскрытие, но отец отказался — он не хотел, чтобы тело его дочери изрезали вдоль и поперек. Мнения Мэтью, которого отправили в больницу для наложения швов, никто не спросил. Эстер была в родном доме, и ответственность за нее снова легла на плечи отца. Он выдал ее замуж, а после ее смерти забрал обратно.

Белинда, как и все мы, была в шоке. Словно керамическая статуэтка, она стояла у края стола, и казалось, что в любую минуту она может упасть на пол и разбиться на кусочки, которые уже не склеить. Доктор Грин заставил ее выпить веронал и выдал по таблетке моим старшим сестрам, а нам с Зили сказал, что мы еще маленькие. Через час после происшествия Белинда уже спала у себя в спальне, а сестры лежали на диванах в нашей гостиной, погрузившись в спасительное вязкое забытье.

Доуви утешала Зили в нашей спальне, а меня миссис О'Коннор увела на кухню и усадила за стол, поставив передо мной кружку какао. Я вновь оказалась там, где начала этот день, но не представляла ни который час, ни сколько времени прошло с того завтрака.

В соседней комнате отец беседовал с доктором Грином, у каждого в руке по стакану виски. Доктор сказал, что причиной смерти был грипп.

— С утра, когда я ее осматривал, у нее была температура, — говорил он отцу. — Это верный признак вирусной инфекции. Я подозревал, что это грипп, но не хотел, чтобы вы волновались. Мистер Мэйбрик так переживал по поводу предстоящего круиза… — А потом он добавил, что в редких случаях грипп вызывает галлюцинации.

— Понятно, — тихо сказал отец, принимая это объяснение так же, как до этого принял диагноз «переутомление». Доктор мог сказать «малярия» или «порок сердца», и я уверена, что, несмотря на сцену, разыгравшуюся в спальне, отец тоже ответил бы: «Понятно».

В парадную дверь постучали. Я выглянула в холл: отец и доктор Грин приветствовали двух мужчин в черных костюмах, один из которых нес

каталку. Все вместе они направились наверх.

Нижняя гостиная выходила в холл, и я пошла туда — посмотреть, что они будут делать. Эти мужчины могли быть врачами, но зачем ей теперь врач? Пробыв какое-то время наверху, они начали спускаться. Двое мужчин несли каталку, на которой лежал длинный черный пакет, застегнутый на молнию. Они выкатили каталку на улицу; следом вышли отец с доктором, оставив за собой пустую тишину, которая начала медленно смыкаться над моей головой.

Я побежала на кухню, толкнула боковую дверь и понеслась через огород к задней части дома. Я бежала и бежала — не ведая, куда и зачем, — мимо маминого сада и лягушачьего пруда, в сторону луга. Острые ветви и камни царапали мои босые ноги, но боль меня не останавливала. Я бежала через луг, а в ушах у меня раздавался гипнотический вой Эстер, и на короткий миг мне показалось, что мне удастся оторваться от того, что преследовало меня. Но тут мои ноги подкосились, и я упала. Уткнувшись лицом в траву и цветы, я почувствовала, что меня сейчас стошнит, и встала на четвереньки, давясь от рвотных позывов; но ничего не произошло. Вскоре я поняла, что захлебываюсь не от рвоты: меня душили

рыдания. Они переполняли мне горло и грудь, создавая невыносимое давление. Горе обрушилось на меня, и как я ни старалась подавить рыдания, они прорвались наружу.

6

Со смерти Эстер до похорон прошло два дня. Горе не сплотило нас — скорее наоборот: мы все погрузились в свое облако тьмы, выход из которого искали поодиночке.

Я бродила из комнаты в комнату, от разговора к разговору, безуспешно пытаясь сфокусироваться хоть на чем-то. Жизнь в «свадебном торте» всегда походила на жизнь в аквариуме, а в то время — особенно. Мы плавали в мутной воде, не видя ничего, что происходило за стеклом. Помимо погружения в собственное горе, те дни мне запомнились странным сочетанием повседневности и жути. В какой-то из дней я видела, как служанка оттирает кровь с паркета в комнате Эстер и Розалинды, а в это время внизу миссис О'Коннор делала изящные эклеры для поминок. Так я это и запомнила: кровь и пирожные.

Все чаще звучало слово *«похороны»*. Раньше оно мне попадалось только в книжках — *захороненное сокровище, похороненный дневник*, все

это в контексте гробниц фараона и пиратских приключений. Но теперь оно воспринималось по-другому. Все началось с подслушанного мной спора между Розалиндой и Делит, матерью Мэтью, которая хотела, чтобы Эстер облачили в наряд невесты — в то нелепое «лунное» платье. Мэйбрики чувствовали себя не при делах: мало того что у них забрали Эстер, так еще и все решения о необходимых процедурах мой отец принял без них, поэтому, когда дело дошло до обсуждения платья, Делит была непреклонна.

— Мою сестру не будут *хоронить* в этом безумном платье, — сказала Розалинда хриплым голосом, сжимая в руке платок. — Так это слово было произнесено впервые: «хоронить».

— Ваша сестра умерла невестой Мэтью. И она останется его невестой навеки.

— Невестой Мэтью она была всего одну ночь, и это не очень хорошо для нее закончилось, — сказала Розалинда. — Что-то мне подсказывает, что ее образ как невесты Мэтью — это не то, что мы бы хотели увековечить в памяти.

— Как вы можете быть такой жестокой! — сказала миссис Мэйбрик.

— Розалинда, довольно! — сказал отец, который явно начинал терять терпение от этого

разговора.

— Папа, ты же не позволишь хоронить Эстер в этой… *вещи*! — И снова это слово: «хоронить».

— Это не ему решать, — сказала миссис Мэйбрик. — Эстер была женой моего сына.

— Весьма недолго! — ответила Розалинда.

— Мэтью хочет, чтобы ее похоронили в том платье, — сказала миссис Мэйбрик. — Не вижу смысла обсуждать это дальше.

Теперь, когда я услышала это слово, я стала замечать его везде: «похоронили». Всего сутки со смерти Эстер, и мы погрузились туда, о чем раньше не могли и помыслить.

Мэтью, который оставался в автомобиле, пока его мать спорила о платье, открыл входную дверь и ввалился в дом, схватившись за ручку, чтобы не упасть.

— Я же просила тебя подождать на улице, — сказала Делит, и, посмотрев на Мэтью, я поняла почему. Выглядел он ужасно: на лице повязка в том месте, где его ударила Эстер, на плечах измятый и влажный бежевый пиджак — он был во вчерашнем костюме, а от него самого разило спиртом и потом. Его галстук петлей болтался на шее, словно он недавно избежал виселицы и с тех пор не отрывался от бутылки.

— Возвращаться в эту чертову тюрьму — последнее, что пришло бы мне в голову, но мне срочно надо отлить. — Он был жалок: то восхитительное морское существо, которое поразило нас прошлым летом, теперь казалось грудой хлама, выброшенной на берег. Жизнь героя войны обернулась трагедией, и он барахтался в обломках кораблекрушения.

Доуви увела его в ванную — уходя, он оперся о ее руку. Делит с Розалиндой продолжили прерванный спор, на этот раз об украшениях: какие на Эстер будут серьги, какое ожерелье и, наконец, какие кольца. Делит сказала, что она должна быть похоронена без венчального кольца с бриллиантом.

— Мэтью хотел бы сохранить его на память.

— Что сохранить на память? — спросил Мэтью, который по пути из ванной все еще пытался застегнуть брюки.

При виде сына Делит напряглась; бледной рукой она поправила черные, цвета шерсти скунса, волосы.

— Подожди меня в автомобиле, — сказала она.

— Я хочу поговорить с миссис Чэпел, — сказал Мэтью, опершись о стол.

— Она спит, — ответил отец. Он взглянул

на Делит в надежде, что та утихомирит сына. Как собака, чувствующая приближение дождя, он каждой своей клеткой ощущал назревающий скандал.

— Ну так пойдите и разбудите ее, — сказал Мэтью воинственно.

— Она плохо себя чувствует.

— А вот и нет, — воскликнул Мэтью, стукнув кулаком по столу. — Не думаю, что она плохо себя чувствует. Мне кажется, она здесь единственный человек, который знает, что на самом деле происходит, и я хочу поговорить с ней!

Делит подошла к нему и попыталась взять его под руку, но он оттолкнул ее.

— Мы что, будем притворяться, что миссис Чэпел не предсказывала всего этого?

— Пойдем, дорогой, — сказала Делит, снова потянувшись к его руке.

— Миссис Чэпел! — крикнул Мэтью, и его голос эхом разнесся по дому. Он бросился к лестнице, но был слишком слаб, чтобы подняться по ней. На полпути он рухнул и остался лежать, уперев лоб в край ступеньки. Он не шевелился. Я подумала, что он заснул, но вскоре поняла, что он плачет.

Ошеломленная, я вышла в мамин сад и стала

рвать первые попавшиеся цветы — шалфей, гортензию, сжав их в кулаке. Белинда не знала, что происходит внизу; отец нанял сиделку, которая постоянно давала ей снотворное.

– *Мы что, будем притворяться, что миссис Чэпел не предсказывала всего этого?*

— Да, Мэтью. Будем.

В тот вечер Доуви отослала нас с Зили наверх — выбрать платья для похорон. Вытащив из шкафа все свои наряды, Зили свалила их в одну кучу на кровати.

— Зили, тебе нужно выбрать *одно* платье. Мы не в отпуск собираемся.

— Я хочу посмотреть, что у меня есть, — сказала она, не поднимая глаз и обиженно надув свои пухлые губки. Ища уединения в своем горе, я забыла о сестре и даже не знала, чем она занималась весь день. Кто-то вообще присматривал за ней? Ее перепачканное платье и спутанные волосы говорили о том, что, видимо, нет.

— Где теперь Эстер, как ты думаешь? — спросила она, вываливая на кровать последние платья из шкафа.

В те дни я избегала ее в том числе поэтому: из-за ее нескончаемых вопросов, на которые у меня не было ответа.

— Она на небесах, — сказала я буднично, словно говорила: «Она в аптеке». Платье для похорон я уже выбрала: темно-коричневое, которое я часто надевала в церковь.

— А что там, на небесах?

– *Зили*, — раздраженно выдохнула я. — Откуда мне знать? Можно подумать, я там бывала. — Я начала сортировать ее платья, убирая обратно в шкаф яркие летние сарафаны, которые точно для этого случая не подходили. На кровати осталось несколько темно-синих платьев: черных не было. Раньше нам никогда не приходилось одеваться в черное.

— Наверное, Эстер станет ангелом и будет за нами присматривать? — Она подошла к окну и посмотрела вдаль.

— Может быть, — сказала я. Каждое воскресенье мы с отцом и сестрами ходили в церковь, но темы, звучавшие на проповедях, — Бог, ангелы и так далее — дома не обсуждались. Несмотря на регулярные визиты в церковь, мы не были религиозной семьей. Отец зарабатывал на жизнь созданием и продажей оружия, поэтому вряд ли он особо задумывался о том, куда отправлялись люди, жизни которых уносил очередной выстрел, и о его роли в этом процессе. У Белинды были

свои представления о загробной жизни, но с нами она ими не делилась, а ее крики явно не сулили ничего утешительного. Я понятия не имела, что она думает об ангелах и верит ли, что ее дочь станет одним из них.

— Можно спросить у мамы, когда она проснется, — сказала я, выбирая для Зили платье, которое подошло бы к моему если не цветом, то хотя бы фасоном. Повесив на место остальные платья, я выскользнула из комнаты и направилась в библиотеку. С тех предшествовавших свадьбе дней я туда больше не заходила. Безголовая невеста все еще стояла посреди комнаты, перепачканная моей кровью. Я подошла проверить, не поблекли ли пятна крови и не сможет ли Эстер лечь в гроб в этом платье. Мысль о том, что она отправится в вечность в том ужасном наряде, который она возненавидела, была невыносимой. Но кровь лишь потемнела, и я поняла, что сделать ничего нельзя.

— Айрис, ты где? — раздался крик Зили.

Я пошла обратно, мимо комнаты Эстер и Розалинды, дверь в которую была закрыта. Зили жестом подозвала меня к окну:

— Смотри!

Внизу отец орудовал лопатой на семейном

участке. На нем была белая рубашка с закатанными рукавами и темные брюки с подтяжками. Подозреваю, что у него не было повседневной одежды; я никогда не видела, чтобы он работал в саду или делал физические упражнения. Казалось, что его жизнь ограничивалась письменном столом.

Вместо слов из моего горла вырвался гортанный всхлип ужаса. Я посмотрела на Зили: ее лицо исказилось, но слез не было. Она была слишком потрясена, чтобы плакать.

Я инстинктивно обняла ее за плечи и притянула к себе. Так мы стояли, наверное, несколько минут, наблюдая за отцом, который уже запрыгнул в углубляющуюся яму и стал выбрасывать оттуда землю лопатой.

Вскоре в комнату вошла Розалинда.

— Что вы там такого увидели? Вас кто-то загипнотизировал?

Мы ничего не ответили: у нас не было слов это описать. Розалинда подошла к окну и взглянула вниз.

— Что он там делает? — спросила она, заметив силуэт отца на фоне темнеющего неба. Ответить я снова не смогла.

Пытаясь рассмотреть отца, она приложила

руку к окну, и ее кольцо с коралловой камеей звякнуло о стекло. Некоторое время она вглядывалась в сумерки. Когда она наконец поняла, ее рот широко раскрылся, и она застыла так на секунду, а потом прикрыла рот рукой, чтобы заглушить всхлипы.

7

Рано утром в день похорон мы отправились на луг, чтобы набрать цветов. Мы срывали упругие стебли, согнувшись, как собиратели хлопка, и легкий ветерок разносил вокруг отзвуки наших приглушенных рыданий, словно печальный птичий перезвон.

Шофер отвез нас в церковь в Беллфлауэре, где нас ждала Эстер. Мы с сестрами ехали одни — родители вместе с Доуви и сиделкой отправились на другом автомобиле. Мы тихо сидели на заднем сиденье, разложив на коленях собранные цветы; Калла плела венок из маргариток. Теперь нас было пятеро, но не в том смысле, в каком мы ожидали. Разве мы могли знать, что пять скоро превратится в четыре, четыре — в три и так далее. Во время той короткой поездки в церковь нам казалось, что это худшее, что может с нами случиться.

Из нашей жизни словно пропали все оттенки — мы были одеты в мрачные цвета зимы и горя. Было видно, что Розалинда и Калла сделали слабую попытку завить себе волосы, но получившиеся локоны безжизненно лежали на плечах. Их лица были бледны — наносить макияж показалось им неуместным.

Когда автомобиль свернул на Мейн-стрит, мы увидели, что на тротуарах стоят рабочие оружейного завода Чэпела — мужчины в комбинезонах, женщины в платьях с джинсовыми фартуками.

— Как мило с их стороны, — сказала Розалинда. Их были сотни, и все они склоняли головы, когда мы проезжали мимо.

Автомобиль остановился у церкви, напоминавшей миниатюрный собор, и мы прошли внутрь через боковой вход, подальше от глаз толпы, в помещение при часовне, где нас ждала Эстер. Мы не видели ее с тех пор как она обрушилась на пол в своей спальне. Отец не хотел, чтобы открытый гроб выставляли на общее обозрение, поэтому в комнате, кроме нас и семьи Мэтью, никого не было. В этой же самой церкви Эстер несколько дней назад венчалась, и все должны были запомнить ее такой. Невеста навеки, как сказала Делит.

Вестибюль часовни был выполнен из того же серого камня, что и вся церковь, с большими плитами на полу и стенах. Свет из витражного окна рассыпался отблесками красного, желтого и голубого, отчего казалось, что пол весь усыпан лепестками цветов. В центре комнаты возвышался гроб из полированной сосны, но Эстер нам видно не было: родители прибыли раньше и теперь стояли рядом, прощаясь со своей старшей дочерью. Отец обнимал мать, что могло показаться проявлением нежности, но, должно быть, он просто поддерживал ее, чтобы она не упала. Лекарства совсем ослабили ее; она едва передвигалась.

Мы с сестрами остановились у входа, радуясь этой короткой возможности собраться с силами. Когда отец с мамой покидали комнату, я посмотрела на Белинду — ее лицо ничего не выражало, а глаза были мутными, как камни на дне реки. Она только что видела дочь, но как будто и не видела ее, и я спросила себя, будет ли она вообще помнить этот день. Я надеялась — ради ее же спокойствия, — что не будет.

Была наша очередь, но никто из нас не пошевелился.

— Мы справимся! — наконец убежденно ска-

зала Дафни и двинулась вперед. За ней пошли Розалинда и Калла, а за ними — мы с Зили.

Эстер выглядела так, как тем утром после свадьбы, когда Мэтью привез ее, безжизненную, домой. «Лунное» платье едва помещалось в гроб, бесконечные волны белой ткани окутывали ее всю. Она застыла в ней, как фитиль в расплавленном воске свечи. Ее тело от самой шеи было укутано в белое: дешевый атлас, кружева, пайетки. Видны были только ее руки, аккуратно сложенные на животе, левая рука на правой, чтобы обручальное кольцо было сверху.

У человека, который делал ей макияж, рука была тяжелой — намного тяжелее руки самой Эстер: ярко-красные губы, румяные, как у куклы, щеки. Но ее волосы выглядели великолепно: роскошные, густые каштановые локоны обрамляли ее лицо и спускались ниже плеч. Розалинда оторвала цветок красного мака и воткнула его в волосы Эстер, над ухом, а потом принялась украшать ей прическу другими цветками — ноготками, маргаритками, и вскоре на кудрях Эстер расцвел целый сад.

Мы последовали ее примеру и стали молча отрывать цветки и украшать ими голову Эстер, ее тело и платье. У ее плеча я положила един-

ственный цветок ириса — время их цветения уже прошло, и он выглядел слегка поникшим, но по-прежнему был насыщенно-пурпурным.

— Прости! — прошептала я, надеясь, что она где-то рядом и услышит меня.

Около моего ириса Розалинда положила красную розу, и мы довершили картину гелиотропом с ванильным ароматом и охапкой голубых фиалок, которые мы вложили ей в руки. Оставались только маргаритки, и Калла возложила приготовленный венец ей на голову, приговаривая: «Свети нам, милая головка, лучись прелестными кудрями, дари тепло нашим цветам и будь навеки нашим солнцем».

После этого гроб закрыли, и Эстер, *наше* солнышко, осталась одна в темноте.

астра в алебастре
лунная мечта
кремовое счастье
блестки, чистота

ночь несет кошмар:
у невесты жар

дочка завывает
безутешна мать

смерть пришла, и время
не отправить вспять
их осталось пять

калла чэпел

Мама и ее призраки
1950

1

В младенчестве Белинда постоянно кричала. Она кричала так громко, что ее рыдания заполняли весь дом и были слышны на улице. Делая паузы лишь для еды и сна, она кричала и кричала, и сон приходил к ней только после того, как она окончательно изматывала себя, а ее горло краснело и опухало. К концу дня крики переходили в хрип, и она могла издавать лишь ужасные каркающие звуки.

Перед тем как уволиться, ее гувернантка, нервы которой не выдержали, сказала: «Она одержима призраками». Маленькая девочка, одержимая призраком своей матери.

Отец Белинды, Ливай Холланд, профессор ботаники в Гарвардском колледже, был очень одаренным: он стал профессором в возрасте двадцати четырех лет. Его первая жена, с которой они воспитывали сына, умерла от пневмонии, а через пару лет после ее смерти он снова женился — на Розе Харрисон, старой деве двадцати семи

лет. Спустя несколько месяцев после свадьбы Роза забеременела, а в январе 1900 года умерла в родах.

Сколько ни нанимал Ливай гувернанток для своих детей, они увольнялись, не в силах выносить постоянные крики девочки. Экономка ушла, кухарка — тоже, и даже священник местной церкви попросил Ливая держаться со своей семьей подальше от его прихода. Отчаявшись, Ливай отправился в школу глухих и взял на работу молодую голландскую иммигрантку по имени Джоанна. Прижимая Белинду к груди, Джоанна нежно укачивала ее, чувствуя вибрацию ее крохотного тела, но не слыша, как она кричит. Вскоре в доме появились экономка и кухарка: Ливай нанял еще двух школьных друзей Джоанны — жизнерадостных сестричек. Джоанна была рада работать в одном доме с друзьями, а Ливай был готов сделать что угодно, чтобы доставить ей радость, поскольку лишь она одна была способна заботиться о его дочери. Эти три женщины баловали малышку и старались сделать ее жизнь пристойной, если не счастливой.

Брат Белинды Джеймс, на семь лет старше ее, был отослан жить к родным, а затем — в школу-интернат, в результате чего свою единокровную

сестру он никогда не любил, осознавая, что она выжила его из семьи и дома. Но Ливай не видел другого выхода. Он и сам с трудом уживался под одной крышей с Белиндой. Когда он был дома, то набивал уши ватой, но даже это не помогало полностью заглушить крики. Он возил Белинду по врачам Бостона, Кембриджа и Нью-Йорка, но никто так и не смог сказать ему, что происходит с его дочерью.

Несмотря на крики, Белинда росла и развивалась, как обычный ребенок. Она научилась ползать, а затем ходить, но как только она начала говорить, все слова выходили криком. «Папа!» — выла она. «Хочу есть!» — причитала она. «Мама!» — рыдала она каждый раз, когда видела на столе фотографию Розы в рамке.

Когда ей исполнился год, она начала биться головой об стену, закрывать себе уши и кричать: «Уходите, уходите!» — и никто не понимал, в чем дело; поведение Белинды всегда было загадкой. Ей нужен был постоянный уход, поскольку она стала биться головой о любую твердую поверхность — ножки стола и даже пол. Однажды, когда Ливай был на работе, простуженная Джоанна уснула, а Белинда вышла через заднюю дверь и пробралась в оранжерею, где ее отец выраща-

вал растения для работы. Вернувшись из колледжа, Ливай обнаружил трех женщин, сбившихся с ног в поиске пропавшей Белинды: криков они не слышали, поэтому найти ее не могли.

Когда Ливай зашел в оранжерею, он увидел картину, от которой кровь застыла у него в жилах. Вооружившись садовыми ножницами, Белинда пыталась отрезать себе уши. В четыре года у нее не было необходимых навыков и координации, чтобы преуспеть в этом занятии, но острыми, как бритва, лезвиями ножниц она успела искромсать себе мочки ушей. Все это время она громко кричала от боли; ее белое платье было в крови. Врачи в больнице не смогли восстановить израненные мочки — они лишь сделали надрезы ровнее, для косметического эффекта. С забинтованной головой Белинда сидела на больничной кроватке и непривычно молчала, оглушенная действием седативных препаратов. Врачи сказали, что у нее не все в порядке с головой и ее нужно отправить в психиатрическое учреждение.

Ливай не мог этого допустить. Его жена умерла, рожая Белинду; девочка была ее наследием. Он сидел у ее кроватки и осторожно задавал ей вопросы.

— Белинда, почему ты кричишь?

— Крики, — сказала Белинда, показывая на уши. — Мама.

— Ты слышишь, как кричит мама?

Белинда кивнула.

Он знал, о каких криках идет речь. Когда его жена рожала — и умирала, ее крики заполнили дом и потом еще несколько дней раздавались у него в голове. Раньше он никогда не связывал крики жены с криками дочери.

— И когда ты слышишь ее? — спросил Ливай.

— Всегда, — сказала Белинда, прикрыв забинтованные уши руками.

Несколько дней врачи беседовали с Белиндой и постепенно выяснили, что с самого рождения девочка слышит предсмертные крики матери. Чтобы заглушить их и избавиться от страха, она кричала сама, а когда подросла, стала биться головой обо все, что попадется, чтобы унять эти постоянные крики. А потом она попыталась отрезать себе уши.

Когда действие успокоительного закончилось, Белинда сказала, что все еще слышит крики, но они ушли на задний план. Ее безумная попытка заставить мать замолчать сработала хотя бы отчасти: когда она подросла, она говорила, что

крики матери слышны ей как шум океана в раковине, как приглушенный рев воды.

Когда Белинду выписали, она уже не кричала. Ливай взял академический отпуск на год и стал заботиться о Белинде самостоятельно. Каждый день они работали в оранжерее: он отвел ей собственный уголок, где она возилась с семенами и землей, выращивая свои растения. Она была еще слишком маленькой, чтобы что-то понимать в ботанике, но ей нравилось наблюдать за растениями и зарывать руки в землю. Больше всего она любила цветы. Каждый раз, когда Белинда рассказывала нам о криках матери и растерзанных мочках ушей, свою историю она заканчивала одинаково: ее вылечили цветы.

Следующие двадцать пять лет она счастливо прожила со своим отцом. Он организовал ей обучение на дому, и больше всего она интересовалась естественными науками — в частности ботаникой. Со временем она сама стала вести домашнее хозяйство и даже помогать отцу проверять студенческие работы, а вечерами они вместе работали в оранжерее. Как это часто бывает с незамужними дочерьми овдовевших отцов, она во многом заменяла ему жену. Летом они вместе путешествовали: ездили в Японию, Португалию

и на Галапагосские острова, где собирали и исследовали образцы растений. Белинда надеялась, что ее отец доживет до почтенной старости; выходить замуж и рожать детей она не хотела — ее жизнь нравилась ей такой, какой она была. А когда отец умрет — этот день в ее представлениях был далеко в будущем, она собиралась провести остаток дней в родном доме, наедине со своими растениями.

Но отец до почтенной старости не дожил. Возвращаясь однажды с занятий, он рухнул прямо посреди Брэттл-стрит, держась за сердце: сердечный приступ в пятьдесят восемь лет. После его смерти брат Белинды Джеймс, с женой и двумя маленькими детьми, приехал улаживать дела и вскоре обнаружил, что отец погряз в долгах. Чтобы уплатить банку, пришлось продать дом и всю мебель. Белинда осталась без денег и без крыши над головой.

Спустя всего два месяца со смерти отца убитая горем Белинда переехала из Кембриджа в Бостон, в семью брата. Джеймс, хирург по профессии, жил в одноквартирном доме в престижном районе Бэк-Бэй, но, несмотря на внушительный размер дома и приличный доход, он заявил Белинде, что долго она с ним оставаться не может. Ей нужен

мужчина, который позаботился бы о ней, а это задача для мужа, а не для брата.

Замуж Белинда не хотела; мужчинами она совсем не интересовалась. Для всех женщин ее семьи по материнской линии замужество означало смертный приговор: свадьба, беременность, могила. Она не собиралась выбирать этот путь, и тогда брат предложил ей устроиться на работу.

Какое-то время она работала компаньонкой у пожилой леди в Бруклине: читала ей книги, вязала и пила чай вместе с ней. Но через месяц пожилую леди утомили постоянные слезы Белинды по своему отцу и жизни, которую она потеряла. Белинда была отправлена обратно к брату, и тот устроил ее гувернанткой в богатую семью, к родственникам жены. В доме было трое маленьких детей, и Белинда сходила от них с ума; однажды, когда она отвлеклась, старший мальчик убежал из дома и чуть не попал под трамвай.

Поняв, что для работы прислугой она не приспособлена, брат снял ей комнату в пансионе в Лоуэлле и устроил на недавно открывшуюся пуговичную фабрику, через дорогу. В работе Белинда не поспевала за другими женщинами — те были милы с ней, но отличались резким характером; в основном это были иммигрантки

из Южной Европы. Они пытались помочь ей, но каждый день она отставала от них все больше, пока однажды не была уволена.

Брат продолжал снимать ей комнату и вел учет арендных платежей, ожидая, что впоследствии она все ему возместит. Белинда ходила на собеседования, но у нее не было ни опыта, ни рекомендаций. Она пыталась устроиться в большой универмаг, но оказалась недостаточно изысканной для мира моды. Она пыталась устроиться в пекарню, но не умела печь, а учить ее отказались. Она пробовалась на должность секретарши или ассистентки в цветочном магазине, но ее никто не брал.

Раз в неделю Белинда приходила в дом брата на ужин. Она не любила Джеймса и понимала, что своими действиями он мстит ей за свое детство, за то, что она выжила его из дома и лишила отца. Но она все равно приходила, стремясь хотя бы ненадолго вырваться из мрачного пансиона, где она делила спальню с двумя женщинами и ванную — с шестью. Ее жизнь была унылой и бесцветной, и эти два часа были для нее наслаждением: она проводила время там, где едят из фарфоровых тарелок и пьют вино из хрустальных бокалов.

Однажды на ужин пришел Генри Чэпел, сокурсник Джеймса по Гарварду, а ныне — вице-президент компании «Чэпел файрармз» в Коннектикуте. Как и Джеймсу, ему было тридцать шесть лет. Его отец почти отошел от дел, и компанией руководил он сам, часто наведываясь в Бостон по делам. В конце ужина он пригласил Белинду сходить на концерт, но она отказалась. Она понимала, что происходит: брат решил устроить ее личную жизнь. Она не могла объяснить себе, зачем она, тридцатилетняя женщина, прозябающая в бедности, могла понадобиться такому преуспевающему человеку. Унылая жизнь в пансионе оставила отпечаток и на ней самой: проходя мимо большого зеркала в доме брата, она даже не отваживалась в него взглянуть.

В тот же вечер, после того как она отказала мистеру Чэпелу, брат заявил, что платит за пансион последние два месяца.

— А потом что?

— А потом ты начнешь заботиться о себе сама.

Белинда не понимала, что это значит. Сама — это как? Если она не сможет найти работу и оплачивать аренду, ей что, придется жить на улице? Она спросила, может ли она поступить в женский колледж и выучиться на учителя био-

логии, но брат отказался за это платить, сказав, что ему еще детей на ноги поднимать, а она к тому же старовата для колледжа.

Через какое-то время она согласилась встретиться с Генри Чэпелом. Если брат увидит, что она старается, то, быть может, он согласится платить за пансион и дальше. Генри Чэпел был скучным, немногословным человеком, но с ним она хотя бы куда-то выходила — на концерты и в рестораны. На третьем свидании он сообщил ей, что его всю жизнь интересовала только работа, но родители заставляют его жениться и ждут наследника, который смог бы продолжить семейное дело. Она лишь потом поняла, что таким завуалированным способом он делал ей предложение: ему требовалась жена, а долго искать ее он не хотел. Белинда же вполне подходила на эту роль: сестра его друга, женщина из респектабельной семьи. О ее прошлом он ничего не знал — и ничего не спрашивал.

Прошло несколько недель, и брат сказал, что не изменил своего решения и прекращает оплачивать пансион. Белинда удивлялась: неужели он и правда позволит ей жить на улице? Она сомневалась в этом, но до конца не была уверена. Он казался достаточно жестоким, чтобы

допустить такое, и все же она с трудом себе это представляла. В худшем случае, если он действительно оставит ее без гроша в кармане, ей суждено умереть с голоду или замерзнуть насмерть где-нибудь под мостом. Будет ли это хуже, чем брак с Генри Чэпелом и смерть в родах? Она решила, что да, будет хуже.

И они поженились.

Когда мы были маленькие, мама часто рассказывала нам эту историю. Мы знали, что первые несколько лет своей жизни она кричала и что выходить замуж за отца не хотела. Но ее рассказ, как это бывает в сказках, всегда заканчивался свадьбой, а что было после нее, она никогда не упоминала. Обычно детям трудно представить, что их мать жила своей жизнью до их появления, но для нас с сестрами все было наоборот. Мамина история всегда заканчивалась свадьбой. А мы были ее эпилогом.

2

Первые четыре года своей жизни Белинда кричала, потом перестала, и ее криков никто не слышал до тех пор, пока она не вышла замуж за отца и не переехала в его дом.

Из-за того, каким образом она появилась на свет, Белинда всю жизнь чувствовала связь с призраками: она пришла в этот мир с уходом ее матери, и на этом пути их души переплелись. Но до переезда в «свадебный торт» самих призраков она никогда не видела. Теперь же Белинде каждую ночь являлись населяющие его духи — духи дома, купленного на кровавые деньги.

Но после смерти Эстер, Белинда, как ни странно, замолчала. При ней постоянно была сиделка, которая держала ее на успокоительных, и Белинда вела себя так, будто испила воды из Леты и больше ничего не помнила. Она не покидала своих комнат — спальни и гостиной. Сиделка давала ей лекарства и приносила с кухни еду на подносе.

В те дни Белинда еще больше, чем когда-либо, отдалилась от семьи. Она всегда находилась где-то на задворках нашей жизни, но теперь ее место в столовой всегда пустовало, а ночью стояла непривычная тишина — нас не будили крики, никто не завывал при виде процессии призраков: ковбоев и индейцев, женщин-первопроходцев, солдат и сбежавших рабов.

Я и не знала, что лекарства способны так на нее повлиять: словно кто-то расчистил населенные

призраками коридоры ее помутненного разума, зажег свет, смахнул паутину и приоткрыл дверь, чтобы впустить немного свежего воздуха.

Препараты творили свою магию, но через несколько недель сиделка сказала, что Белинде нужно постепенно отказываться от них, иначе сформируется зависимость. Отец и без того был вынужден постоянно следить за женой, как бы он ни объяснял себе ее состояние — одержимость духами или душевная болезнь. И он не хотел, чтобы в довершение ко всему она стала наркоманкой, хоть его и пугала мысль о том, как она начнет вести себя без лекарств. Я представила себе, как она, обезумев, бегает по дому, хотя на самом деле она никогда так себя не вела: все ее приступы обычно сводились к крикам из спальни. Но из-за смерти Эстер ее рассудок мог помутиться окончательно, и мы очень этого боялись. Поэтому, когда отец решил отправить ее в частную психиатрическую клинику «Ферн-холлоу» и договорился об этом с доктором Грином, никто из нас не стал возражать. Мы надеялись, что там ей помогут отказаться от успокоительных препаратов и дадут пару месяцев отдохнуть.

— Это *давно* нужно было сделать, — сказал доктор Грин в разговоре с Доуви в день, когда

приехали за Белиндой: я слышала, как они беседовали на кухне. — Еще *несколько лет назад*! Бедная женщина! — добавил он, когда Белинду вели к выходу: она явно не понимала, куда направляется.

В тот «безрадостный июнь», как окрестила это время Калла, цитируя Теннисона, мы с сестрами погрузились в пучину невероятной тоски. Хоть нас и не пичкали лекарствами, как маму, мы все равно пребывали в отрешенном оцепенении, словно все наши чувства разом отключили. Каждый день мы переходили из комнаты в комнату, ели завтраки, обеды и ужины, а время словно замедлило ход. Наш просторный дом всегда был похож на остров, но в те дни казалось, что эта часть земли отделилась от остального Коннектикута и уплывала все дальше и дальше в море.

Вскоре в доме установилась довольно унылая рутина. После завтрака мы собирались в главной гостиной: Калла занимала стул у окна и погружалась в чтение (тем летом она пристрастилась к викторианским романам);

Дафни принималась что-то тихо рисовать в своем углу; а Розалинда садилась на диван со стопкой модных журналов, хотя чаще всего она просто сидела, уставившись в пол. Мы с Зили

играли в карты и другие игры, а иногда собирали мозаичные картинки. Когда мы слишком увлекались, Розалинда говорила, что у нее от нас болит голова, и просила нас угомониться, а в плохие дни кричала: «Шли бы вы играть *на улицу*!», демонстративно массируя пальцами виски. Однажды она взяла нашу настольную игру и бросила ее в камин, за что ее тут же отчитала Дафни, хотя вообще она редко вставала на чью-либо защиту.

Будь Эстер с нами, мы стали бы считать дни до ее возвращения из медового месяца, чтобы провести остаток лета на Граус-корт, помогая ей обставить новый дом. Так мы, по крайней мере, собирались сделать. Никто не знал, что будет с домом дальше: останется ли Мэтью в нем жить или выставит на продажу. Я представила себе их пустую каюту на лайнере, их гостиничные номера, забронированные по всей Европе, — на левом берегу Сены, на каналах Венеции, на альпийских склонах — все эти кровати, которые они так и не согрели своим теплом. За Эстер тянулась целая череда пустых комнат.

Комнаты Белинды тоже пустовали, и иногда я наведывалась туда — посидеть на маминой кровати, полюбоваться на тайный рисунок змеи за шкафом, погладить перышки крапивника

(однажды мама сказала, что убивать крапивника — плохая примета, и я потом долго думала о том, кто убил того крапивника и что с ним случилось). Я ходила по ее гостиной и разглядывала занятные вещицы, выставленные на полках стеллажа, сидела за ее столом и смотрела в окно на ее сад. За садом по-прежнему ухаживал мистер Уорнер, и он пестрел летними цветами. Мне хотелось собрать букет для мамы, но навещать ее нам не разрешали. Отец сказал писать ей письма, но она на них не отвечала.

Я хотела спросить ее, чувствует ли она свою вину за то, как мы вели себя с Эстер. В моей голове одна за другой мелькали подробные сцены событий, произошедших в те дни: Эстер, срывающая с меня платье цветочницы; закопанные свадебные подарки; безголовая невеста, измазанная моей кровью; Эстер, спускающаяся по лестнице в «лунном» платье. К счастью, физических свидетельств того времени больше не осталось: Доуви вместе с горничными убрала все вещи из библиотеки, Мэтью отказался от подарков, и их раздали бедным, а наши с Эстер платья мистер Уорнер превратил в пепел. У меня осталось только чувство вины, и мне хотелось знать, что думает об этом Белинда. И не так уж важно

теперь, что мы были правы, ожидая «чего-то ужасного». Эстер нас не послушала, но ее больше нет, и своими действиями мы лишь отравили ей последние дни жизни.

3

Прошел июль, затем август. В сентябре, за несколько дней до начала учебного года, в семье вновь заговорили о Белинде. Был теплый субботний вечер, и миссис О'Коннор устроила для нас последнее летнее барбекю на задней террасе. Все выглядело очень празднично: клетчатая красно-белая скатерть, привязанные к спинкам стульев воздушные шарики, букет подсолнухов в центре стола. Тем летом она старалась хоть как-то нас порадовать. В отпуск на Кейп-Код мы не поехали — ни у кого не было настроения, и миссис О'Коннор отправляла нас в поездки на своей манер — кулинарный. Подозреваю, что она вряд ли спрашивала разрешения у нашего отца, когда отклонялась от привычного меню и устраивала нам то полинезийский вечер (половинки авокадо с салатом из морепродуктов, напитки в ананасах с бумажными зонтиками), то французский ужин (утка в апельсинах, блинчики Сюзетт). Иногда на завтрак она угощала

нас пончиками, на обед — сладким напитком из сассафраса, а после ужина приносила нам в гостиную мисочки с масляным попкорном. Доуви тоже не отставала: из города она всегда возвращалась с горой журналов, лаков для ногтей или комиксов.

В тот вечер миссис О'Коннор поджарила на портативном угольном гриле гамбургеры и сосиски; на столе в ровный ряд выстроились красочные блюда «Пайрекс» с нарезанной кукурузой, картофельным салатом, кукурузными чипсами и маринованными огурцами. Всем выдали по бутылке «Севен-апа». Мы с сестрами, за исключением Каллы, хватали еду и наполняли тарелки, рассевшись за столом в летних платьях — в последний раз перед тем, как их упакуют на зиму. И мы даже были рады, что лето подходит к концу. Наш отец сидел во главе стола в рубашке с закатанными рукавами — это была его единственная уступка лету. Казалось, он был шокирован необходимостью самостоятельно решать, что из этого кулинарного великолепия он должен положить себе в тарелку; держа в одной руке гамбургер, а в другой — половинку початка кукурузы, он выглядел совершенно потерянным. Наконец он выбрал котлету для гамбургера, положил ее на тарелку,

без булочки, и принялся есть ее с помощью ножа и вилки. Когда все расположились вокруг стола, он сделал объявление, стараясь перекричать несколько параллельных разговоров.

— Я хотел поговорить с вами о маме, — начал он.

— Я не хочу, чтобы она возвращалась, — сказала Розалинда, предвосхищая суть предстоящего разговора. Вот уже несколько недель никто не упоминал Белинду и ее возвращение.

— Розалинда, это жестоко, — сказала Калла. Она взяла сосиску без оболочки и надкусила ее кончик; ее тарелка была пуста — ни чипсов, ни огурцов. Калла, предпочитавшая салаты, на этом барбекю выглядела не к месту, словно фигура с картины Боттичелли, перенесенная на детский утренник.

— Еще скажи, что тебе ее *жалко*! — сказала Розалин-да. На ней — единственной из нас — были темные очки, а когда она оперлась локтями о стол, ее золотые браслеты скатились вниз по рукам: она хоть и волновалась, а все равно выглядела великолепно, как кинозвезда.

— Наша мать в сумасшедшем доме. У тебя нет к ней ни капли сочувствия?

— Она в клинике, — сказал отец. — Не в сума-

сшедшем доме.

— А какая разница? — спросила Зили.

— Разница в деньгах, — ответила Калла, отложив сосиску и сердито вытирая пальцы салфеткой.

— Ты путаешь ее с героями своих *романов,* — сказала Розалинда.

— Джоанна Эйр, несчастная домохозяйка из деревеньки в Коннектикуте, — пошутила Дафни. Розалинда не обратила на нее внимания.

— Трудно удержаться от искушения романтизировать нашу мать — так мы можем не думать о том, что она совершенно безумна.

Она откинулась на стуле, нахмурившись. Наша сестринская компания с детства была разбита на пары — Эстер и Розалинда, Калла и Дафни, Зили и я, и теперь казалось, что в отсутствие своей половинки Розалин-да потеряла часть себя. Ее шутки и колкости требовали ответной реакции. Без Эстер, без ее «Ох, Роуз», все ее колкости выходили жестокими, словно от ее личности осталась лишь половина.

— Так я вам скажу, о чем думаю, — сказала она, подняв очки на голову и прищурившись. — Мама не просто предсказала то, что случится с Эстер. Она сама виновата в том, что это случилось.

И если она вернется в дом, неизвестно, не произойдет ли что-то еще.

— Почему она виновата? — спросила Зили. Ее руки были измазаны кетчупом.

— Розалинда, — вмешался отец, явно только потому, что не мог спокойно смотреть на расстроенное лицо младшей дочери.

— Она все отравляет, вот почему, — сказала Розалинда. Так просто ее было не остановить. — Всю нашу жизнь она отравляла нас своим ядом, и однажды этот яд убил Эстер.

— Ты же знаешь, что Эстер умерла от гриппа, — сказал отец.

— Ну конечно, *от гриппа*, — зловеще рассмеялась Розалинда. — Она сошла с ума. Мы все это видели — и мы знаем, кто в этом виноват.

— Ваша мать не имеет к этому никакого отношения, — ответил он без особой уверенности. — Так вот, я хотел сказать вам, — в смятении произнес он, отчаянно пытаясь втянуть повисший над пропастью разговор на твердую землю, — что в понедельник ваша мать возвращается домой. Я уже договорился.

Розалинда снова надела очки, но свой гнев ей скрыть не удалось.

— Мне казалось, ты говорил, что ей нельзя до-

мой, пока она не поправится?

— Врачи говорят, что ей лучше. Мы решили, что она может вернуться на пробный период.

— Что значит *«на пробный период»*? — спросила Розалинда.

— Это значит, — сказала Калла, — что мадам Проктор должна доказать, что она не ведьма.

— Калла, — строго сказал отец, поглаживая свою рыжеватую бороду. — Пробный период нужен для того, чтобы посмотреть, как она будет справляться с жизнью в домашних условиях.

— А если она не будет *справляться*? — спросила Розалинда. — Потому что она явно не будет.

— Тогда ей снова назначат успокоительные, — ответил отец, — а если это не поможет…

– *Виселица!* — сказала Дафни.

Отец тяжело вздохнул. Атака дочерей была изнурительной для него, словно он подвергся нападению пчел.

— Тогда она вернется в клинику. Но я надеюсь, что вы все будете помогать ей приспособиться к жизни дома.

— Я не буду, — сказала Розалинда, поднимаясь. Ножки стула царапнули бетонный настил, а оранжевый шарик, привязанный к его спинке, стукнулся о ее макушку. — Мне уже восемна-

дцать, и как только я найду, куда уехать, ноги моей в этом доме больше не будет.

— Расслабься, детка, — сказала Дафни. — Никуда ты не уедешь.

— А вот и посмотрим, — сказала Розалинда. Она вышла из-за стола и направилась в сторону луга; она шла по траве, пока ее фигура не растворилась в широких лучах солнца, пробивавшихся через деревья.

4

Вернувшись домой через несколько дней, Белинда стала вести привычный образ жизни — днем она оставалась в своей гостиной, иногда приходила в столовую на обеды и ужины, во время которых молчала, а ночью кричала. Если бы речь шла о любой другой женщине, это означало бы, что она пребывает в глубоком отчаянии, что она *не справляется* и нарушает условия пробного периода. Но, к нашему удивлению, оказалось, что Белинда в трауре ничем не отличается от прежней Белинды.

Вместо того чтобы испытать облегчение от того, что Белинда ведет себя спокойно, по крайней мере по ее стандартам, мои сестры были расстроены, а вскоре такое поведение даже стало

казаться им оскорбительным.

— Не понимаю, — сказала Розалинда однажды вечером, когда мы собрались в нашей гостиной. — Она ни одной слезинки не проронила об Эстер. За ужином сидит с непроницаемым лицом. Проходишь мимо ее комнаты — тишина. У нее хватает воздуха в легких, чтобы кричать из-за этих несчастных чэпеловских жертв, навещающих ее каждую ночь, но для дочери у нее даже слез не находится.

— Может, она плачет, когда никто не видит? — сказала Калла.

– *Неслышно, наедине с собой*? — скептически спросила Розалинда.

— Мама любит устраивать сцены, — сказала Дафни. — Если бы она рыдала из-за Эстер, мы бы это знали.

Белинда никогда не смогла бы расположить к себе моих сестер. Как бы она ни вела себя, они нашли бы к чему придраться. Но мне пришлось признать, что я так расслабилась оттого, что Белинда ведет себя тихо, что совершенно не заметила, что она никак не реагирует на случившееся с Эстер. Казалось бы, возвращение в «свадебный торт», туда, где родилась Эстер и где она совсем недавно умерла, должно было пробудить в ней

хоть какие-то эмоции. При этом я все равно была уверена, что ее спокойствие, какой бы причиной оно ни было вызвано, было благом для нас. Я не знала тогда, что его причина раскроется уже очень скоро.

В середине сентября, почти через две недели после возвращения Белинды, Калла, Дафни, Зили и я, как обычно, пришли домой из школы, и сестры побежали наверх, чтобы сбросить с себя школьную форму — юбки в сине-зеленую клетку и белые блузки. Я же в дом не пошла, решив навестить семейный участок. Я стояла у ограды, боясь подходить ближе. На могиле Эстер камня еще не было: лишь холм земли, на котором лежал букет осенних цветов — пурпурные крокусы и золотые георгины.

Пробыв там несколько минут, я вернулась в дом. На кухне Зили ела тост с арахисовым маслом, запивая его молоком. Когда я вошла, она посмотрела на меня — от нее не укрылось, где я была.

— Куда ты запропастилась? — сказала миссис О'Коннор, водружая на стол тарелку с тостом и стакан молока. Мы с Зили молча ели, а миссис О'Коннор принялась раскатывать тесто — судя по всему, для пирога с мясом, который будет по-

дан на ужин. Мое горло сжималось, и я с трудом глотала арахисовое масло, пока в конце концов не сдалась.

Перекусив, мы отправились наверх делать домашнюю работу. По пути в наше крыло я хотела заглянуть в мамину гостиную — и помахала Зили, чтобы она шла за мной. Каждый день после школы я проверяла, дома ли Белинда, а Зили была слишком любопытна, чтобы отпустить меня одну. Отец говорил, что, если в пробный период Белинда не будет справляться, ее сперва будут лечить успокоительными и только потом увезут в клинику. Но он ведь мог и передумать. Теперь, когда Белинда была дома, он никогда даже не упоминал ее.

Я подошла к двери гостиной, ощущая за спиной дыхание Зили, и заглянула внутрь. Белинда сидела на диване с чашкой чая в руках. Она не пила чай и вообще не двигалась; я же повернулась к Зили и кивнула в подтверждение того, что мама на месте.

Мы уже собрались уходить, но Белинда вдруг сказала:

— Вы можете войти, лепесточки.

Опасаясь того, что сдержанное поведение Белинды — не навсегда, мы с Зили неохотно

переступили порог комнаты. Зили осторожно присела на дальний угол маминого дивана, а я — на мягкий стул у кофейного столика. Белинда, взглянув на мой школьный портфель, спросила:

— Как школа?

Попытки непринужденной беседы матери с дочерьми всегда выходили с ее стороны довольно неестественными.

— Ненавижу школу, — сказала Зили, с любопытством разглядывая Белинду. Мама выглядела как обычно — белое платье, волосы убраны в пучок, несколько прядей по бокам выпущены, чтобы скрыть искаверканные мочки ушей. — И дома быть тоже ненавижу.

— Но должно же быть что-то, что тебе нравится?

— Мне нравится играть на фортепиано.

— Я бы с удовольствием послушала, как ты играешь, — сказала Белинда, потянувшись к столу, чтобы поставить чашку. — А ты, Айрис?

Я рассказала ей, что мы проходили в тот день в школе — французский язык, *«Ромео и Джульетта»*, астрономия. Белинда слушала с интересом, но вопросов не задавала, а просто кивала.

Я хотела спросить ее о клинике, но не осмеливалась. Зили, как всегда, оказалась смелее —

или бестактнее:

— Почему ты так спокойно себя ведешь? Не хочешь, чтобы тебя отослали обратно?

— Не понимаю, о чем ты, дорогая, — сказала Белинда, слегка отодвинувшись от нее.

— Мы думали, ты будешь весь день плакать. Кажется, что ты совсем не грустишь из-за Эстер.

— Конечно, грущу, — сказала Белинда. — Какие странные вещи ты говоришь.

Правый уголок рта Зили опустился, и лицо приобрело хмурое выражение.

— А почему ты тогда такая спокойная?

— Ты принимаешь терпение за спокойствие, — ответила Белинда. — Эстер придет ко мне, когда будет готова. А тем временем я буду ждать.

Так вот в чем было дело: Белинда думала, что Эстер начнет навещать ее вместе с призраками, которые появлялись в ее спальне каждую ночь.

— Ты ждешь, когда к тебе явится призрак Эстер? — спросила Зили, явно напуганная.

– *Дух* Эстер, — сказала Белинда. — И да, я жду ее с того самого момента, как вернулась домой. Ваша сестра умерла, но она все еще с нами. Я хочу услышать, что с ней все в порядке.

— А почему с ней что-то должно быть не в порядке? — спросила я.

— Мы не знаем, где она, — тихо сказала Белинда. — И это невыносимо — не знать.

От мысли о том, что дух Эстер бродит по нашим коридорам, у меня по коже побежали мурашки. Я поднялась и потянулась за портфелем.

— Мы лучше пойдем, мама, — сказал я. — Нам нужно готовиться к диктантам.

Как только я встала, Зили ринулась к двери и исчезла, не попрощавшись. Белинда подалась вперед и схватила меня за руку.

— Она и к тебе может прийти.

— В каком смысле? — Рука была горячей, словно у Белинды был жар. Я подумала, не знает ли она о том, что меня посещала безголовая невеста, но решила, что быть этого не может.

— Ты пыталась спасти ее. Мы обе пытались. Теперь она это поймет, даже если тогда не понимала. — Белинда не отрываясь смотрела на меня снизу вверх, ее глаза цвета голубой гортензии завораживающе сияли.

— Ты правда думаешь, что она придет к нам?

— Надеюсь.

Зили шла впереди меня по коридору; после беседы с мамой нас обеих слегка трясло. Из гостиной доносились голоса сестер.

— Мы *весь день* на это потратили, — говорила

Розалинда. — Почему я должна учиться делать пирог с печеными яблоками? Я вообще не люблю яблоки и никогда не *снизойду* до мужчины, которому они *нравятся*.

У двери я шепнула Зили:

— Только не говори им про маму, а то ей попадет.

Но Зили, не обернувшись и ничего мне не ответив, уже входила в комнату.

Розалинда с Дафни сидели на подоконнике у открытого окна и курили. Калла полулежала на диване с мокрым полотенцем на лбу. Яркие сарафаны сменились юбками, блузками и кофтами сапфировых, изумрудных и гранатовых оттенков.

Я села на диван напротив Каллы. На нем высилась стопка постельного белья и подушек Розалинды — теперь она спала здесь, не желая возвращаться в их с Эстер комнату. Она заходила туда лишь за одеждой и другими предметами туалета; в остальное время дверь в ту спальню была закрыта.

— А вы, проказницы, где были? — спросила Розалинда.

— Маму навещали, — сказала Зили, садясь на пол у ног Розалинды и Дафни.

— Ох, — простонала Розалинда. — И как она?

Зили помедлила, взглянула на меня, а потом выпалила:

— Она сказала, что ждет дух Эстер. Поэтому она все это время не плакала.

– *Зили*, — сказала я.

Розалинда и Дафни уставились друг на друга, раскрыв рты; Калла стянула полотенце со лба и выпрямилась. Я раздраженно выдохнула, но Зили уже купалась в лучах общего внимания и ничего не замечала.

— Так я и знала! — сказала Розалинда. Она потушила сигарету и выбросила окурок в окно.

— Вечно она что-то замышляет, — сказала Дафни.

— Ничего она *не замышляет*, — сказала я. — Она просто надеется, что Эстер ее навестит, и все. — Я не хотела слишком уж активно защищать Белинду, но ведь она была права — с Эстер действительно случилось что-то ужасное. Я никак не могла взять в толк, почему они продолжают это игнорировать.

— Давайте не будем никому об этом рассказывать, — сказала я, надеясь, что слова Белинды не дойдут до отца. — Это все ерунда, Зили преувеличивает.

— Ничего я не преувеличиваю!

— Конечно, нет, лепесточек, — сказала Розалинда и, нагнувшись, похлопала ее по руке. — Типичное поведение для мамы.

Зили повернулась ко мне с довольной ухмылкой. Она восседала в ногах Розалинды: в отсутствие Эстер именно Розалинда стала для Зили пчелиной маткой.

— Я думала, что маму навещают только жертвы чэпеловского оружия, — сказала Зили. — Почему же она ждет дух Эстер?

— Зили, дорогая, — сказала Розалинда. — Это же бред сумасшедшей, не пытайся найти в нем логику.

— Она не сумасшедшая, — сказала я.

— Она совершенно безумна, — сказала Розалинда, — но вы с ней близки, поэтому ты в ней этого не видишь. — Она пристально смотрела на меня, словно ожидая, что я начну возражать. — В июне вы с ней действовали заодно, или ты забыла? — продолжила она. — А мы вот не забыли, уверяю тебя. — Она взяла из Дафниной пачки «Лаки страйк» сигарету и закурила.

— Все было не так.

— А как?

— Она была права, когда говорила об Эстер.

— Что ж, значит, и теперь она права. Сегодня вечером вы обе встретите дух Эстер и предадитесь воспоминаниям о старых добрых временах.

Калла обхватила голову руками и принялась раскачиваться взад и вперед на краю дивана, будто в припадке. Из ее горла вырывались глухие звуки, которые постепенно сформировались в слово.

— *Нет!* — сказала она тихо, а потом снова, но уже громче: — *Нет, нет. Перестаньте!*

— Калла, да что с тобой такое? — спросила Розалин-да, обеими руками вцепившись в подоконник, на котором сидела, словно приготовившись к новым ужасам.

— Наша сестра — не дух! — вскричала Калла.

— Конечно, нет, — сказала Розалинда, но Калла уже выбежала из комнаты.

— Прямо стихотворение, — сказала Дафни. «Наша сестра — не дух, наша мать слабоумней двух!» Видите, кто угодно может стать поэтом. — Дафни забрала у Розалинды сигарету. — К счастью, недостатка во вдохновении у нас не наблюдается. Если бы с нами жил Китс, вот ему было бы раздолье.

— Хорошо, что он уже умер, — сказала я и вышла вслед за Каллой.

5

Тем же вечером, после ужина с мясным пирогом, — Каллы не было, и никто не рассказал отцу об откровениях Белинды — я дождалась, пока Зили уснет, и подвинула свой стул к окну нашей спальни. Под спину я положила подушку, а ноги накрыла одеялом. Не слишком удобно, но делать было нечего.

Снаружи стояла кромешная темнота, ниоткуда не пробивался свет. Я пыталась разглядеть кладбище, но ничего не увидела. Белинда надеялась на приход Эстер, а сестры считали, что это безумная мысль, — я же, как всегда, была где-то посередине. Но если Эстер и правда собирается нас навестить, она не должна застать меня спящей. Встреча с безголовой невестой вселила в меня ужас, и я не хотела, чтобы Эстер неожиданно подкралась ко мне посреди ночи.

Я просидела на стуле до самого утра, пытаясь разглядеть за окном хоть какое-то движение. От деревянного каркаса ныло все тело. Несколько раз, несмотря на все усилия, я проваливалась в короткий сон, уперевшись головой в стекло. Но ничего не произошло.

На следующую ночь, с тоской подумав о том,

что мне вновь придется провести бесконечные ночные часы на стуле, я взяла на кухне фонарик, накрылась одеялом и стала читать книгу — один из романов Нэнси Дрю, который я позаимствовала у Зили.

Я не спала две ночи подряд, и каждое утро меня ждало одно и то же: сквозь желтеющие листья деревьев начинал пробиваться рассвет, а на траву опускался осенний туман. Эстер не приходила, и я не знала, расстраиваться мне или радоваться.

Я переодевалась в школьную форму до пробуждения Зили; она всегда спала очень крепко, и я была уверена, что моих ночных бдений она не замечала. По пути на завтрак я заходила к маме, которая обычно сидела в кровати и поглаживала пальцем крапивника — прикосновение к его мягким перьям успокаивало ее.

— Она приходила к тебе? — спрашивала я. Мне бы тоже хотелось остаться в постели, и я завидовала маме — ей не нужно было идти в школу с тяжелым портфелем после почти бессонной ночи.

— Нет, — говорила Белинда; ее белые волосы были распущены и покрывали плечи. — А к тебе? — спрашивала она. Я качала головой и шла вниз есть хлопья, глядя перед собой сонными

глазами.

Я не спала одну неделю, потом вторую, снова оказавшись под влиянием Белинды. Именно так это ощущалось: словно я уходила на дно, словно мама положила мне на лицо кусок пропитанной хлороформом ткани, и я не заснула, а отправилась в другой мир, *ее мир*, и стала видеть все так, как видит она.

Одна ночь сменялась другой, но Эстер не приходила. Я же не сдавалась — наоборот, еще больше убеждалась в том, что она обязательно придет. Кругом были обнадеживающие знаки. Однажды я погрузилась в сон и, вздрогнув, проснулась — мне показалось, что мимо меня промелькнула какая-то тень, оставив холодок на коже; в другую ночь я услышала шуршание юбки в коридоре. Иногда я резко просыпалась не от физических или слуховых ощущений, а от запаха английской лаванды — аромата Эстер. В другие ночи мне казалось, что я уже встретилась с ней и наше общение оставило тепло в моей душе, хотя саму Эстер я не видела.

И если ночью я жила в мире Белинды, в мире мертвых, то дни из-за недостатка сна проводила как в тумане. От яркого солнца и света в школе у меня болели глаза; я не понимала почти ни-

чего из того, что говорили на уроках учителя, но они относились ко мне — убитой горем девочке — с пониманием. Пока они писали на доске уравнения, словарные слова или исторические даты, я мечтала хоть немного поспать. Сон был похож на постоянное шуршание мышки за стеной, только эта стена была у меня в голове. *Скрип, скрип.* Я слышала его весь день, но добраться до него не могла.

Однажды на уроке географии я услышала голос учительницы:

— Айрис Чэпел? — Звук доносился словно из глубин темного тоннеля. — Мисс Чэпел, вы хорошо себя чувствуете?

Девочки в классе засмеялись. Я открыла глаза и поняла, что уснула прямо на парте. Учительница отправила меня к директору — не для наказания, а потому что беспокоилась обо мне.

Директор школы, мисс Хокинс, когда-то была учителем истории, а недавно получила повышение.

— Говорят, ты засыпаешь на уроках, Айрис, — сказала она. Ей вряд ли было больше сорока лет, светлые кудрявые волосы до плеч, бронзового цвета платье, скрывающее фигуру, пояс из леопардовой кожи. Я посмотрела на ее руку —

обручального кольца не было. Должно быть, как и Милли Стивенс, которая преподавала нам фортепиано, она выбрала для себя другую жизнь, не связанную с замужеством, — именно о такой судьбе для Эстер мечтала Белинда. Если бы Эстер пошла этим путем, она, возможно, сейчас была бы жива.

— Айрис? — сказала мисс Хокинс.

— Да? — ответила я, на мгновение забыв, где нахожусь.

— Мне сказали, что на уроках ты отвлекаешься и не слушаешь. Это правда?

— Наверное, да, — сказала я, глядя в темноту под ее столом, мечтая забраться в этот уголок и там уснуть.

— Я знала твою сестру, она училась у меня. Милая, добрая, умная девушка. Я очень сожалею о вашей утрате. Как ты справляешься?

Я пожала плечами.

Мисс Хокинс взяла со стола тонкую коричневую папку и пролистала те несколько страниц, которые там были. Видимо, это было мое личное дело, но как ученица школы мисс Сьюард для девочек я еще не успела себя проявить — ни с хорошей стороны, ни с плохой.

— Хочешь, я организую тебе встречу со школь-

ным психологом?

— Я просто плохо сплю по ночам, только и всего, — сказала я, чтобы развеять ее беспокойство. — У меня всю жизнь бессонница, спросите кого угодно. — Я не очень умела врать, но ничего другого не оставалось.

— Понятно, — сказала она, закрывая папку. — Айрис, я все понимаю, но, если ты будешь и дальше так себя вести, мне придется позвонить твоей маме.

Я мысленно усмехнулась. Что ж, попробуйте, подумала я, стараясь не засмеяться вслух. До президента Трумэна и то будет легче дозвониться.

Мисс Хокинс пристально посмотрела на меня через стол, готовая вынести свой вердикт.

— Давай-ка я провожу тебя в комнату медсестры, и ты там ненадолго приляжешь, — сказала она, и меня захлестнула волна счастья.

Она привела меня в маленькую комнатушку без окон. У одной стены стояла белая медицинская кушетка, а на полках на стене напротив лежали бинты, бутылочки аспирина и упаковки гигиенических салфеток. Медсестра указала мне на кушетку, накрыла меня одеялом и сказала, чтобы я немного поспала. Дверь за ней закрылась, и я услышала их с мисс Хокинс разговор

в коридоре.

— Это одна из девочек Чэпел, — сказала мисс Хокинс.

— Бедная малышка, — ответила медсестра.

— Вы не слышали, от чего умерла их старшая?

— Знакомый моего знакомого работает у доктора Грина в Беллфлауэре. Судя по всему, никто не знает, что с ней случилось. Какая-то загадка.

В коридоре послышался удаляющийся стук их каблуков. *«Какая-то загадка»*, — повторила я про себя. Вот, значит, что говорят об этом у нас за спиной. Похоже, все догадываются, что Эстер умерла не от гриппа.

Я закрыла глаза и провалилась в глубокое забытье — без снов и призраков. Я плыла в темноте, и мне было хорошо и спокойно, пока не раздался голос:

— Айрис!

Я закричала. Не вздрогнула, не отпрянула, а громко закричала, как кричат дети в Хеллоуин. Мне показалось, что я лежу в своей спальне и меня зовет Эстер. Но это была всего лишь мисс Хокинс, которая пришла сказать, что учебный день окончен и пора идти домой.

У ворот стояла вереница автомобилей, и я была уверена, что в каждом из них, кроме нашего,

за рулем были матери учениц.

— Садись быстрее, — сказала мне Доуви. — У меня в багажнике продукты.

— Значит, за мороженым мы не поедем? — спросила Зили, как будто такой вариант вообще рассматривался. Раньше в город нас возила Эстер, а когда ее не стало, мы совсем перестали ездить в кафе-мороженое и в кино. Зили тосковала по тем беспечным дням, но Доуви была слишком занята, чтобы еще и развлекать нас. Потеряв Эстер, мы как будто потеряли мать, а Розалинда была неспособна ее заменить.

Уроки у нас были в разных классах, поэтому о моем отдыхе в комнате медсестры никто не знал. По пути домой сестры оживленно обсуждали девочку, которая, как говорят, привела в столовую мальчика, за что ее отстранили от занятий. Это был скандал дня, так что моя беседа с директором в эфир сарафанного радио даже не попала.

Свернув на аллею, ведущую к дому, мы проехали под куполом густых ветвей; листья падали на лобовое стекло, и Доуви пришлось включить дворники. Изгиб дороги — и мое горло сжалось при виде дома: громада «свадебного торта» возвышалась перед нами во всем своем увядающем

великолепии.

Сестры высыпали из автомобиля и, как обычно, убежали в дом, а я подождала, пока они скроются из виду, и снова пошла к участку — на этот раз заставив себя открыть калитку. Я положила портфель на землю и, скрестив ноги, села на холмик, служивший могилой Эстер. Под камнем я обнаружила листок с цитатой из стихотворения, выведенной рукой Каллы:

хранимые в груди, как розы в книге

генри уодсворт лонгфелло[12]

Я положила его обратно, радуясь тому, что Эстер навещаю не только я. Крокусов и георгинов больше не было; на их месте появился осенний букет розовых астр.

— Ты бы навестила маму, — обратилась я к Эстер, палочкой рисуя на земле круги. — Она волнуется за тебя.

В глубине души я понимала, что, если Эстер не придет в ближайшее время, клубок спокойного ожидания, в котором держала себя Белинда, начнет разматываться. Этот процесс уже начался: первые петли высвободились и сползли вниз.

---

[12] Сноски: 12

Г. У. Лонгфелло. Испанский студент. Перевод Д. Горфинеля.

Я положила под голову портфель, легла на спину и стала смотреть вверх, прислушиваясь к мягкому шуршанию опадающих листьев. Мои руки были скрещены на животе, как у Эстер, лежавшей прямо подо мной.

– *Боже правый*, что ты тут делаешь? — разбудил меня голос Розалинды. Открыв глаза, я с удивлением увидела, что уже стемнело.

Она взяла меня за руку, подняла с земли и повела в дом, сразу в столовую, где вся семья, включая Белинду, собралась ужинать.

— Я нашла ее за домом. Она *спала* на *могиле* Эстер.

— Ты вся перепачкалась, — сказала Зили, сморщив нос.

— Айрис, — сказал отец, — Что это на тебя нашло?

Я расправила на коленях салфетку, игнорируя его вопрос, тем более что ответа на него у меня не было. Воткнув вилку в свиную отбивную, я взглянула на Белинду. Она потянулась ко мне и извлекла веточку из моих спутанных волос.

— Ты ведь знаешь, что ее там нет? — сказала Белинда, и, хотя она говорила очень тихо, Розалинда, сидевшая на противоположном конце стола, тут же отреагировала.

— Так просвети же нас, мама, — сказала она. — Если Эстер нет в могиле, то где она?

— Ее тело покоится в земле, но сама она не там, — ответила Белинда.

Услышав *«в земле»*, все перестали есть — кто-то отрешенно уставился в свою тарелку, кто-то посмотрел на нас с Белиндой. Мама выглядела так же, как и утром, — распущенные непричесанные волосы, бледно-серые круги под глазами.

— Знаешь, мама, — сказала Розалинда, — тебе бы открыть павильон у дороги с вывеской *«Мадам Белинда, спиритуалистка»*. Ты могла бы заработать целое состояние, рассказывая людям о загробной жизни. — Она рассмеялась, а вслед за ней и Дафни.

— У нее и ассистентка есть, — сказала Дафни, глядя на меня. Отец с сестрами тоже перевели на меня взгляды, и я в замешательстве отвернулась.

Затем потянулись нескончаемые часы в нашей гостиной, где я тихо играла с Зили, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Все время, пока Розалинда красила себе ногти розовым лаком от «Ревлон» и читала последний выпуск *«Мадемуазель»*, она поглядывала на меня, а через некоторые время начала зевать, всем видом по-

казывая, что нам пора удалиться, а ей — спать.

Несмотря на проблемы в школе, я не собиралась отказываться от своих ночных бдений: одеяло, подушка, фонарик, Нэнси Дрю. На следующее утро Зили вскочила неожиданно рано; я задремала на стуле и проснулась от того, что она трясет меня за плечо. При виде ее голубой ночной рубашки и длинных каштановых волос я вздрогнула.

— Ты что, всю ночь здесь спала? — спросила она, выглядывая в окно — туда, куда был повернут мой стул. — Мама же сказала, что ее там нет, — сказала Зили и забралась обратно в постель.

В ночь полнолуния, закончив читать последний роман с полки Зили: *«Тайна особняка, покрытого мхом»*, я выключила фонарик. Я не запомнила и половины из прочитанного, но перелистывание страниц хоть как-то меня занимало. Я закрыла глаза, чтобы они привыкли к темноте, а когда вновь открыла их, заметила за окном какое-то движение.

На участке кто-то был — белая фигура, освещенная лунным светом. Моя кожа покрылась мурашками. Я вскочила, уронив книгу и фонарик.

— Что случилось? — пробормотала Зили, а потом повернулась на другой бок и снова уснула.

Инстинкт говорил мне спрятаться под одеялом, но этого я сделать не могла: а вдруг нас навестила Эстер? Стараясь не издать ни звука, я открыла дверь спальни. Из гостиной доносилось легкое посапывание Розалинды. На цыпочках я прошла по коридору к лестнице.

В родительском крыле было темно, и я подумала, не разбудить ли маму, но лишний раз обнадеживать ее мне не хотелось — сначала нужно было убедиться во всем самой. Я встала на верхней ступеньке, прислушиваясь, не откроется ли входная дверь. Если бы она открылась, я бы бросилась в комнату Белинды.

Так, под тиканье часов в холле, я простояла несколько минут. Снизу не доносилось ни шороха, и я потихоньку начала спускаться, крепко держась за перила, чтобы не споткнуться в темноте. Видно ничего не было — на ощупь пробравшись к входной двери, я обнаружила ее незапертой и приоткрытой. Я потянула дверь на себя, впустив в дом холодный осенний воздух, и тут же осознала, что даже не накинула поверх своей розовой ночнушки свитер, пальто или хотя бы халат, да к тому же была босиком. На переодевание

времени не было; я сбежала вниз по ступенькам крыльца и обогнула дом, шлепая босыми ногами по влажной, холодной траве.

Фигура все еще была там — или скорее ее неясное очертание в свете луны. Я заставила себя сделать один шаг, потом второй, пока не дошла до калитки. Открываясь, она скрипнула, и фигура повернулась ко мне:

— Эстер? — Теперь я видела, что это мама. Она и была призраком.

– *Мама,* — прошипела я, оборачиваясь на окна нашего дома. — Что ты здесь делаешь? Тебе попадет!

— Эстер? — снова сказала она слабым, полным надежды голосом.

— Нет, мама, это я, Айрис.

Она подошла ближе и схватила меня за плечи. Ее глаза были полны ужаса. Я уже однажды видела этот взгляд — перед свадьбой: *«Они идут за нами, Айрис. Беги!»* Тот же ужас я видела в глазах Эстер в ее предсмертные мгновения.

— Это я, Айрис, — повторила я, надеясь вернуть ее реальности, не в силах выносить ее взгляд. — Это Айрис!

Наконец она поняла, кто перед ней: дочь, но не та, которую она ждала.

— Я знаю, что ее здесь нет, — помедлив, сказала Белинда с тяжестью в голосе. — Но мне нужно было убедиться. Раньше по ночам я чувствовала в доме ее запах, но теперь и он ушел.

— Запах ее духов? — спросила я, и Белинда кивнула. Значит, она тоже его слышала. Мне не показалось. Эстер *действительно* приходила в дом.

Она отпустила меня и сразу вся как будто обмякла. Я потянулась к ней и схватила ее за руку.

— С ней все хорошо, мама.

— Нет, не хорошо. Я дома уже почти месяц, а она так и не пришла. Мне нужно знать, — сказала Белинда, и голос ее дрогнул. Она не плакала несколько недель, но сдерживаться больше не могла. Я отвернулась, понимая, что это очень плохой знак.

— Мне нужно знать, что с ней все хорошо, — сквозь слезы сказала она.

Я уговорила Белинду вернуться в дом; мы обе были без верхней одежды и обуви. Я включила свет в холле, и мы пошли наверх, оставляя за собой грязные следы. Проводив ее до спальни, я прошептала: «Я сбегаю за полотенцем», но она уже забралась в постель, как была с грязными ногами, и натянула одеяло до подбородка. Не до-

жидаясь приглашения, я проскользнула к ней и устроилась рядом, пытаясь согреться. Я никогда не бывала в этой спальне ночью, поэтому стала размышлять о том, окружают ли нас духи чэпеловских жертв. Даже если да, Белинда никак на это не реагировала. Она лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок.

— Мама? — сказала я, но она не ответила. Я уткнулась головой в сгиб ее руки и заснула.

На следующее утро, наслаждаясь мягкостью подушек и нежным прикосновением простыни к моей коже вместо объятий деревянного стула, я куталась в одеяла, вдыхая их теплый аромат. Едва осознавая присутствие мамы, я лежала в приятной полудреме и не вспоминала о событиях предыдущей ночи.

Не открывая глаз, я попробовала снова уснуть, но вдруг почувствовала, что кровать слегка подрагивает. Я открыла один глаз и увидела Белинду — мама тихо плакала, прикрыв лицо руками.

— Моя дорогая девочка, — говорила она.

Я выбралась из вороха одеял и попыталась сесть.

— Эстер приходила? — спросила я, положив руку на запястье Белинды и оглядываясь по сто-

ронам. Кроме нас, в комнате никого не было, но я почувствовала надежду — мне показалось, что ночью к Белинде все же приходила Эстер и наши испытания на этом завершатся.

— Нет, — ответила Белинда. — Она не придет.

— Придет, — возразила я, убеждая саму себя, что так оно и будет.

Белинда перестала плакать, убрала руки от лица и вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Она уже далеко. Я больше ее не чувствую.

— Может быть, она и правда рассердилась на нас за то, что мы сделали?

— Нет, цветочек. Я точно знаю, что, когда она ушла от нас, ей стало понятно, почему мы так себя вели. И она была благодарна нам за это.

— Откуда ты знаешь?

— У меня дар — наверное, это можно так назвать. Мне его передала мама, когда умирала. Не знаю, был ли он у нее, но благодаря ей я всегда знала и *чувствовала* то, что недоступно другим людям. Например, в этом доме я каждую ночь вижу призраков, а больше их не видит никто.

— Чэпеловские жертвы.

— Их манит этот дом и притаившаяся здесь тьма. Но со временем я поняла, что они не желают нам плохого. Им лишь нужно, чтобы их

замечали. Мне бы радоваться, что Эстер отправилась к свету, и все же…

Внутри нее что-то надорвалось. В глазах промелькнул ужас, и я поняла, что этот миг настал. Она сходила с ума.

— Не бойся, мама, — сказала я самым нежным своим голосом, пытаясь не дать ей погрузиться слишком глубоко.

— Я больше никогда ее не увижу, и эта боль невыносима, — сказала она, и в эту секунду то, что она все это время пыталась сдержать, вырвалось наружу. Она начала кричать. Я никогда не слышала, чтобы кто-то так кричал. Она сжала голову руками, ее лицо покраснело, на лбу и шее вздулись вены, рот раскрылся так широко, что оттуда могла бы вылететь стая птиц. Чудовищный звук не прекращался и был таким мощным, что все ее тело билось в конвульсиях; это был протяжный, мунковский крик, самое ужасное, что я когда-либо слышала.

Я выскочила из постели и встала у стены, закрыв уши руками.

— Перестань! — крикнула я, но она не останавливалась. — Мама, *замолчи*! — Ее нечеловеческий крик наверняка проник во все уголки дома, и я понимала, что кто-то уже идет сюда. Мне хо-

телось броситься к двери и закрыть ее на замок, чтобы защитить маму, но я не успела — дверь распахнулась, и на пороге появился отец, одетый в коричневый костюм. Он схватил меня за руку и повел к двери, где уже стояла Розалинда — тоже одетая, с завивкой и макияжем. Она взяла мою руку, словно приняв эстафетную палочку от отца. Дверь за мной закрылась, приглушив крики, и Розалинда сказала:

— Пойдем, Айрис. Все кончено.

6

С нами поселилась новая медсестра. Работая под надзором доктора Грина, она лучше справлялась с задачей держать Белинду под действием веронала столько, сколько потребуется. Теперь Белинда крепко спала всю ночь до самого утра. Она больше не ждала Эстер, не страдала от визитов чэпеловских жертв и не кричала. Отец сказал, что пора избавить ее от кошмаров — так он называл ее видения. Он считал, что ей лучше погрузиться в состояние наркотического транса, забыться, оказаться там, куда не проникают даже сны.

В течение дня, за исключением случаев, когда это было крайне необходимо, снотворного ей

не давали, но у лекарств был продолжительный эффект, поэтому периоды ясного сознания у Белинды были очень короткими — да и нельзя сказать, что в это время она становилась прежней. Она сама словно стала призраком нашего дома, находясь здесь и не здесь одновременно.

Медсестре выделили комнату на третьем этаже, рядом со спальней Доуви, и она присматривала за Белиндой, когда та не спала, а в это время Розалинда присматривала за мной. Мне больше не разрешали ходить на могилу Эстер, а ночью я не должна была закрывать дверь в спальню — Розалинда иногда проверяла, сплю ли я в своей кровати. Все взрослые моей семьи каким-то образом узнали о том, что я бодрствовала целыми ночами, засыпала на уроках и секретничала с Белиндой.

Розалинда сдала экзамен на вождение (то, с какой попытки это было сделано, не внушало особого доверия к ее водительским навыкам) и теперь иногда возила нас развлекаться. Мы посетили тыквенную ярмарку, посмотрели американский футбол в Йеле и один раз ездили собирать яблоки. Постепенно мы отходили от лихорадочного сна, в который я погрузилась под воздействием Белинды, и, хотя в разговоре

никто не возвращался к случившемуся, я знала, что они все прекрасно помнят.

Однажды после школы Розалинда, несмотря на холодную погоду и к большой радости Зили, повезла нас в кафе-мороженое. Оставив сестер там, Розалинда вышла со мной на улицу, и через пару минут мы уже были у входа в офис доктора Грина.

— Я же не болею! — сказала я, но Розалинда уже открывала дверь, приглашая меня войти.

— Это займет лишь несколько минут, — сказала она, а когда я не сдвинулась с места, добавила: — Это папа тебя записал, так что лучше тебе пойти — вряд ли он обрадуется, если ты откажешься.

Секретарша доктора Грина провела меня в его кабинет и вышла, а Розалинда осталась ждать в приемной.

В кабинете стоял полумрак: стены были обиты деревянными панелями, а маленькое окошко не пропускало достаточно света, из-за чего здесь приходилось включать свет даже днем. Когда я вошла, доктор Грин поднялся из-за стола и указал мне на стоявший напротив стул. На его письменном столе громоздились книги и бумаги, а рядом с телефоном, на квадратике восковой бумаги,

лежал недоеденный бутерброд с говядиной.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, и мне тут же вспомнилось, как в день смерти Эстер он сжал плечо Мэтью и сказал: *«У меня три дочери. Это хрупкие создания».*

— Нормально, — угрюмо пробормотала я.

— Это хорошо, — сказал он, слегка откинувшись в кресле и сложив пальцы домиком.

— Зачем я здесь?

— Твой отец попросил меня поговорить с тобой. Он беспокоится о том, что ты находишься под сильным влиянием мамы. Насколько я понимаю, твои сестры давно ее игнорируют, а ты — нет. Все волнуются за тебя — уж не веришь ли ты сама в эти сказки про призраков?

— Я даже не знаю, — сказала я, отказываясь склоняться в ту или иную сторону. — Ведь мама оказалась права насчет того, что случилось с Эстер. Не понимаю, почему ее никто никогда не слушает.

Доктор Грин пристально посмотрел на меня, и взгляд его словно бы говорил: *«Так вот, значит, как это будет»*. Он опустил взгляд на недоеденный бутерброд, видимо понимая, что вернется к нему не так быстро, как надеялся.

— Ты считаешь, что твоя мать — надежный

источник информации?

— Эстер мертва. Мама это предсказала.

Он подался вперед, положив локти на стол. Его лицо исказилось.

— Ничего она не предсказывала. Ты должна понять, что твоя мать — больная женщина. У нее с головой не все в порядке.

— Но она же предупреждала…

— Мисс Чэпел, как мы обычно поступаем с заболевшими людьми?

Меня бесило, что он говорит со мной как с ребенком.

— Даем им лекарства.

— Правильно. Если у пациента инфекция, я назначаю пенициллин. Болезнь твоей мамы нельзя вылечить лекарствами, но я могу сделать так, чтобы ей было комфортно. Чтобы она не страдала. Я стал врачом, чтобы избавлять людей от страданий, понимаешь? Она больше не боится. Ей больше не нужно беспокоиться о том, что твоя сестра бродит по вашим коридорам и ищет ее.

— Она не об этом беспокоилась. Она хотела, чтобы Эстер навестила нас. Чтобы…

— Перестань. Призраков не существует. Я врач, и я много раз видел, как умирают люди, а когда служил в армии, неоднократно делал вскрытие.

Ты знаешь, что это?

— Да.

— Когда люди умирают, их больше нет. Они отправляются на небеса и выполняют Божью волю. Они не остаются здесь, в Беллфлауэр-вилледж, разгуливая в домах по ночам и пугая всех до смерти. Они уходят в другое место, туда, где им будет хорошо и куда мы все однажды отправимся. Ты меня понимаешь? Потому что если нет…

— Понимаю, — сказала я, не желая слышать окончания этого предложения. Я не хотела знать, какая судьба меня ждет, если я продолжу упорствовать.

Он выпрямился, оценивая меня пристальным взглядом врача, будто сомневаясь, верить мне или нет. Я слишком быстро сдала свои позиции, и за это мне было стыдно, но я не хотела, чтобы меня накачали лекарствами или заперли в «Ферн-холлоу», как когда-то Белинду. Спорить с ним, как бы сильно он ни заблуждался и как бы люто я его ни ненавидела, означало усугубить мое и без того шаткое положение.

— Я понимаю, — повторила я, чтобы он точно услышал.

— Хорошо. — Он посмотрел на бутерброд. — Если тебя что-то будет волновать, ты всегда можешь

прийти ко мне и поговорить. Договорились?

— Да.

Он встал и обошел стол.

— Вот и молодец, — сказал он, похлопав меня по спине. Отпустив меня в приемную, он закрыл за собой дверь; наверное, спустя минуту он уже ел свой бутерброд и докладывал моему отцу о нашей беседе; ох уж это изменчивое, как прогноз погоды, душевное состояние чэпеловских женщин.

— Все в порядке? — спросила Розалинда, глядя на меня поверх свежего выпуска журнала *«Гламур»*. Я улыбнулась и кивнула, делая то, что от меня ожидалось. Розалинде я больше не доверяла.

— Отлично, — сказала она, и мы вышли на улицу. По дороге в кафе-мороженое она сказала:

— Надеюсь, ты усвоила урок.

— Какой урок?

— Наша мать безумна, и ты рискуешь пойти по ее стопам, если не будешь осторожна.

Не оборачиваясь на меня, Розалинда вошла в кафе, а я помедлила у двери, ужаленная ее словами. Через стекло я видела Зили — она сидела за столом с Дафни и Каллой и выуживала ложкой мороженое из огромного бокала, смеясь

над чем-то, что сказала Дафни. Впервые за долгое время она выглядела счастливой.

Розалинда
1951

1

В конце октября 1950 года компания «Парамаунт пикчерз» выпустила фильм *«Чэпел-70: винтовка, покорившая Запад»* с участием Джеймса Стюарта и Джанет Ли. В нем рассказывалось о легендарной магазинной винтовке «Чэпел файрармз», производившейся с 1870 года и сыгравшей большую роль в геноциде американских индейцев в последние годы так называемого освоения американского Запада.

Несколько других производителей оружия в Коннектикуте — «Винчестер» и «Кольт» — настаивали на том, что покорение Запада было бы невозможным без *их* оружия — в частности «Винчестера-73» и «Кольтписмейкера», но винтовке «Чэпел-70» была отведена основная роль. Мой отец был очень горд тем, что его продукцию отметил Голливуд, поэтому в дни премьеры арендовал кинотеатр «Беллфлауэр-синема» на целую неделю. Всем работникам завода Чэпела разрешили выбрать день и посмотреть кино в рабочее время,

а жители городка и руководители подразделений компании были приглашены на вечерние сеансы. Входные билеты, буфет — все было бесплатным; для моего отца — человека, обычно отличавшегося бережливостью и старавшегося не привлекать лишнего внимания к себе и своей семье, — это был широкий жест.

Со дня смерти Эстер прошло всего четыре месяца, и мы с сестрами восприняли новость о голливудском фильме, восхваляющем нашу фамилию, с умеренным восторгом, однако перспектива пойти на премьеру нас все же обрадовала. В день премьеры мы должны были приветствовать старших руководителей компании «Чэпел файрармз», прибывавших в кинотеатр с семьями. Белинда, к счастью, осталась дома — от фильма, прославляющего фамильное оружие, у нее точно случился бы разрыв сердца.

Приехав на премьеру без жены, наш отец нуждался в нашей поддержке. Своим присутствием мы должны были продемонстрировать, что он состоявшийся человек, ведущий полноценную и полную любви семейную жизнь. По настоянию Каллы мы надели черные платья, купленные в универмаге Гринвича за день до этого. Поборница викторианской морали, Калла убедила нас,

что появляться в ярких платьях на общественном мероприятии спустя лишь несколько месяцев после смерти Эстер — неприлично. Стараниями Каллы мы должны были явить миру картину единения в скорби, но в результате вышло так, что в своих черных платьях и туфлях мы смотрелись *гламурно*.

Именно то, как выглядела Розалинда — черное платье до колен, ниточка жемчуга на шее, нежная розовая помада на губах, — и привлекло к ней внимание мужчины, за которого пять месяцев спустя она выйдет замуж.

Питер Толлсо больше двадцати лет работал с моим отцом — он был первым вице-президентом одного из управлений «Чэпел файрармз». На премьере его сопровождала жена Адель, которая пригласила своего кузена. Я приметила его еще до того, как он был нам представлен, — в фойе «Беллфлауэр-синема» он возвышался над всей толпой. Даже босиком и без головного убора он был бы выше всех, но в тот вечер он щеголял в ковбойских сапогах и шляпе, а потому не заметить его было невозможно.

В фойе собрался весь цвет отцовской компании — руководители управлений с женами и детьми. Ожидая начала сеанса, они беседовали

друг с другом; взрослые потягивали вино, дети — кока-колу. Мужчина в ковбойской шляпе медленно продвигался от входных дверей в глубь фойе, но поскольку наша компания стояла у дальней стены — мы с Зили заняли наблюдательную позицию на ступеньках, ведущих на балкон, — до нас он добрался лишь спустя какое-то время. Находясь на некотором возвышении, я видела, как его шляпа движется сквозь толпу, будто акулий плавник, и вот наконец он, в сопровождении Питера и Адель, оказался прямо перед нами.

— Позвольте представить: Родерик Уайтли, мой кузен, — сказала Адель. Ее лицо, обрамленное гладким каре светлых волос, походило на карту изящных тонких линий. — Он из Техаса.

— Но я родился в Коннектикуте, Адель, почему ты все время об этом забываешь? — тепло отозвался Родерик, пожимая руку моему отцу. Родерик не был красавцем, однако он сразу производил сильное впечатление: его полные губы были приоткрыты, а два передних зуба были крупнее остальных, и, хотя они не слишком выдавались вперед, я все равно невольно вспомнила Багза Банни. Весь он словно бы состоял из выпуклостей: защитного цвета брюки плотно обтягивали его округлые бедра и икры, а темно-

коричневый блейзер эффектно облегал плечи и бицепсы. На нем был галстук-боло (хотя я тогда еще не знала, что он называется именно так), который больше походил на подвеску: серебряный медальон в форме буйвола на коричневом шнурке. Мне было интересно, всегда ли он так одевался — или выбрал костюм под тематику вечера. Собравшаяся в фойе публика смотрела на него как на актера, приглашенного рекламировать фильм.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, сэр, — сказал Родерик отцу, и мы с Зили переглянулись, понимая, что произойдет дальше — это происходило каждый раз, когда молодой человек, прошедший войну, знакомился с нашим отцом. Таких рассказов мы слышали бесчисленное множество: о битвах на самых разных территориях, от европейского побережья до японских лесов. Для нас с Зили это были своего рода сказочные истории — винтовка Чэпела олицетворяла дракона, уничтожавшего врага в дальних странах. Все эти молодые люди говорили о том, как держали винтовку в своих огрубевших руках, день за днем, месяц за месяцем, год за годом, и что оружие было единственной преградой между ними и смертью, и что познакомиться

с человеком, который производил его, все равно что встретиться с ангелом-хранителем или даже Богом. Родерик не был исключением.

— 82-я воздушно-десантная дивизия, Форт-Брэгг, — сказал он сразу, словно отчитываясь. — Вашу винтовку я не выпускал из рук, она была для меня сродни четкам: я молился, держа ее в руках, обедал, положив ее на колени, и убил из нее нескольких итальянцев. Он повернулся к нам с сестрами: — Прошу прощения, дамы, но такова война.

Мой отец, пользуясь этой паузой, повернулся, чтобы представить нас Родерику, начиная с Розалинды.

— Это моя старшая дочь, — сказал он и осекся. — Это моя дочь, Розалинда.

Родерик снял шляпу и оказался брюнетом с густыми волнистыми волосами.

— Мисс Розалинда Чэпел, — сказал Родерик, взяв ее ладонь в свою руку и покачав головой — этот жест можно было расценить как изумление. — Никак не приду в себя. Еще одна представительница семьи Чэпел, и какая красавица! — Он улыбнулся ей, обнажив гигантского размера зубы.

Свободной рукой Розалинда взбила причес-

ку. Мужчины, разговаривавшие с отцом, были для нее на одно лицо, как солдатики на полке; рассказ Родерика ничем не отличался от других историй, и вполне вероятно, что Розалинда вообще не замечала Родерика, пока тот не взял ее руку в свою.

— Ваш кузен очарователен, — обратилась она к Адель.

— О, не правда ли? — ответила Адель. — Иногда даже слишком для него, — добавила она, подталкивая его вперед, чтобы он представился остальным сестрам. Родерик поздоровался с Каллой и Дафни, быстро пожав их руки, а потом со мной и Зили.

— Доброго денечка, девочки, — сказал он нам в ответ на наше приветственное помахивание со ступенек. Я подумала — это он серьезно? И кто вообще так разговаривает?

— Надеюсь, вы не обидитесь на меня за мои слова, мисс Чэпел, — сказал Родерик, возвращаясь к Розалин-де, — но ваш отец оказывает нашей стране плохую услугу, снимая в рекламе солдат и ковбоев, хотя мог бы обратиться к таким изумительным девушкам, как вы и ваши сестры. Убежден, что, если бы в рекламе снимались вы, винтовки моментально разлетелись бы с полок

магазинов.

Розалинда просияла: она обожала быть объектом обожания.

— Вы слишком добры, — сказала она, с улыбкой обернувшись к Калле и Дафни — те всем своим видом демонстрировали крайнюю скуку. Чары Родерика, какими бы они ни были, на них явно не действовали. Розалинда дотронулась до своего жемчужного ожерелья и принялась накручивать его на пальцы, сверкая ярко-красными ногтями. Они с Родериком неприлично долго разглядывали друг друга, и все это в присутствии отца, который пытался перейти к следующей группе людей, желавших поприветствовать его. Заметив это, Адель и Питер увели Родерика к бару, чтобы взять вина.

С того вечера для Розалинды начался обратный отсчет. Она говорила, что теперь пришел ее черед: она будет следующей, кто выйдет замуж, а значит, следующей, кто умрет. Вскоре станет очевидно, что для сестер Чэпел эти события означают практически одно и то же.

2

Фильм был ужасен — его даже близко нельзя было сравнить с картиной *«Хватай свою пушку,*

Энни!», в которой Энни Оукли хотя бы пела и танцевала. В *«Чэпел-70»* показывали только ковбоев с винтовками — казалось, что те не мылись месяцами и только и делали, что скакали на лошадях по широким просторам вестерна, снятого в цвете «Техниколор». Единственным, что удерживало мое внимание, были пейзажи — все эти янтарные и шафрановые оттенки, которых не было в наших краях; столовые горы, глубокие каньоны, скала Шипрок и бескрайнее небо. Но великолепие природы омрачалось сценами перестрелок и кадрами погибших от винтовки Чэпела людей, оставшихся лежать в красной пыли.

«Звездой» фильма была одноименная магазинная винтовка *«Чэпел-70»*. Раньше винтовки заряжались только одним патроном; новая же разновидность позволяла загружать в магазин целую обойму и стрелять беспрерывно. До ее изобретения кровопролитие в таком масштабе, как это было показано в фильме, было невозможно. Истинное достижение семьи Чэпел: массовое уничтожение. Я была очень рада, что Белинда этого не видела.

После фильма — в моей голове все еще звучало эхо выстрелов — мы облачились в пальто и шарфы, чтобы пройти два квартала до «Медоу

и мейн», мясного ресторана в Беллфлауэр-вилледж. Мой отец, семья Толлсо и другие руководители фирмы заняли круглый стол в центре зала. Калла с Дафни сели за столик для двоих в углу, около бара, а нас с Зили отец посадил с Родериком и Розалиндой, к их большому огорчению. Они сидели друг напротив друга, а между ними горела свеча в красной баночке; Родерик отличался невероятным аппетитом, и стол был уставлен белоснежными тарелками со стейками, лобстерами и крабами, рядом с которыми теснились разнообразные блюда из картофеля — жареная картошка, пюре и картофель по-лионски.

Родерик рассказал, что сам он родом из семьи нефтепромышленников из Коннектикута, где у его родителей глубокие корни. Когда ему было десять лет, отец увез их — Родерика, его мать и двух его младших братьев — в Техас, где получил должность в «Галф ойл». Карьера отца стремительно росла, и вскоре он основал собственную компанию — «Уайтли петролеум», и, судя по тому, что рассказывал Родерик, с тех пор семья сколотила неплохое состояние. У них был дом в Дариене, на Контентмент-Айленд-роуд, прямо на берегу пролива, и они наведывались туда так часто, как только могли, — на лето,

в Рождество и на Пасху, чтобы хоть ненадолго вырваться из техасского Мидленда, в котором, по словам Родерика, цивилизованной культуры не было никакой.

Сейчас Родерик временно обосновался в Коннектикуте — он учился в магистратуре по инженерному делу в Йеле и жил в университетском городке, а выходные проводил в загородном доме. К тому времени, когда мы с ним познакомились, он учился в Йеле уже полтора года, в июне ему предстояло выпуститься и вернуться в Техас, в семейный бизнес, и начать подготовку к тому, чтобы занять в компании место отца.

— А вообще я мечтаю навсегда уехать из Мидленда, — сказал Родерик, разбивая ложкой карамельную корочку на крем-брюле. — Жил бы в Коннектикуте, работал в Нью-Йорке и занялся бы чем-нибудь не связанным с нефтью. — Он говорил с выраженным южным акцентом.

— Вы могли бы остаться здесь, — довольно нескромно сказала Розалинда. — Она залезла ложкой в его крем-брюле, хотя до этого заявляла, что не хочет десерт. В это время мы с Зили старались побыстрее разделаться с огромным куском шоколадного торта с ванильным мороженым и малиновым сиропом, пока никто не заметил,

сколько сладкого мы уже съели.

— Впрочем, было бы глупо отказываться от того, что с таким трудом выстроил мой отец. Я бы там прекрасно зажил. Жизнь подкидывает нам лимоны, мы делаем лимонад, и все в таком роде. Я уже и дом купил — хотите посмотреть?

Он достал бумажник, вынул из него сложенную фотографию и показал ее сначала Розалинде, а потом нам с Зили. На фотографии было запечатлено ранчо с массивным дубом во дворе, а вокруг, насколько можно было судить, на много акров тянулась пустынная земля. Я разглядела линию горизонта — за домом, очень далеко, там, где плоская земля касалась неба.

— Вы там живете, когда приезжаете домой? — спросила Розалинда.

— Пока нет. Я купил его перед тем как поступить в университет. Вот здесь, смотрите, — Родерик указал на свободное пространство перед домом, — можно будет построить конюшни.

— Для лошадей? — спросила Зили, набрав полный рот торта. Она была в восторге от этой идеи.

— Так точно, мэм, для лошадей.

— Никогда не каталась на лошади, — сказала Зили.

— А это значит, что вы никогда по-настоящему

и не жили, — ответил Родерик. — Приезжайте в любое время! Считайте, что теперь у вас есть открытое приглашение на Паломино-роуд.

— *Паломино-роуд*, — мечтательно сказала Розалин-да. — Звучит как будто из другого мира.

— Так и есть, — сказал Родерик. — Там и правда другая планета.

Он убрал фотографию в бумажник и, пока уносили блюда, спросил Розалинду, не хочет ли она пойти с ним на концерт классической музыки на следующий день. Розалинда с готовностью согласилась и даже осмелилась заявить, что обожает классическую музыку.

— А вот и нет! — сказала Зили. — Ты же сама говорила, что классическая музыка — для старичков и старушек, у которых уже со слухом проблемы.

Розалинда сердито взглянула на нее:

— Это, наверное, Дафни говорила.

— Что ж, значит, увидимся! — сказал Родерик, счастливо улыбаясь Розалинде, а потом нагнулся к Зили и заговорщически прошептал: — В следующий раз приглашу ее на джаз. Она любит джаз? — Он подмигнул нам и надел свою ковбойскую шляпу.

3

Концерт классической музыки стал их первым свиданием в череде многочисленных встреч. Родерик приглашал Розалинду на вечеринки и ужины в складчину у его кузенов и кузин — оказалось, что у него столько родственников по всему Коннектикуту, что их дома усеивали местный пейзаж так же плотно, как бензоколонки. Я была рада, что Розалинды теперь часто не было дома: в такие дни никто не следил за мной и не бросал на меня нескончаемые осуждающие взгляды, которые должны были сказать мне, что я сошла с ума и день ото дня становлюсь все безумнее.

После свиданий Розалинда приходила к нам в гостиную, принося с собой шлейф холодного зимнего воздуха, с хлопьями снега в волосах и на воротнике; от нее пахло сосной и дымом (от камина и сигарет), а ее дыхание слегка отдавало вином. Она рассказывала о том, где они ели — итальянскую еду в Уотертауне или китайские пельмени в Нью-Хейвене — и чем занимались потом: ходили в джаз-клуб или пили горячий шоколад в уютном кафе. На фоне этих рассказов наша жизнь казалась еще более унылой: долгие

дни в школе, простые ужины — говяжье рагу, мясной рулет, пастуший пирог — и темные зимние вечера, которые мы всегда проводили дома, плотно укутавшись в сумерки, как в шарф; в отличие от вечеров Розалинды наши вечера не мерцали снежинками и уютными огнями; в них не было аромата горящих дров и теплых напитков, они несли застоявшийся запах плесени, который не выветривался из ковров и старых паркетных досок и от которого было трудно дышать.

Мы пережили первое Рождество без Эстер и, когда пришел Новый год, с облегчением закрыли двери за 1950-м. Приход 1951 года мы отпраздновали в нашей гостиной; Родерик принес бутылку шампанского «Моэт и Шандон», и нам с Зили тоже разрешили выпить пару глоточков.

После Нового года Родерик и Розалинда встречались почти каждый день. Родерик предложил ей «билет на волю» — и к концу января они уже были помолвлены. Свадьба тоже была своего рода «билетом», уже более постоянным, и, хотя конечным пунктом был техасский Мидленд, Розалинда не собиралась выпускать удачу из рук. Она была готова немедленно запрыгнуть в повозку Родерика, пусть эта метафора и слишком прямолинейна для описания человека, который

сам выглядел так, будто сошел с каравана повозок, — это впечатление о нем осталось у меня неизменным.

Свадьбу назначили на 31 марта — семья Родерика как раз собиралась в это время, на Пасху, быть в Коннектикуте. Выходить замуж в марте, наверное, не очень романтично, но июнь даже не рассматривался — этот месяц навсегда остался за Эстер, а большую часть апреля и мая Родерик планировал готовиться к выпускным экзаменам, в итоге компромиссом стал последний день марта. До получения Родериком диплома магистра молодожены собирались жить в загородном доме семьи Уайтли в Дариене, а после выпуска из университета им предстояло запоздалое свадебное путешествие: поездка из Коннектикута в Техас на кадиллаке Родерика, придорожные мотели с мерцающей бирюзой бассейнов и гамбургеры в ресторанах для автомобилистов. Потом они должны были добраться до пустынных равнин Мидленда, поселиться на Паломино-роуд, завести лошадей и родить дочь (лишь одну!), о которой мечтала Розалин-да. Они назовут ее Эстер Роуз, говорила она.

Все произошло так стремительно — ухаживание, помолвка, подготовка свадьбы, будущее,

простирающееся перед ними, как банкетный стол, который, как все предполагали, был таким длинным, что его конца не было видно. Казалось, что все движется слишком быстро — со смерти Эстер не прошло еще и года, но никто из нас не осмеливался об этом говорить. Розалинда, как та лошадь Родерика, уже скакала вперед во весь опор, и мы прекрасно знали, что случилось бы, вздумай кто-нибудь встать у нее на пути.

— С молодой женою-янки, — пропел Родерик в день их помолвки на мотив мелодии в стиле кантри; ему было 28, Розалинде — 19. Был промозглый январский вечер, мы сидели в главной гостиной, в окна стучала метель, и огонь в камине едва справлялся со своей задачей. Ненадолго к нам вышла Белинда, но почти сразу попрощалась и ушла, сославшись на головную боль.

— Ох, Родди, — сказала Розалинда, элегантно присев к нему на колени. Она поцеловала его в щеку и сняла шляпу с его головы. — Ты сделал меня счастливой как раз тогда, когда я думала, что счастливой больше никогда не стану. — Она надела шляпу на себя и опустила ее так низко, что половина ее лица исчезла.

4

Два месяца перед свадьбой прошли относительно спокойно, что само по себе было событием. Произошедшее с Эстер не укладывалось в голове, как не укладывалось в голове то, что подобное может произойти снова. Даже Белинда восприняла известие о помолвке своей второй дочери без истерики, хоть это ни о чем и не говорило, поскольку ее способности к истерике были приглушены вероналом. Медсестра Марш по-прежнему жила с нами: она присматривала за Белиндой в дневное время и погружала ее в наркотический сон на ночь.

Розалинда хотела свадьбу попроще: без девочек-цветочниц, подружек невесты и шаферов. Были приглашены лишь члены семьи и самые близкие друзья. Церемония должна была состояться в церкви Беллфлауэра, а праздничный ужин — в отеле «Крим». Розалинда купила скромное, но элегантное платье, которое вместе с остальными вещами для свадьбы оставила в загородном доме Уайтли, подальше от нас. Несмотря на то что Белинда постоянно находилась под воздействием успокоительных, а я вела себя прилично, Розалинда не хотела рисковать. В до-

ме вообще не было никаких признаков грядущей свадьбы — кроме сундука с вещами Розалинды, который она приготовила и оставила в холле. Розалинда бросила учебу в женском колледже Дарлоу и в преддверии свадьбы была так занята, что мы почти ее не видели. Казалось, что она уже съехала.

За неделю до свадьбы у нас начались весенние каникулы. Конец марта был ласковым и благоуханным, он прошествовал как нежнейший из агнцев и принес нам самое упоительное время года: дни становились длиннее, на деревьях распускались цветы, и тоска зимних месяцев, словно Бастинда, потихоньку испарилась. Пережить зиму в Новой Англии всегда считалось достижением, а в том году — особенно.

Когда пришло тепло, над могилой Эстер поставили надгробный камень. На нем было лишь ее имя, а под ним — остроконечная астра, выточенная в граните. Отец не хотел, чтобы она была похоронена как Мэйбрик, но назвать ее Эстер Чэпел тоже уже не мог. Получалось, что теперь она принадлежит лишь себе самой.

Во время каникул нам казалось, что уже пришло лето. Розалинды вечно не было дома, Калла практически не выходила из библиотеки, где

писала стихи для своей книги, а Дафни дни напролет проводила со своей подружкой Вероникой Крим — ее семья владела отелем, где Розалинда собиралась праздновать свадьбу. Дафни так и ездила туда-сюда: их везде возила мама Вероники. Мы же с Зили были предоставлены самим себе: гуляли по окрестностям, наблюдая за тем, как наше царство выходит из спячки; я везде носила с собой альбом для рисования и карандаши, а Зили — свои детективные романы.

Однажды, в начале недели, я пошла гулять одна, пока у Зили был урок фортепиано. К тому времени я уже оставила эти занятия, решив сосредоточиться на изобразительном искусстве. Немного порисовав тюльпаны и нарциссы в саду Белинды, я отправилась к лягушачьему пруду — посмотреть на отражения нежно-зеленых почек деревьев на поверхности воды. Мне хотелось запечатлеть солнечные блики на туманно-сером фоне.

Пока я рисовала, услышала за деревьями чей-то смех — веселое девичье хихикание.

— Зили? — позвала я. Мне казалось, она на уроке, но кто еще это мог быть? Дома была только Калла, но та сидела в библиотеке — и к тому же редко смеялась. Мимо пробежала белка, и я реши-

ла нарисовать ее тоже, но вновь услышала смех.

— Зили? Перестань дурачиться!

Ответа не было. Я отложила альбом, встала и пошла вокруг пруда — туда, откуда раздавался смех. Я двигалась в сторону лужайки, сквозь обступившие ее деревья, и вдруг вокруг меня все порозовело — я оказалась в чаще, где цвели вишни; в застенчиво краснеющем лесу.

Смех раздавался откуда-то справа. Я пошла туда, стараясь ступать осторожно, чтобы не выдать себя. Вскоре я заметила Дафни и Веронику — они сидели на одеяле, разложенном между двумя вишневыми деревьями; я и не знала, что Дафни уже вернулась. Она сидела на пеньке спиной ко мне, почти полностью загораживая Веронику, сидевшую напротив нее на одеяле.

Чтобы не попасться им на глаза, я отошла за ближайший клен, откуда мне стало видно Веронику. На ней была льняная юбка оттенка цветков вишни, а выше пояса она была обнажена — ее бюстгальтер и блузка лежали рядом. Она сидела, подогнув под себя ноги. Ее руки были вытянуты вперед — она оперлась об одеяло, и ее поза напоминала конструкцию мольберта. Спина выгнута, голова откинута назад, глаза закрыты; она словно впитывала в себя солнеч-

ный свет, проникавший сквозь цветущие ветви деревьев; кремовая кожа, небрежно заколотые наверху длинные черные волосы, кораллового цвета губы.

Дафни делала зарисовки ее полуобнаженного тела, положив альбом себе на колени. Время от времени она что-то говорила Веронике — слова не долетали до меня, и они обе смеялись. Потом Дафни что-то пробормотала, и Вероника села прямо, сцепив руки перед собой. У нее были большие, тяжелые груди с широкими кружками сосков, таких же светло-розовых, как ее юбка и цветки вишни, словно в палитру розового добавили каплю белого. Я видела ее изящные, немного угловатые плечи.

Опершись руками о дерево и пряча лицо за стволом, я боялась быть обнаруженной, но глаз отвести не могла. Дафни перевернула альбомный лист и молча продолжила рисовать. Вероника вновь закрыла глаза и откинула голову назад, купаясь в розовых лучах света. Она наслаждалась вниманием Дафни, не подозревая, что ее телом любуются две пары глаз.

Так прошло довольно много времени; мне казалось, что я могу провести весь день, наблюдая за Вероникой.

Наконец Дафни поднялась, и я отпрянула назад. Но она даже не посмотрела в мою сторону. Она отложила альбом и подошла к Веронике — теперь они обе сидели друг перед другом, подогнув ноги. Дафни потянулась и убрала упавшие на лицо Вероники пряди волос, а потом нагнулась и поцеловала ее в губы, затем в шею и ниже, подбираясь к груди; я резко отвернулась, почувствовав неожиданный укол ревности. Мое лицо пылало, сердце колотилось так сильно, что мне казалось, что я лишусь чувств. Я вцепилась в дерево — прикосновение к его грубой коре хоть немного вернуло меня к жизни. Мне вспомнились книги, которые Дафни часто оставляла в гостиной, — *«Дьяволица»*, *«Грех на колесах»*, *«Женщины на войне»*, — я-то думала, что это просто дешевые романы. Теперь я понимала, что это были дешевые романы немного другого сорта.

Когда я вновь посмотрела на лужайку, Вероника лежала на спине, а Дафни стягивала с нее юбку. Отбросив юбку в сторону, она, как была в шортах и блузке, забралась на Веронику, и они снова начали смеяться. Я не знала, чем они занимаются, но смотреть больше не могла и стала пробираться назад тем же путем, сквозь заросли вишни, а в это время за моей спиной смех затих

и послышались тихие стоны Вероники.

5

Какое-то время я бродила по лесу, чтобы никому не попасться на глаза; мое лицо горело так сильно, что я начала волноваться, уж не останется ли оно таким навсегда.

Вернувшись домой, я услышала звуки фортепиано — обычно Зили после урока еще пару часов продолжала играть. По тому, что она играла, я всегда могла понять, в каком она настроении. До смерти Эстер она предпочитала песни из бродвейских шоу и фильмов: «Пролетка с бахромой»[13], «Падает звезда — загадай желание»[14], но зимой ее потянуло на более меланхоличные мелодии: она бесконечно разучивала (по крайней мере, пыталась) «Лунную сонату» Бетховена и «Утешения» Листа.

Когда я поднималась в наше крыло, она играла «Свадебный хор» Вагнера. Она злилась, что Розалинда решила провести свадьбу без дево-

---

[13] Сноски: 13

The Surrey with the Fringe on Top (1943) — песня из мюзикла «Оклахома».

[14] Сноски: 14

When You Wish Upon a Star (1940) — песня из мультипликационного фильма «Пиноккио».

чек-цветочниц и подружек невесты и, вероятно, выбором музыки хотела внушить ей чувство вины, только Розалинды дома не было. Я прошла мимо маминой комнаты, волнуясь, как подействует такая музыка на нее, но, к счастью, ее дверь была закрыта. Послеобеденный сон.

Я приоткрыла дверь в библиотеку и просунула голову внутрь: Калла сидела за столом у окна и, сгорбившись, что-то быстро писала. На оловянном блюде горела свеча, хотя комнату ярко освещало солнце.

— Кто там? — спросила она, не поднимая глаз от блокнота.

— Это я, Айрис.

— Прошу тебя, скажи Зили, чтобы она перестала играть эту *ужасную* музыку, — сказала она, но я не собиралась этого делать. Если ей так хочется, пусть скажет сама.

Я пошла дальше по нашему крылу, мимо закрытой двери в спальню Эстер и Розалинды, и вдруг услышала за спиной гулкие шаги. Я обернулась и увидела Дафни, которая поворачивала в мою сторону с альбомом и карандашами в руке. От неожиданности я снова покраснела. А вдруг она видела, что я за ними подглядывала? Вряд ли, но при виде ее я все равно запаниковала.

— Что это с тобой? — спросила она, зайдя в свою спальню и положив вещи на стол. Из прохода я видела, как она сняла шорты и надела черную юбку.

— Ничего, — сказала я, пытаясь уложить у себя в голове, что у Дафни есть тайная жизнь, о которой я и не подозревала. Я-то думала, что они с Вероникой проводят дни за сигаретами и пластинками. Разве я могла представить, чем они на самом деле занимались?

Дафни стояла перед зеркалом и расчесывала волосы — точнее то, что от них осталось. В первые же теплые дни весны она пошла в парикмахерскую, и ее простой «паж» сменился вызывающе короткой стрижкой пикси. Будь она не шатенкой, а рыжей, она бы походила на спичку. Впрочем, отец дал ей менее образную характеристику.

— Ты похожа на мальчишку, — сказал он, не скрывая своего презрения. Я вспомнила, как она забралась на Веронику, и закрыла глаза, словно это должно было помочь мне избавиться от этой картины. Но как я ни старалась, я видела лишь их переплетенные руки и ноги и соприкасающиеся тела.

Я открыла глаза: прямо передо мной возникло

ухмыляющееся лицо Дафни.

— Странная ты все-таки, — сказала она и проскользнула мимо меня в коридор. — Мы с Вероникой едем в отель, — бросила она через плечо. — Если кто-нибудь спросит, — никто не спросит, — я вернусь к ужину.

Когда Дафни ушла, я хотела было заглянуть в оставленный на столе альбом, но тут появилась Зили, которая начала жаловаться, что у нее от занятий онемели пальцы. Она стала упрашивать меня поиграть с ней в настольную игру, и я неохотно согласилась.

В тот вечер перед ужином мы зашли к Белинде. Еще зимой отец поручил нам с Зили навещать ее за полчаса до ужина, а потом вместе с ней спускаться в столовую. «Вашей матери нужна компания», — сказал он, давая нам это задание и, видимо, осознавая, что из всех сестер его способны выполнить лишь мы.

Когда мы вошли, медсестра, сидевшая на привычном месте у окна, отложила шитье и, радуясь возможности уйти на перерыв, отправилась на кухню, где ее ждал ужин с Доуви и миссис О'Коннор.

— Лепесточки, — сказала Белинда после ухода медсестры, приглашая нас войти. Она закры-

ла книгу и попросила нас сесть. Я заняла стул напротив ее дивана, а Зили садиться не стала — она принялась рассматривать предметы на многочисленных полках, которые бесконечно притягивали ее: все эти диковинки из маминого прошлого.

На Белинде, как всегда, было белое платье. За время, прошедшее после смерти Эстер, она похудела и сделалась очень хрупкой, а ее кожа от недостатка солнца приобрела нездоровый оттенок. Она почти не выходила на улицу.

— Как прошел ваш день? — как всегда, спросила она.

— Мы играли в «Клуэдо», — ответила Зили, взяв в руки крошечную фарфоровую шкатулку и приподняв крышку.

— Судя по всему, это ваша любимая игра! Нужно мне тоже как-нибудь поиграть с вами.

— Тебе не понравится, — сказала Зили. — Там про убийство.

За окном все еще было светло: еще один признак весны. Мы немного посидели в тишине — разговор между матерью и дочерьми никогда, даже в самые спокойные времена, не был непринужденным.

— У тебя все хорошо, Айрис?

Глядя в окно, я думала о вишнях в цвету, но ничего об этом не сказала.

— Я все думаю о Розалинде, — сказала я, хоть это и было неправдой. — Трудно поверить, что через неделю она выйдет замуж. — Это были очевидные вещи, но мне хотелось посмотреть, какой будет ее реакция на мои слова о скорой свадьбе. До сих пор реакции не было никакой, если не считать реакцией отсутствие какого-либо интереса.

— Да, она ведь уезжает в Техас, правда? — учтиво проговорила Белинда, не выдавая никаких эмоций. Я хотела знать, что она чувствует на самом деле, но той мамы, которую я помнила, больше не было; лекарства принудили ее к покорности. Много лет спустя, читая письма Эмили Дикинсон, я наткнулась на строчку, которая напомнила мне о тех годах жизни мамы: «Я брожу с фонарем в поисках себя». Даже тогда, будучи маленькой девочкой, я понимала, что с появлением в нашем доме сиделки настоящая Белинда оказалась запертой внутри себя, где она скиталась во тьме, потерянная для всех.

— Что ж, пойдемте ужинать? — сказала она наконец, отсидев с нами положенное время.

Зили вернула на полку подсвечник лиможско-

го фарфора.

— А ты вообще хочешь есть?

— На самом деле нет, — со вздохом сказала Белинда и поднялась. Она знала, что выбора у нее не было — в каком-то смысле ее испытательный срок все еще продолжался.

— Солнышко, мы просто обязаны посмотреть Маунт-Вернон, — говорил Родерик, когда мы с Зили и Белиндой вошли в столовую и стали рассаживаться; вся семья уже собралась за столом. — Мы не можем просто проехать мимо, даже не заглянув туда.

— Родди, — сказала Розалинда, игриво сверкая глазами. — Ты обещал, что в медовый месяц нам будет *весело*. Джордж Вашингтон в категорию «весело» не попадает!

— Джордж Вашингтон — отец-основатель нашей страны, — с легким ужасом в голосе сказал отец, которому не было очевидно, что Розалинда, как обычно, отвечает не всерьез, а лишь дразнится. — Я полагаю, что его дом обязательно нужно посмотреть.

— Хорошо, папочка, — сказала Розалинда, пока миссис О'Коннор ставила на стол ужин. — Раз уж вы с Родди настаиваете…

На ужин был мясной рулет, густо политый чем-

то похожим на соус барбекю — видимо, в честь техасского происхождения Родерика. Белинда, сидевшая справа от меня, отщипывала кусочки маисового хлеба, прислушиваясь к разговору с отсутствующей улыбкой стюардессы. Она уже привыкла к Родерику, а он привык к ней. Если Эстер держала Мэтью подальше от семьи, то Розалинда придерживалась другого подхода: ей казалось, что тесное общение с ним позволит нам почувствовать, что от него не исходит никакой угрозы.

— Что вы думаете, миссис Ч? — обратился Родерик к Белинде, и его фамильярный тон прозвучал как скрежет иглы, пробороздившей пластинку поперек. Он часто пытался вовлечь ее в разговор.

Белинда в замешательстве отодвинула тарелку — она никогда не любила лишнего внимания.

— О чем? — Ее веки выглядели отяжелевшими.

— О поездке в Маунт-Вернон, — нетерпеливо ответила Розалинда, повысив голос, словно Белинда была старушкой и плохо слышала.

— Там жил Джордж Вашингтон, — добавила Дафни, отрезая себе второй кусок мясного рулета, как будто она умирала с голоду. Глядя на нее, я снова подумала о Веронике и тут же испугалась,

что покраснею, но на меня никто не обращал внимания.

— Мне кажется, что, если вы интересуетесь американской историей, это место стоит посетить, — ответила Белинда, пытаясь стряхнуть с себя сон. — Сомневаюсь, что в Техасе много интересного. Наверное, вам будет там довольно скучно.

Дафни и Калла рассмеялись; Розалинда повернулась к Родерику и выкатила глаза.

— Мы вас скоро пригласим к себе, миссис Ч, — сказал Родерик. — Тогда вы сами посмотрите, скучно там или нет.

– *Родди*, — прошептала Розалинда, явно встревоженная перспективой того, что Белинда отправится к ним на Запад.

— Мама не может поехать в *Техас*, — сказала Зили и засмеялась. Она была права, это действительно была нелепая мысль: Белинду трудно было представить в отрыве от «свадебного торта», разве что в Кейп-Коде. Чтобы она пребывала где-то еще? Это казалось безумием.

— Боюсь, время для путешествий для меня уже прошло, — сказала она, поднимаясь и опираясь на стол. Каждый вечер она приходила на ужин, но редко оставалась надолго.

— Сестра Марш! — крикнул отец. Он сам требовал, чтобы Белинда присутствовала на ужине, но, казалось, чувствовал облегчение каждый раз, когда она уходила. Пришла сиделка и взяла ее под руку; Белинда попрощалась и вышла, опираясь на нее.

— Еще всего неделя такого, — обратилась Розалинда к Родерику, когда она ушла.

— Это *тебе* неделя, мы-то остаемся, — сказала Калла. Мне не верилось, что Калла скоро будет здесь за старшую; Розалинда справлялась так себе, но с Каллой у руля нам точно было суждено пойти на дно — полный развал порядка, возвращение нашей волчьей стаи к доисторическим временам. Я уже видела это: один сплошной хаос.

— Боже, мне вас очень жаль, — сказала Розалинда, как будто видела то же самое. — Когда я вырвусь из этого ужасного места, я буду скучать по вас — но только не по маме. На этом празднике жизни она всегда была призраком.

— Довольно, Роз! — Сначала мне показалось, что я слышу укоризненный голос отца, но, подняв глаза, я поняла, что это говорит Родерик — его шутливый настрой испарился. — Я же предупреждал. Постарайся быть добрее.

— Прошу прощения, — тихо сказала Розалинда, против обыкновения не ввязываясь в дальнейший спор.

— Нелегко мне с ней придется! — сказал Родерик. Он нежно толкнул ее локтем и повернулся к нашему отцу: — Она никого не слушает, правда?

— Как правило, нет.

— Ее скверный характер берет над ней верх.

— Я же извинилась, Родди. — Розалинда выглядела пристыженной: редкий случай для нее; к тому же на фоне массивной фигуры Родерика она выглядела маленькой, и разница в их возрасте и опыте вдруг стала очевидной.

Я отвернулась и посмотрела на пустой дверной проем. Розалинда собиралась вырваться отсюда, но куда именно? Будь Белинда в нормальном состоянии, она наверняка попыталась бы отговорить Розалинду от замужества. Она сказала бы, что случится *что-то ужасное*, и я уже тогда понимала, что это не обязательно означало смерть. Вариантов ужасного в мире было много.

После ужина Родерик повез сестер в город на фильм *«Рыжая и ковбой»*, а я, извинившись, осталась дома. У меня были другие планы.

Когда все ушли, я пробралась в спальню Каллы

и Дафни и быстро пролистала альбом, в котором Дафни тогда делала зарисовки. В нем практически не было пустых страниц — все рисунки были посвящены Веронике.

Я вернулась к первому листу и принялась рассматривать работы более внимательно. На первом рисунке Вероника сидела за столом, перед ней стояла чашка чая. Ее палец был продет в ушко чашки, а нижняя часть браслета соприкасалась с поверхностью стола. Все детали были прорисованы с удивительной точностью. Видимо, рисунок был сделан в кафе — или в ресторане при отеле, принадлежавшем родителям Вероники. Она сидит прямо, легкая кофточка плотно застегнута на груди, на шее — шарфик или небольшой платок. Голова повернута в сторону; судя по всему, она смотрит в окно, где жизнь идет своим чередом, и взгляд ее задумчив — мне всегда хотелось, чтобы Зили, позируя для меня, смотрела именно так.

Дальше шли десятки рисунков одетой Вероники — в сарафане на пляже, стоя на лугу, полулежа на кровати. До того дня я ее толком и не видела. Она жила в городе; ее родители переехали сюда около двух лет назад, но она не ходила в школу и не появлялась в местной церкви. Семья Веро-

ники исповедовала католичество и посещала церковь Скорбящей Богоматери в Гринвиче; Веронику, единственного ребенка в семье, отдали в школу при церкви. Как Дафни с ней познакомилась, я не знаю. Пару раз я видела, как они идут по улице, — Вероника была для меня лишь какой-то девочкой с темными волосами; насколько я знаю, она никогда не приходила к нам в гости. Впрочем, в этом не было ничего странного. Мы никогда не приводили друзей домой, да и в целом нельзя сказать, чтобы у нас их было много: мы предпочитали компанию сестер.

Я все листала и листала альбом, прислушиваясь к звукам в доме, чтобы не пропустить возвращение сестер. Дафни была замечательной художницей. Более эротические наброски (я говорю «более», потому что эротическими были все рисунки, независимо от количества одежды; между Вероникой и девушкой, держащей карандаш, явно проскакивали искры) появлялись постепенно — напряжение нарастало с каждой страницей. Вот Вероника на пляже, одним пальцем стягивает купальник, открывая часть левой груди, с таинственной улыбкой на губах, той самой улыбкой Моны Лизы, о которой пел Нэт Кинг Коул, но чуть более дерзкой.

Следующий рисунок — купальник приспущен совсем, соблазнительный образ для художницы и зрителя, и чем дальше, тем откровеннее: Вероника с задранной юбкой; обнаженная Вероника сзади; Вероника в ванной; Вероника на шезлонге, ноги раскинуты в стороны. В какой-то момент я добралась до вишни в цвету, но эти рисунки были совсем не такими, как я ожидала. Если остальные работы были реалистичными, то здесь цветущая вишня была не просто фоном — Вероника словно слилась с ней. Она сидела на одеяле, поджав под себя ноги, а цветки вишни падали с неба обильным розовым дождем, покрывая ее волосы, плечи и колени. Казалось, что Вероника сама растет в этом саду — настоящая лесная нимфа.

Я думала, что это последний рисунок, но, перевернув страницу, увидела еще один. Он потряс меня больше, чем все остальные. То была еще одна сцена на одеяле — должно быть, Дафни изобразила ее, когда я ушла. Вероника лежала на спине с широко расставленными ногами, и Дафни зарисовала то, что такая поза ей открыла.

Эту часть женского тела я никогда раньше не видела — даже свою собственную. В школь-

ных учебниках мне попадались обнаженные греческие статуи — между ног у женщин была пышная буква «V», но то, что внутри, было скрыто. Точно так же выглядела я, когда — в редких случаях — мне доводилось увидеть себя раздетой в зеркале ванной комнаты. Но здесь эта область была передана очень подробно; казалось, что это рисунок цветка — мягкие слои и изгибы розы или ириса.

Я закрыла альбом. Что-то со мной было не так, если я с таким удовольствием разглядывала все это.

6

Той ночью я дрейфовала между сном и явью, пока в моей голове проносились недавние воспоминания — кинопленка размытых, мерцающих изображений леса и вишневых деревьев, карандашных рисунков и коралловых губ, нежных плеч и розовых сосков. Я извивалась в кровати, словно у меня был жар, сбрасывала одеяло на пол и металась из стороны в сторону, отчего моя ночная рубашка еще сильнее закрутилась вокруг меня. И вдруг я почувствовала на своей руке чью-то ладонь.

После целого дня томлений прикосновение

ощущалось как подарок. С моих губ сорвалось восторженное мурлыканье. Улыбаясь, я открыла глаза, разрывая тонкую оболочку сна и думая, что мне все это снится и на самом деле в спальне я одна. Но тут я поняла, что мою руку действительно сжимают чьи-то пальцы, и отдернулась от них, как от змеи. Кто-то стоял, склонившись над моей кроватью.

— Мама? — вздрогнув, сказала я. — Почему ты не у себя?

— Я улизнула ненадолго, — прошептала она.

Она присела на край кровати и подвинулась ко мне.

— Сиделка спит. Она забыла дать мне таблетки. Послушай, — сказала она, взяв мое лицо в свои ладони. — У меня не так много времени.

Она говорила с такой энергией, что мне стало страшно. Перед тем как продолжить, она дала мне несколько секунд, будто даруя время на подготовку. Я занервничала — и вдруг все поняла.

— Не надо, не говори! — умоляюще попросила я, отодвигаясь от нее. — Мама, пожалуйста!

— Если Розалинда выйдет замуж за этого человека, с ней случится что-то ужасное, — сказала она, крепко схватив меня за плечи. — Я снова чувствую запах роз.

— И что это значит?

— Розы предупреждают меня о приближении беды.

Я высвободилась из ее хватки.

— Пожалуйста, уходи, — взмолилась я. В ее голосе слышалась паника, и я не хотела, чтобы меня снова втянули во все это. — Нам опять попадет.

— Айрис! — громким шепотом вскричала мама. Я оглянулась на Зили, но та не пошевелилась.

— Розалинда спит в гостиной, — сказала я. — Пойди и поговори с ней сама.

— Меня никто не слушает, — ответила она. — Только ты можешь спасти ее.

— Меня тоже никто не слушает! — При мысли о том, что Розалинда может лечь в могилу рядом с Эстер, у меня на глазах выступили слезы. — Может быть, на этот раз ты ошибаешься!

— Я бы тоже хотела так думать. — Она поднялась на ноги, поцеловала меня в макушку и выскользнула из комнаты.

Слушая, как удаляются ее шаги, я вспомнила, что чувствовала тогда, в столовой. Так или иначе я знала, что это случится.

7

На следующий день было пасхальное воскресенье. Сестры были в восторге от новых платьев. Все они были разных пастельных оттенков: бледно-розовое для Розалинды, сиреневое для Каллы, фисташковое для Дафни, желтое для меня и нежно-голубое для Зили. Когда я открыла глаза, сестры бегали из комнаты в комнату, прихорашиваясь: Розалинда и Калла, накрутив волосы на бигуди, носились с пудреницами и помадами; Зили кричала, чтобы кто-нибудь ей помог; Дафни расхаживала по коридору в бюстгальтере и трусах, разыскивая свою расческу.

Пока они одевались, я оставалась в постели, пытаясь отделаться от наваждения прошлой ночи и убедить себя, что Белинда просто была напугана и никакая она не ясновидящая. Молния два раза в одно место не бьет — по крайней мере, так мне всегда говорили.

Наконец я встала и отправилась в ванную. Дверь в спальню Эстер и Розалинды была открыта; Розалин-да сидела у зеркала и наносила румяна. Лиф ее розового платья плотно облегал фигуру и широкой юбкой распускался на талии; волосы были тщательно завиты, губы — цвета

бургундского вина, икры изящно приподняты над черным каблуком. Она была полна жизни, и я не могла представить, что с ней может случиться что-то плохое.

— Тяжелая выдалась ночка? — спросила она, а я в ответ пожала плечами.

— Мне кто-нибудь поможет? — раздался откуда-то крик Зили, и Розалинда встала и пошла к ней, на ходу похлопав меня по плечу. Я зашла в ее спальню. Окно, которое тогда разбила Эстер, давно заменили; нагнувшись, я увидела под ним засохшую кровь — черную, как плесень. Несмотря на то что горничные тщательно отмыли весь пол, кровь была в каждой щелочке.

— Тебе пора одеваться, — тихо сказала Розалинда. Я не слышала, как она вернулась, поэтому тут же покраснела — маленькая девочка, которую застали за нехорошим.

Я поплелась в ванную, затем вернулась в свою спальню и натянула платье — мягкое и желтое, как цыпленок. *«Я никому ничего не скажу»*, — думала я про себя, надевая короткий жакет в тон платья. За окном пронзительно крикнула птица, и я повернулась. Птица исчезла, и оказалось, что я смотрю на могилу Эстер. *«Нет*, — сказала я себе. — *Никакой это не знак»*.

Поскольку для пасхальных корзинок мы уже были слишком взрослыми, на столе нас ждали шоколадные зайчики в разноцветной фольге, кульки с мармеладом и большие пластиковые яйца с безделушками. Все это было живописно разложено в центре стола на искусственной траве; картину, видимо созданную стараниями Доуви и миссис О'Коннор, довершали двойные вазочки с нарциссами.

На завтрак были яйца пашот на тостах и свежий апельсиновый сок. Белинда не появилась, и я вздохнула с облегчением. После позднего завтрака отец повел всю семью в церковь; мы с сестрами, надев шляпки и перчатки, чинно шествовали по улице, любуясь своим отражением в окнах машин.

Во время пасхальной службы, сняв перчатки, я кусала ногти, пока вокруг распевали все эти невыносимые гимны и псалмы о жизни и смерти. Мне не терпелось оттуда сбежать. Шепнув Розалинде, что мне нужно в туалет, я выскользнула из церкви. Во дворе стояли мужчины, улизнувшие со службы под предлогом перекура. Через дорогу был офис доктора Грина, где я, без сомнения, оказалась бы, случись мне встать на пути предстоящей свадьбы.

Я ощутила приступ злости: зачем Белинда так со мной поступает? *«Только ты можешь спасти ее»*. Разве можно так говорить? Спасать ребенка должна мать, а Белинда свалила все на меня. Впрочем, я понимала, что ее вмешательство стало бы последней каплей для отца и ее отослали бы обратно в клинику. Я не обладала никакой суперсилой и не могла спасти Розалинду — мама доверилась мне лишь потому, что я ее слушала, когда все остальные от нее отвернулись.

Я обошла церковь и оказалась во дворе, густо засаженном высоким кустарником, в центре которого стояла вишня в цвету — каменные плиты были усыпаны ее розоватыми лепестками. При виде вишни я вспомнила о Веронике и подумала о том, буду ли я теперь всю жизнь, как собака Павлова, реагировать на цветущую вишню именно так: томлением и алеющими от стыда щеками. Впрочем, тот день, казалось мне, был из какой-то прошлой жизни, когда меня беспокоило лишь одно: мое неуместное вожделение. Почему Белинда не могла оставить меня в покое? Дать мне побыть маленькой девочкой с обычными для моего возраста переживаниями… Нет, ей нужно было вывернуть мою жизнь наизнанку, поместить меня в роман Нэнси Дрю,

написанный Мэри Шелли.

Через боковую дверь я вошла в каменный вестибюль, где когда-то стоял гроб Эстер. Сейчас здесь был только стол с библиями и псалтырями, а у стены стояли складные стулья. Раскрыв один, я присела. Меня била дрожь от живых воспоминаний об этом месте и царившего здесь холода, от которого не спасал жакет. В этой комнате прощались не только с Эстер — за последние сто лет или даже больше через нее прошли все умершие жители Беллфлауэр-виллидж. Это была комната призраков, и при мысли об этом я задрожала еще сильнее.

Я сидела в каменной прохладе и думала о том, что же мне делать. После случившегося с Эстер я старалась просто жить дальше; я так и не смогла понять, что же именно произошло, но, поскольку Белинда вечно находилась в полудреме и не трогала меня, мне почти удалось выбросить это из головы. Теперь же Белинда снова поставила меня в безвыходное положение, и я боялась, что это не приведет ни к чему хорошему. Я понимала, что игнорировать ее слова было бы ошибкой, учитывая, что в прошлый раз она оказалась права. Но доктор Грин утверждал, что Белинда больна, а Розалинда сказала, что я становлюсь

такой же, как она. Действительно ли Белинда была больна? Вряд ли. Скорее она не поддавалась укрощению, и это им не нравилось; а если укротить не получается, оставалось лишь держать ее под воздействием лекарств. Но вдруг я ошибалась? Я и правда уже не знала, чему верить, а чему нет. Прошлой осенью из разговоров с родными и с врачом я извлекла лишь один урок: доверять себе я больше не могла.

8

Дома нас уже ждал Родерик — его пригласили на пасхальный ужин. Его родителей, братьев и сестер тоже позвали, но у них было другое семейное мероприятие.

По неписаному правилу миссис О'Коннор, праздничный ужин всегда подавался днем, и, чтобы скоротать время, мы с сестрами и Родериком принялись играть в «Монополию» на террасе. Миссис О'Коннор вынесла нам кувшины с лимонадом и тарелку бутербродов без корочки, с мягким сыром и огурцами, но мы интересовались ими гораздо меньше, чем шоколадными зайцами и мармеладом.

Это должен был быть беззаботный день — весенний праздник на солнечной террасе, и для

всех остальных, как мне казалось, так и было: всем было весело, даже Калле. Сестры сидели вокруг стола в своих роскошных пасхальных нарядах, а Родерик задавал тон общему настроению. На нем была ковбойская шляпа и сине-белая клетчатая рубашка с короткими рукавами; вокруг шеи был повязан галстук-шнурок.

Сестры передавали его шляпу по кругу, поочередно примеряя ее. Они, как и всегда, смеялись над его шутками, хотя казалось, что факт присутствия в компании мужчины веселил их больше, чем собственно сам мужчина. В доме царила женская энергетика, а отца, который мог бы ее разбавить, рядом не было; в результате Родерику было суждено исполнять роль обезьянки из зоопарка. Он вызывал наше любопытство и какое-то время казался забавным, но, прощаясь с ним в конце дня, все мы (кроме Розалинды) чувствовали облегчение.

За столом все болтали и смеялись, так что мое молчание оставалось незамеченным. Я размышляла, не рассказать ли им о новом предсказании Белинды. Я могла бы преподнести это как-нибудь беспечно и непринужденно. «Розалинда! — сказала бы я. — Ты ни за что не угадаешь, что случилось вчера вечером. Наша мать снова

взялась за старое!» — «Ох, мама, — ответила бы Розалинда, театрально вздохнув. — Вечно она со своими *шуточками*».

Но я знала, что не смогу об этом шутить; это было *не смешно*.

— Кое-кто явно за тысячу миль отсюда, — усмехнувшись, сказал Родерик, протягивая мне игральные кубики. Все смотрели на меня — Дафни откусила голову у шоколадного зайца, Калла интеллигентно отправляла в рот одну мармеладку за другой, а Зили сидела, наевшись леденцов и перепачкав рот искусственным красителем. Розалинда нервно улыбнулась. Ей не хотелось, чтобы ее жених счел меня странной. Для странностей хватало Белинды.

Потянувшись через стол за кубиками, я коснулась руки Родерика и задержала на ней взгляд — темные волоски, очертания мышц… от него так и веяло жизненной силой. Наши с сестрами руки — бледные, безволосые, мышцы и кости упрятаны за невидимый слой жира, такие тонкие и нежные, словно с молока только что сняли сливки, — ни в какое сравнение не шли с его руками. Казалось, что своей огромной, тяжелой ручищей он может так сильно сжать мою руку, что от костей останется один порошок.

Взяв у него кубики, я бросила их на поле, и Зили немедленно начала передвигать мою фигуру, предугадав, что я этого делать не буду.

— Доиграй за меня, Зили, — сказала я.

Мне нужно было проветриться. Я встала и пошла в сторону леса, услышав сзади оклик Розалинды: «Айрис, ты куда?»

Сняв шляпу и обмахиваясь ей, как веером, я заходила глубже и глубже в лес в северном направлении. Что же мне делать с маминым предсказанием? Точно ли я говорила с ней той ночью? Ведь все это мне могло привидеться в кошмаре… Я шла дальше, радуясь молодой зелени весеннего леса, любуясь темными колоннами деревьев, настоящим природным Парфеноном. Надо мной щебетали птицы, сквозь кружево листвы пробивалось солнце, и меня тянуло все дальше. Я уже начала беспокоиться, не заблудилась ли я, как вдруг очутилась на поляне — той самой, где были похоронены мечты Эстер о счастливой замужней жизни.

«Нет, — подумала я. — *Никакой это не знак»*.

Земля, покрывавшая свадебный фарфор и подарки Эстер, всю зиму была укутана снегом и больше не выглядела потревоженной, и осколки тарелок, брошенных мной сверху, наполовину

ушли в землю — то тут, то там торчали их острые концы. Я потянула за один осколок и вытащила его. Увидев на нем рисунок — цветок яблони, я одновременно почувствовала и свое горе, и свою вину — эти два переживания были запрятаны во мне не так уж глубоко.

Мне стало жарко, я сняла жакет и села, облокотившись спиной о дерево и раскинув перед собой ноги. Я закрыла глаза и вскоре уснула. Мне приснилась Вероника: она сидела, поджав под себя ноги, на холме, где я зарыла вещи Эстер. Одета она была так же, как в тот день, — льняная розовая юбка, а сверху — ничего, только теперь она позировала мне, и это моя рука рисовала ее.

Во сне я всегда была прекрасной художницей. Я начала рисовать ее колени, потом поднялась к животу, груди и плечам; дойдя до лица, я заметила, что ее губы шевелятся, но не могла расслышать издалека, что она говорит. Я продолжала рисовать, а она что-то неслышно говорила, напряженно, словно взывая ко мне.

— Вероника! — крикнула я, впервые произнеся вслух ее имя.

Отложив альбом, я встала и пошла к ней, но сон начал меркнуть, что-то его нарушило, какой-то звук, доносившийся из леса, — хруст веток

под чьими-то ногами. На поляне был кто-то еще.

Я открыла глаза и огляделась.

— Кто здесь? — робко спросила я. Снова треснула ветка, но я не поняла, в какой стороне. «Эй!» — я хотела крикнуть это, но из моего горла вырвался лишь скрипучий звук. Я вскочила и спряталась за стволом дерева, все еще сжимая в руке осколок тарелки — довольно острый, если придется обороняться. Я снова услышала треск и выглянула из-за дерева, надеясь убедиться, что на поляне никого нет. Мои глаза не заметили никакого движения, и все же я чувствовала чье-то присутствие, словно я была здесь не одна.

Мне хотелось позвать на помощь, но меня все равно никто бы не услышал. По правую сторону я увидела тропинку, которая вела к дому. Взяв себя в руки, я ринулась к ней.

На бегу я слышала за спиной шаги, и они становились все ближе. Я быстро оглянулась, но сквозь мелькание деревьев и солнечные блики толком не могла ничего разглядеть. Я бежала и бежала, заставляя себя быстрее переставлять ноги и оглядываясь каждые несколько секунд, пока вдруг не врезалась в дерево. К счастью, я ударилась не лицом, а плечом, но довольно сильно, и тут же оказалась на земле. Я кричала и извивалась,

пока в конце концов не свернулась в маленький грязный комочек. Сквозь свое тяжелое дыхание я продолжала слышать шаги. Кто-то приближался. Я не знала, как далеко еще до дома и услышит ли меня кто-нибудь, если я закричу. Защищаться я могла только осколком тарелки.

Я начала плакать — еле слышно скулить от страха, и тут я услышала голос, который настойчиво сказал: «Они идут за нами, Айрис!» Мне был знаком этот голос. Я не слышала его уже девять месяцев. Приподнявшись, я огляделась, но вокруг никого не было.

— Эстер?

Это была она. Я точно знала: это была она.

9

Хромая, я пошла в сторону дома, не выпуская из рук осколка. Я понятия не имела, который был час, но наверняка все уже собрались к ужину и недоумевали, куда это я подевалась. Мне предстоял неприятный разговор.

Миссис О'Коннор встретила меня на кухне, и ее глаза расширились. Шляпку и жакет я оставила в лесу, поэтому ничем не могла прикрыть ободранную, всю в синяках руку. Мое платье было

измазано в грязи, а кисть с зажатым в ней осколком кровоточила.

— Со мной все в порядке, — сказала я, хотя она ничего не спрашивала. Подойдя к дверям в столовую, я услышала голос Розалинды:

— А что, звучит неплохо: Розалинда Уайтли. И у нас с Родди будут одинаковые инициалы.

— Главное, не проси меня одолжить тебе запонки! — сказал Родерик, и все засмеялись.

Когда я вошла в столовую, Розалинда сидела, вытянув перед собой руку и любуясь кольцом с бриллиантом. Все повернулись ко мне, включая сидевшую напротив отца Белинду. Стараниями сиделки на ней было желтое платье, почти такого же цвета, как мое, волосы заколоты наверх, на груди — брошь с бриллиантами и сердоликом. Ее принарядили для празднования воскресения человека, в которого она даже не верила.

— Айрис, с тобой все в порядке? — спросил отец, и Зили взволнованно добавила:

— Что случилось? Мы тебя потеряли.

— У тебя *кровь*, — сказала Калла.

— Примерно так я выглядел прошлым летом, когда упал с лошади, — усмехнувшись, сказал Родерик.

— Не обращай на нее внимания, — сказала Ро-

залин-да, снова с нервной улыбкой. — Она у нас со странностями.

Я села за стол между Зили и мамой. Положив испачканный кровью осколок у своей тарелки, я взяла белую льняную салфетку, стерла с руки оставшуюся кровь и расправила салфетку на коленках.

— Я заблудилась в лесу, — сказала я. — И врезалась в дерево.

С губ Дафни слетел смешок. Она повернулась к Розалинде, и они обменялись понимающими взглядами.

— В этот раз ты превзошла саму себя, — сказала Дафни, указывая на осколок. — Это что? Предмет культа, который ты нашла в лесу?

В этот момент миссис О'Коннор внесла блюдо с окороком, и все переключились на еду. Мама взглянула на меня, и мне показалось, что за ее безучастным взглядом промелькнула та Белинда, которая приходила ко мне ночью. В ее глазах был немой вопрос. Я кивнула.

Миссис О'Коннор с гордым видом передвигалась вокруг стола, отрезая всем по кусочку пасхального окорока и выкладывая на тарелки гарнир, приготовленный для праздничного ужина: горошек, зеленый салат и молодую картошку,

политую сливочным соусом с петрушкой. В центр стола она водрузила кокосовый пирог — белый и пышный, как заячья шерстка, с разноцветными шариками мармелада по краям. Он был встречен восхищенными взглядами.

Все, кроме нас с Белиндой, принялись за еду. Я внутренне напряглась, чтобы заговорить, как вдруг отец откашлялся. Мы повернулись к нему, ожидая услышать очередную унылую новость, но на этот раз он сообщил что-то интересное.

— Я получил письмо от Мэтью, — сказал он.

— Правда? — удивленно воскликнула Розалинда.

— Кто такой Мэтью? — спросил Родерик, накладывая себе еще один кусок мяса.

— Ну как же, — сказала Розалинда. — *Мэтью*.

— Вдова Эстер, — сказала Зили.

– *Вдовец,* — поправила ее Калла.

— Да, так вот, — сказал отец, пытаясь вновь завладеть разговором, который начинал от него ускользать. — Он пишет, что несколько месяцев назад продал дом на Граус-корт со всей мебелью. Летом он уходит из компании отца и переезжает в Шарлотсвилл, где будет учиться на юридическом факультете Виргинского университета.

— Он хочет стать юристом? — спросила Розалинда, хотя ответ и так был очевиден.

— Выходит, что так, — сказал отец. — Со временем он собирается податься в политику. Пишет, что начинает новую жизнь.

Розалинда отложила нож и вилку. Я видела, что ей не терпится выпалить что-нибудь язвительное о Мэтью и его *новой жизни*, но она пыталась взять себя в руки, понимая, что меньше чем через неделю новая жизнь начнется у нее самой. К счастью, ее прервала Дафни.

— Вот бы Эстер могла начать жить заново.

— Да уж, — ответила Розалинда, не в силах сдержаться. — А что, от него убудет, если он заедет и навестит своих новых родственников? Мы не видели его с похорон, и вот он уже уезжает в Виргинию.

— Полагаю, этот дом вызывает у него тяжелые воспоминания, — сказал отец.

— У нас он тоже вызывает тяжелые воспоминания, но мы-то здесь, — сказала Калла, отпив глоток воды из стакана.

Разговор об Эстер лишь подстегнул мои мысли о том, что случилось в лесу. Когда все замолчали, я снова услышала голос Эстер: *«Они идут за нами, Айрис»*. Я поняла, что пора действовать.

Я встала, и все, кроме Белинды, подняли на меня глаза. Я взяла в руку бокал.

— Будет тост? — с опаской спросила Розалинда.

— Нет, тоста не будет, — сказала я и залпом допила всю воду, словно в бокале был виски. — Я только хотела сказать… — Я замерла, неожиданно испугавшись.

— Ну давай же, выкладывай, — сказала Дафни.

— Мне кажется, тебе нужно отменить свадьбу, — сказала я Розалинде.

— Айрис! — Она вскочила со стула, а рядом с ней неловко поднялся Родерик. Все, кроме Белинды, по очереди произнесли мое имя — вокруг стола пронеслось многократное *«Айрисссс»*, словно это шипела змея.

— Объяснись! — потребовала Розалинда.

— Я боюсь, что… — Я стояла на краю обрыва, и мне бы сделать шаг назад, но я уже не могла. — Если ты выйдешь за Родерика, ты умрешь.

— Ах ты маленькая чертовка! — вскричала Розалин-да. Родерик удерживал ее за талию, иначе она бы набросилась на меня. — Да ты просто злобное создание, вот ты кто!

Отец поднялся, чтобы помочь Родерику удержать ее, но она кричала и брыкалась, пытаясь вырваться.

— Я знаю, это *твоих* рук дело! — сказала она, указывая на Белинду. Я не осмеливалась смотреть на маму, чтобы не навлечь на нее подозрений в сговоре со мной, но в тот момент я быстро взглянула на нее. С непроницаемым лицом она смотрела на Розалинду. Мне подумалось, что настоящая Белинда, прятавшаяся за успокоительными, наверняка не была столь безмятежна.

— Это ты внушила Айрис все эти мысли! Прямо как старая ведьма!

— Ну же, довольно, — сказал Родерик, взяв ее под локоть. — Давай выйдем на улицу.

— Да ты и половины всего не знаешь, Родди, — сказала Розалинда, вырываясь. — Она отравляет все вокруг!

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — сказал Родерик, снова потянувшись к ее руке. — Но давай не будем устраивать сцену. Наша свадьба состоится, и все тут.

Розалинда нежно ему улыбнулась, и они обнялись. Родерик успокоил ее, но ненадолго: когда они отошли друг от друга, она демонстративно оглядела всех собравшихся.

— То, что случилось с Эстер, не случится со мной, — убежденно сказала она.

— А если случится? — спросила Зили, вдруг

зарыдав и потянув меня за руку, словно я могла предотвратить несчастье. Я ожидала, что все за столом будут настроены против меня, но тут Калла обхватила голову руками и принялась раскачиваться взад и вперед на своем стуле.

— Только не это, — со слезами на глазах сказала она. — Это не должно повториться.

Дафни же тихо сидела на своем месте и не пыталась ни пошутить, ни вставить язвительное словечко. Она смотрела прямо перед собой широко раскрытыми глазами, словно на нее неотвратимо надвигался грузовик.

Казалось, мы все уже отошли от смерти Эстер — настолько, насколько это было возможно, но теперь я видела, каким хрупким было обретенное было спокойствие. За столом усилился плач: мы словно сходили с ума.

— Никто не умрет, — сказал отец и позвал сестру Марш, которая тут же возникла рядом. Наверняка они с Доуви и миссис О'Коннор подслушивали за углом.

— Пожалуйста, уведите миссис Чэпел в ее комнату, — сказал он, и сиделка взяла Белинду под руку, помогая ей подняться. Белинда не проронила ни слова, но все знали, с кем связана эта моя вспышка.

Я хотела последовать за Белиндой, но отец приказал мне сесть на место. Я повиновалась. Дело было сделано, и мне оставалось только ждать наказания.

Розалинда тоже опустилась на стул, а Родерик встал сзади, положив руки ей на плечи — он хотел то ли успокоить ее, то ли удержать на месте. Казалось, он потрясен событиями этого вечера. Должно быть, праздники семьи Уайтли проходили беззаботно, шумно и весело, над тарелками со свиными ребрышками и за разговорами о лошадях и нефти.

— Дорогие, прошу вас, перестаньте, — сказал отец Калле и Зили: обе до сих пор были в слезах. — Никто не умрет.

— В прошлый раз все тоже так говорили, — сказала Калла. — Мы думали, что мама ведет себя как безумная, а оказалось, что она права. Мы ее не послушали, и Эстер умерла.

Отец не нашел что ответить, поэтому лишь посоветовал ей пойти наверх и прилечь, что она и сделала. Когда она ушла, отец повернулся ко мне.

— Айрис, скажи мне — это мама тебя надоумила?

Розалинда свирепо посмотрела на меня. Врать

было бесполезно, это я понимала: они и так знали правду, но признайся я, и Белинду снова ждет клиника.

— Айрис, отвечай.

Почувствовав себя загнанной в угол и совершенно опустошенной, я заплакала.

— Она ни в чем не виновата! — взмолилась я. — Не нужно ее никуда отправлять!

Родерик нагнулся и потерся щекой о щеку Розалинды.

— Увези меня отсюда, Родди, — сказала она. — Если я останусь в этом доме еще хоть на минуту, я закричу!

10

Родерик с Розалиндой ушли, и отец отослал нас наверх. Мы с Дафни и Зили пошли в нашу гостиную, где уже была Калла. Я не знала, собирается ли отец отправить Белинду в клинику — может, даже вместе со мной. Но мне уже было все равно. Внутри меня все онемело.

В гостиной царила атмосфера скорби. Я думала, что сестры отвернутся от меня, но казалось, что они мне верят — или верят Белинде, считая меня ее вестницей. Сама же я до конца не могла понять, что я думаю о предсказании, но сестры

были напуганы, а мне было достаточно того, что я могу прилечь на диван и при этом не чувствовать себя так, будто оказалась в зоне боевых действий.

Целый час они обсуждали случившееся за ужином.

— Мы что, правда *отравлены*? — спросила Зили.

— Конечно, нет, — ответила Дафни. — Розалинда говорила не буквально.

— Тогда что она имела в виду?

— Это о том, что передалось нам от мамы, — сказала Калла, которая сидела на полу, прижав к груди колени и обхватив их руками. — Наша родословная по материнской линии затянута вокруг наших шей, как ожерелье, да так, что мы не можем вздохнуть.

— Чего-о? — протянула обескураженная Зили.

Я не участвовала в разговоре — лишь подтвердила, что предсказание действительно шло от мамы, а добавить мне было нечего. В какой-то момент я вышла принять ванну — нужно было смыть с себя грязь и кровь, а потом укуталась в халат и снова свернулась калачиком на диване, слушая, как остальные обсуждают судьбу Розалинды.

Они явно собирались разговаривать об этом всю ночь. *«Никто из нас не сможет этого избежать»*, — сказала Калла, но тут открылась дверь, и на пороге возникла сама Розалинда, яростно сверкая глазами.

— Надеюсь, вы довольны собой, — сказала она, — особенно *ты*! — Она взглянула на меня и тут же презрительно отвернулась.

— Как хорошо, что ты вернулась домой, — с облегчением сказала Калла.

— Вообще-то я не вернулась, — ответила Розалин-да. — Мы сняли мне комнату в отеле «Крим», где я буду жить до свадьбы. Родди ждет меня на улице.

— Ты больше не хочешь с нами жить? — спросила Зили, явно уязвленная.

– *Нет, не хочу.*

— Но почему в отеле? Почему не остаться у Родди?

— Меня можно называть как угодно, но я точно не из *тех девушек*, — сказала Розалинда. — Если бы я только намекнула на это, он перестал бы меня уважать и правильно бы сделал.

— Тебе нельзя за него выходить, — взмолилась Калла. — Разве ты не понимаешь, что произойдет?

Розалинда оперлась рукой о спинку дивана. Было видно, что она пытается держать себя в руках — должно быть, Родерик снова ее предостерег, и даже в его отсутствие она повиновалась.

— Дафни, не могла бы ты ее образумить? У меня уже сил нет.

— Послушай, — сказала Дафни Розалинде, — может быть, действительно не стоит так торопиться?

— Даф! — вскричала Розалинда. — Только не говори мне, что *веришь маме*?

— Хотя бы поразмысли об этом, — ответила Дафни, пожав плечами и пытаясь казаться непринужденной.

— Да она безумна! — сказала Розалинда. Опять это слово, очень она любила его произносить.

— Но милая, ведь в прошлый раз она оказалась права. К чему вообще такая спешка? Это всего лишь мужчина в забавной шляпе. Разве тебе не хочется остаться здесь, с нами?

— Да я лучше *умру*, чем останусь здесь хоть на одну ночь! — Розалинда бросилась прочь из комнаты, и мы уже решили, что она уехала, но через несколько минут она вернулась с чемоданом и саквояжем, прошла к себе в спальню и принялась собирать вещи.

— На этой неделе один из кузенов Родди заедет за моим сундуком, — сказала она, когда мы вошли к ней. Она сгребла в саквояж косметику со своего туалетного столика, оставляя лишь ненужные ей духи и коробочки с пудрой. Затем, открыв на кровати чемодан, она принялась набивать его ночными сорочками и платьями, которые, казалось, хватала наугад. Все самое важное уже было сложено в сундук.

— Роз, — сказала Дафни, пытаясь привлечь ее внимание, но Розалинда металась по комнате, собирая нужные ей вещи. Она вытащила из шкафа единственную пару брюк, которая у нее была, и подняла их перед собой.

— Родди не любит, когда я ношу брюки, — сказала она и отшвырнула их в сторону.

— Мы же просто хотим помочь, — сказала Дафни.

— О да, вы *отлично помогаете*, — ответила Розалинда. — Я бы и на свадьбу вас не звала, гадкие вы девчонки, но так же нельзя, правда? Со стороны жениха — Родди и вся его семья, а с моей — только мы с отцом? И как это будет выглядеть? Хватит того, что у меня и матери, считайте, нет.

Она побросала в сумку свои украшения — охап-

ку спутанных цепочек и бус.

— Я вас предупреждаю: если вы *вздумаете* опозорить меня на свадьбе, я *никогда* больше с вами не заговорю. Понятно? На один-то день вы сможете притвориться нормальными?

— Мы боимся за тебя, — сказала Калла, потянув на себя чемодан, но Розалинда оттолкнула ее и дрожащими руками закрыла замки.

— Благодаря Родди я поняла, насколько в этом доме у всех мозги набекрень, — сказала Розалинда. — А наша мать никакая не прорицательница. Она просто ненавидит мужчин. Ей кажется, что все замужние женщины несчастны, как она сама, но это неправда, и ей не удастся помешать мне жить так, как я захочу.

Подняв с кровати чемодан и ящик с косметикой, она медленно огляделась: ее взгляд остановился на нас, потом на стенах спальни с их стены с розами, астрами и темнеющим лесом в углу.

— Что ж, — сказала она, словно собираясь с силами, и решительно вышла из комнаты.

— Ну нет же! — вскрикнула Калла. Она побежала за Розалиндой, и мы бросились вслед за ней. — Не уезжай! — взмолилась Калла. — Пожалуйста, останься!

Но Розалинда уже никого не слушала. С чемо-

данами в обеих руках, она застучала каблуками по паркету, стремительно удаляясь, словно опаздывала на поезд.

11

Когда на следующее утро мы спустились к завтраку, отец уже сидел во главе стола в своем коричневом костюме. В рабочие дни он обычно с нами не завтракал, поэтому всем стало ясно, что что-то случилось. Мы тихо вошли и сели за привычные места — Калла, Зили и я с одной стороны, Дафни — теперь одна — с другой. Никто не осмеливался заговорить.

— Калла, пересядь на другую сторону, — велел отец. Вероятно, отсутствие симметрии выводило его из равновесия.

Когда Калла села на место Розалинды, в столовую вошла миссис О'Коннор. Она поставила перед нами тарелки с треугольниками овощного пирога и апельсиновыми дольками. Ее лицо, никогда не отличавшееся особой теплотой, было напряжено. Привычными движениями она поставила тарелки перед нами — было видно, что ей не терпится вернуться на кухню.

— Где мама? — спросила я, занервничав.

— Айрис, ешь свой завтрак, — ответил отец,

и мы все взяли в руки вилки, чтобы не раздражать его.

Мы ели в тишине, а через какое-то время в дверь постучали. С наших мест было видно, как Доуви быстрой походкой пошла открывать, словно ожидала кого-то. Затем она направилась в сторону лестницы, а за ней последовали двое мужчин в костюмах. Я повернулась к отцу: он наблюдал за мной, готовый отреагировать на любую мою выходку. Но я понимала, что мое вмешательство бесполезно и что Белинде я помочь никак не могу. Как и Розалинда, она теперь была в руках судьбы.

Я принялась доедать пирог, притворяясь, что ничего не происходит. В тот день родилась моя привычка загонять боль глубоко внутрь, в непроглядную тьму. Я это делала и когда была совсем маленькой, но раньше этот процесс не был настолько осознанным и намеренным. С каждым куском пирога я проглатывала и уничтожала реальность, которая происходила с мамой. Я убеждала себя, что не виновата, что сделала все, что она просила, даже если у меня получилось не очень.

Через несколько минут в холл спустились Доуви, двое мужчин и сиделка, которая крепко

держала Белинду под руку. Мама не видела нас. Я услышала, как она еле слышно, сквозь наркотический туман, спросила: «Куда мы идем?» — но ей никто не ответил.

Дверь за ними закрылась, и все было кончено. Мы молчали, надеясь, что отец объяснит, почему маму снова отсылают из дома, но он ничего не сказал. Покончив с пирогом и кофе, он вытер рот салфеткой.

— Маму снова везут в «Ферн-холлоу»? — тоненьким голоском, больше похожим на писк, спросила Зили.

— Нет, — сказал отец. — Ее везут в санаторий Святого Обера, на побережье. Ей там понравится.

— А когда она вернется? — спросила Зили.

— Она не вернется, — сказал он.

И вот так мы окончательно лишились матери.

12

Про остаток недели рассказывать особо нечего. Мамы в доме не было. Розалинды тоже не было, и, какая бы судьба ее ни ждала, сюда она возвращаться не собиралась. Шла вторая неделя весенних каникул, погода стояла необычайно теплая и солнечная, но мы целые дни проводили дома, лежа на диванах и без особого энтузиазма

читая книги и журналы. Одна лишь Дафна пару раз выходила, чтобы встретиться с Вероникой. Мы находились в каком-то странном, подвешенном состоянии, словно героини последних страниц пьесы, чьи скудные реплики были записаны на старой пишущей машинке, в которой кончалась лента.

В день свадьбы, за завтраком, отец предупредил нас, что никакой «ерунды» не потерпит. Ближе к вечеру, когда откладывать эту задачу дальше было нельзя, мы принялись одеваться. Для нас были приготовлены одинаковые платья, выбранные Розалиндой в более радостные времена. Длинные, светло-розовые, того же оттенка, что и пасхальное платье Розалинды, платья были сшиты из атласа, с прозрачным верхним слоем и круглым вырезом, украшенным крошечными кристаллами. Ансамбль довершали длинные розовые перчатки.

Дафни быстро оделась и ушла в гостиную рисовать; ее короткие волосы требовали лишь нескольких взмахов расчески, а тратить время на макияж она никогда не любила. Мы с Каллой и Зили по очереди закололи друг другу волосы, молча, лишь иногда подсказывая что-то друг другу.

Вскоре прибыл автомобиль с шофером, чтобы отвезти нас в церковь; отец же поехал за Розалиндой в отель. Видимо, справляться со свадебным нарядом ей пришлось в одиночку, если только кто-нибудь из женщин семьи Родерика не предложил ей помощь. Что же получалось? Это Розалинда оставила нас — или мы ее? Как бы то ни было, мне было грустно, что в такой день она совсем одна.

Большинство гостей уже собрались в церкви — их количество было весьма скромным. Родерик пригласил лишь несколько близких родственников и друзей; большинство скамей пустовало, но именно такую свадьбу и хотела Розалинда. Никаких излишеств. Я боялась, что семья Родерика заявится в костюмах для родео, но они были настоящими «новыми англичанами»: чопорными и заурядными в своих твидовых костюмах и старомодных шляпках с искусственными цветами. Я заметила Адель и Питера Толлсо, которые когда-то представили нам Родерика и из-за которых мы все теперь неслись к потенциальной катастрофе. Не дав им возможности помахать мне, я отвернулась.

Молодая женщина — видимо, кузина Родерика — подвела нас к нашей скамье, и мы сели, ни с

кем не поздоровавшись. Родерик, в светло-голубом смокинге с обычными своими ковбойскими атрибутами — шляпой, галстуком-шнурком и сапогами, ждал невесту у входа в церковь. Он подошел к нам и сказал:

— Дамы, у вас такой вид, будто вас ждет пиратская казнь. — Стоя у нашей скамьи, он ожидал в ответ улыбок, которых не увидел. — Ну же, это важный день для вашей сестры, неужели вы не можете порадоваться за нее?

Ему казалось, что своими шуточками он сможет развеять наше траурное настроение, словно на нас всего лишь напала легкая хандра. Я подозревала, что Розалинда выдала ему более деликатную версию произошедшего с Эстер — внезапный грипп, не упомянув при этом предсмертный вой, разбитое стекло, наготу и растирание кровью. Должно быть, она передала ему слова доктора Грина, в которые тот сам не верил.

Пока Родерик что-то говорил, Зили взяла меня за руку и уставилась на витражное окно за алтарем: разноцветный калейдоскоп апостолов. Родерик стоял у нашей скамьи, как на дозоре, пока Дафни не сказала:

— Мы начнем притворяться, когда она приедет, хорошо, Род? — Правда, когда этот момент настал,

притвориться мы, конечно, не смогли.

По церкви пронесся легкий трепет, словно стая птиц поднялась в небо; мы повернулись и увидели Розалинду. Она стояла у входа, держа под руку отца. Мы поднялись, как и все остальные гости, кроме Каллы — она продолжала сидеть, согнувшись пополам и обхватив голову руками. Зили еще крепче сжала мою руку. Дафни проявляла чудеса сдержанности.

Церковный орган заиграл свадебный марш, и отец с Розалиндой двинулись вперед. Ее свадебное платье, которое мы видели впервые, походило на закрытый цветок лилии, перевернутый стеблем вверх. Лицо Розалинды было скрыто вуалью, и ее саму было не разглядеть. Она проплыла мимо, не обращая на нас внимания, устремив глаза на свой «билет на волю» — Родерика.

Отец передал невесту Родерику и опустился на переднюю скамью, где остался сидеть в одиночестве. Церемония продолжилась, но я почти ничего не воспринимала, кроме вцепившейся в мою руку Зили и тихо рыдающей Каллы. Дафни толкнула Каллу локтем и прошептала: «Перестань уже!» — но та никак не могла успокоиться, и вскоре все родственники Родерика, сидевшие

по другую сторону, стали оглядываться в поисках источника звука. Ее всхлипы никак не походили на слезы радости, и через какое-то время на нас стал поглядывать даже священник, но такое внимание лишь еще больше расстроило Каллу. Отец обернулся на нас, и тогда Дафни, реагируя на его взгляд, поднялась, взяла Каллу под руку и заставила ее встать. Они вышли на улицу, и церемония продолжилась. Розалинда ни разу не посмотрела назад.

После ухода Каллы плакать начала Зили — правда, беззвучно. Ее глаза полнились слезами, а в это время жених и невеста произносили свадебные клятвы и обменивались кольцами. Дафни и Калла на цыпочках прошли внутрь и сели как раз в тот момент, когда священник спросил, есть ли какие-либо возражения против этого союза. Некоторые гости из семьи Родериков повернулись к нам, но мы промолчали. Свои возражения мы уже высказали — только вот их проигнорировали.

— Представляю вам мистера и миссис Родерик Уайт-ли, — объявил священник, и Родерик нагнулся, чтобы поцеловать невесту. Гости встали со своих мест и принялись восторженно аплодировать.

– *Нет!* — вскричала Калла, но, кроме меня и сестер, ее никто не услышал.

13

Из церкви мы направились в отель — с тем же шофером. Всю дорогу Калла была безутешна, и недалеко от Беллфлауэра шоферу пришлось остановиться: Каллу вырвало на обочине; Дафни заботливо держала ей волосы. Мы с сестрами вели себя тихо: должно быть, все эмоции, которые мы в себе подавляли, нашли выход через Каллу.

В отеле, где Дафни провела столько времени, занимаясь неизвестно чем с Вероникой, я оказалась впервые. Это был реконструированный особняк начала XX века, ярко-желтый, с мансардными окнами и белыми колоннами по обе стороны от входа. Расположенный на побережье, он излучал великолепие, но при этом был притягательно старомоден. Теплый воздух, щедрое солнце на лазурном небе — как же хорошо, подумала я вопреки всему, что Розалинде выпал такой изумительный день.

У входа скопилась толпа гостей. Глубоко вдохнув морской воздух, я предалась мыслям о том, что проведу весь вечер здесь и не стану заходить внутрь, но поняла, что ни к чему себя обманы-

вать: одно неверное движение, и меня ждут большие неприятности.

В холле гостей приветствовали Вероника и ее родители. На Веронике и ее маме, такой же высокой брюнетке, были пурпурные платья, и их глубокий аметистовый оттенок казался чужеродным на фоне светлых весенних тонов, преобладавших среди гостей. Невероятно, но маму Вероники звали Серис[15] — Серис Крим, что звучало как название французского десерта. Отца же звали просто Сидни: толстые стекла очков, отвратительно кривые зубы, похожий на клюв нос. Должно быть, этот низкорослый человек обладал внушительным состоянием и сильной волей, раз сумел привлечь внимание такой женщины, как Серис. Он стоял между женой и дочерью, будто зажатый в тисках, — они возвышались над ним пурпурными фламинго.

Увидев Дафни, Вероника весело помахала ей рукой. Она выглядела более юной, чем тогда, под вишнями. Сегодня она играла роль послушной дочери — то, насколько хорошо ей удается менять маски, я заметила еще по рисункам Дафни. После всего, что я видела и что почувствовала

---

[15] Сноски: 15
Cerise *(англ.)* — светло-вишневый.

к Веронике, находиться с ней рядом было невыносимо, и я была рада, когда миссис Крим указала нам на лифт — наверху нас ожидал фотограф. Все остальные гости направились в гостиную на коктейли.

На последнем этаже мы отыскали номер люкс с красивой надписью «для новобрачных» над дверью. Роде-рик с Розалиндой уже позировали для фотографий на фоне темно-серой драпировки: Розалинда сидела на стуле, а Родерик стоял позади нее. В руках она держала изящный элегантный букет красных роз, основу ее имени, запретный цветок.

Это был просторный номер с балконом и видом на океан. Сестры вышли на балкон, а мне захотелось осмотреться, и я через холл направилась в спальню. Дверь была открыта: сквозь проем я увидела кровать с балдахином из темного дерева, кружевное покрывало на которой, казалось, было сшито из свадебного платья, оставленного здесь предыдущей невестой. Вся кровать была усыпана лепестками роз.

— Пойдем же, нас ждут, — раздался сзади женский голос, и чья-то рука потянулась закрыть дверь, словно кровать с лепестками — непригодное для меня зрелище. Мать Родерика, одетая

в элегантную юбку и жакет серебристо-серого цвета, отвела меня в гостиную, где место позади Розалинды уже заняли мои сестры. Я встала рядом, и фотограф принялся за работу — он несколько раз просил нас поменяться местами, пока не нашел удовлетворяющую его композицию; наш отец наблюдал за этим со стороны.

— А теперь улыбнитесь, — сказал фотограф, и каким-то образом нам это удалось.

После фотосессии мы с сестрами спустились вниз. Розалинда ни разу с нами не заговорила и вообще никак на нас не отреагировала. Она играла роль безумно счастливой невесты — должно быть, это ей давалось нелегко.

Все окна зала выходили на пролив Лонг-Айленд, который мерцал и переливался в своем предвечернем великолепии. Столы были расставлены так, чтобы в центре комнаты оставалось место для танцев. Ансамбль-квартет развлекал своей музыкой гостей, курсировавших между гостиной и террасой с бокалами в руках. Все столы были покрыты белоснежными скатертями, и на каждом красовалась композиция из роз.

Зили нашла наш стол и помахала нам рукой. К счастью, за ним должны были сидеть только мы, о чем сообщали четыре карточки с нашими

именами, написанными каллиграфией. Прямо за нашим столом открывался восхитительный вид на пролив, но Калла села спиной к окну и за весь вечер ни разу не покинула своего места.

Раздались аплодисменты: в комнату вошли Розалинда и Родерик. Солнце уже садилось, и молодожены купались в отсветах лимонно-абрикосового неба. Они медленно прошли по комнате, рука об руку, принимая поздравления от немногочисленных гостей. Нашу компанию они как-то незаметно обошли, а затем заняли свои места за основным столом, где уже сидели родители Родерика и наш отец.

— Она нас ненавидит, — сказала Дафни, стягивая розовые перчатки и бросая их на стол. Мы с Зили повторили за ней, а Калла осталась в перчатках — и в дурном расположении духа. Официанты начали выносить блюда, и, когда перед нами поставили салат-коктейль с креветками, Дафни сказала: «Что ж, раз так, нужно хотя бы получить удовольствие» и принялась с аппетитом его поедать.

На столе появлялись все новые блюда, свидетельствовавшие об утонченном вкусе Розалинды: суп из белой спаржи, феттучини с лимонно-сливочным соусом и отбивные из молодой баранины

с пюре. Калла не ела ничего, Дафни ела все, мы с Зили откусывали от всего по чуть-чуть.

После ужина начались танцы. Мы с сестрами остались сидеть, наблюдая за происходящим. Розалинда порхала по комнате — она прошлась в танце с Родериком, потом с нашим отцом, потом с отцом и братьями Родерика. Каждый раз, когда я пыталась отыскать ее глазами, она была в объятьях кого-то из мужчин, увлекаемая прочь по сосновому паркету. Она решительно, с каким-то неистовым ликованием и словно позабыв обо всем, нырнула в замужнюю жизнь. Она все время говорила, что наша мать безумна, и было понятно, что она действительно в это верит.

Я же в тот вечер заставила себя жить одним моментом, не задумываясь о том, что нас ждет. Моим мыслям не разрешалось заглядывать вперед даже на секунду — у меня не было ни сил для этого, ни адреналина для соответствующей паники. Оцепенение оказывало на меня весьма умиротворяющий эффект — мне стоило погрузиться в него раньше.

В какой-то момент я пошла за тортом для сестер, и мимо меня пронеслась Розалинда с целой группой танцоров. Ансамбль ушел на перерыв, и из проигрывателя гремела какая-то техасская

песня, которую Родерик и его семья, кажется, хорошо знали. Гости кричали все громче, раздалось несколько возгласов «йуу-хуу!». Я прошла совсем рядом с Розалиндой, но она не обратила на меня никакого внимания — на свою родную сестру, на ту, которая стала Призраком Загубленных Свадеб.

Позднее, когда мы ели лимонный торт с бузиной, к нашему столу подошла Адель Толлсо. Представляю, как мы выглядели со стороны — сестры невесты, словно приковавшие себя к столу, и каждая — мрачнее тучи. Странное поведение, даже для Чэпелов.

— Как у вас дела, девочки? — спросила она, слегка пошатываясь. Судя по всему, бокал шампанского в ее руке был далеко не первым.

— Бывало лучше, Адель, — сказала Дафни, одним глотком опустошив свой бокал — к слову, шампанское ей пить не разрешалось.

— Я понимаю, вы не любите свадьбы, — сказала Адель. — Но почему бы вам не посмотреть на это глазами Розалинды? Ведь сегодня самый счастливый день в ее жизни. Неужели вам трудно ненадолго притвориться ради нее?

— Она нас слишком хорошо знает, — сказала Дафни. Адель вяло улыбнулась, не размыкая губ,

кивнула нам и направилась к бару за новым бокалом шампанского.

Но визиты к нашему столу на этом не закончились.

Вскоре к нам подошел Родерик в компании своего приятеля, оба с янтарными бутылками пива в руках.

— Познакомься, это сестры моей жены, — сказал Родерик, похлопав друга по спине. — Такое впечатление, что на рассвете их ждет виселица, правда?

Друг Родерика неуверенно усмехнулся, не зная, как себя вести.

— А это Тедди Вэндивер, — сказал Родерик. — Мы вместе учились в Йеле. Вы, наверное, слышали о нем?

— А должны были? — спросила Дафни, сдвигая нетронутый кусок торта с тарелки Каллы на свою.

— Он капитан йельской футбольной команды! Местная легенда! — сказал Родерик, но Дафни лишь пожала плечами. — Они редко выходят из дома, Тед, — шепнул Родерик другу, достаточно громко, чтобы мы услышали.

Тедди был крепким и рослым, почти одного роста с Родериком — казалось, что его футбольные

щитки до сих пор на нем. Одет он был в серый костюм, а на желтом галстуке сверкала латунная застежка в форме вытянутого футбольного мяча. Короткие рыжеватые волосы были промаслены и зачесаны назад; на приплюснутом лице проступали веснушки. Огромный, как и Родерик, он сиял, будто отполированная монета.

Родерик принялся рассказывать историю предыдущего вечера: они с кузенами, Тедди и еще парочкой друзей взяли винтовки Чэпела и поехали на полигон. «В честь невесты и ее семьи», — сказал он, описывая эту импровизированную холостяцкую вечеринку. Тедди, по словам Родерика, постоянно промахивался мимо цели: «Эта молодежь совершенно избалована! Им явно никогда не приходилось сражаться за свою жизнь».

Тедди покраснел, и Родерик поспешил исправиться:

— Но вы бы видели, как он управляется с футбольным мячом! — сказал он, проглотил остаток пива и поставил бутылку на наш стол. — Не унывайте, девчонки! — добавил он несколько фальшивым тоном, а затем удалился. Тедди же сел на место Зили — она как раз отправилась в дамскую комнату.

— Как насчет потанцевать? — спросил Тедди Каллу, и Дафни рассмеялась. Калла в тот вечер совсем не выглядела готовой к подобным предложениям.

— Нет, спасибо, — ответила Калла. Это были ее первые слова после приезда в отель.

— Как вас зовут?

— Ее зовут Калла, — сказала Дафни. Тедди призадумался.

— В смысле, как лилия калла?

— Так точно, — сказала Дафни. — Мало того что капитан, так еще и умен!

— Розалинда, Калла… — размышлял Тедди. — Вас что, назвали в честь цветов?

— Именно, — сказала Дафни.

— Так что же, Лилия Калла, отчего вы не хотите потанцевать? Я неплохо танцую, уверяю вас.

— Мне просто не хочется.

— Почему? — Тедди искренне удивился — видимо, ему редко приходилось слышать отказы.

Мимо пронеслась Розалинда, и Калла проводила ее взглядом.

— Потому что миру скоро придет конец, — сказала она, не уточняя, что она имеет в виду *наш* мир, а не мир *в целом*.

Тедди отхлебнул пива.

— А вы не очень-то веселая, да? Что ж, это не страшно. Мне нравятся мрачные девушки. Чирлидерши не для меня.

— Она же сказала, что не хочет, вы не слышали? — вставила Дафни, слизывая глазурь со своей вилки. — Вот и до свидания.

Тедди поморщился, словно его окатили холодной водой, неловко поднялся и отправился прочь. Дафни вскоре тоже сбежала — схватив еще один бокал шампанского с подноса официанта, она вышла из зала — вероятно, чтобы найти Веронику. Мы с Каллой остались за столом одни.

Когда к нашему столу подошел еще один мужчина, чтобы пригласить Каллу на танец, я очень удивилась. Калла всегда оставалась в тени Эстер и Розалинды: мужчины прежде всего замечали их и никогда — ее. Но сегодня она была одной из немногих женщин на свадьбе, не состоящих в родстве с Уайтли, к тому же теперь, после замужества Розалинды, Калла вышла на передний план. Мне казалось, что это ей не понравится: больше не за кем прятаться.

— Она не очень хорошо себя чувствует, — ответила я очередному кузену Родерика в твидовом костюме, который к тому же для Каллы был явно староват.

— Очень жаль, — сказал он, и тут в его глазах промелькнуло узнавание. — А, так это она плакала во время церемонии? — Он говорил так, будто только что увидел звезду экрана. — Что ж, я бы тоже заплакал, если бы моя сестра выходила замуж за Родерика, — заявил он и, посмеиваясь, отошел от нашего стола.

Тедди Вэндивер, танцевавший с одной из кузин Родерика — пышной женщиной в обтягивающем зеленом платье, — при каждом удобном случае бросал взгляды на Каллу; было видно, что она почему-то запала ему в душу. Когда танец закончился, он снова подошел к нашему столу — должно быть, в отсутствие Дафни это показалось ему безопасным.

— Я совсем забыл спросить, — сказал Тедди, взяв бокал с подноса проходившего мимо официанта. — В следующую субботу у нас будет Весенний бал. Знаете, что это?

Калла молчала, и мне стало жаль Тедди — он стоял у стола, надеясь услышать ответ, и выглядел при этом довольно глупо, ведь отвечать Калла не собиралась.

— Нет, не знаем, — сказала я, тем самым бросив ему спасательный круг.

— Это танцы в Йеле, в следующую суббо-

ту, — сказал он и тут же добавил: — Это через неделю. — Как будто мы не знали, какой сегодня день и не внесли свадьбу родной сестры в свой календарь. — Я недавно расстался с девушкой, так что, если вы хотите пойти, я вас приглашаю, — обратился он Калле.

Я не очень разбиралась в поведении мужчин, но мне показалось, что Тедди нравилось, когда ему бросают вызов. Калла никак не реагировала на его авансы, а он все не оставлял попыток привлечь ее внимание. Американский футбол — жестокий спорт; возможно, Тедди любил, когда ему причиняли боль.

— Я знаю, что вы еще учитесь в школе, — сказал Тедди и пожал плечами, — но мне всего двадцать один, и вы кажетесь мне интереснее, чем девушки, с которыми я общаюсь.

Было не очень понятно, слышит ли его вообще Калла — порой она смотрела как будто сквозь людей. Сейчас же она вновь следила взглядом за Розалиндой, танцевавшей со своим свекром.

— Она вам сообщит, — сказала я, изо всех сил желая, чтобы этот утомительный разговор наконец завершился.

— Хорошо, — улыбнулся мне Тедди. — Я живу в кампусе Робертс-хаус. Она может позвонить

туда, меня позовут.

— Конечно, — сказала я, озадаченная его оптимизмом.

Вскоре вернулась Зили.

— Опять Тедди приходил? — спросила она, закатив глаза. Я надеялась, что, когда она погрузится в атмосферу музыки и танцев, когда увидит изысканную еду, платья принцесс и ошеломительных мужчин, она забудет о предсказанных нам ужасах, но ее страх никуда не делся.

— Давайте пойдем домой? — спросила она.

— Да, *пожалуйста*, — сказала Калла. — Наш шофер еще здесь?

Я вызвалась пойти на улицу и найти шофера, мне тоже не терпелось покинуть это место — я и приезжать-то сюда не хотела. Пробираясь мимо танцующих гостей, я заметила отца, который сидел за отведенным ему столом, погруженный в беседу с матерью Родерика. Он бы и не заметил, если бы мы сбежали.

Я не осознавала, как душно было в зале, пока не оставила позади жар людских тел и запахи духов, жареного мяса и пота. На побережье было темно, прохладно и очень тихо — был слышен лишь плеск океанских волн.

— Все в порядке, милая? — спросила миссис

Крим, которая вышла из отеля следом за мной.

— Мы с сестрами хотели бы поехать домой. Вы не знаете, где наш автомобиль?

Круг подъездной аллеи был заставлен пустыми машинами — водителей нигде не было видно.

Миссис Крим ушла в отель искать нашего шофера, а я решила пока прогуляться по побережью. Когда каменная набережная кончилась, я сняла туфли и пошла по песку к воде, которая в темноте казалась черной, как нефть. Мы жили не так уж далеко от океана, но приезжали в такие места очень редко; в будущем, с получением водительских прав, я собиралась это изменить.

Мои ноги, обтянутые колготками, тонули в мягком песке. Окна основного зала отбрасывали достаточно света, так что я видела, куда иду. В какой-то момент слева, в тени террасы, я заметила две фигуры. Остановившись, я пригляделась и смогла различить два платья — пурпурное и розовое. Вероника и Дафни. Они слились в тесном объятии — Вероника спиной к стене, Дафни — лицом к ней. Шум волн заглушал все остальные звуки, но я видела, что они целуются, жадно, ненасытно, с широко раскрытыми ртами. Несколько мгновений я наблюдала за ними, пока мое сердце трепетало где-то в животе, а потом

пошла дальше, чтобы не выдать себя.

У воды я перевела дух и направилась к ведущей на террасу лестнице, оставив Дафни с Вероникой внизу. В зале отеля продолжались танцы — через окно я увидела Розалинду и Родерика, отплясывавших что-то вдвоем; остальные гости отошли, чтобы дать им место. Музыка, смех и голоса были приглушены и сливались с ревом океана.

Ансамбль играл что-то джазовое и ритмичное; Родерик крутил Розалинду в танце так быстро, что вместо нее был виден лишь белый водоворот ее свадебного платья, похожий на песчаный вихрь — такие наверняка встречаются в техасской прерии.

Завершив последний пируэт, Розалинда рухнула в объятия Родерика: она тяжело дышала, но вид у нее был сияющий. Она опустила голову ему на грудь, а он поцеловал ее в макушку и зарылся лицом в ее волосы. Гости аплодировали и свистели, а они все стояли в центре зала. Выражение лица Розалинды я никогда не забуду: глаза закрыты, словно она хочет впитать этот момент, надышаться любовью, которая наполняла ее светом и окутывала теплом с головы до ног. В тот субботний вечер сбылась ее мечта, и она чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете.

Во вторник она уже лежала в могиле.

Калла и Дафни
1951

1

Калла умоляла меня поехать с ней в Нью-Йорк. То есть сначала она хотела, чтобы мы все поехали — Дафни, Зили и я, иными словами, «все, кто остался». Но Дафни заболела, а Зили постоянно плакала и почти все время проводила в постели или на кухне, где миссис О'Коннор и Доуви суетились вокруг нее с печеньями и какао. Зили нуждалась в этом — горячее питье, объятия, суматоха… В нашей семье не осталось взрослых женщин, и она искала материнскую заботу, где только могла.

В итоге в Нью-Йорк с Каллой поехала только я. Ей нужно было купить платье для Весеннего бала: в последний момент она все-таки приняла приглашение Тедди Вэндивера. Зачем она согласилась, я не понимала. Мало того что она вообще никогда не ходила на свидания, так еще и после похорон Розалинды прошло всего несколько дней.

Но Калла настаивала, как настояла она и на

поездке в Нью-Йорк.

— Я хочу почувствовать Нью-Йорк внутри себя, — сказала она, пока мы стояли на платформе; погода испортилась, и мы обе дрожали от холода и ветра. — Хочу ощутить пульс города в своем сердце. Чувствовать ритм Нью-Йорка — значит чувствовать себя *живой*.

Калла и в лучшие времена периодически несла чушь, а теперь я и вовсе не понимала, что она хочет сказать. В моем сердце еще не утихла боль от потери Розалинды, и бежать в Нью-Йорк, только чтобы почувствовать себя *живой,* — это казалось мне бессердечным. После смерти Эстер мы несколько месяцев не выходили из дома и сейчас должны были сделать то же самое ради Розалинды — она заслуживала хотя бы этого.

Я хотела было отказаться, но было видно, что Калла нуждается во мне и что она поедет в любом случае. Она была не в себе — мы все были не в себе, причем, видимо, надолго, и мне тут же представилось, как она блуждает в лабиринте улиц, растерянно шагает с тротуара прямо под колеса такси или проваливается в вентиляционный колодец. Поэтому я надела чулки, застегнула плащ и пошла за Каллой — до Гринвича мы доехали на автомобиле, хотя водительских прав у нее

еще не было. Когда подошел поезд, утренние пассажиры — в основном мужчины — поспешили в вагоны, и мы с Каллой на какое-то время потеряли друг друга из виду. В поезде мы все-таки смогли сесть рядом; когда он отъезжал от платформы, в окна хлестал дождь.

Я надеялась, что от Центрального вокзала Нью-Йорка мы возьмем такси, но Калла настояла на том, чтобы пойти пешком — семнадцать кварталов, в моросящий дождь. Бесконечный круговорот людей и автомобилей придавал ей сил, и казалось, что она полна жизни, как героиня мюзикла, как Джуди Гарленд в «Пасхальном параде», на который мы ходили в кино.

Она шла передо мной, сверкая подолом лавандового платья под плащом. Над головой она несла зонтик, с которым Белинда раньше работала в саду — розовый, тот самый, который всегда ассоциировался у меня с георгином. Это было единственное цветное пятно на серой улице, и я покорно следовала за ним. Квартал за кварталом, утомленные, промокшие, мы шли вперед, протискиваясь сквозь толпу. Звуки города врывались мне в уши — для моего тогдашнего состояния это было невыносимо. Я мечтала оказаться в своей спальне или на кухне с Зили и чашкой какао

в руках.

Когда наконец впереди показался фасад универмага «Блумингдейл», я вздохнула с облегчением. В фойе мы попытались стряхнуть с себя капли дождя, но это было бесполезно — мы промокли насквозь. Сдав плащи и зонтик в гардероб, необремененные больше ничем, кроме нашего горя, мы отправились искать Калле все то, что ей было нужно для танцев.

Осмотр первого этажа занял целую вечность. Мы шли от одного отдела косметики к другому мимо бесконечных островков помад, пудры и духов. Я плелась позади, как несчастный ребенок за матерью. Продавщицы распыляли на нас духи прямо на ходу, а потом Калла остановилась у прилавка с помадой и перепробовала несколько тонов — от светло-розовой до ярко-красной. Стирая очередной слой салфеткой, она говорила: «Нет, это не мое». Осмотрев прилавки «Элена Рубинштейн», «Эсте Лаудер» и «Ланком», она подошла к стойке «Элизабет Арден», где ее, равно как и мое, внимание тут же привлек косметический набор «Поцелуи при луне». Это была небольшая коробочка серебряного бархата с защелкивающейся крышкой, в которой под тонкой жемчужной бумагой скрывались настоящие

сокровища: компактная пудра в форме звезды, миниатюрная бутылочка духов «Ивнинг эклипс», сверкающий тюбик помады «Арден пинк», упакованные в стеклянную коробочку тени для глаз «Млечный путь» с блестками и заколка, украшенная лунным камнем.

— Мы возьмем две, — сказала Калла, доставая из сумочки чековую книжку, очень похожую на ту, которую Доуви хранила в ящичке на кухне для покупки продуктов.

С утра мы не завтракали, поэтому сразу отправились в кафе на последнем этаже, где заказали чай «Эрл грей» и кофейный пирог. Присев за столик у окна с видом на два небоскреба, терявшихся в облачной дымке, мы завтракали в окружении домохозяек, беседовавших за кофе с булочками. Калла быстро поела и уставилась в окно, завороженная облаками. Мне подумалось, что так, наверное, люди видят небо через иллюминатор самолета, хотя на самолетах я никогда не летала.

— Так, наверное, выглядит рай? — спросила Калла, не поворачиваясь от окна. На ее запястьях виднелись следы от порезов, которые она нанесла себе после похорон Розалинды и теперь даже не пыталась спрятать за длинными рукавами или повязками.

— Не знаю, — сказала я, притворяясь, что не заметила, как она утерла глаза салфеткой. Не представляю, что бы я делала, случись с ней один из ее припадков, которым она была подвержена дома, но все равно я была рада, что поехала с ней.

— Мне кажется, рай вообще выглядит по-другому — совсем не так, как мы думаем, — сказала она, опуская чашку. Открыв сумочку, она выудила оттуда золотую пудреницу в форме морской раковины.

— У Шелли есть поэма, написанная от лица облака, — сказала она, припудривая нос. — «Я вздымаюсь из пор океана и гор, // Жизнь дают мне земля и вода. // Постоянства не знаю, вечно облик меняю, // Зато не умру никогда»[16]. — Она защелкнула пудреницу. — Очень мило, правда? — сказала она, улыбаясь.

— Да, — ответила я, радуясь, что ее меланхолия на какое-то время отступила.

— Ты готова? Я хочу посмотреть платья, — сказала она.

На четвертом этаже, в отделе одежды для девушек, мы нашли вывеску *«Все для бала»* и тут же

---

[16] Сноски: 16
П. Б. Шелли. Облако. Перевод В. Левика.

погрузились в царство блесток, бисера и страз, тафты, тюля и бархата, от бледно-розового до бирюзового и алого. Калла усадила меня на стул у примерочных комнат, вручила мне свою сумочку и сказала, чтобы я отдыхала. Затем в течение часа она примеряла платья, которые приносила ей продавщица, а я сидела напротив, смотрела на ее ноги, то появлявшиеся, то исчезавшие под очередным подолом, и пыталась не заплакать, вспоминая Розалинду. Какие-то платья она сразу отвергла, а насчет остальных советовалась со мной. Нравится ли мне это кремовое платье с гирляндой цветов вокруг шеи? Нет, не нравится. А вон то, сапфировое, с блестящим лифом и юбкой, которой позавидовала бы балерина? Тоже нет. Да, платье красивое, но слишком яркое для нее. Среди моих старших сестер Калла никогда особенно не выделялась. Она была выше и тоньше остальных, но при этом на фоне других ее совсем не было заметно. У нее было симпатичное, но простое лицо и плавные, но не слишком грациозные движения, а в ней самой была некоторая странность, что тоже не притягивало к ней людей. Много лет спустя я увидела портрет сестер Бронте — Шарлотты, Эмили и Энн, написанный их братом Бренуэллом. Сам он изначально то-

же был на картине, но потом стер себя, оставив лишь блеклый силуэт. Темноволосые, белокожие сестры Бронте напомнили мне Эстер, Розалинду и Дафни: каждая была выразительной, убедительной, исключительной. Калла же походила на тот блеклый силуэт — словно на самом деле ее и не было, словно она хотела раствориться в тенях сестер.

Я смотрела, как она раз за разом выходит из примерочной, нервно заправляя за уши прядки своей прически «под пажа».

— А это тебе нравится, Айрис? — спросила она, появившись в платье до колен, выполненном из шелковой тафты двух оттенков зеленого. Платье было без рукавов; вниз от талии, поверх темно-зеленой юбки, спускались слои сетчатой ткани более светлого тона. Это было настоящее летнее платье, и Калла в нем выглядела как фея из *«Сна в летнюю ночь»*.

— Ты просто красавица, — сказала я, ни капли не приврав.

Уложив платье в коробку, продавщица перевязала ее лентой и отдала мне. Я понесла ее вместе с остальными пакетами на другой этаж, где Калла выбрала себе нейлоновые чулки и бюстгальтер без бретелек от «Питера Пэна». Благодаря

его конусообразным чашечкам «мэджикапс» ее грудь должна была приобрести так популярную тогда форму пули. Еще она купила сумочку цвета «мерцающее серебро» и задержалась у ювелирного прилавка, где примерила серебряное кольцо с лунным камнем, подходившее к заколке.

— Классное кольцо, вам очень идет, — сказала продавщица, любуясь длинными, изящными пальцами Каллы. Калла купила и его, и серебряные серьги-кольца.

В отделе обуви она снова усадила меня на стул и перемерила почти весь ассортимент, остановившись в итоге на паре серебристых туфель без задника. Заплатив за покупку, она утомленно рухнула рядом со мной. Ходить по магазинам она никогда не любила, и я не могла понять, чем Тедди Вэндивер заслужил все это — и почему она вообще приняла его приглашение. Было в этом что-то… неправильное.

Мы уже сидели в такси и направлялись обратно к вокзалу, но оказалось, что Калла еще не готова возвращаться домой. Увидев что-то в окне, когда мы почти доехали до станции, она попросила водителя остановиться. Дождь перестал, и мы с Каллой вышли на улицу, нагруженные коробками и пакетами.

— Давай пообедаем, — сказала она, толкнув дверь ресторана «Ллевелин» на Парк-авеню.

Внутри все было из каштанового дерева — панели на стенах, кабинки и столы, барная стойка с орнаментом и рядами разноцветных бутылок, которая вполне могла бы оказаться на каком-нибудь шикарном лайнере, плывущем в Европу. Окна были витражными, и, несмотря на свисавшие с потолка люстры, в помещении было очень темно, почти как в пещере. За каждым столиком сидели мужчины в костюмах, которые курили, поедали стейки и пили виски — видимо, мужчины того же сорта, что встретились нам на платформе тем утром. Пока их жены гладили белье и меняли подгузники, они проводили время здесь; мне даже показалось, что мы заявились в какой-то частный клуб. Пока мы шли за официантом в дальний угол зала, все глазели на нас: на двух девушек, которые почему-то были не в школе.

— Может, лучше домой поедем? — прошептала я, когда мы садились в кабинку в задней части ресторана. Официант оставил нас осмотреться.

— Глупости, — ответила Калла. — Давай хоть разок сделаем что-то для себя. К тому же мы так редко проводим время вместе.

Официант принес меню и поинтересовался у Каллы, нужна ли ей винная карта. Вряд ли он думал, что ей уже разрешено покупать алкоголь, но этот симпатичный молодой человек — я решила, что он наверняка какой-нибудь начинающий бродвейский актер, — был явно сражен тем, как Калла играла роль гораздо более старшей женщины.

Она взглянула на меню, словно делала это ежедневно, и, когда он вернулся, уже была готова сделать заказ.

— Я буду коктейль, — заявила она, быстро просматривая меню еще раз. — «Американская красавица».

Через несколько минут он принес ей «Американскую красавицу», а мне — «Ширли Темпл». Оба напитка были ярко-красными, с гренадином; мой бокал был украшен ягодкой засахаренной вишни, а напиток Каллы — красным лепестком розы, что смотрелось еще элегантнее. Лепесток она вынимать не стала, и каждый раз, когда она делала глоток, он приплывал к ее верхней губе.

Вместе с напитками официант принес небольшой багет на деревянной доске и серебряное блюдце со взбитым сливочным маслом. Калла отломила большой кусок хлеба, густо намазала

его маслом и отправила в рот. Как и Белинда, дома она всегда ела мало, по-птичьи. Но в тот день ее словно подменили — теперь она вдруг была настоящей городской женщиной. Не будь у нас траура, это даже было бы занятно.

Официант подошел принять наш заказ, и Калла пустилась во все тяжкие, заказав салат с сыром рокфор, говяжьи ребрышки в соусе с хреном, запеченный картофель «Айдахо» с дополнительной порцией масла и свежую спаржу.

— Это вам на двоих? — спросил официант. При взгляде на Каллу трудно было понять, что она собирается делать со всеми этими блюдами.

— Нет, — сказала Калла, доставая из сумочки пачку «Лаки страйк». — Моя сестра закажет, что захочет.

Всю неделю я ела очень мало и однообразно. Я бы не осилила подобное пиршество, поэтому из раздела *«Выбор девушек»* заказала помидоры, фаршированные курицей. Официант поднес Калле зажигалку и удалился.

— Дафни будет в ярости, когда обнаружит, что я их взяла, — сказала она, выпустив в мою сторону облако дыма. Машина, чековая книжка, сигареты — интересно, как Калла собиралась объяснять все это, когда мы вернемся домой.

И тут я подумала — а вдруг она вообще не собирается возвращаться? Скажет мне сейчас, что идет в уборную, а сама выскользнет из ресторана и возьмет такси до аэропорта. Что ж, я бы даже не стала ее осуждать. Жизнь в нашем доме становилась все более невыносимой — две сестры мертвы, мама в сумасшедшем доме.

Когда принесли еду, она практически накинулась на нее — я никогда не видела, чтобы она так ела. Она опускала куски слабо прожаренного мяса в соус и с аппетитом их поглощала. Разделавшись с мясом, картошкой и спаржей, она допила свой коктейль и зажгла еще одну сигарету. Наверное, это горе так ее изменило, выбило из привычной колеи. Я же за это время смогла съесть лишь половинку помидора — мой желудок был словно сжат тисками.

Пока я ела, Калла смотрела на меня и курила. Какое-то время мы молчали. Она и раньше не была особо разговорчивой, предпочитая смотреть и слушать, читать и писать, и я не знала, о чем с ней разговаривать.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? — наконец спросила она.

Я молчала — раньше меня о таком не спрашивали. Я и не знала, что такие вопросы бывают.

— Ты бы выбрала семью или карьеру? — уточнила Калла. — В жизни можно преуспеть либо в одном, либо в другом.

— Карьеру, — сказала я, и она одобрительно улыбнулась. И года не прошло, а в нашей семье брак уже стал запретной темой.

— Это хорошо. Семью заводить небезопасно.

— Я хочу стать художницей, — сказала я и вдруг поняла, что этот разговор начинает мне нравиться. Мысли о своем будущем я впервые произнесла вслух. Вопрос Каллы заставил меня задуматься о том, что моя жизнь может быть совсем другой, и, если мне суждено кем-то стать, я бы предпочла стать художницей. На своих занятиях по искусству или истории западной цивилизации я никогда не видела картин, написанных женщинами, но я была уверена, что они существуют.

— Вы с Дафни в этом похожи, — сказала Калла, и мне стало интересно, заглядывала ли она когда-нибудь в ее альбом для рисования.

Официант унес наши тарелки и вскоре принес два куска пирога с ревенем, а в центр стола поставил кувшинчик с теплым заварным кремом. Я полила кремом свой кусок, а Калла щедро окатила свой, опустошив кувшин.

— Обещай мне, что станешь художницей, —

сказала она, зачерпывая ложкой смесь пирога с кремом. Отправив ложку в рот, она прикрыла глаза, чтобы насладиться вкусом. — Это непросто, но я надеюсь, что к тому времени, когда ты повзрослеешь, что-нибудь изменится.

Я не имела ни малейшего представления о том, как живут художники, — в моей голове был лишь образ Микеланджело, Сикстинской капеллы и строительных лесов, но мысль о том, что я смогу вести жизнь художницы, меня захватила.

— Обещаешь? — спросила она. — Я хочу знать, что ты пойдешь этим путем.

Мне бы тогда понять, каким странным был тот вопрос и почему вообще он был так важен для нее. Но я подумала об этом гораздо позже, когда ничего уже нельзя было изменить.

— Обещаю, — сказала я.

2

Дни, предшествовавшие этому вечеру, были наполнены ужасом. Я не буду подробно останавливаться на том, как мы потеряли Розалинду, — достаточно сказать, что она ушла практически так же, как и Эстер. Розалин-да поклялась, что никогда к нам не вернется, но в конце все хотят быть ближе к маме, и наш дом подходил для этой

роли лучше всего — утроба «свадебного торта».

На следующее утро после свадьбы Родерик привез ее к нам. Он помог ей выбраться из машины, и, пока они шли к входной двери, Розалинда не отрываясь смотрела на нас. Это были ее последние минуты просветления, и было совершенно ясно, что она знает, что с ней происходит. Мы были правы, а она нас не послушала — и теперь было слишком поздно. Ей осталось лишь признать поражение.

Все кончилось гораздо быстрее, чем тогда с Эстер. Мы едва успели отвести ее наверх и уложить в кровать, как все и произошло: крики, смех, завывание. В последние мгновения своей жизни Розалинда схватила стул и кинула его в то же окно, которое Эстер тогда разбила кулаком, а потом высунулась из него и легла на стекло, разрезав себе живот. Было очень много крови, просто невероятное количество, гораздо больше, чем оставила Эстер, — Розалинда всегда была склонна к излишней драме.

Родерик упал в обморок. Когда приехал доктор Грин, ему пришлось сначала осмотреть Родерика и только потом — Розалинду, которой помощь уже была не нужна. Как и в прошлый раз, пользы от доктора Грина не было никакой. Отец снова

отказался от вскрытия, и причиной смерти записали «грипп». Мне казалось, что смерть двух молодых женщин от гриппа в течение девяти месяцев, да еще с такими странными симптомами, не должна была укладываться в обычную статистику, но нашу семью все считали странной, и, по всей видимости, в аргументации доктора Грина этот фактор сыграл не последнюю роль. Вряд ли он думал, что они обе умерли от гриппа, но лишних вопросов задавать не стал — вероятно предполагая, что до причин не докопаться. У нашей мамы «с головой было не все в порядке», и в допущении, что с ее детьми тоже что-то не так, не было ничего удивительного. Науке неизвестно, объяснению не поддается.

— Такое здесь уже второй раз, — шепнул доктор Грин сопровождавшей его медсестре, а я услышала. Она была новенькой и ничего о нас не знала. — Эти девчонки Чэпел выходят замуж — а потом в них что-то ломается. Поразительно! — Это было самым близким подобием медицинского объяснения смерти двух моих старших сестер: «что-то ломается».

О том, что Розалинда умерла, Белинде не сказали. Когда отец позвонил ее врачам, они попросили ее пока не беспокоить, потому что у нее и так

был сложный период адаптации к жизни в санатории. Но я знала, что ей и не нужно ничего говорить: она предсказала смерть Розалинды точно так же, как в свое время предсказала смерть Эстер, и ее пророчество снова сбылось.

На похоронах мы теперь вызывали не только жалость, но и недоумение. Меньше чем за год две сестры Чэпел вышли замуж и умерли на следующий день. О нас говорила вся деревня. Недалеко от церкви местные ребятишки прыгали через скакалку и пели песенку:

Сестрички Чэпел:
венчаются с милым
и сразу в могилу.

Отец отругал их и прогнал, но эти строчки надолго сохранились в памяти людей и много лет продолжали звучать в моей голове.

У могилы, когда Розалиду опускали в землю, Родерик крикнул нам — Калле, Дафни, Зили и мне: «Что вы с ней сделали? Вы отравили ее, *девочки-ведьмы* и их мать! Она всегда говорила, что вы отравлены!» Именно тогда я почувствовала, что на нас теперь стоит клеймо, но как это отразится на нашей жизни, в тот момент сказать было трудно. Как обычно, мы просто вернулись в дом.

На следующий день Родерик улетел в Техас, подальше от Новой Англии, от женщин Чэпел. Его кузина Адель рассказала, что он оставил и свой кадиллак, и занятия в Йеле. Диплом он так и не получил, хотя до конца обучения оставалось совсем немного, и мы его, как и Мэтью, больше никогда не видели.

После похорон мы заперлись в своей гостиной, даже не переодев платья. На этот раз мы были в черном — в тех же платьях, в которых ходили на премьеру фильма. Мы не отлучались из комнаты, разве что в туалет, и не ходили мыться, и, хотя в комнате появился удушливый запах, нам было все равно. Доуви оставляла у двери подносы с приготовленной миссис О'Коннор едой — простой пищей, которую выдержали бы наши желудки в это тяжелое для нас время. Периодически мы забирали поднос в комнату и ели — впрочем, только для того, чтобы не умереть с голоду. Перед нашим заточением Доуви принесла нам несколько ваз с роскошными красными розами, присланными семьей Уайтли — видимо, послать *розы для Розалинды* показалось им уместным, что говорило о том, как мало они знали о нашей семье. Поскольку Белинды в доме не было, Доуви не видела ничего

страшного в том, чтобы украсить нашу комнату милыми цветами с приятным ароматом, но как только мы заперлись в темноте, розы стали казаться нам черными, а не красными, и к тому же зловещими.

Мы выключили свет, зажгли свечи и несколько часов сидели, погруженные в пучину своего горя. Сказать нам было нечего — все, что было можно, мы уже сказали после ухода Эстер. Это была смерть-близнец, которая пришла к нам через девять месяцев после своей сестры — это казалось невероятным, но это произошло.

Справиться с этим было невозможно, поэтому мы и не пытались. Сидя в комнате, мы наблюдали за тем, как минуты сливаются в часы, а часы уходят в прошлое, отдаляя от нас последние мгновения жизни Розалинды. С каждой минутой она опускалась все ниже в глубины нашей памяти — ее голос, запах, смех… со временем эти воспоминания поблекнут, но сейчас, пока они были совсем свежими, мы сидели и прислушивались к ним. Казалось, что она еще здесь, рядом — так близко, что мы могли бы запечатать в бутылке саму ее сущность.

Мы спали, мы плакали; Дафни опустошала миниатюрные бутылочки с алкоголем, которые она

стянула из отеля. В какой-то момент Калла взяла розу и вонзила один из ее шипов в указательный палец правой руки, выдавила кровь и отправила палец в рот. Мы с Зили ахнули и хором воскликнули:

— Ты что делаешь?!

— А что, это приятно, — пожав плечами, сказала Калла. — Боль, боль и снова боль. Такова женская судьба.

— Какая еще судьба? — спросила я.

– *Кровь. Боль.* А для нас, чэпеловских наследниц, дела обстоят еще хуже. — Она снова уколола палец.

— Узри сестру нашу, Брайар Роуз, — сказала Дафни заплетающимся языком. Она открыла бутылочку — судя по запаху, в ней был ром. Весь пол вокруг нее был усыпан пустыми миниатюрными бутылками.

— Брайар Роуз уколола палец и заснула на сто лет, — сказала Зили.

Калла стала прокалывать шипами остальные пальцы и слизывать с них кровь.

— У девушек Чэпел все по-другому, — сказала она. — Объятие мужчины не пробуждает нас, а погружает в сон — вечный покой, из которого нет пробуждения.

— Это неправда, — сказала Зили. Она жила романтикой и только таким видела свое будущее, поэтому, несмотря на происходящее, так легко сдаваться не собиралась.

— Ты уверена? После того, что случилось с Эстер и Розалиндой?

— Они умерли от гриппа, — сказала Зили.

Калла стала делать проколы на запястье, потом на предплечье.

– *От гриппа*, — улыбнувшись, сказала она.

— Послушайте сестру Гримм, девочки, — сказала Дафни. — Укол розы — это еще не конец. Конец у вас будет мужской! — Дафни зловеще засмеялась и завалилась на кучу одеял, а потом перевернулась и задела ногой батарею пустых бутылок, и они со звоном отлетели к стене. — Впрочем, мне об этом беспокоиться не придется, — добавила она, и ее смех перешел в икоту.

Я не понимала, что тут смешного, как до этого не поняла и половины из того, что говорила Калла. Она изъяснялась загадками, рифмами, отсылками к легендам короля Артура и волшебным сказкам. Для меня и в обычные-то дни это было слишком, а сейчас она еще и Зили напугала — та плакала, уткнувшись в подушку.

— Все будет хорошо, Зили, — сказала я, пытаясь

хоть как-то оправдать статус старшей сестры.

— Смотри, что ты наделала, сестра Гримм, — сказала Дафни, икая.

— А что я? Это не я придумала, — ответила Калла, нежно слизывая кровь с руки. — Этому сказанию много лет, мы тогда еще даже не родились. Это наша судьба, это у нас в крови. Простите уж, что я единственная, кому это очевидно.

Дафни села и принялась рыться в сумочке.

— Вот, возьми, тебе поможет, — сказала она, бросив в Каллу бутылочку и попав ей в локоть. Калла вскрикнула от боли и отбросила бутылку к стене — она разбилась, и в комнате распространился запах виски.

Они начали спорить. С трудом заставив себя встать, я выглянула в коридор, втащила внутрь поднос с едой и быстро прикрыла за собой дверь, чтобы в комнату не проник свет. В темноте гостиной у меня в глазах какое-то время танцевали пятна, и я увидела силуэт Розалинды с чемоданами в руках — как она уносилась по коридору, прочь от нас. Некоторым образам суждено остаться со мной навсегда.

Я взяла с подноса кувшин с ледяной водой и два стакана, наполнила их и дала один Зили. Калла и Дафни сами могут о себе позаботиться. Зили

села, вытерла глаза и выпила воду — было видно, что она признательна за заботу. Поставив на стол бутерброды с сыром, я дала ей половинку и проследила, чтобы она все съела. Потом я протянула ей арахисовое печенье и горсть винограда. Она молча брала у меня все, что я предлагаю, и послушно ела, как ребенок. Впрочем, она и была ребенком.

Когда мы поели, Дафни стошнило прямо в горшок с папоротником — к тому времени она окончательно напилась. Никто из нас даже не сделал попытки почистить цветок или открыть окно. Калла взяла новую розу и вновь принялась резать себя шипами, растирая кровь о подушку. Закончив с розами — к тому времени ее руки были сплошь усеяны небольшими ранками, она приподняла платье и принялась капать свечной воск на верхнюю часть ноги, морщась от боли. А потом сказала:

— Я следующая. Вот и весь сказ. Одна, вторая, третья.

Так мы просидели два дня. В каком-то странном смысле погружение в собственную грязь — кровь, рвоту и отчаяние — нас утешало. Калла читала нам стихи Рембо, и они словно были написаны о нас: *«Одно лето в аду»*.

Розалинду похоронили во вторник, а в четверг я проснулась после дневного сна и увидела, что дверь в гостиную открыта. Калла — в пушистом белом халате, только что из ванной — хозяйничала в комнате, убирая накопившийся мусор. Вслед за мной пробудилась и Зили, а Дафни все еще была в отключке — она лежала на полу, широко раскрыв рот, а из уголка ее губ прямо на волосы стекала слюна.

Казалось, что Калла вернулась в свое обычное состояние, и безумие последних нескольких дней начинало стихать. Подняв с пола розы и пустые бутылочки, она выбросила их в мусорную корзину.

— Ты чего это? — тихо спросила Зили вязким после сна языком.

— Я знаю, что должна сделать, — решительно сказала Калла, хоть никто и не понимал, на что она собирается решиться.

Она открыла шторы, и в комнату хлынул свет, потом открыла окна, и внутрь пробрался весенний воздух. Стоя спиной к нам, как королевна на балконе, она смотрела из окна.

— И что ты должна сделать? — спросила я, но она все так же молча смотрела в окно. После нескольких дней в темноте от яркого света у ме-

ня заболели глаза.

— Я должна войти, — сказала она. — Чтобы туман рассеялся.

Она вышла из комнаты, и мы с Зили недоуменно уставились друг на друга. Никакого тумана не было, и Калла уже была внутри, но, с другой стороны, ее слова и не предназначались для нас. Они были сказаны для аудитории, состоящей из одного человека — ее самой, мисс Загадочность.

Мы встали и пошли за ней. В спальне ее не было, в ванной — тоже, поэтому мы прошли дальше по коридору в сторону лестницы. Перегнувшись через перила, мы увидели ее внизу с телефонной трубкой в руках. Она попросила оператора соединить ее с Йельским университетом.

— Будьте добры, кампус Робертс-хаус, — сказала она. Когда там ответили, она сказала: — Я бы хотела поговорить с Тэдди Вэндивером.

— Кто такой Тедди Вэндиавер? — прошептала Зили, и сперва я не сообразила, а потом вспомнила: друг Родерика, капитан футбольной команды со свадьбы.

Калла подождала пару минут, а потом заговорила снова:

— Тедди? Это Калла Чэпел. Если ваше приглаше-

ние на Весенний бал все еще в силе, я хотела бы его принять. — Выслушав ответ, она сказала: — Да, спасибо, это непростое время для всей нашей семьи. — Мы с Зили переглянулись, пораженные ее спокойным тоном. — Нет-нет, со мной все хорошо. Мне, наоборот, нужно выйти из дома и отвлечься. Думаю, это пойдет мне на пользу. — Ее голос был неестественно веселым. Все, кто хоть немного были знакомы с ней, знали, что она никогда не была по-настоящему веселой.

Она дала Тедди ответить, а потом сказала:

— В субботу в шесть, прекрасно. До встречи!

3

На следующий день мы с Каллой поехали в Нью-Йорк. Вернувшись домой после обеда с пакетами из «Блумингдейла», мы обнаружили, что никто даже не заметил, что мы уезжали.

— «Блумингдейл»? — удивленно спросила Доуви, отхлебнув глоток кофе. Они с Зили сидели на кухне и развлекали миссис О'Коннор, которая занималась выпечкой. Перед Зили стояла тарелка с лимонно-маковым пирогом и каким-то пончиком, от которого на всю кухню распространялся аромат корицы.

Калла незаметно вернула в ящик чековую

книжку, а потом мы с ней пошли наверх и разделили покупки — набор «Поцелуи при луне» для меня, все остальное — для нее. Сидя на кровати в своей комнате, я как раз открывала свою коробочку с сокровищами, когда Калла просунула в дверь голову и сказала:

— Я пошла в библиотеку заниматься. Скажи им, что ужинать я сегодня не буду. Я объелась.

— Ага, — ответила я, застегивая в волосах заколку с лунным камнем.

Утром мы с Зили позавтракали с отцом, а Калла отправилась делать прическу в городской дамский салон. Дафни было нехорошо, и она осталась в постели, утверждая, что «выжгла» себе желудок вчерашним алкоголем; остаток дня она либо спала, либо жалостливо стонала.

Нам казалось, что в семейной трагедии мы уже достигли крайней точки на неделю, на год, на десятилетие вперед и далее, поэтому не воспринимали обычные события того дня как примечательные, не думали о них «последний раз то» или «последний раз это». После всего, что случилось, мы с Зили не могли больше находиться ни в девичьей гостиной, ни в спальне, окна которой выходили на семейный участок со свежей землей, поэтому мы разместились в основной

гостиной внизу. Тогда мы еще этого не знали, но так начался наш постепенный переезд из девичьего крыла.

Мы играли в игры — «Сорри!», «Клуэдо» и «Старую деву». Карточная колода для игры в «Старую деву» давно истрепалась — мы с сестрами всегда очень любили эту игру. Та из нас, кому в конце игры доставалась карта «старой девы», всегда нарочито громко визжала от ужаса. Но в ту субботу, когда «старая дева» в итоге досталась мне, я стала рассматривать ее вроде бы ужасное лицо — двойной подбородок, кожа в пятнах, выпученные глаза за толстыми стеклами очков, выпирающие зубы. Предполагалось, что она очень страшная — она должна была пугать маленьких девочек. Но теперь, после ухода Эстер и Розалинды, я подумала, что ей-то как раз в жизни повезло.

Сыграв несколько партий, мы заскучали и отправились наверх — посмотреть, как Калла готовится к выходу: вскоре за ней должен был заехать Тедди. Калла сидела у туалетного столика в бюстгальтере с чашечками «мэджикапс», корсете и чулках с поясом. В ушах у нее были серьги-кольца, на пальце — кольцо с лунным камнем, а в волосах — лунная заколка. Она смотрела на себя в зеркало и красила губы помадой

из набора «Поцелуи при луне».

В другом конце комнаты на своей постели спала Дафни; будь она в нормальном состоянии, она бы наверняка стала подтрунивать над Каллой из-за ее свидания с Тедди, но сейчас в комнате стояла тишина. Мы с Зили молча наблюдали за тем, как Калла докрасила губы, нанесла на веки тени «Млечный путь» и припудрила нос. Ее руки дрожали, словно она была актрисой, готовящейся к выходу на сцену. Надев новое зеленое платье и серебристые туфли, она принялась крутиться у зеркала.

– *Сказочно,* — сказала Зили.

— Прелестно! — подтвердила Доуви, появившись у двери. — Внизу тебя ожидает молодой человек.

Калла прижала руку к груди и взглянула на меня; в ее глазах промелькнул ужас, но уже через секунду она сморгнула его прочь. Захватив сумочку и направившись к двери, она крикнула Дафни:

— Просыпайся! Пойдем, проводишь меня.

Дафни что-то пробурчала из-под одеяла. Калла остановилась в проходе, оглядела комнату, задержав взгляд на стенах с каллами и лавровым деревом. Она медленно вздохнула, словно могла

почувствовать их запах.

В нижней гостиной Тедди, как мальчишка в музее, восхищенно показывал на чэпеловскую винтовку и говорил моему отцу:

— У моего старшего брата тоже такая на стене висит. Он привез ее с войны.

Мы с Зили, наблюдавшие за этим из холла, переглянулись: видимо, сейчас неизбежно последует очередной пересказ чего-нибудь о войне.

— Он архитектор, живет с женой и детьми в Нью-Рошелле, — сказал он.

— Интересная профессия, — сказал отец, вместе с Тедди разглядывая винтовку на стене. — Архитектор.

Я знала отца достаточно хорошо и понимала, что светская беседа дается ему с большим трудом.

— Его жена не хотела, чтобы винтовка висела в гостиной, но брат сказал, что без нее он не вернулся бы живым. Всем, что у него есть, он обязан этой винтовке.

— Вдохновляющая история, — сказал отец с убежденностью политика, вышедшего в народ. Наконец, спасенный от дальнейших разговоров, он сделал жест рукой в направлении входа. Тедди повернулся и увидел Каллу.

— Вы выглядите прекрасно! — сказал он.

Калла подошла к нему и скромно улыбнулась. Мы с Зили замешкались у лестницы, пока Тедди, этот коренастый детина размером с дверной проем, что-то говорил, а Калла и отец рассеянно кивали. Калла часто дышала, ее руки не оставляли в покое сумочку. Мне стало интересно, не пожалела ли она о том, что согласилась, и я уже была готова к тому, что вот сейчас она бросится обратно в спальню. Это было бы гораздо больше в ее стиле, чем если бы она взяла Тедди под руку и отправилась на Весенний бал.

Тедди между тем был воплощением бодрости — он еще раз сказал, что она отлично выглядит, и принялся описывать китайский ресторан, где они перед танцами должны встретиться с его друзьями из Йеля.

— Вы когда-нибудь пробовали яичный рулет? — спросил он, и Калла пожала одним плечом. — А я обожаю китайскую… — Тедди замолчал, потому что в это время по лестнице, спотыкаясь, спустилась босоногая Дафни в джинсовом комбинезоне и мятой клетчатой рубашке.

— А, это вы, — сказала она, увидев Тедди.

— Да, здравствуйте еще раз, — процедил Тедди. — Мы уже уходим. Он положил руку Калле

на талию и легко подтолкнул ее к двери. Они пошли к выходу, сопровождаемые отцом.

— Подождите минутку, — сказала Калла, и Тедди убрал руку с ее талии. Калла обернулась и посмотрела на Дафни, Зили и меня. — Обещайте, что будете держаться вместе, вы трое, — сказала она, жестикулируя, как фотограф, выстраивающий кадр. Казалось, что именно для этого она и задержалась — чтобы мысленно нас сфотографировать. Она смотрела на нас так долго, что всем стало неудобно. — Мои милые сестры, — наконец проговорила она со слезами на глазах, и я подумала: *«Ох, начинается»*. — Моя любовь к вам — самая совершенная любовь из всех существующих на свете, — сказала она, смахивая слезы со щек.

Я не понимала, почему она плачет. Тедди взглянул на отца, но тот и бровью не повел. Отец давно привык к странному поведению в этом доме — чтобы его испугать, требовалось гораздо большее. Но я была напугана. Слова Каллы, ужас в ее глазах, необычное поведение в последние дни — все это запустило в моей голове тревожные звоночки, но пока они звучали где-то очень далеко.

Отец открыл дверь, чтобы выпроводить Каллу и ее кавалера.

— К одиннадцати возвращайся, — сказал он.

Калла и Тедди вышли на крыльцо, но Калла протянула руку и не дала отцу закрыть за ними дверь. Через его плечо она снова взглянула на меня и сестер; я никогда не забуду, какой она была в тот момент — лесная принцесса в зеленом платье и серебряных туфельках, сиявших, как лунный свет.

— Светла печаль расставания, — сказала она и послала нам воздушный поцелуй.

Когда они ушли, мы отправились за отцом в столовую — было время ужина. Миссис О'Коннор поставила перед нами тарелки с тушеной говядиной, и мы ели в тишине. Я знала, что все думают о Калле, пытаясь понять, к чему все это было. Наконец Дафни сказала:

— Мне кажется, у нее крыша поехала.

Вечером мы с Зили несколько часов играли в нижней гостиной, а потом поднялись к себе. Дафни сидела в своей комнате за столом, рисуя и изредка прикладываясь к миниатюрной бутылочке, запас которых, казалось, у нее не иссякал.

— Кто-то говорил, что у нее выжжен желудок, — сказала я, но она никак не отреагировала, продолжая рисовать.

Мы с Зили почистили зубы и переоделись

в ночные сорочки. Я собиралась читать до возвращения Каллы — было понятно, что из-за ее странного поведения заснуть я не смогу. Стоя у кровати, я взбила подушку и услышала какое-то шуршание. Под подушкой обнаружился сложенный лист бумаги:

ночной ирис

лунные песчинки
вечный зов приблизили
серебрятся, манят
на краю Элизия

мы будем ждать тебя

калла чэпел

Смысл стихотворения от меня ускользал. Я никогда не была сильна в поэзии, и мысли Каллы, которые она излагала на бумаге или произносила вслух, обычно были мне непонятны.

— На краю Элизия, — сказала я вслух.

— Елисейские поля, — отозвалась из коридора Дафни. Она направлялась в гостиную, но остановилась у моей двери.

— И что это такое?

— Из греческой мифологии. Элизий — это что-то вроде *рая*. А откуда это?

Я протянула ей лист бумаги, и она подошла к моей кровати. Прочитав, она вопросительно посмотрела на меня.

— Калла оставила это у меня под подушкой.

— Ничего удивительного, — сказала Дафни. — Она везде свои стихи оставляет.

— Я знаю, но в этот раз кажется, что это не просто так.

— С чего ты взяла?

— Она как будто хочет мне что-то сказать. — Я рассказала Дафни о нашей поездке в Нью-Йорк, о словах Каллы, о том, как она попросила меня пообещать, что я выберу карьеру, словно она сама куда-то торопилась. А потом эта сцена сегодня, перед ее уходом.

— Думаешь, она собирается сбежать из дома? — Дафни засмеялась. — Если бы она хотела сбежать, она бы мне сказала.

— Нет, — ответила я, не в состоянии сказать вслух то, что формировалось у меня в голове: что Каллу ждет судьба одной из ее любимых героинь — Леди из Шалота или, что более вероятно, Офелии.

— Так в чем тогда дело? — спросила Дафни, которая все больше нервничала оттого, что я, не в силах облечь свои мысли в слова, молча-

ла. — Подожди, ты думаешь, что она собирается *убить себя*?

— Кто, Калла? — в ужасе спросила Зили. — Но *почему*?

— Да нет, — усмехнулась Дафни. Она сделала утешительный жест рукой в сторону Зили, чтобы успокоить ее. — Калла не стала бы. Она бы просто *не смогла*. Вы ее не так хорошо знаете, как я. — Интересно, сколько она уже выпила, подумала я. — Если она собирается это сделать, зачем ей надо было уезжать с Рикки?

— С Тедди, — сказала я.

— И что, она попросит Тедди удушить ее чулками? Ерунда, с Каллой все в порядке.

Дафни отдала мне стихотворение и вышла из комнаты. Я не пошевелилась; мы с Зили молчали. Через минуту Дафни вернулась, держа в обеих руках по бутылочке.

— Но попрощалась она с нами *действительно* очень странно. — Она задумчиво постучала одной бутылочкой о другую. — Давайте подождем ее внизу.

Мы спустились в гостиную. Зили села в кресло у окна и стала наблюдать, не появится ли машина Тедди. Отец даже не поинтересовался, вернулась ли Калла, и вряд ли бы узнал, если бы

ее не было всю ночь.

Пока Зили несла свой дозор, Дафни села на диван напротив меня, широко раскинув ноги в своем джинсовом комбинезоне. Ее волосы были всклокочены.

— С ней все будет в порядке, — сказала она, время от времени повторяя эту фразу как заклинание, словно ее произнесение обладало магическим действием. Чем больше она пила, тем чаще проваливалась в сон; я же была слишком взвинчена, чтобы даже на секунду прикрыть глаза. За прошедшие недели мои запасы тревоги сильно уменьшились — их съели все эти переживания до и после свадьбы, но что-то еще оставалось, и мне было дурно от того, что Калла так задерживается.

Часы пробили час ночи, затем два, затем три. Каллы не было. Последний бой часов разбудил Дафни, и она села, поставив пустую бутылку на кофейный столик. Она обернулась на Зили — та, как и я, не спала и все смотрела из окна на подъездную аллею.

— Ее так и нет.

— Надеюсь, эта девчонка не натворит там глупостей, — сказала Дафни, открывая последнюю бутылочку и делая глоток.

— Ты о чем? — спросила я. Мои собственные мысли были темными, как ночь. Я вспомнила Офелию с картины Милле и представила, как Калла лежит спиной на воде, лунно-бледная, в своем зеленом платье со светлой сеточкой. Только вот все это было слишком романтично. Художники изображали смерть молодых женщин как нечто прекрасное, но мне ли было не знать, какой она была на самом деле.

– *Брайар Роуз*, — сказала Дафни. — Спящая красавица. Или нечто ей противоположное. Калла же сама рассказывала, помнишь? Объятие мужчины, вечный сон.

Зили оставила свой наблюдательный пункт, подошла к дивану и села рядом с Дафни. Та предложила ей бутылочку, но Зили помотала головой.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Она могла уединиться где-нибудь с Тедди, а в таком случае все мы знаем, чем это кончится.

— Но Калла не такая, — сказала я. — Ей вообще наплевать на мальчиков. Она бы не стала.

— В обычной ситуации — нет. Но ты же сама намекала, что она хочет умереть. — Дафни задрожала и сделала еще один глоток из бутылочки. Затем она пошла в холл и взяла со столика ключи от машины. — Мы должны найти ее.

С одной стороны, неизвестно, чем это могло кончиться — Дафни явно была нетрезва, а с другой — это была наша единственная надежда. Отец бы нас не поддержал: я хорошо помнила, что в день смерти Эстер он ничего не предпринял. Сейчас же он мирно спал в своей комнате и даже не знал о том, что Калла не вернулась к назначенному часу.

Мы с Зили все еще были в ночнушках, но Дафни сказала, что на переодевания времени нет. Мы накинули сверху пальто и надели галоши, чтобы не подниматься за туфлями. Добравшись до «Хадсона», мы с Зили юркнули на заднее сиденье, а Дафни села за руль и какое-то время пыталась вставить ключ в замок зажигания. Когда ей это удалось, машина взревела и ожила.

Дафни достала из бардачка карту Коннектикута и фонарик, передав все это мне.

— Будешь моим штурманом, как Фред Нунан, — сказала она, будто бы обрекая нашу поездку на неудачу с самого начала.

Я открыла карту, а Зили светила мне фонариком.

— Куда мы едем? — спросила я, глядя на обширные земли Коннектикута, развернувшиеся у меня на коленях. — Мы ведь даже не знаем, где

она. — Иголка в стоге сена, подумала я.

— Начнем с Йеля, — уверенно сказала Дафни, будто в голове у нее был какой-то план. Я знала, что до Нью-Хейвена ехать больше часа, и еще даже не нашла на карте Беллфлауэр, когда Дафни нажала на газ и повела машину в ночь без малейшего представления, куда направляется.

Выехав на дорогу напротив нашего дома, автомобиль дернулся вперед и так резко вильнул, что Зили уронила фонарик на пол. Я боялась, что шансов доехать до Йеля у нас гораздо меньше, чем шансов оказаться в ближайшей канаве. Дафни не могла удержать машину прямо и постоянно заезжала на разделительную линию, а потом возвращалась обратно. К тому же на дороге почти не было фонарей, что только осложняло дело. Мы пронеслись через первый от нашего дома перекресток — Дафни даже не заметила знака «стоп», хотя мы с Зили крикнули ей, чтобы она притормозила. Я знала, что нам нужно налево — в сторону Беллфлауэр-виллидж и автомагистрали.

Когда я сказала об этом Дафни, та резко нажала на тормоз, прямо посреди дороги, так что мы с Зили ударились о переднее сиденье. Двигаясь рывками то вперед, то назад, Дафни пыталась

направить автомобиль в нужную сторону. Его фары выхватывали из темноты деревья, которые казались такими черными, что почти не выделялись на фоне ночного неба.

Наконец она смогла развернуться, но, вместо того чтобы ехать дальше, вдруг откинула голову на сиденье. Автомобиль медленно покатился назад, и я не могла понять, что происходит, пока не услышала ее храп. Зили, сидевшая за Дафни, стукнула ее по голове:

— Просыпайся, Дафни! Нам нужно спешить!

— А? — сказала Дафни, резко проснувшись и тут же нажав на газ. Мы доехали до перекрестка, повернули направо и вскоре оказались в начале Мейн-стрит.

— Здесь направо, — сказала я. Я все никак не могла найти Беллфлауэр-виллидж на карте, но точно знала, что шоссе находится справа. Но Дафни повернула налево, в сторону центра.

— Ты не туда едешь, — сказала Зили.

— Туда, — ответила Дафни.

Вдоль Мейн-стрит горели фонари: через переднее стекло я видела, как они змеятся лентой подобно огромным сияющим насекомым. Мы медленно проехали мимо кинотеатра, кафе-мороженого, практики доктора Грина и церкви.

На повороте в сторону парковой зоны Дафни неожиданно вильнула, и правая сторона машины — та часть, где сидела я, — подскочила на тротуар. Автомобиль тряхнуло, мы с Зили подлетели вверх, а потом я соскользнула влево. Так мы ехали какое-то время — одной стороной по тротуару, пока мы с Зили кричали Дафни, чтобы она вернулась на дорогу. Один фонарный столб процарапал нашу дверь, потом другой, а потом машина с глухим стуком съехала обратно на мостовую. Дафни продолжала держать ногу на педали газа, словно все было в порядке вещей.

— Давайте лучше поедем домой, — взволнованно сказала я. Мне не хотелось вовлекать в это отца, но было ясно, что без него мы никогда не найдем Каллу. — Разворачивайся, — сказала я Дафни, а потом, не дождавшись ответа, крикнула: — Мы теряем время!

Наконец она остановилась у обочины.

— Мне нужно вздремнуть, — сказала она, поставив машину на тормоз. — Тогда мне сразу станет лучше. Дайте мне минутку. — И, прежде чем я смогла снова на нее накричать, она завалилась на диван переднего сиденья и захрапела.

Пока Дафни спала, мы сидели в машине с рабо-

тающим двигателем и горящими фарами. Раньше мы никогда не были вне дома в такое время и уж точно не оказывались одни на Мейн-стрит, в северной части города, с пьяной сестрой за рулем. Самое ужасное было в том, что где-то там была Калла, а мы к ней, увы, не приближались.

— И что нам делать? — испуганно спросила Зили. Было понятно, что Дафни в ближайшее время не проснется. Я подумала об Эстер и Розалинде, а потом вспомнила слова Каллы, которые теперь приобрели в моей голове поэтические нотки: *«Так, наверное, выглядит рай?»* — сказала она. И еще: *«Обещай мне, что станешь художницей»*. Какой дурой нужно быть, чтобы не понять, что она хотела мне сказать? И потом это стихотворение под подушкой: *«Мы будем ждать тебя»*. Она собиралась присоединиться к Эстер и Розалинде!

Мне не хотелось пугать Зили, и я подавила в себе страх. Выйдя из машины, я обошла ее, открыла водительскую дверь и попыталась протолкнуть Дафни подальше на пассажирское сиденье.

— Что ты делаешь? — вскричала Зили.

— Нам нужно домой, — сказала я, толкая Дафни изо всех сил, но та даже не пошевелилась. — Вставай же! — вскричала я и принялась барабанить кулаками по ее ноге.

Дафни что-то пробормотала и проползла немного вперед, к пассажирской двери, оставив достаточно места, чтобы я смогла проскользнуть на водительское сиденье. Я никогда раньше не водила машину и сначала не могла понять, как переключаются скорости. Через какое-то время до меня дошло, что для этого нужно нажать на тормоз. Автомобиль сделал резкий рывок, и мы поехали вперед по Мейн-стрит. Вести машину было сложнее, чем я ожидала. Мы ехали не в ту сторону, но я не была уверена, что смогу развернуться посреди дороги. Я свернула в жилой квартал, надеясь добраться до перекрестка, который мы пересекали с Дафни — оттуда можно было найти дорогу к дому. Но без фонарей, освещавших Мейн-стрит, ориентироваться было сложно, и я поворачивала наугад — казалось, что мы ездим кругами, но понять это было невозможно.

Глядя на дорогу, я представляла Каллу с Тедди — как он расстегивает ее зеленое платье и бюстгальтер с «мэджикапс», а потом снимает с нее корсет, чулки и пояс. В безумном желании побыстрее добраться домой я еще сильнее надавила на газ.

— Не надо так быстро! — вскричала Зили.

Мы доехали до перекрестка, но не того, который я искала. Я остановилась, чтобы успокоиться. В моей голове промелькнули новые образы — Тедди целует Каллу, его губы ласкают ее грудь, руки шарят по телу, добираются до ее ног, раздвигают их. Я снова начала всхлипывать и не смогла скрыть это от Зили.

— Ты меня пугаешь! — сказала она.

— Я знаю, прости. — Я вытерла глаза и осмотрелась в надежде увидеть хоть какое-то знакомое место. Разобрав надпись «Сент-Ронан-стрит» на едва различимом в темноте указателе, я спросила:

— Сент-Ронан — это ведь улица за нашим лугом?

Позади нашего дома, за лугом, была небольшая лесная полоса, а за ней — дорога, кончавшаяся тупиком с одной стороны и ведущая в город — с другой. По этой улице мы шли, когда Эстер еще не умела водить машину и никто не мог отвезти нас в город.

Зили перегнулась через мое плечо.

— Да, это та улица, — сказала она. — Поверни направо.

— А мне кажется, нам налево. Направо — тупик, а нам нужно на основную дорогу.

— Нам направо, говорю тебе, — повторила Зили, и я ее послушалась. Это была широкая улица, более просторная, чем кварталы в районе Мейн-стрит. Дома отстояли дальше друг от друга, окружавшие их участки были больше. Как и на других улицах, здесь было темно, и я надавила на газ, с облегчением ощущая приближение к дому.

Но тут перед фарами что-то промелькнуло — собака, лиса или енот. Краем глаза заметив силуэт на дороге, я испугалась и резко вывернула вправо. Мы съехали с дороги на обочину, машина дернулась. Свет фар выхватил из темноты несущееся на нас дерево, и Зили закричала. Я резко нажала на тормоз, но уже было поздно: мы врезались в ствол.

Дафни упала на пол, Зили впечаталась в спинку моего сиденья, а я ударилась головой о руль. За деревом был дом, и я увидела, как в окнах начал зажигаться свет. Это был особняк нежно-голубого-цвета, принадлежавший семье Попплуэлл.

Открылась дверь, и на крыльце показались темные фигуры. Дафни, уже успевшая забраться обратно на сиденье, открыла дверь, выбежала из машины, упала на колени, и ее тут же стош-

нило.

— Это же Дафни Чэпел, — сказал кто-то из Попплуэллов.

Зили открыла мою дверь.

— Ты в порядке? — спросила она, потирая локоть. Схватившись за нее, я вылезла из машины — капот сложился гармошкой при ударе о дерево.

— Вроде да. А ты?

Она кивнула.

Пока Попплуэллы собрались вокруг Дафни, я забралась на заднее сиденье, огляделась и нашла фонарик. Взяв его в одну руку, другой я схватила Зили и потянула ее за собой. Тупик в конце Сент-Ронан-стрит, после которого начинался наш участок, был всего в нескольких метрах от нас. Я была потрясена и напугана, но нам нужно было домой.

— А как же Дафни? — спросила Зили на бегу.

— Разберется, — сказала я. — Пусть сама отвечает за аварию. Пусть ее арестуют за вождение в пьяном виде. Поделом ей.

В лесу я зажгла фонарик — от тупика к лугу вела грунтовая дорога; фонарик давал очень мало света, и все же мы хотя бы видели, куда идем.

Добравшись до луга, мы остановились переве-

сти дыхание. У меня в голове вновь зазвучало стихотворение Каллы — ночной ирис на краю Элизия, царства мертвых. Я очень надеялась, что мы все еще сможем найти ее здесь, в мире живых.

К тому времени когда мы дошли до дома, мы с Зили совершенно вымотались и окоченели. В некоторых окнах горел свет — и внизу, и наверху. Я не знала, который был час, но мне казалось, что для пробуждения остальных еще было рано, и я понадеялась, что это вернулась Калла.

Когда мы наконец добрались до двери в кухню, я увидела Доуви — она стояла у плиты в своем домашнем халате и делала кофе. Я постучала в стеклянную панель двери, немало ее напугав.

— Вы где были? Калла с вами?

— Она не вернулась?

— Нет, а тут еще Дафни попала в аварию. Ваш отец поехал за ней.

Я надеялась, что отец будет дома, и чуть было не бросилась обратно к месту аварии, чтобы найти его, но Доуви уже взяла меня за руку и подвела к стулу.

— Садитесь-ка, девочки, и расскажите, что случилось.

У меня после аварии болела голова, мне нужно

было отдохнуть и подумать. Пока Доуви делала нам горячее какао, я рассказала, что Калла не вернулась со свидания, что Дафни повезла нас ее искать, что мы хотели поехать в Йель, но не смогли даже выехать из Беллфлауэра и что в итоге врезались в дерево. О том, что я была за рулем, я не упомянула.

— Почему же вы не разбудили отца? — спросила Доуви, поставив перед нами чашки и усаживаясь к своему кофе.

— Мы боялись, он не поймет.

— Эх вы, — сказала Доуви расстроенно. — Иногда мне кажется, что вы совершенно лишены здравого смысла. Пейте какао. Вы же могли погибнуть!

— Но с Каллой что-то случилось, — сказала я, ощутив новый приступ паники. — Мы должны ее найти!

— Когда она вернется, ей точно несдобровать. Так задержаться после разрешенного времени! Но вам не стоит об этом волноваться.

— Я думаю, нам лучше вызвать полицию, — сказала я и побежала к телефону в холле. Доуви пошла за мной, взяла трубку из моих рук и повесила ее на рычаг.

— Полицию! — уже начиная раздражаться,

сказала она. — Еще чего не хватало!

Я начала рассказывать ей, почему нам следует поторопиться, а Зили в это время заняла свой наблюдательный пункт у окна гостиной. Через несколько мгновений она крикнула:

— Я вижу фары!

Когда я примчалась в комнату, Зили прижималась к стеклу, пытаясь рассмотреть, кто едет.

— Это автомобиль Тедди!

Я почувствовала огромное облегчение и тут же отругала себя за панику. Я ведь даже не подумала о том, что Калла могла задержаться по каким-то объективным причинам. Может, у Тедди сломалась машина или у них кончился бензин. Можно было найти десяток разумных обоснований того, почему их автомобиль подъезжал к дому лишь сейчас, когда на черном небе появились первые проблески рассвета.

Мы с Доуви и Зили спустились по ступенькам крыльца, чтобы встретить прибывших. Тедди, без пиджака, с развязанным галстуком, выскочил из машины и побежал к пассажирской двери. Он выглядел изможденным и затравленным, пугливый белый кролик из *«Алисы в Стране чудес»*.

Когда он открыл дверь, из машины практически вывалилось обмякшее тело Каллы.

— Боже милостивый, святые угодники, — перекрестившись, сказала Доуви.

Она все поняла. И Зили тоже. И я.

Я широко раскрыла рот, и у меня в горле что-то завибрировало; лишь через несколько секунд я поняла, что кричу. Доуви приблизила свое лицо к моему, и я увидела, как ее губы снова и снова повторяют мое имя: «Ай-*рис*!» — только я не слышала ни ее, ни себя. Но она продолжала звать меня, пока я не замолчала.

— Оставайся с сестрой! — сказала она, и мне показалась, что она сказала это мне, но на самом деле она говорила с Зили, и та взяла меня за руку.

Через секунду Доуви уже была у машины.

— Что ты с ней сделал? — крикнула она, обращаясь к Тедди.

— Ничего, честное слово! — сказал Тедди. — Я не знаю, что с ней. Я хотел отвезти ее в больницу, но она настояла, чтобы мы приехали сюда.

— Почему она в таком состоянии? — спросила Доуви, взяв лицо Каллы в ладони. С моего места не было видно, дышит ли она вообще.

— После танцев мы поехали в мотель. Она сама предложила, правда, — сказал он, и я поняла, что он заранее готовился к тому, что будет говорить.

Тедди раньше не доводилось видеть ничего подобного, и он не понимал, что происходит. Он явно думал, что ему никто не поверит.

— Я ей сказал, что обещал отвезти ее домой к одиннадцати и что на мотель времени нет, но она начала меня умолять и говорить какие-то странные вещи. «Ты должен соблазнить меня, — говорила она. — Это моя судьба». Я отказался, и тогда она потребовала высадить ее из машины прямо на шоссе, а потом попыталась открыть дверь и выпрыгнуть. Она была в истерике, понимаете? И что мне было делать?

— То есть вы поехали в мотель? И там ты ее соблазнил? — спросила Доуви.

Тедди уставился себе под ноги.

— Мэм, я не сделал ей ничего плохого, клянусь, — сказал он срывающимся голосом. — Я не знаю, что с ней.

— Отвечай на вопрос, — сказала Доуви. — Что вы делали в мотеле?

— Только то, что она сама хотела.

Доуви наклонилась и обвила Каллу рукой; ее голова резко упала вперед, подбородком на грудь.

— Зили, позвони доктору Грину, — сказала Доуви, и Зили ринулась в дом, как будто еще было не поздно что-нибудь сделать. Аллею снова

озарил свет фар — два белых столбика пронзили голубеющую темноту, и, когда автомобиль подъехал ближе, я увидела, что это приехал отец. Как только он остановился за машиной Тедди, пассажирская дверь распахнулась и Дафни — по всей видимости, уже протрезвевшая — бросилась к Калле. Увидев ее состояние, она упала на колени и зарыдала.

Дальше все смешалось: Дафни скрючилась на земле; Зили, вся в слезах, тянула меня за руку, а я никак не реагировала; отец на повышенных тонах говорил с Тедди, а потом вытащил Каллу из машины; Тедди уехал. Отец и Доуви взяли Каллу под руки и понесли в дом — ее ноги в серебряных туфлях волочились по асфальту.

Наверху они донесли ее до постели, и она распласталась на матрасе, раскидав ноги по обе стороны кровати и вытянув в стороны руки, словно это были крылья ангела. Чулок на ногах не было, только туфли. Она уже начинала кричать и мотать головой из стороны в сторону.

— Он лежит, притихший, весь в цветах, — выкрикнула она, — в тех цветах, что в гроб не положили и дождями слез не оросили[17]. — Она

---

[17] Сноски: 17
У. Шекспир. Гамлет. Перевод А. Чернова.

начала хохотать, а потом произнесла последние в своей жизни слова: — Покойной ночи, леди. Покойной ночи, милые леди. Покойной ночи, покойной ночи[18].

Я больше не могла смотреть, не могла оставаться с ней до конца. Убежав в спальню, я прыгнула в кровать и натянула на голову одеяло. *«Прости меня, Калла, пожалуйста, прости»*, — рыдала я в подушку. Вскоре я услышала звук разбивающегося стекла. Занавес.

4

Тело Каллы увезли на медицинскую экспертизу.

— Прошу прощения, но в этот раз я должен на этом настоять, — сказал доктор Грин.

Через несколько дней гринвичский похоронный дом Хьюсона вернул тело домой — судмедэксперт не смог определить причину смерти. В свидетельстве о смерти было указано «временно не установлено» — агенты сказали, что внесут соответствующие поправки, как только получат результаты всех исследований. Но никаких по-

---

[18] Сноски: 18

Там же. Эта строчка также встречается в поэме Т. С. Элиота «Бесплодная земля».

правок в итоге так и не внесли.

Учитывая сомнительные обстоятельства — дешевый мотель, незамужний статус фигурантки дела, — Тедди допросила полиция. В местной газете Нью-Хейвена вышла статья с заголовком «Загадочная смерть: Йельский квотербек допрошен полицией». Однако следователи установили, что никаких противоправных действий он не совершил.

Официальных похорон Каллы не было. Отец сказал, что стоять в церкви Беллфлауэра, чтобы все показывали на нас пальцем, он больше не будет. За этот год мы провели там две свадьбы и двое похорон, и отец решил, что с него хватит. «Не хочу выставлять свою семью на посмешище», — сказал он, хотя было понятно, что с этим он немного опоздал.

5

Калла умерла ровно через неделю после ухода Розалинды. Мы с Зили заново взбирались на вершины горя и падали вниз, проходя все этапы этого изматывающего путешествия — от водопада слез до полного оцепенения. В день похорон мы были на дне этой унылой долины, словно омертвевшие внутри.

Дафни вела себя иначе. Они с Каллой были странной парочкой, и все же они были парой, и уход Каллы отразился на Дафни совсем не так, как уход Эстер и Розалинды. Ее завывания разносились по всему дому — сейчас мне кажется, что это даже была не скорбь, а боль, жгучая боль от того, что из ее сердца выкорчевали любимую половину.

По дороге в похоронное бюро Дафни рыдала и билась головой о стекло автомобиля. Увидев Каллу в гробу, она схватила стул и шарахнула им об стенку. Потом она на некоторое время успокоилась, и тогда священник прочитал проповедь, мы с Зили вложили в руки Каллы две лилии, по одной от каждой из нас, а в конце Дафни сама возложила венок из маргариток на ее голову. Эстер и Розалинда были похоронены в свадебных платьях. Калла же, так и не ставшая невестой, была в простом, но изящном белом платье с кружевной вышивкой, которое кто-то — не знаю кто — выудил из ее шкафа.

Когда пришло время закрывать крышку гроба, Дафни приподняла Каллу, чтобы обнять ее. Она вцепилась в ее тело, отказывалась отпускать и рыдала, уткнувшись лицом в ее распущенные волосы. Голова Каллы откинулась, руки

болтались по бокам. Это было страшное и душераздирающее зрелище; я отвернулась, не в силах больше смотреть. Отец, священник и сотрудник похоронного бюро смогли оттащить Дафни лишь совместными усилиями, после чего Каллу быстро привели в порядок — поправили платье, пригладили сбившиеся пряди волос, вернули на место венок из маргариток. В самом конце я подошла к гробу и сняла с ее пальца кольцо с лунным камнем — в память о ней и о нашей совместной поездке в город.

Когда мы вернулись домой, Дафни убежала наверх и отказалась выйти к заупокойной службе. Она не хотела видеть, как Каллу опускают в землю рядом с Эстер и Розалиндой, в одну аккуратную линию, будто клавиши на пианино. Мы с Зили держались за руки — чтобы успокоить друг друга и защитить; глядя на три могилы, трудно было не думать о том, что здесь еще достаточно места для нас.

В то апрельское утро небо было жемчужно-серым. Мы поплотнее запахнули свои плащи, слушая проповедь священника. «Прах к праху», — сказал он, и я подумала, что Калла была бы возмущена этой заезженной строчкой.

В нижней гостиной миссис О'Коннор приго-

товила для нас фуршет на фамильном столовом серебре. Это уже стало в некотором роде рутиной: треугольные бутерброды с огуречно-яичным салатом, песочное печенье и чай — легкая еда для расстроенных желудков. Если бы миссис О'Коннор решила уйти от нас, она могла бы организовать свой ресторанный бизнес: «Пища для скорбящих». За последнее время она в этом преуспела.

Мы с Зили сидели в гостиной вместе с отцом и пили чай из белых фарфоровых чашек. Белинде не сказали о смерти Каллы, но я подозревала, что она и так все знает. Ее увезли в санаторий всего лишь три недели назад, и тогда она была матерью пяти дочерей; теперь же нас осталось трое. Не знаю, когда врачи собирались ей сообщить — отец сказал, что оставил это на их усмотрение.

Дафни была наверху — нам были слышны ее рыдания, хотя мы старались не обращать на это внимание. Казалось, что эти звуки доносятся издалека, словно мы с Зили и отцом заперли свое горе в верхней комнате, и оно билось о стены, пытаясь вырваться.

Допив чай, отец заявил, что у него болит голова и что он пойдет вздремнуть, если мы не против.

— Прошу вас, сходите проведайте сестру, — ска-

зал он, поднимаясь, и я спросила себя, почему он не сделает это сам.

Мы с Зили не торопились уходить из гостиной. Я не была готова встречаться с Дафни, поэтому выпила вторую чашку чая, а Зили съела часть бутерброда и половинку печенья. Мне нравилось чувствовать оцепенение, оно утешало, в него можно было укутаться, как в одеяло.

Вскоре рыдания наверху прекратились. Я решила, что Дафни напилась и заснула; все свои мини-бутылочки она давно опустошила и теперь, вот уже несколько дней подряд, прикладывалась к большой бутылке виски, которую стянула из кабинета отца. Тишина говорила о том, что теперь мы можем подняться наверх, что мы и сделали. Но, к моему удивлению, Дафни вовсе не валялась на кровати без чувств — она набивала вещами свой рюкзак.

— Я ухожу, — сказала она. У нее было такое красное и опухшее лицо, что казалось, будто это аллергическая реакция. — Я ведь следующая, да? Эстер, Роз, Калла и вот теперь я. — Она сделала большой глоток виски. — Никто из нас точно не знает, что происходит и как это все работает. Помните, что сказала Калла? — упомянув ее имя, Дафни подавила всхлип. — Брайар Роуз, *спящая*

красавица. Это у нас в крови. Наше наследие.

Она взяла альбом с рисунками и засунула его в рюкзак.

— Но ведь ты не интересуешься мужчинами, — сказала я, больше не беспокоясь о том, чтобы скрыть тот факт, что я подглядывала.

— И почему ты думаешь, что это как-то меня защитит? — Она закончила собирать вещи. — Мне пора идти. Я не хочу здесь умереть.

Она утерла нос рукой, взяла рюкзак и оглядела комнату — точно так же, как в свое время это делали Розалинда и Калла.

— До свидания, девочки, — сказала она у двери. Я должна была броситься к ней и уговорить ее остаться, но я не пошевелилась. Внутри меня было пусто. — Я буду скучать, — добавила она, и это было совсем непохоже на нее. Она легонько постучала нас по макушкам и вышла из комнаты.

Я посмотрела на Зили — та явно не знала, как реагировать на все это, — и пожала плечами.

— Она вернется, — сказала я. — Она просто расстроена.

— Как-то не очень похоже, что вернется.

— Ей шестнадцать лет. Денег у нее нет. Куда она пойдет?

Теперь уже Зили пожала плечами, а потом

сказала, что пойдет к себе и постарается немного поспать. Я хотела к ней присоединиться, но мой взгляд упал на письменный стол Дафни. Там лежал перевернутый кусок холста, совсем небольшой, размером с книгу в мягкой обложке. На оборотной стороне карандашом было написано: «Белый ирис, март 1951 года». Я перевернула картину. На бледно-зеленом фоне был нарисован кремового цвета ирис с розовыми и голубыми тенями. Я покраснела, хоть и не сразу осознала почему, а потом вдруг поняла, что на самом деле было изображено на картине. Да, это был ирис — но еще это была Вероника. Дафни преобразовала тот свой набросок, нежные изгибы и завитки между ног Вероники, в белый цветок.

Я перевернула картину обратно. Тогда еще я думала, что Дафни скоро вернется домой, но пока ее не было, я решила спрятать картину в своем шкафу.

6

Звонок раздался во время ужина.

Миссис О'Коннор приготовила куриный суп с вермишелью и свежий хлеб, и отец настоял, чтобы мы спустились и поели вместе с ним. Мы

заняли свои обычные места в столовой — мы с Зили с одной стороны, отец — в конце стола. Остальные стулья пустовали.

Отец взял ложку. Он все еще был одет в черный костюм, который надевал только на похороны, но без пиджака и галстука; его глаза были подернуты мутной пеленой, веки припухли. Я никогда не видела, чтобы он плакал, но сейчас, сгорбившийся в кресле и говоривший тихим, сдавленным голосом, он совсем не был похож на себя.

— Где Дафни? — спросил он.

Я очень боялась этого вопроса и промолчала, надеясь, что Зили что-нибудь скажет. В качестве утешения я зачерпнула немного бульона.

— Что молчим? — спросил отец, поскольку Зили тоже ничего не сказала.

— Я не знаю, где она, — сказала я, не распространяясь об остальном. Для себя я предположила, что она поехала к Веронике.

И тут зазвонил телефон. Доуви взяла трубку и через несколько секунд попросила отца срочно подойти.

Мы с Зили и отцом поехали в отель «Крим». Когда мы заявили, что тоже поедем, отец не стал возражать; по телефону Сидни Крим сообщил,

что с Дафни что-то случилось, и отец, который никогда не мог совладать с Дафни в одиночку, видимо, был рад нашей поддержке.

У отеля было припарковано несколько полицейских автомобилей, а от пляжа к дому туда-сюда бегали мужчины в дождевиках, выкрикивая какие-то указания.

— Что она натворила? — спросила Зили. — Забралась в воду? — Она прислонилась лбом к покрытому каплями дождя стеклу машины, а в это время за нами остановился грузовик с катером на прицепе. Я надеялась, что отец сделает что-нибудь, возьмет на себя контроль над ситуацией, но он сидел за рулем и не шевелился, а вокруг под тихий шум мотора полыхали размытые отблески красных полицейских мигалок.

Наконец кто-то заметил, что мы приехали. К нашему автомобилю бросился Сидни Крим, который держал над головой сложенную газету. Не дожидаясь, пока отец выключит мотор, он открыл водительскую дверь.

— Мне очень жаль, Генри, что беспокою тебя в такой день. Но Дафни пропала.

– *Пропала?* — сказал отец все тем же тихим и сдавленным голосом. Тут Сидни заметил нас с Зили на заднем сиденье. — Здравствуйте, де-

вочки, — сказал он, пытаясь приободрить нас улыбкой.

— Я не стал ничего говорить по телефону, потому что надеялся, что к вашему приезду Дафни найдется. Прошу вас, пойдемте в дом, — сказал он и побежал к двери.

Сидни провел нас в гостиную с уже знакомыми нам арочными окнами, выходящими на пролив Лонг-Айленд, в это время казавшийся темной бесформенной массой. Меньше всего я хотела оказаться здесь — в комнате, где проходила свадьба Розалинды.

За большим круглым столом в центре комнаты сидела Вероника, мокрая от дождя и укутанная в одеяло; ее мать утешающими движениями гладила ее вверх и вниз по спине и убирала мокрые пряди волос со лба.

— Ну же, успокойся, милая, — говорила она нежно, словно мурлыкая.

За другим столом сидели двое полицейских, изучая карту и отхлебывая кофе из термосов. Казалось, что они весь день провели на берегу, и я подумала, сколько, интересно, прошло времени, прежде чем отец Вероники решился позвонить нам.

Отец последовал за Сидни к столу, где сидели

Вероника с матерью. Сидни пригласил нас сесть, и вскоре официантка принесла поднос с кружками кофе. Отец немедленно взял одну и начал пить.

— Вероника, расскажи мистеру Чэпелу, что произошло, — попросил Сидни.

Миссис Крим, обнимавшая дочь, утешающим жестом сжала ее плечи. Вероника высморкалась в салфетку — ее лицо опухло от слез, с ресниц по щекам стекала черная тушь.

— Она пошла купаться, — прошептала Вероника.

— Расскажи сначала, — сказал ее отец.

Вероника повернулась к матери, и та обнадеживающе кивнула.

— Она приехала в отель. Не знаю, как она сюда добралась, — сказала Вероника, и я поняла, что никогда раньше не слышала ее голос. Он был низким и обволакивающим, как у ее матери. — Она ужасно горевала о Калле. Сказала, что дома больше находиться не может.

— Мы выделили ей комнату и разрешили остаться на несколько дней, — сказала миссис Крим. — Мы собирались вам позвонить, — добавила она. Мой отец, впрочем, вряд ли смог бы пожаловаться на то, что они укрывали его дочь, —

он даже не заметил, что она ушла из дома.

Вероника рассказала, что Дафни поспала несколько часов, а они с мамой по очереди заглядывали к ней, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Когда Дафни проснулась, они с Вероникой поужинали жареным цыпленком прямо в комнате, куда Вероника также принесла выпивку. В этом месте рассказа Вероника, не в силах выносить укоряющих взглядов родителей, стала смотреть в окно на полицейских, стоявших на ведущей из гостиной к пляжу террасе.

По словам Вероники, Дафни быстро опьянела и сказала Веронике, что не может жить без Каллы, Эстер и Розалинды. Она все время повторяла: «Я следующая!» Мы с Зили переглянулись, но не осмелились сказать отцу, что Дафни и дома вела себя точно так же. А ведь он просил нас проведать ее… только мы с этим справились не очень.

— Она начала рыдать, впала в истерику, — сказала Вероника. — Потом выбежала из дома и бросилась к проливу, хотя уже было темно и очень холодно. — При воспоминании об этом по телу Вероники пробежала дрожь. — Она вошла в воду, а я кричала ей с берега, чтобы она вернулась, но она заходила все глубже и глубже. Я умоляла ее перестать, но она легла на воду

и поплыла. В какой-то момент она уже была так далеко, что скрылась из виду, а потом… — Голос Вероники сорвался, но она заставила себя закончить рассказ: — Она стала звать на помощь. Кричала, что ее тянет на дно. Я не знала, что делать, и побежала за мамой… — Вероника согнулась пополам и зарыдала еще сильнее.

— Мы бросились к воде, — сказала миссис Крим, продолжая гладить дочь по спине. — Стали звать Дафни, но она не откликнулась.

Через гостиную ходили полицейские, использовавшие террасу для выхода к заливу. Отец, Зили и я какое-то время сидели молча, переваривая сказанное.

— Это невозможно, — наконец сказал отец, допивая кофе. — Только не сегодня. Это просто невозможно. Давайте поищем в отеле и на близлежащей территории. Она наверняка просто где-то прячется.

Миссис Крим казалась обиженной:

— Но Вероника видела, как она ушла под воду.

— Она этого не говорила, — ответил отец. — Она сказала, что Дафни уплыла слишком далеко и исчезла из виду.

— После похорон Каллы Дафни говорила, что хочет убежать. Она собрала рюкзак с вещами, —

сказала я, взглянув на Зили.

— Ну вот, я же говорил, — раздраженно сказал отец.

Миссис Крим принялась было снова защищать версию, которой придерживалась ее дочь, но Сидни ее прервал.

— Я организую поиски, — сказал он и вышел из гостиной вместе с моим отцом.

Мы с Зили остались сидеть за столом с Вероникой и ее матерью. Официантка принесла еще кофе, какао и тарелку с песочным печеньем — снова эта пища для людей, понесших утрату. Миссис Крим вышла из-за стола и вернулась с небольшой бутылкой бренди. Она налила немного в кофе — себе и Веронике.

— Вряд ли стоит надеяться на то, что Дафни где-то в отеле, — сказала она, обращаясь непонятно к кому. — Она бы не смогла так с нами поступить.

— Вы не знаете ее так, как знаем мы, — сказала я, и миссис Крим удивленно повернулась ко мне. По всей видимости, она говорила с Вероникой, а не с нами.

— Солнышко, я была бы очень рада, если бы Дафни обнаружилась в каком-нибудь шкафу, — сказала она с искренним теплом в голосе. Так

вот что значит иметь мать, подумала я. Это значит иметь кого-то, кто называет тебя *«солнышком»*. — Проблема в том, — продолжила миссис Крим, — что Дафни уплыла слишком далеко, а вода очень холодная. Через несколько минут у нее наступило бы переохлаждение. Я не хочу никого пугать или быть жестокой, но я точно так же не хочу, чтобы отец вас безосновательно обнадеживал.

Я встала и пошла к двери — мне хотелось уйти оттуда, уйти от Вероники, рядом с которой я чувствовала себя неловко. Зили, как всегда, последовала моему примеру, и я сказала ей, что мы можем пойти искать Дафни, чтобы принести хоть какую-то пользу.

— Ты правда думаешь, что она прячется? — спросила Зили.

— Не знаю. Может быть, — сказала я.

Мы прошли по коридору первого этажа по скрипучему, неровному, скошенному вбок паркету, проверяя все двери — они оказались заперты. В межсезонье в отеле царила тишина, постояльцев почти не было — мы заметили лишь одну пожилую пару; увидев нас, они поспешили вернуться к себе в комнату. Они наверняка знали, что происходит, и теперь станут рассказывать

внукам, как однажды, во время их поездки в Коннектикут, в отеле пропала молодая девушка. Для них это было лишь сопровождение их истории.

Мы поднялись на второй этаж и снова стали проверять все двери. Одна из них оказалась не заперта — я постучала, подождала немного и вошла. В комнате горела лампа и стояли две кровати, одна из которых была не заправлена. На столе у окна стоял поднос с остатками цыпленка. Судя по всему, это была комната Дафни. Я вспомнила о рюкзаке и принялась его искать.

Зили мне помогала, но в обычных местах мы его не нашли. Мы посмотрели в ванной комнате, под кроватью и в темных углах комнаты.

— А зачем мы ищем рюкзак? — спросила Зили.

— Потому что если его здесь нет, то вполне возможно, что Дафни *и правда* где-то прячется. Зачем ей убегать без рюкзака. — У меня вдруг появилась надежда. Мы продолжили поиски, и на несколько минут это как будто стало для нас делом жизни и смерти. Потом Зили крикнула мне, что нашла его — у стены за комодом.

Я вытащила из него джинсовый комбинезон, скомканный в клубок, желтую блузку и пару белых носков. Альбома для рисования не было.

— Это значит, что она не убежала? — спросила Зили.

— Не знаю, — сказала я, но я знала, что это плохой знак.

Остаток дня мы провели в этой комнате: спали или просто лежали, слушая шум волн за окном. Никто не пришел нас искать — нас вообще редко кто-либо искал. Утром мы спустились в гостиную. Миссис Крим все еще обнимала безутешную дочь — судя по всему, они так и просидели всю ночь за круглым столом посреди комнаты.

Мы с Зили присели к другому столу. Солнце уже встало, моросил легкий дождь, небо было одновременно серым и ярко-белым. Отец стоял на террасе с кружкой кофе в руках, беседуя с Сидни и капитаном полиции, — все трое смотрели вдаль, на воды пролива Лонг-Айленд. Было ясно, что Дафни в отеле они не нашли. Появилась официантка — та же, что и прошлым вечером. Она принесла апельсиновый сок, а через несколько минут вынесла нам чай и хлебные тосты. За окном продолжалось казавшееся беспорядочным движение катеров и полицейских на берегу. Мы с Зили наблюдали за этим, намазывая масло и малиновый джем на тосты и отхлебывая чай. Казалось, что с аппетитом завтракать в такой

ситуации — довольно странно, но мы были голодны. Какое-то время бурная деятельность у воды продолжалась, а потом довольно резко прекратилась. Дождь полил сильнее, катера вернулись на берег, полицейские разошлись по машинам.

— О нет, — сказала я, опуская на стол чашку с чаем.

— Что? — спросила Зили.

— Они закончили поиски, ты что, не видишь?

— То есть они *нашли* ее?

Отец вошел в гостиную и схватился руками за стол.

— Вы в порядке, девочки? — спросил он. Он выглядел еще хуже, чем прошлым вечером, — мокрые волосы и одежда, небритое лицо, голос едва слышнее шепота.

Сидни Крим и капитан полиции тоже вернулись в отель.

— Есть ли какие-нибудь новости? — спросила миссис Крим у мужа. Вероника, выглядевшая слабой и утомленной, выпрямила спину и сделала глоток кофе.

— Боюсь, что нет, — сказал мистер Крим и кивнул моему отцу, который понял сигнал.

— Полиция решила прекратить поиски, — объявил он.

Я ничего не понимала.

— То есть как? Вы ее нашли?

— Нет, не нашли, — сказал он.

— Ей пришлось бы провести в воде много часов в дождь и холод, — сказал капитан полиции. — Но никаких признаков ее пребывания там мы не обнаружили. В таких условиях выжить просто невозможно. Мне очень жаль.

Отец повернулся к нам с Зили, ожидая нашей реакции и пытаясь предугадать, какие меры потребуются. Мне показалось, что капитан сказал: «Ее тело должно прибить к берегу через несколько дней». Но ведь он не мог такого сказать, правда же?

Зили словно парализовало; она побледнела и задрожала. Но прежде чем кто-то успел на это отреагировать, мы услышали истошный вопль. Вероника вырвалась из рук матери и теперь стояла в центре комнаты, подняв голову и громко крича. Отец с матерью пытались остановить ее, но им это не удалось: Вероника продолжала биться в агонии.

Этот спектакль я не хотела ни видеть, ни слышать. Я встала и прошла мимо отца к выходу. Дафни покинула нас. Я сочувствовала Веронике, но смотреть на нее больше не могла. Мне

уже хватило слез и криков — моих собственных или чьих-либо еще.

Я побежала к воде, вдыхая запах дождя, который падал на песок, окутывал меня, лился сквозь меня, словно очищая меня изнутри. *Беги!* Услышала я мамин голос в своей голове. Так поступила Дафни: она сначала бежала, а потом плыла до тех пор, пока не замерзла и не выбилась из сил; и вот она уплыла в забвение. Но вряд ли мама это имела в виду.

Я смотрела на серые волны. Где-то там была Дафни, а Калла, Розалинда и Эстер лежали в своих могилах; всех четырех поглотила эта земля. Но не меня. И пускай я, может быть, буду следующей, но я все еще жива. А это хоть что-то да значит.

Я оглянулась на отель и увидела Зили — она вышла на улицу и щурилась, глядя на небо. Потом она прошла по террасе, разыскивая меня.

— Айрис! — позвала она. — Ты где?

— Я здесь, — сказала я недостаточно громко для того, чтобы она услышала, зная, что она все равно меня найдет. Потом она увидела меня на берегу, подошла, встала рядом и взяла меня за руку.

И их осталось двое.

Так мы стояли вместе на краю моря — *АйрисиЗили* — а перед нами, казалось, расстилался весь мир. Я поклялась, что с нами никогда не случится то, что случилось с сестрами.

Нам предстоит узнать смысл этого «Беги!», и мы будем бежать вместе.

Голубой дневник
Третий том

Трупный цветок
1957

1

Был последний день семестра, и лето лежало передо мной, как ленивый кот на залитом солнцем пледе. Девочки из моего художественного класса пригласили меня на ланч в честь начала летних каникул, и я пошла с ними, с этими Джоаннами и Полли, в кафе через дорогу. Они позвали меня лишь потому, что я сидела рядом и слышала, как они строят планы, но мне было все равно. Я была очень голодна.

В переполненной закусочной они отыскали столик с видом на оживленную главную улицу. Я заняла место у окна. Мои спутницы заказали легкие закуски: салаты от шефа, томатный суп с устричными крекерами. Я заказала сэндвич с пастрами на ржаном хлебе с двойной горчицей.

— Половинку? — спросил официант, уже записывая это в блокнот.

— Целый! — ответила я, и он удивленно приподнял одну из своих кустистых бровей. Эта

бровь меня раздражала.

— А еще я буду суп с клецками из мацы. — Мне вдруг захотелось его шокировать — на самом деле супа я не хотела. Мне было всего двадцать лет, но я уже давно поняла, как мало нужно женщине, чтобы шокировать мужчину.

— В чашке?

– *В миске.* — Я протянула ему меню. — И крем-соду.

Он взял меню и, уходя, снова поднял бровь.

Пока мы ждали еду, разговор перешел к планам на лето. Летние месяцы у всех были расписаны: кемпинг в горах Адирондак, поездка на автомобиле к родственникам в Висконсине, дом отдыха в Кэтскиллз, Ниагарский водопад. Я слушала их беседу, глядя на кирпичный фасад колледжа через дорогу. Заканчивался мой второй год обучения в Педагогическом колледже Грейс-стрит; я официально добралась до экватора своей учебной программы. Даже теперь, спустя два года, я все еще удивлялась, что отец разрешил мне сюда поступить, согласившись с тем, что профессиональная карьера — скромная, подходящая для женщины профессиональная карьера — хороший выбор для меня. Мы никогда не говорили о том, что замуж я не выйду, но нам и не нужно

было произносить это вслух. Мы оба это знали.

— А вот Айрис этим летом будет не очень-то весело, — сказала одна из Джоанн и, когда я повернулась к ней, ласково мне подмигнула — прибившейся к ним девочке, приглашенной на ланч из благотворительных побуждений. Я записалась на интенсивный курс художественного мастерства в своем колледже, а это означало посещение занятий с понедельника по пятницу весь июнь и июль. Так я счастливо заполнила две трети своего лета, и это было лучше, чем оставаться дома с Зили.

— А после курсов, Айрис? — спросила одна из Полли. — Надеюсь, ты запланировала хоть что-то *веселое* на остаток лета? — сказала она, размешивая сахар в своем айс-ти. Они все считали меня неудачницей. Я держалась особняком и не заводила настоящих друзей. Мне было трудно открываться другим людям, трудно быть одной из них. Слишком много секретов.

— Нет, не запланировала, — сказала я, не собираясь опровергать их представления обо мне. — Ничего не буду делать.

Мы перестали ездить в Кейп-Код каждый июль. Эти поездки прекратились после смерти Эстер, и возобновлять их никто не собирался. После того

как Белинду отправили в санаторий, а Розалинда, Калла и Дафни нас оставили, мы в течение нескольких лет проводили лето дома. («Нас оставили» — порой я использовала эвфемизмы для описания смерти моих сестер, из-за чего казалось, что они просто отправились в длительный отпуск… а может, так и было, может, именно так выглядит рай.) Потом отец по какой-то причине решил, что нам с Зили нужно посмотреть мир, и летом 1953 года взял нас с собой в поездку по Европе, а через два года, после слезных просьб Зили, согласился еще на одну. Это были волшебные месяцы, но на этом наши летние приключения закончились, и мы снова перестали куда-либо выезжать. Когда Зили спросила, поедем ли мы в Европу в этом году, отец сказал, что не может оставить дела. Прибыльные для «Чэпел файрармз» послевоенные годы закончились, и компания постепенно скатывалась в застой. Мирное время было благом для большинства американцев, но не для нас.

Официант принес наш заказ. Мой сэндвич был огромным, как и миска супа, которую я отодвинула в сторону.

— Ого, ты явно проголодалась! — сказала одна из Полли, аккуратно дотрагиваясь вилкой

до своего салата айсберг. Девочки часто говорили о *похудении*, о том, что им нужно сохранять форму для будущих кавалеров, женихов или в целом для мужчин, но мне об этом не нужно было заботиться. Я жадно вгрызлась в сэндвич. Пока я пыталась уместить его во рту, все эти Полли смотрели на меня. Наверное, не очень женственно так широко раскрывать рот в общественном месте. Да и вообще где-либо.

Они продолжали болтать о летних каникулах, что позволило мне сосредоточиться на сэндвиче и его божественной начинке из соленого мяса и острой горчицы. Я имела обыкновение погружаться в себя и блокировать происходящее вокруг, и вскоре я слышала лишь звуки собственных челюстей и редкие, приглушенные реплики угрюмого официанта в другом конце зала. Я видела, как шевелятся губы у трех Полли, сидевших напротив меня, но никаких звуков до меня не доносилось. Их затылки были мне больше знакомы, потому что все трое целый год сидели на занятиях передо мной. В качестве выпускной работы я нарисовала их сзади: три птички на ветке дерева, каждая с пушистым хвостом светлых волос. Рисунок я назвала «Птички Полли». Они подумали, что я над ними издеваюсь, но я вовсе

не пыталась их обидеть. В некоторой степени я даже им завидовала. Ведь все знали, что значит быть Полли. Но никто не знал, что значит быть Айрис — никто, даже я сама.

Позже тем днем, когда занятия закончились, коридоры наполнились возбужденными голосами. Не желая выделяться, я весело улыбалась, проходя мимо однокурсниц и желая им веселого лета, хотя никакого веселья не ощущала.

Я прошла несколько кварталов к месту парковки своего «Ситроена Ди-Эс». Темно-нефритовый, 1955 года выпуска — отец купил мне его на окончание средней школы. Мы вместе поехали в салон подержанных автомобилей — отец сразу сказал, что новую машину покупать не будет, потому что для девушки моего возраста это слишком. Как только я увидела «Ситроен», я поняла, что хочу именно его, особенно после того, как продавец сказал, что «Ди-Эс» по-французски произносится *déesse*, что значит *богиня*. Он показал мне «Форды» и «Шевроле», но меня больше ничего не заинтересовало.

— Хочу эту, — сказала я отцу, проведя рукой по глянцевому зеленому капоту. Отец возразил, что такая машина не для меня, но я была с ним не согласна. Ирида, в честь которой меня назва-

ли, — богиня радуги, мне мама в детстве часто об этом говорила. Я никогда не просила слишком многого. И я заслужила эту машину богини.

Продавец сказал, что «Ситроен» раньше принадлежал йельскому профессору, который был вынужден спешно вернуться домой в Лион, так что это хорошая сделка. Я сказала отцу, что такая машина подойдет мне гораздо больше, чем популярные в ту пору громоздкие американские автомобили; это была машина будущего, и я намеревалась ездить на ней очень долго. В конце концов отец согласился.

Я всегда парковалась в нескольких кварталах от колледжа. Большинство сокурсников приезжали на учебу на автобусе или поезде, и я беспокоилась, что машина слишком много скажет обо мне. Ни один студент, ни один преподаватель ни разу не поинтересовался происхождением моей фамилии, никто ни разу не сказал: «Чэпел? Из династии *оружейников*?» Возможно, дело было в том, что в колледже в основном учились женщины. Он располагался всего в получасе езды от моего дома, но студенты там были из разных округов — Нью-Йорка, Нью-Джерси и Уэстчестера, и, хотя большинство были белыми, в колледже учились представители самых

разных этнических групп. Я оказалась в многонациональном окружении, и мне это нравилось. Я больше не была «выжившей», каковой считалась в Беллфлауэрвиллидж. Когда меня спрашивали, есть ли у меня братья или сестры, я отвечала: «Да, у меня есть сестра». Наверное, именно тогда я и начала придумывать себя заново.

Добравшись до машины, я поняла, что еще всего три часа дня и домой мне ехать слишком рано. Обычно по пути я забирала Зили из школы: отец хотел, чтобы кто-то за ней приглядывал. Он беспокоился, что, если ее оставить одну, ее ждут неприятности, а под «неприятностями» он имел в виду мальчиков. Но Зили выпустилась из школы неделю назад, и мне не нужно было за ней заезжать. Она уже была дома, и я не торопилась к ней присоединяться.

Я решила прокатиться. Мне очень нравилось ездить на машине без особой цели, наслаждаясь свободой. «Ситроен» был единственной материальной вещью, которая что-то значила для меня. Да, у меня были платья, туфли и драгоценности, но, очутись они в мусорном баке, я бы не слишком переживала: это были вещи-однодневки. А машина может увезти меня куда угодно: в Сан-Франциско, Мехико, или Юкон,

или в бесчисленные пункты назначения где-то посередине, и я верила, что однажды так и будет. Иногда ночью я лежала с открытыми глазами и думала об открывающихся передо мной возможностях.

Я проезжала коммерческие улицы района Рай, мимо магазинов одежды, пекарен, женщин с колясками и старушек с миниатюрными собачками, направляясь в сторону «Эплсид Эстейтс». Нельзя сказать, что я часто туда наведывалась, но после нескольких визитов это уже была знакомая дорога. Мимо меня проплывали колониальные и тюдоровские особняки, дома в стиле кейпкод и ранчо, дети на велосипедах, почтовые грузовики и матери за рулем универсалов, и вот наконец я добралась до Граус-корт.

Не заезжая в переулок-тупик, я остановилась на соседней улице — через дорогу от места нашей с Эстер остановки в тот день, когда она привезла меня, Розалинду и Зили посмотреть на свой симметричный домик «четыре на четыре». Я заглушила мотор и опустила стекло. За все это время в доме два раза менялись жильцы: сначала это была семья с маленьким мальчиком, который любил читать на крыльце; они съехали ранней весной, и в доме теперь жила новая семья. Я

лишь однажды краем глаза видела отца семейства — приехав домой, тот подобрал забытый во дворе трехколесный велосипед или футбольный мяч и вошел внутрь. Очевидно, у него были жена и дети, но их я никогда не видела: надолго я сюда не приезжала. Смотреть на этот дом было невыносимо, и все же время от времени меня тянуло сюда.

Со свадьбы Эстер прошло семь лет. Если бы она сейчас была жива, ее старший ребенок уже пошел бы в школу. Я часто рисовала у себя в голове непрожитые жизни своих четырех старших сестер. У Эстер, решила я, будет трое детей. Конечно же, девочек — Эстер хорошо управлялась с ватагой девчонок. Она будет вести разнообразную жизнь: клуб садоводства, активная помощь в школе, веселые выходные в зоопарке или в ботаническом саду. Ее дорогой Мэтью заведет роман с пышногрудой секретаршей, познакомившись с ней на офисной вечеринке, и начнет являться домой поздно, с нелепыми отговорками и запахом джина на губах. Однажды он погибнет, возвращаясь из командировки в Чикаго, — его самолет разобьется на кукурузном поле.

У Розалинды, несмотря на желание иметь одну дочь, будет двое непоседливых мальчи-

шек-близнецов, которых ей хватит сполна. («С деторождением я *точно* завязала, Родди!») Она сделается экспертом по разведению лошадей в техасском Мидленде и станет блистать подле Родди, устраивая приемы для элиты нефтяного бизнеса. Родди однажды тоже погибнет в авиакатастрофе, возвращаясь из поездки в Венесуэлу, где он пытался провернуть какие-то делишки.

С Каллой и Дафни мне пришлось чуть больше напрячь фантазию: их жизненный путь был не таким очевидным. Однажды они уедут в Европу и снимут мансарду в Париже; Дафни будет рисовать, Калла — писать стихи. Дафни будет зарабатывать на жизнь шаржами на туристов у берегов Сены, а Калла устроится официанткой в кафе, положив в карман фартука неизменный блокнот со стихами. Через несколько лет они вернутся домой. Дафни переедет в Нью-Йорк — я так и вижу ее в черной водолазке и брюках, с мальчишеской стрижкой и ярко-красной помадой; она живет в квартире с «подругой» по имени Марджори или Сюзанна. А Калла найдет покинутый монастырь в Гудзонской долине и станет жить там при свечах. Она будет питаться только хлебом и водой, а крошки скармливать птицам, продолжая писать стихи. При жизни ее работы

не будут опубликованы, а умрет она в глубокой старости от легочной инфекции, вызванной древним штаммом бактерий, притаившихся между холодными камнями ее дома.

А как насчет Айрис и Зили, какая жизнь ожидает их? Над этим мне еще предстоит поработать.

В машине я наслаждалась последними минутами свободы, свернув у Гринвича на северо-восток, в сторону дома. По краям проселочной дороги плотно росли деревья, ветви которых прогибались под тяжестью поздней листвы. В воздухе стоял густой цветочный аромат, который всегда наполнял воздух в окрестностях Беллфлауэр-виллидж, и я закрыла окна. Эта навязчивость была типичной для нашего дома — он словно проникал во все поры.

Под конец я решила заехать в пекарню в Беллфлауэре. Обычно я избегала визитов в город и ненавидела каждую секунду пребывания там, но мне хотелось порадовать Зили и купить нам с ней что-нибудь сладкое к чаю. Припарковавшись на Мейн-стрит у кафе-мороженого, я взяла сумочку и вышла из машины. Захлопнув дверь, я увидела за столиком у окна доктора Грина с женой и, видимо, внуками — мальчиком и девочкой. Несколько лет назад доктор Грин вышел

на пенсию, а поскольку врачей я избегала, его преемник был мне неизвестен.

Глаза доктора и его жены были устремлены на меня — при этом он смотрел на меня испытующим взглядом врача. Я так же холодно посмотрела на них в ответ: улыбаться и махать им рукой — что, должно быть, от меня ожидалось — я не стала. Потом я резко развернулась и побежала через дорогу в сторону пекарни.

В пекарне была очередь, и я тут же почувствовала раздражение из-за вынужденного ожидания. Когда я заняла место в очереди, стоявшая передо мной женщина обернулась и уставилась на меня. Кто-то улыбнулся, кто-то кивнул, остальные исподтишка поглядывали на меня. Под их коллективным взглядом я переминалась с ноги на ногу и вежливо улыбалась, зажав под мышкой сумочку, словно французский багет, и глядя куда-то вниз.

— Мисс Чэпел! Как редко вы к нам заходите! — сказал мистер Таттл, когда я подошла к прилавку.

Я рассматривала витрину с разложенными на ней пирожными, бутербродами и разного вида выпечкой.

— Я не так часто приезжаю в город, — ответи-

ла я, пока остальные изо всех сил напрягали свой слух. Я выбрала меренги с лимонной помадкой и свежей ежевикой — мне казалось, что такое изысканное лакомство должно понравиться Зили. Мистер Таттл упаковал мой заказ, протянул мне розовую коробочку и, улыбаясь, сказал: «Приходите еще!» — а я подумала: «Это вряд ли.

Я остановилась на подъездной аллее, немного не доезжая до «свадебного торта». Вцепившись в руль, я смотрела на наш громадный сахарный дом. Моя автобогиня могла бы унести меня прочь отсюда, куда бы я ни пожелала, и все же день за днем я возвращалась домой.

Все из-за Зили.

Я проехала остаток пути и припарковалась в начале аллеи, оставив в машине сумочку и коробку с пирожными, чтобы забрать их по пути домой — сперва же, как обычно, я собиралась прогуляться (чего не сделаешь, чтобы отдалить неизбежное!). Огибая дом с правой стороны, я старалась не смотреть на семейный участок, где лежали четыре мои старшие сестры (тело Дафни обнаружили рыбаки через неделю после ее исчезновения). Несколько лет я исступленно ухаживала за могилами, сажала цветы вокруг надгробных камней, одержимая мыслью о том,

что их корни проникают в землю, туда, где покоятся сестры, и подкармливаются от них. Но со временем я оставила это занятие, почувствовав, что так я лишь еще больше отдаляюсь от них. Я не умела балансировать между миром живых и миром мертвых, как это делала моя мать.

Обойдя дом, я прошла мимо сада Белинды, за которым по-прежнему ухаживал мистер Уорнер, а потом вдоль террасы, мимо лягушачьего пруда, к лугу. Там я сбросила туфли и, не снимая носков, с наслаждением прошлась по прохладной земле. Касаясь руками верхушек высокой травы, я пересекла поляну маргариток. Надо мной пели птицы, и я шла дальше, любуясь раскинувшимся передо мной звездным полем, бесконечными волнами золотистого мака.

Посреди луга я остановилась и встала на колени. Теперь у меня были новые ритуалы. Я закрыла лицо руками, глубоко вдохнула и закричала.

Я кричала громко, так долго, насколько хватало воздуха; гортанные звуки царапали мне горло и изнуряли голосовые связки. Этот крик был сродни ночным воплям моей матери и завыванию сестер в их последние минуты жизни. Это был крик чэпеловских женщин.

Закончив, я какое-то время сидела на коленях,

не отнимая рук от лица. Я оставалась в таком положении до тех пор, пока мой слух вновь не начинал воспринимать пение птиц.

2

Проснувшись на следующее утро, я ощутила на своей шее дыхание прильнувшей ко мне Зили, которая спала, обхватив меня руками и переплетя свои ноги с моими. Поняв, что не смогу пошевелиться, пока она не проснется, я снова закрыла глаза, чувствуя спиной нежное биение ее сердца.

У нее появилась привычка иногда забираться ко мне. Она делала это несколько раз в неделю — возможно, даже не до конца при этом просыпаясь. С утра она вылезала из моей кровати и ложилась в свою, словно ничего этого не было. Я понимала, что она уже слишком взрослая для таких нежностей, но позволяла ей эту слабость. Зили была для меня как ребенок — я уже тогда понимала, что ничего даже близкого к этому в моей жизни больше не будет, и находила радость в том, что я кому-то нужна, что кто-то меня обнимает. К тому же для меня это был единственный шанс ощутить физический контакт.

Наша спальня была на первом этаже, под деви-

чьим крылом. Если бы наверху кто-то жил, мы слышали бы шаги прямо над нами, но теперь, конечно, там царила тишина. После смерти Каллы и Дафни мы переехали из просторной спальни, разрисованной пурпурными ирисами и колдовским орехом, в пустовавшую гостиную внизу.

Когда-то это была гостиная нашей бабушки, и все называли ее «комнатой роз». В 1920-х там сделали ремонт: на стенах появились обои с принтом из роз; розы были на шторах, диванах и коврах; лампы Тиффани ярко горели розами, и даже каминная полка была украшена орнаментом из колючей лозы. Казалось, что бабушка готовилась к появлению Белинды и сделала все возможное, чтобы эта комната внушала ей ужас. После смерти бабушки комната долго стояла запертой, пока мы не открыли ее в поисках спальни.

Новая комната была чуть меньше, чем наша старая спальня, но в ней оказалось достаточно места для двух кроватей, которые мы поставили по обе стороны от венецианского окна, и остальной мебели. И пускай это было не самое подходящее место для нас, оставаться на втором этаже мы не хотели, как не хотели (по крайней мере, в то время) переезжать в две разные спаль-

ни. На первый этаж переместился и наш отец, переоборудовав для себя никому не нужную бильярдную на противоположном конце внутреннего двора. Мы с Зили предпочли бы вообще переехать в другой дом, но отец не хотел об этом слышать. Он говорил, что «свадебный торт» — это семейный особняк Чэпелов и мы должны оставаться в нем до конца его жизни.

Я всегда просыпалась раньше, да и в целом Зили почти во всех сферах жизни немного отставала. Я принимала ванну, одевалась, садилась за стол и читала ей газету, пока она собиралась.

— Как тебе остров Принца Эдуарда? Смотри, какой очаровательный домик, — сказала я, вырезая объявление из раздела о продаже недвижимости и укладывая его в старую коробку от сигар, где хранились вырезки из газет. — Мы могли бы жить в нем, как Энн из усадьбы «Зеленые крыши», — добавила я, решив, что это тоже звучит мило.

Зили застегнула пуговицы на своем льняном платье, мандариновый цвет которого был ей не слишком к лицу. — А снег там бывает?

— Еще как бывает.

— Тогда нет, — сказала Зили. — Мне нужен теплый климат.

— На прошлой неделе ты была готова ехать в горы Колорадо!

— Тогда зачем ты вообще предлагаешь этот остров?

Зили вредничала, но это была всего лишь игра. Мы поклялись, что, когда я окончу педагогический колледж, то есть через два года, мы уедем из Беллфлауэр-виллидж и поселимся где-нибудь еще. Я бы нашла работу учителем, а Зили… ну, эта часть плана пока оставалась неясной.

Белинда сказала мне: «Беги!» — и пока это было лучшее, что я могла придумать. Жизнь, которую я рисовала в голове для себя и сестры, была до крайности обыкновенной — работа учителем и скромный дом, в котором живут две старые девы и их кошки. Рисованием я собиралась заниматься в виде хобби. Иногда меня удручало отсутствие воображения и некоторой дерзости в отношении будущего, но наша главная задача — выжить, а это важнее, чем приключения.

Отец об этих планах даже не догадывался, это был наш с Зили секрет. Каждую неделю он выплачивал нам щедрое содержание, и половину своих денег я откладывала на счет в банке. От Зили ожидалось то же самое, но она тратила все до последнего цента на ненужные платья

и сумочки, которые в день отъезда не поместились бы в «Ситроен». Я же любую покупку оценивала именно с этой стороны: смогу ли я увезти это в «Ситроене»?

Я по-прежнему просматривала раздел недвижимости, когда Зили высоким голосом спросила:

— А Калифорнию мы не рассматриваем?

— Северную или Южную?

— Хмм, — сказала Зили, на секунду перестав пудрить лицо. — А где больше солнца?

— В Южной, конечно.

— Тогда давай поедем туда, купим дом с лимонными деревьями и пальмами и будем целыми днями загорать.

— В смысле *ты* будешь загорать, пока я на работе?

— Да, — сказала она, не обратив внимания на сарказм. — А вечерами мы будем ходить на вечеринки с кинозвездами.

— А я буду сидеть у бассейна и проверять школьные работы.

— Звучит отлично.

Я вырезала объявление о продаже коттеджа на побережье Флориды и положила его в коробку.

— Зили, если ты хочешь вести такой образ

жизни, тебе тоже нужно пытаться откладывать деньги. Иначе мы отправимся в Небраску. Или в Монтану. Или в Арканзас. А это довольно далеко от кинозвезд.

— Пфф.

Когда она была готова, мы отправились завтракать. Зили вошла в столовую и поздоровалась с отцом, я же направилась в сторону лестницы. Это был еще один ритуал. Я уже почти поднялась наверх, когда услышала голос Доуви.

— Миссис О'Коннор уже накрыла на стол. Еда остывает.

— Я всего на минутку, — ответила я, глядя на нее с лестничного пролета, но она не сдвинулась с места. Мне не нравилось, что она за мной наблюдает. *«Оставь меня в покое, Доуви*, — хотелось ей сказать. — *Улетай»*.

Ни Доуви, ни Зили, ни отец не знали, зачем я каждое утро перед завтраком поднимаюсь наверх. Они и не спрашивали. Когда-то на втором этаже «свадебного торта» кипела жизнь, но теперь его как будто не существовало. Если бы кто-то попросту отрезал этот верхний слой, возражений бы не последовало. Но для меня все было по-другому.

Я поднялась по лестнице и прошла мимо ро-

дительского крыла — там царил полумрак, и все двери были закрыты. Затем я дошла до той части дома, где мы жили с сестрами.

— Доброе утро, девочки, — обратилась я к коридору закрытых дверей. Ответного приветствия я, конечно, не услышала. Что бы ни придумывали служанки, здесь не было прозрачных фигур в белых одеждах — здесь были лишь тени отсутствия. Мои сестры оставили после себя так много *небытия* — все эти застывшие предметы и вечное безмолвие. Гнетущая неподвижность, царившая здесь, могла любого свести с ума.

Сказать по правде, я бы предпочла прозрачные фигуры в белых одеждах.

Несколько мгновений я размышляла, в какую комнату зайти. За день до этого я носила духи Эстер — значит, теперь была очередь Розалинды. Открыв дверь в их спальню, я окунулась в мягкий утренний свет, насыщенный и желтый, как цветки календулы. По моей просьбе служанки оставляли шторы открытыми, хотя двери они всегда закрывали. Меня утешала мысль о том, что спальни над моей головой наполнены светом, а не погружены во тьму — в конце концов, это не склепы.

От моих почивших сестер у меня остались

лишь их вещи: бутылочки духов и серебряные расчески, баночки ночного крема и полные платьев шкафы. Их кровати были аккуратно заправлены, вязаные покрывала сверкали белизной, а у изножий лежали аккуратно сложенные стеганые одеяла. Цветы на стенах поблекли и местами потрескались, и это было единственным свидетельством уходящего времени.

Я подошла к туалетному столику Розалинды — там лежали вещи, которые она не забрала перед отъездом, и вещи, которые семья Родди вернула нам после ее смерти. На золоченом подносе лежали ее кольца, и я взяла свое любимое — коралловую камею. Прежде чем надеть его на палец, я вытянула из ее расчески один волосок, стараясь не трогать при этом остальные, и туго обвязала его вокруг безымянного пальца. Сверху я надела кольцо — каштановый волос не позволял ему соскальзывать.

Я спустилась вниз, чувствуя, как волосок сжимает мой палец, словно Розалинда сама держит меня за руку. Кольцо я перевернула камнем внутрь, оставив на виду лишь золотой ободок, чтобы не привлекать лишнего внимания Зили. До меня доносились голоса Зили и отца, и я остановилась у двери.

— Ну почему мне нельзя пойти? — спросила Зили. У наших соседей, семьи Хелланд, намечалась вечеринка, и Зили отчаянно хотела туда попасть.

— С нами сегодня ужинает важный гость, — сказал отец, — и вы с Айрис нужны мне дома.

Я неохотно вошла в комнату — эта реплика будто бы предваряла мое появление. Отец сидел во главе стола, одетый в коричневый костюм, — была суббота, но он собирался на работу. Рядом с ним, на старом стуле Эстер, сидела Зили, а мое место было с другой стороны. Они уже почти закончили завтракать; я подошла к столу и села, покручивая кольцо на пальце. Отец быстро на меня взглянул, сложил газету и положил ее на угол стола между нами.

— Так нечестно, — сказала Зили, и я знала, что она теперь будет возмущаться до конца завтрака, а потом еще и после ухода отца, хотя никто, кроме меня, ее не услышит, а я эти вопросы не решала.

— Вообще-то мне уже восемнадцать! — добавила она. Это была ее новая тактика — ненавязчиво напомнить, что теперь она взрослая и может делать все, что ей заблагорассудится. Но слишком далеко она не заходила, иначе лишилась бы финансовых благ.

Передо мной стояло светло-коричневое яйцо, приглашавшее меня откинуть верхушку и обнажить нежное желто-белое содержимое, но я все медлила, не готовая привести этот день в движение. Я подумала о предстоящих делах этого дня и поняла, что вообще не хочу ими заниматься.

Я принялась намазывать тост маслом, а Зили все препиралась с отцом, и я пожалела, что хруст хлеба под моим ножом не заглушает ее жалоб. Она была очень похожа на Эстер — округлая фигура, длинные темные волосы. (Сама я остригла волосы много лет назад: они едва доходили мне до плеч. Зили же не пугали процедуры, необходимые для ухода за длинными волосами, и она в отличие от меня много времени проводила у зеркала.) Но если внешне она и была похожа на Эстер, вела она себя совершенно иначе. Эстер всегда была самой послушной из нас и — как старшая — самой ответственной. Я не винила Зили за ее постоянные жалобы, по крайней мере иногда я ее понимала, но пока ничего не могла для нее сделать. «Еще два года, — хотелось шепнуть ей. — Держись».

Наконец я срезала верхушку яйца и начала есть, вынимая ложкой желток и размазывая его на тосте.

— Зили, не спорь, — сказала я, включившись. Новый день начался.

Зили повернулась ко мне — ее возмущенный румянец (я уверена, он там был) прятался за свежим слоем пудры. Я не вставала на сторону отца — надеюсь, она это понимала. Я вставала на сторону мира в доме, а достичь его можно было лишь определенным способом. За годы, прошедшие со смерти Дафни, я стала послушной старшей дочерью, и иногда меня саму это удивляло.

— И почему Айрис позволено иметь машину? — Она обращалась к отцу, но, прищурившись, смотрела на меня. — Это нечестно.

— У тебя нет водительских прав, — ответил отец, и Зили повернулась к нему с едва сдерживаемой яростью.

— Потому что ты не разрешаешь мне брать уроки вождения!

— Да, ну что же, — сказал отец, взяв в руки чашку с кофе. — Может быть, этим летом.

— Мне так *скучно*, а вам обоим просто нравится меня изводить. — Зили, похоже, была в настроении поныть. Видимо, решив, что с него хватит, отец поставил чашку на стол чуть более резко, чем это было необходимо, и явно был намерен

сменить тему. Он больше не был частью большой семьи — муж во главе стола, дочери по обе стороны, жена — напротив. Именно поэтому мы были нужны ему за ужином — чтобы не создавалось впечатления, что он одинок.

Отец поинтересовался, как идут дела с планированием меню, которое мы с миссис О'Коннор начали обсуждать несколько дней назад: за подобные приготовления теперь отвечала я. Роль старшей женщины семьи Чэпел я выполняла вот уже шесть лет, и это в некотором роде был рекорд — дольше на этом посту продержалась только Белинда.

— На первое — консоме, затем жареный стейк с грибами и сливочным соусом с хересом, пюре и обжаренная спаржа. И красное вино, — сказала я, и отец удовлетворенно кивнул.

К ужину ожидался мистер Кольт. Я ничего о нем не знала, кроме того, что предполагало его имя. Все эти фамилии часто звучали дома — Кольт, Ремингтон, Браунинг, Смит, Вессон; все они стояли в одном ряду с нашей. Я знала, что он собирается приехать из Хартфорда и встретиться с отцом на заводе, а потом будет ужин у нас дома с его участием. Мне казалось, этой информации достаточно. У меня и в мыслях не было, что мистер

Культ имеет какое-то значение — по крайней мере тогда. Смерть отступила от порога нашего дома много лет назад, словно темный отлив, ушедший обратно в море. Я уже привыкла жить без ее постоянной угрозы; я успокоилась. Мне было невдомек, что она вновь собирает неподалеку свои волны, чтобы вот-вот обрушить их на нас.

3

— Ну же, Зили. Это не конец света, хватит тебе киснуть! — обратилась я к сестре, когда та села в «Ситроен» и захлопнула дверь.

Каждую субботу мы ездили в санаторий к Белинде, и Зили эти поездки терпеть не могла.

— Тебе известно, что делают по субботам нормальные девушки? — спросила она, явно на взводе. — Они ездят по магазинам, делают маникюр, записываются в парикмахерскую; они ходят на вечеринки и встречаются с мальчиками. Но нет, *мы* должны навещать мать в сумасшедшем доме.

Я вручила ей обернутый в коричневую бумагу букет цветов, которые собрала в саду Белинды.

— Это не сумасшедший дом, и посещения там только по субботам, — сказала я, сворачивая на основную дорогу.

— Но с какой стати мы вообще должны ее навещать?

Поездка в Андовер-бай-си занимала около часа, но Зили в тот день так громко и неустанно жаловалась, что дорога казалась бесконечной. Когда я свернула на шоссе, Зили замолчала, это тоже было вполне в ее духе — вообще перестать со мной разговаривать. Она смотрела прямо перед собой, а по ее лицу пробегали тени. Я старалась проявлять терпение. Наши предыдущие выходные прошли ужасно, и в этом была моя вина.

В прошлое воскресенье я позвала нескольких ее друзей на пикник в честь окончания ими средней школы. Мне казалось, что я делаю доброе дело, но после пикника Зили переменилась, и я не очень понимала, как теперь быть.

Пикник проходил на лужайке в Беллфлауэр-виллидж, в центре города, неподалеку от белой беседки и пушки в честь Войны за независимость. Я не любила появляться в городе, но мне хотелось, чтобы друзьям Зили — Флоренс Хелланд и двум сестрам Кэтлин и Патрисии, чьей фамилии я уже не помню, — было удобно. Когда мы раскладывали пледы, я заметила, что на нас поглядывают прохожие, но предпочла игнорировать их взгляды.

Миссис О'Коннор приготовила для нас корзинку: термосы, полные лимонада, тарелка бутербродов, целая миска клубники и сладости. Какое-то время я сидела на пледе и даже чувствовала некое подобие счастья — солнце ласкало мое лицо, а через дорогу, у церкви, стояла моя машина, которая однажды увезет меня отсюда. В отрыве от настоящего момента я всегда чувствовала себя счастливее.

Перемена произошла после того, как я предложила всем клубнику и печенье — звездочки с корицей, которые так любила делать миссис О'Коннор. Все девочки взяли угощение, кроме Флоренс, которая сняла свои тонкие белые перчатки, и на ее левой руке блеснуло огромное обручальное кольцо с бриллиантом и сапфиром. При виде кольца девочки радостно завизжали и бросились к Флоренс, а та по-королевски вытянула вперед руку, словно ожидала реверансов.

Среди подруг Зили Флоренс была первой обручившейся — она приняла предложение сразу после выпуска, едва на ее свидетельстве об образовании высохли чернила. Я помню, что после школы мои одноклассницы так же стремительно повыходили замуж — сверкание бриллиантов пронеслось по их пальцам, как лесной пожар,

охвативший выпуск 1955 года. Теперь то же самое происходило с выпуском 1957-го.

Разговор быстро переключился на свадебные платья, медовый месяц, предстоящий переезд Флоренс в Нью-Йорк, где жила семья жениха, белье и посуду, которые Флоренс начнет присматривать для своей квартиры на Пятой авеню, подаренной родителями жениха им на свадьбу. Я перестала слушать где-то в тот момент, когда они начали говорить о будущем ребенке и его обучении, о том, что однажды этот ребенок точно так же окончит школу, а потом у него или нее будет свадьба, родятся дети, и он или она доживет до пожилого возраста, и случится это уже в двадцать первом веке — в непостижимо далеком будущем.

Вместо того чтобы слушать, я наблюдала за Зили. Она смотрела на кольцо Флоренс, пока та пила свой лимонад, тянулась за печеньем, брала клубнику, половину которой откусила, оставив на кончиках пальцев следы своей розовой помады. Сперва сапфир казался совсем маленьким — синей каплей Карибского моря, приобретенной женихом Флоренс у Тиффани. Но пока Флоренс водила рукой, пока она поправляла свои светлые волосы или тянулась

за следующей клубникой, сверкавший на солнце сапфир становился все больше и больше, и через какое-то время маленькая синяя капля превратилась в океан.

Зили тонула в нем. Разговоры о свадьбах и детях, будто крошечные иголочки, вонзались в ее сердце. Ее подруги могли бы проявить деликатность, но они были беспечны и думали только о себе, к тому же Зили *выглядела* счастливой — она сидела на пледе, поджав ноги, и ее губы расплывались в улыбке, а щеки по форме и цвету становились похожи на маленькие румяные сливы. Они не замечали, что в это время в правой руке она сжала надкушенную клубнику, и ее сок стекал сквозь пальцы прямо на кремовое платье Зили и расцветал красным пламенем у нее на бедре, словно туда только что попала пуля или стрела.

Мы с Зили получили бы приглашение на свадьбу, но никуда бы не пошли — мы обе избегали подобных мероприятий. Но я представила, как мы с ней вдвоем едем в Нью-Йорк, покупаем в Блумингдейле подарок для Флоренс, а потом, прежде чем вернуться домой с купленными каминными часами или серебряным блюдом, заходим поесть в какую-нибудь прокуренную

закусочную у Центрального вокзала.

Я смотрела на лицо Зили, пока она смотрела на Флоренс, и во мне разгоралась злость, которая в какой-то момент достигла своего пика. Я встала и объявила, что пикник окончен.

— Пора закругляться, — сказала я, отряхивая крошки печенья с платья. Девочки озадаченно посмотрели на меня снизу вверх, но Зили, казалось, была мне благодарна. Я потянула за кончик пледа, на котором сидела Флоренс, и она переползла на траву, запачкав платье. Раздраженная перспективой предстоящей поездки в Блумингдейл, я подумала, что она это заслужила.

Я отряхнула остальные пледы и засунула их в корзину вместе с пустыми стаканами, тарелками и термосами. Моя злость продолжала копиться внутри, но я старалась этого не показывать. Зили стояла, окруженная подружками, и красное пятно на ее платье теперь было видно всем; я взяла у нее клубнику и выкинула ее в траву.

— Ох, мне очень жаль, — сказала Флоренс, посмотрев на пятно, на удрученное лицо Зили и поняв наконец неуместность недавних разговоров. Флоренс прикрыла свой сапфир рукой, словно Ева, прикрывавшая наготу. — Я не хоте-

ла… я не подумала, что…

— Ты не виновата, — сказала я, чтобы избавить Флоренс от ее испуганных извинений.

Мы разошлись: девочки с облегчением с нами попрощались. Я дотащила корзинку до машины; Зили плелась сзади. Поднимая корзинку на заднее сиденье, я поняла, что мы никогда не сможем по-настоящему вырваться из всего этого. И даже если мы с ней отправимся на другой конец земли, есть вещи, от которых нам никогда не убежать.

С того кошмарного пикника прошла почти неделя, а Зили все равно выглядела так, будто из нее выкачали весь воздух. Тень сапфира все еще висела над ней.

— Хочешь, поедем в июле в Бостон, вдвоем, — сказала я. — Прогулочные лодки-лебеди, стеклянные цветы… Тебе понравится. — Я старалась приободрить ее, но она лишь кивнула. Я знаю, о чем она думала: «Да, в Бостоне мы неплохо проведем время. Но что потом?»

Вычурный дорожный знак известил нас, что мы приехали в санаторий Святого Обера, но от поворота до места назначения еще нужно было проехать больше трех километров по петляющей дороге. Когда-то это был особняк богатой семьи «позолоченного века», впоследствии преобразо-

ванный в санаторий для богатых женщин Новой Англии — безумных или просто несчастных. После одного из поворотов внезапно открывался вид на главный дом, построенный на эффектном утесе над Атлантическим океаном; под полуденным солнцем его башенки и шпили придавали ему сходство со старинным замком.

Приближаясь к кругу подъездной аллеи, я внутренне напряглась, не зная, какое воплощение Белинды предстанет перед нами сегодня. Я надеялась на лучшее — на встречу с Белиндой, беседующей о цветах и садоводстве, словно мы сидим в гостиной у нас дома, и боялась Белинды, одержимой духами, живущей в воспоминаниях, потерянной в давно минувшем. Но еще больше я страшилась печальной Белинды — той, которая в прошлый раз перед нашим отъездом взмолилась: «Заберите меня с собой, лепесточки!» В тот день я возвращалась к машине вся в слезах.

Но сегодня Белинда не была ни одной, ни другой, ни третьей. Она витала в облаке лекарств, веки ее медленно поднимались и опускались.

— Здравствуй, мама, — сказала я. Зили промолчала.

Она сидела за столиком на веранде, как и всегда в день посещений, если погода стояла хо-

рошая. Здесь были круглые столы со стеклянным верхом и плетеные стулья, и могло показаться, что мы находимся в какой-нибудь шикарной гостинице, заполненной туристами и отдыхающими, если бы вокруг не было столько «женщин не в себе» — женщин, изолированных от общества и оставленных здесь, вырванных из жизни, словно непокорные седые волосы, которые своим видом портят безупречную каштановую гриву.

Пациенты, которым разрешалось сидеть на веранде, зарекомендовали себя хорошим поведением; более буйные женщины были заперты наверху, лишенные свежего воздуха и доступа к опасным предметам — им не приносили столовые приборы и горячий чай. Если на веранде иногда и раздавались крики или даже вспышки эмоций, их причиной в основном была печаль этих женщин, а не сумасшествие. Печаль поддается контролю.

Белинда не встала, чтобы поприветствовать нас. Ее веки были опущены, подбородок покоился на груди. Мы сели рядом, не трогая ее. Наш столик на троих стоял в дальнем конце веранды, в углу, вдали от посторонних глаз.

Одна из медсестер поставила в центр стола стеклянную вазу, наполовину заполненную во-

дой, — я всегда приносила маме цветы. Развернув бумагу, я достала букет из лаванды и ромашек и поставила его в вазу, вот только моим попыткам сделать красивую композицию цветы активно сопротивлялись.

— Тяжелая выдалась ночь, мама? — спросила я, когда возиться с цветами дольше уже стало невозможно. — Тебе снились плохие сны? — Я знала, что призраки Белинды не последовали за ней из дома, но ее по-прежнему мучили кошмары.

Белинда молчала, глядя на свои туфли из черной кожи с серебряными пряжками — такие в свое время носили пилигримы. Она была в привычном белом платье, на котором на правой стороне красовалась ее любимая золотая брошь с сердоликом, выполненная в виде чертополоха. Пуговицы на платье были застегнуты неправильно — на самом верху торчала лишняя пуговица.

— Наверное, прошлой ночью сюда заявился какой-нибудь чэпеловский призрак, — усмехнувшись, сказала Зили. Она читала журнал *«Фотоплей»*, который взяла со столика в фойе.

— Она ведь тебя слышит, — сказала я, хотя, глядя на нее, я не была в этом так уверена.

Принесли ланч: куриные крокеты с зеленым салатом; на десерт — имбирное печенье с чаем.

Перед Белиндой поставили тарелку, но она никак на это не отреагировала.

Опустив голову, погруженная в свой журнал, Зили пронзала вилкой свои крокеты и быстро их поедала. Я подвинула тарелку поближе к Белинде. Зили краем глаза посмотрела на нее — желтый соус, которым были политы крокеты, уже начал застывать.

— Поехали домой, — сказала она, захлопнув журнал и, видимо, поняв, что сегодня можно улизнуть пораньше. — Она даже не знает, что мы здесь.

— Ну подожди, — сказала я. — Мы и десяти минут тут не провели.

Мы навещали Белинду каждые семь дней, поэтому, чтобы у нее хоть что-то осталось в памяти, пробыть с ней нужно было подольше. Отец больше не приезжал — один раз он навестил ее, и она уколола его шляпной булавкой. В остальные дни она не была агрессивной, и медсестры ей доверяли, иначе не оставили бы ей ее любимую брошь. И все же я была рада, что он больше здесь не появляется.

— Вчера закончился последний семестр, — сказала я Белинде, а в это время Зили сверлила меня глазами, как капризный ребенок. — Два года

позади, осталось еще два. Учиться мне нравится. — Я отрезала кусочек крокета, притворяясь, что веду обычную беседу с обычной матерью.

— Зили приняли в женский колледж Дарлоу, — продолжила я. — Она начнет учиться в сентябре.

— Ничего я не начну, — сказала Зили, которая уже обмакивала в чай имбирное печенье.

— В каком смысле? — тихо спросила я, отступая от показного разговора, предназначавшегося для Белинды.

— Я им так и не отправила чек. Ни в какой колледж я не поеду.

— Ну, может, и правильно, — сказала я. Я надеялась, что она поступит в музыкальный колледж в Нью-Хейвене — и даже когда-то пыталась на этом настаивать. Она была хорошей пианисткой и наверняка прошла бы конкурс. — В Дарлоу учат только готовке и манерам поведения в обществе, и…

— И зачем старой деве, которой я стану, знать все эти вещи, правильно?

— Я не это хотела сказать.

Зили встала и бросила салфетку на стол.

— Пойду прогуляюсь по утесу, — объявила она.

– *Зили*! — окликнула я ее, но она обиженно удалилась.

Как только она ушла, Белинда подняла голову. Она сидела спиной к океану, и ее белые волосы развевались на ветру — вперед и назад, вверх и вниз, словно щупальца медузы в море.

— Вчера мы смотрели кино, — сказала она, как будто специально ждала, когда уйдет Зили. Она часто говорила со мной так, будто доверяла мне свои тайны, будто только я могла понять, что ее беспокоит, — эта привычка осталась у нее еще с моего детства. За последние годы, когда рядом не было Зили, она рассказала мне много историй из своей жизни, заполняя для меня лакуны в своем прошлом, — теперь я была достаточно взрослой, чтобы все это понять. Хотя какие-то рассказы — например, о том, как она пыталась повеситься, когда была беременна Эстер, — я предпочла бы никогда не слышать.

— Тебе понравилось? Какой фильм?

— Не помню названия. Что-то про войну.

— Понятно.

Медсестра убрала тарелки, из которых ела Зили, и вытерла крошки со стола.

— Потом мне снились кошмары. Поля сражений, оружие, кровь… ты знаешь, как я не люблю все это.

— Да, но война давно закончилась, мама. Мы

больше не воюем.

В своих мыслях Белинда часто возвращалась к событиям прошлого, в которых винтовка Чэпела сыграла не последнюю роль: Гражданская война, экспансия на Запад, Первая и Вторая мировые войны. После Хиросимы и Нагасаки чэпеловское оружие стало казаться примитивным, хотя от него все равно погибло больше людей, чем от обеих бомб.

Я налила нам воду из кувшина, оставленного медсестрой.

— Во время войны Чэпелы не продавали оружие врагам, — сказал я, сомневаясь, стоит ли мне вообще защищать папино семейное дело перед мамой. Но вдруг это поможет ее успокоить. — Нашими винтовками пользовались американцы, британцы и французы. Но не немцы. — *Нашими* винтовками. Впрочем, это действительно было так. Благодаря им мы были одеты, обуты и сыты; из этих денег оплачивался мамин санаторий, да и вообще все, что у нас было.

— Всю ночь я чувствовала запах крови.

— Перестань, прошу тебя. Давай поговорим о чем-нибудь еще, — сказала я. — Ты что-нибудь рисовала? — Менять тему разговора, уводя его от винтовок и призраков, у меня получалось

все лучше. — Мама? — сказала я, сделав глоток воды. Но она снова опустила подбородок на грудь и вскоре уснула.

Отодвинув тарелку с недоеденными крокетами, я какое-то время смотрела на Белинду. Пора было идти, но я никак не могла собраться с духом, чтобы вернуться к Зили.

— Я беспокоюсь о Зили, — сказала я. Белинда меня не слышала, или, по крайней мере, так мне казалось, но я должна была сказать это вслух, хоть кому-то.

4

Когда на ужин к нам приходили гости, обычно это были коллеги отца — «оружейники», как мы их называли, все эти седобородые джентльмены в немодных костюмах, иногда с женами и незамужними дочерьми. Но и они приходили к нам нечасто. «Свадебный торт» редко принимал гостей, да и мы сами редко куда-либо выезжали. И дело было не в отсутствии приглашений — наша семья была печально известна и вызывала любопытство, поэтому нас часто приглашали на званые вечера, благотворительные мероприятия и пикники. (*Венчаются с милым, и сразу в могилу.*) К негодованию Зили, отец требовал,

чтобы мы отклоняли почти все эти приглашения. Выезжать из дома было рискованно, ведь вокруг было столько молодых мужчин, и отец стремился защитить свою семью — ту малую часть, что от нее осталась. К тому же он знал, что о нас все судачат, и не хотел потакать людям в их любопытстве.

Когда же гости все-таки приходили, я сразу замечала, какой эффект на них производил наш дом: никто из гостей, вне зависимости от возраста, не мог сопротивляться жуткой притягательности дома с привидениями. Я видела, как они оглядывали дом, прежде чем войти, а потом с широко открытыми глазами рассматривали холл и нижние гостиные, уже прокручивая в голове свои будущие рассказы друзьям: *«Представляете, в этом холодном, похожем на пещеру доме они живут втроем. Точно вам говорю, я бы поднял ставки после того, как умерла первая сестра, и уж точно после того, как умерла вторая».*

Сэмюэлу Кольту было не более тридцати лет, и он в отличие от остальных вовсе не казался напуганным всей этой историей. Это было первое, что я отметила, когда он припарковал свой спортивный автомобиль — красный «Астон Мартин» — рядом с благопристойно черным седаном

моего отца. Он спокойно вышел из машины и, когда на него упала тень дома, не стал озираться или разглядывать фасад. Вместе с моим отцом он уверенным шагом вошел в дом.

Отец представил его нам, и мистер Кольт взял мою руку в свою, а потом пожал руку Зили.

— Знаменитые сестры Чэпел! — сказал он, и мы с Зили обменялись недоуменными взглядами. Его реплика мне показалась странной и даже неуместной, но тут он улыбнулся и добавил: — О вашей красоте и очаровании ходят легенды. — И игриво склонил голову.

Я немного успокоилась, решив проявить великодушие; наверняка он сказал бы то же самое любой паре молодых женщин. Он не задумывался о том, как его слова могли быть восприняты в этом доме.

Отец повел всех в основную гостиную, где нас ждал аперитив перед ужином. Зили явно рассчитывала на скучный вечер: на ней было свободное серое платье квадратной формы с неприглядными бусинками на воротнике. Такое платье — больше похожее на наволочку — Зили никогда бы не надела, если бы пыталась произвести впечатление. Теперь, когда она увидела, что наш гость молод и хорош собой, она

наверняка ругала себя за свой выбор. Ее руки теребили платье, словно под ним скрывалось еще одно — гораздо красивее.

В кабинете отца зазвонил телефон, что освободило его от необходимости вести светскую беседу, и гость на какое-то время остался на попечении нас с Зили. Предложив ему херес, мы направились было к дивану, но мистер Кольт, казалось, был не в состоянии усидеть на месте. Сопровождаемый Зили, он ходил по гостиной, рассматривал убранство и задавал вопросы. За последние годы гостиная немного изменилось — мебель осталась та же, но после отъезда Белинды на стенах появилось больше винтовок. Афишу фильма тоже повесили здесь недавно — она выглядела безвкусно, но мне было настолько все равно, что я не стала ничего с этим делать.

— Чэпел-хаус совершенно очарователен, именно таким я его себе и представлял, — сказал мистер Кольт, оглядываясь вокруг. На слове «очарователен» я чуть не подавилась хересом, но ничего не сказала. Он был нашим гостем, словоохотливым гостем с аккуратно подстриженной рыжеватой бородой и копной спадавших на лоб рыжеватых волос. Стройный, среднего роста, плотного и компактного телосложения,

ничего лишнего — прогуливаясь по улице в летний денек, он отбрасывал бы прекрасную тень с мягкими линиями и четкими углами. На нем был серый костюм и шелковый светло-желтый галстук, наверняка купленный в Нью-Йорке. Это был элегантный мужчина, но красивым я его не находила.

— Никто не называет наш дом «Чэпел-хаус», — сказала Зили, — иначе его можно спутать с «Чэпел файрармз», нашим заводом в другой части города. — Она хихикнула, а мистер Кольт засмеялся — не фыркнул из вежливости, а искренне гоготнул; казалось, что его обуревало неудержимое веселье.

Я решила присоединиться к разговору.

— «Чэпел файрармз» производит оружие и боеприпасы, — сказала я, и мистер Кольт с интересом повернулся ко мне. — А этот дом, в его лучшие дни, в основном производил дочерей. — Я тоже пыталась быть веселой, но Зили нахмурилась; кажется, шутка вышла не очень.

Но мистер Кольт, все еще сиявший от счастья, снова повернулся к Зили.

— В мире так мало женских имен, начинающихся с «З»! У вас прекрасное, неожиданное имя!

— Ее зовут Хейзел, — сказала я, прежде чем

Зили смогла ответить сама. — Не такая уж редкость. — Понимая, что звучу как зануда, я прочистила горло, подошла к дивану и села.

Мистер Кольт подошел к окну, продолжая беседовать с Зили. Оживленно и весело он рассказывал ей о том, как провел день с нашим отцом. Мистер Кольт, наследник семейного дела, тоже «торговал смертью», как и Чэпелы. Это нас объединяло — он был одним из нас, одним из «оружейников», хотя я была уверена, что его жизнь сильно отличалась от нашей. Я могла представить себе, как он сидит на совещаниях в просторных залах или путешествует в разные страны по делам, а в свободное время наносит визиты в роскошные особняки, куда слетаются дебютантки — девушки из высшего общества Манхэттена. По сравнению с ними мы с Зили, должно быть, смотрелись довольно жалко.

— Мистер Кольт…

— Зили, прошу вас, зовите меня Сэмюэл. На самом деле я Сэмюэл *Третий*, но это как-то слишком по-королевски.

Зили, как я и предполагала, что-то пошутила про Короля Сэмюэла, и, хотя сидела к ним спиной, я была уверена, что она сделала реверанс. Зили любила пофлиртовать, и это была еще одна

причина, по которой отец строго контролировал наш светский календарь. Зили лишилась единственного, в чем была действительно хороша.

— А лучше вообще зовите меня Сэм, — сказал он, урезав свое имя еще больше. Так от него вообще ничего не останется.

Он нашел что-то в платье Зили, чему смог сделать комплимент. Даже в унылой серой наволочке Зили была соблазнительным цветком. Я же больше походила на стебель — не обладая формами, как Зили, и не будучи стройной, как когда-то Калла, я оставалась где-то посередине; мое растение было твердым и не ломалось пополам — наверное, я была бамбуком.

— А вы, Айрис? Чем вы занимаетесь?

Я вздрогнула, когда Сэм вдруг обратился ко мне.

— Чем я *занимаюсь*? — Я сделала глоток хереса.

— Как проводит свои дни Айрис? — спросил он, садясь рядом со мной.

— О, я помогаю вести хозяйство и учусь в педагогическом колледже Грейс-стрит. Больше ничем не занимаюсь.

А как, по его мнению, я проводила свои дни? Практикуя нейрохирургию? Доступные мне воз-

можности можно было пересчитать на пальцах одной руки.

— А вы чем занимаетесь, Зили? — спросил он.

— Я недавно окончила школу, — сказала она, а потом на секунду замолчала и как будто нахмурилась, но тут же радостно продолжила: — И я обожаю играть на пианино.

— Это прекрасно! — сказал он. — Доведется ли мне услышать вашу игру после ужина?

Я надеялась, что нет. Мне очень не хотелось, чтобы из-за привлекательности Зили этот вечер длился бесконечно. Я мечтала о горячем чае и своей постели. Но Зили не успела ответить — Сэм уже вскочил с дивана.

— Вы только посмотрите! — сказал он, заметив афишу фильма *«Чэпел-70: винтовка, покорившая Запад»*, висевшую в рамке за приоткрытой дверью. Этот постер, на котором был запечатлен Джимми Стюарт в ковбойской шляпе и с винтовкой Чэпела в руках, вызывал у меня отвращение, но Сэму я об этом говорить не собиралась. Наша семья всегда гордилась этим фильмом, и я старалась не нарушать заведенных порядков. Насколько мне было известно, Голливуд никогда не посвящал фильмы оружию компании «Кольт меньюфекчеринг», и мне доставляла удоволь-

ствие мысль о том, что Сэм, возможно, завидует. Он не очень мне нравился, и я не могла понять почему.

— Вы смотрели *«Чэпел-70»?* — спросила я, глядя на Зили поверх своего бокала.

— Нет, можете себе представить? Я был в Европе, когда он вышел.

— Мы тоже бывали в Европе, — сказала Зили и тут же пустилась в долгий рассказ о наших путешествиях. Вскоре я перестала слушать.

Время от времени Зили кокетничала с мужчинами, но дальше ей заходить не позволялось. В явном виде никто и никогда не запрещал нам общаться с противоположным полом; никто не усаживал нас на диван и не говорил, что, мол, учитывая случившееся с Эстер, Розалиндой и Каллой, какие бы то ни было свидания и последующий брак для вас полностью исключаются. Отец вообще предпочитал не упоминать наших сестер и ни разу не высказался об их смерти так, чтобы это противоречило абсурдному диагнозу доктора Грина. Я знала, что для него смерть дочерей была связана с чем-то сугубо женским, а значит, постыдным. Обсуждение этого было бы сродни обсуждению секса, или менструации, или других вещей, о которых он не говорил

на людях или даже в частных беседах, по крайней мере в те дни. В итоге смерть наших сестер стала в нашем доме запретной темой.

И если отец в явном виде никогда не беседовал с нами об этом, то его действия говорили сами за себя. Нам не разрешалось ходить на танцы, совместно организованные соседней школой для мальчиков и нашей школой для девочек, равно как и на другие мероприятия с участием мальчиков, на которые нас не сопровождал отец. После школы мы сразу направлялись домой, где проводили почти все свободное время. Местные молодые люди были наслышаны о сестрах Чэпел и в любом случае старались нас избегать; их отношение к нам можно было обобщить одной фразой, в отчаянии сказанной Родериком на похоронах Розалинды: *вы девочки-ведьмы!*

Отправляясь на летние каникулы, мы встречали множество молодых людей, которые никогда о нас не слышали — оказывается, мир большой. Отец всегда был рядом и быстро избавлялся от всякого, кто пытался пригласить нас потанцевать или прогуляться при луне — будь то на палубе круизного лайнера в Европу или на курортах в Швейцарии или Италии. «Им это неинтересно, спасибо», — говорил он, махнув

рукой.

Несмотря на бдительность отца, Зили однажды умудрилась закрутить тайный роман. Его звали Йорген Гюндерсон — летом 1954 года, когда Зили было пятнадцать лет, он приехал из Норвегии погостить у Флоренс Хелланд, своей кузины, и ее семьи. У Флоренс были только сестры, поэтому отец спокойно отпускал нас к ним домой, и поэтому же Йоргену удалось выскользнуть из его сетей. Йорген выглядел совсем не так, как я представляла себе норвежских мальчиков — холодными блондинами. Его мать была из Южной Америки (кажется, Аргентины), и его взъерошенные черные волосы сильно контрастировали с бледной кожей; он был в том возрасте, когда руки и ноги неуклюже болтаются будто бы отдельно от тела, как у марионетки.

Я видела его лишь однажды, когда ярким солнечным утром он появился у окна нашей спальни. Мы еще лежали в кроватях, когда я услышала легкое постукивание. «Айрис, подожди», — сказала Зили, но я уже открывала шторы — там, на улице, стоял Йорген с букетом роз. Он что-то говорил, его губы двигались, но мы ничего не могли разобрать. В тот момент я вообще не знала о его существовании — Зили

общалась с ним втайне от всех, поэтому при виде его я в ужасе закричала, решив, что у меня продолжается ночной кошмар.

На мой крик примчалась Доуви, а потом и отец, а Зили все пыталась что-то объяснить. Йорген испугался и убежал, оставив на газоне разбросанные розы. Вскоре все открылось — Зили, рыдая, поведала нам о своей любовной истории, которая включала всего лишь пару молочных коктейлей в кафе-мороженом на Мейн-стрит, касание рук под столом и пачку любовных писем, которые Зили спрятала под матрасом, а отец тут же конфисковал и сжег в духовке.

Зили запретили видеться с Йоргеном, и он уехал в Норвегию, так и не попрощавшись. Конечно, она плакала, но, когда острая боль прошла, Зили радовалась уже хотя бы тому, что в ее жизни случились романтические отношения, а ведь она была уверена, что этого не будет никогда.

С тех пор она ни с кем не встречалась — по крайней мере, насколько я знала, — но, когда на нашей орбите появлялись мужчины, она была склонна уделять им повышенное внимание. Сегодня под ее опеку попал Сэм.

Я же во многом была рада наложенным на нас социальным ограничениям: благодаря строгим

правилам отца мне не приходилось разбираться в своих чувствах по отношению к мужчинам. Я точно знала, что мужчины меня не интересуют, и подозревала, что не только из-за сестер, хотя случившееся с ними особого интереса не добавляло. Человек с аллергией на молочные продукты избегает походов в кафе-мороженое — вот так и я избегала думать на тему мужчин. То, что для Зили было трагедией всей ее жизни, мне было гораздо легче принять. Я понимала, что мне очень повезло по сравнению с ней, хотя Дафни это в свое время не спасло.

Зили все болтала и болтала о Европе (сейчас она описывала наш альпийский поход: «скука смертная»), и впереди было еще много стран. Когда она дошла до Франции, она принялась рассказывать Сэму о Лувре и начала было объяснять, что это такое, но Сэм ее перебил.

— Я был в Лувре, милая, — усмехнулся он и с некоторой жалостью посмотрел на нее.

Зили не смогла скрыть смущения.

— Ну конечно, вы там были, — сказала она. — Как глупо с моей стороны.

— О, пожалуйста, не расстраивайтесь, — сказал он, сгладив возникшую неловкость. — Мне с вами очень весело!

И они продолжили свой флирт; я же мысленно застонала. Мне хотелось, чтобы поскорее закончился ужин, чтобы я пошла уже к себе, а больше всего мне хотелось услышать, как Сэм Кольт заводит свою машину и уезжает прочь. А до тех пор мне нужно было потерпеть.

В столовой горели свечи. Мужчины сидели в разных концах стола, а мы с Зили — по бокам, как два канделябра. Во время подобных ужинов от нас обычно требовалось не так много, и я наслаждалась запахом стейка и грибов, доносившимся с кухни. С хорошей и вкусной пищей время проходило быстрее.

Когда мы доедали консоме, до наших с Зили ушей донеслась интересная информация. Сэм сказал, что собирается остаться на лето у сестры, которая живет в Гринвиче с мужем и детьми. Я опустила ложку и посмотрела на Зили — ей явно казалось, что при свете свечей радость на ее лице вовсе не заметна.

— А зачем? У вас же наверняка много дел на работе? — сказала я тоном, настолько лишенным сочувствия, что с таким же успехом я могла бы предложить лично отвезти его в Хартфорд.

— У сестры трое мальчиков, а ее муж уезжает по делам почти на все лето. Я подумал, что маль-

чишкам нужен мужчина в доме.

— Прекрасная идея, — сказал отец. — Так у нас будет больше времени все обсудить.

— Что обсудить? — спросила Зили.

— Деловые вопросы, — ответил отец, поскольку сказать «цыц!» было бы не очень вежливо.

Вошла Доуви с основным блюдом, поставив перед нами по тарелке.

— Если хотите знать, — заговорщически сказал Сэм, — мы с вашим отцом обсуждаем возможность объединения двух наших компаний.

Мы с Зили повернулись к отцу, который слегка нахмурился в ответ на то, что Сэм выбалтывает все секреты.

— Обсуждаем, но на этом пока все, — сказал отец, разрезая стейк. — Послевоенные годы были тяжелыми для всех нас, — пояснил он, еще не зная, какие доходы может принести ему Вьетнам.

— Да, еще рано говорить о чем-то конкретном. Старик пока ничего об этом не знает, — сказал Сэм и добавил: — *Мой* старик.

Я видела, что Зили разрывает от любопытства, да и у меня было много вопросов, но, когда она посмотрела на меня через стол, я глазами попросила ее сдержаться. Отец не любил допросы,

особенно при гостях.

Беседа перетекла в более безопасное русло — говорили в основном Зили и Сэм, но не прошло и нескольких минут, как Зили вернулась к прежней теме.

— Я знаю! — сказала она. — Как насчет «Чольт»?

Сэм, который с аппетитом поглощал свой стейк, перестал жевать и промокнул губы салфеткой.

— Прошу прощения?

— «Чольт», — повторила Зили. — Чэпел плюс Кольт равно *Чольт*. Услышав это, Сэм ударил себя по коленке и снова разразился зычным гоготом.

«Ох, Зили, — подумала я. — Он того не стоит».

Вечером, когда Сэм наконец ушел, из Зили снова будто бы выпустили весь воздух, как тогда после пикника. Она забралась в постель, не снимая своего мешковатого платья, и свернулась калачиком, ко мне спиной. Я тихо завершала свои вечерние дела — надела ночную сорочку и села за стол с чашкой ромашкового чая, раскрыв журнал на странице с недвижимостью.

— Зили? — позвала я, вырезая объявление о продаже дома на Мартас-Винъярд. Я бы предпочла уехать из Новой Англии, но Мартас-Винъярд — остров, поэтому этот дом меня привлек.

Как и все остальные, его наверняка продадут задолго до того, как мы с Зили будем готовы что-либо купить, к тому же неизвестно, дадут ли мне, незамужней женщине, банковский кредит. Но я все равно положила объявление в коробку, говоря себе, что провожу исследовательскую работу.

— Я же знаю, что ты не спишь, — сказала я, закрыв журнал и присев на краешек своей кровати. — Зили?

— Ну что? — спросила она раздраженно, вся в мыслях о Сэме. Хотя это необязательно должен был быть именно он — с тем же успехом он мог быть помолвлен, хотя я в этом сомневалось. Скорее она думала о том, что он олицетворял; о том, что в целом мог предложить ей молодой человек — замужество, детей, дом, такой как на Граус-корт, 64, то есть все то, к чему для Зили путь был закрыт.

— В другой жизни, — сказала я, выключая лампу.

— В другой жизни я могла бы быть счастлива.

Ее спокойное дыхание вскоре стало глубже — она уснула. Я подтянула одеяло к подбородку, боясь даже представить себе, что нас ждет в ближайшие дни. Наш гость будет жить в Гринвиче у своей сестры, но от памяти о нем избавить-

ся будет сложно, как от запаха горькой травы или трупного цветка — есть такое растение в Индонезии, которое цветет раз в семь лет, источая запах смерти. Я надеялась, что Зили немного погрустит и двинется дальше.

Но я ошибалась. В начале лета 1957 года мне казалось, что я контролирую свою жизнь; я прошла половину учебного курса и строила планы на будущее. Вот только в те летние дни я практически ходила по минному полю — просто еще не знала об этом.

Сын ружья
1957

1

Всю первую неделю моих занятий по искусству Зили была мрачнее тучи. Каждый день, одеваясь перед выходом в колледж, я уговаривала ее пойти со мной.

— Разве тебе не хочется куда-нибудь сходить? — спросила я в самое первое утро, застегивая новое платье из «Бонуита» — кремовое трикотажное платье на пуговицах, в коричневый горошек.

— Ты могла бы поиграть на пианино в музыкальной комнате или поплавать в бассейне, — добавила я, надевая легкие туфли-лодочки, но она не потрудилась ответить. На интенсивный курс художественного мастерства я записалась в том числе для того, чтобы улизнуть от нее, но при мысли о том, что она весь день будет хандрить у себя в комнате, мне становилось не по себе. — Зили? Тебе нужно иногда выходить из дома.

— Я не хочу никуда ехать, — ответила она из кровати.

Каждый день я предлагала ей отвлечься, и каж-

дый день она угрюмо отказывалась. Пятницу я собиралась провести в Нью-Йорке со своей группой — каждую неделю мы посещали музеи и галереи, и я снова попыталась убедить ее поехать с нами (наш профессор наверняка не стал бы возражать), но Зили сказала, что ей это неинтересно. Я уехала одна — на машине до вокзала в Рае, оттуда на поезде до Нью-Йорка. Гринвичский вокзал был ближе, но пребывание в поезде я стремилась свести к минимуму. Я вообще не любила поезда, метро и автобусы. Все эти переполненные вагоны с кучей мужчин, которые постоянно сталкиваются с тобой или прижимаются ногой к твоей ноге, когда садятся рядом. Казалось, что другие девушки их попросту игнорируют; для них это было мелкой неприятностью, ценой, которую они платили за то, что осмелились вторгнуться в мир мужчин. Но для меня в этом крылась опасность, и я очень хорошо это понимала.

В Музей Сэндлера, что у Грамерси-парка, я опоздала — слишком долго уговаривала Зили поехать со мной. Моя группа уже ушла осматривать экспозицию художников абстрактного экспрессионизма. К моему большому удивлению, один из залов выставки был целиком посвящен

работам женщин, и именно там я нашла своих сокурсниц.

— Ты не так уж много пропустила, — сказала Сьюзен, одна из наших девочек, когда я подошла и извинилась за опоздание. Наш профессор сидел на скамейке напротив картины Хелен Франкенталер *«Горы и море»*, а все остальные стояли за ним.

— Тебе не кажется, что это похоже на рисунок пальцами? — сказала Сьюзен. — Так и ребенок бы смог.

Девочки засмеялись.

Профессор молчал. Его звали Нелло, и я даже не знала, имя это или фамилия; он настаивал на том, чтобы к нему обращались просто Нелло. «Без всей этой буржуазной профессорской ерунды», — говорил он. Каждое лето курс по искусству вел приглашенный преподаватель, и в этом году это снова был француз, хоть и не такой импозантный, как предыдущий. О себе он рассказал мало — упомянул лишь, что иммигрировал из Франции во время войны, что является стипендиатом и что его работы выставлялась в галереях; все это он быстренько отчеканил, словно ему было неловко оттого, что он добился какого-то успеха.

— Смотрите на вещи шире, дамы, — наконец сказал он, не отрывая глаз от картины. Другие посетители вряд ли догадались бы, что он наш преподаватель. Он выглядел так, будто зашел сюда случайно, со скамейки в парке. На нем были мешковатые серые брюки и мятая белая рубашка, верхние и нижние пуговицы не застегнуты. Ни пиджака, ни галстука. Его тонкие волосы неприметного цвета сепии торчали во все стороны и напоминали птичье гнездо. Мне он казался мужчиной среднего возраста, но с таким же успехом ему могло быть тридцать с чем-то лет.

В качестве подготовки к выставке он заранее прочел нам лекцию об абстрактном экспрессионизме и рассказал о непредметно-изобразительных формах искусства. Он пояснил, что на выставке мы не увидим традиционных пейзажей и портретов, а в том, что увидим, вряд ли сможем найти узнаваемые образы. Художники-абстракционисты не стремились к трехмерности — наоборот, их работы были плоскими, как сам холст. Он рассказал нам и об их художественной технике — например, Джексон Поллок опускал свои холсты на пол и кисточкой разбрызгивал на них краску. Как и сюрреализм, говорил он, абстрактный экспрессионизм рожда-

ется из бессознательного, это попытка выразить то, что обычно выразить невозможно — человеческие эмоции. Послевоенная разруха, атомный век… художники искали новые способы изображения хаоса, царившего в наших головах и в нашем мире.

Но, оказавшись в музее, в окружении таких картин, многие из нас все равно недоумевали.

— Я не понимаю, — прошептала одна из девочек.

— Здесь нечего *понимать*, — так же шепотом ответила ей Сьюзен. — Это просто пятно краски. — Она задумчиво крутила свою брошку со шмелем, приколотую к тугой блузке, пытаясь разобраться в том, на что же именно она смотрит.

— Это импровизация, как джаз, — сказал Нелло, все еще не отрывая взгляд от картины. — И это великолепно.

— Я не люблю джаз, — сказала Сьюзен. — Предпочитаю Бадди Холли.

— Бадди кто?

— Неважно.

Сьюзен и другие девочки воспользовались тем, что Нелло погрузился в картину, и разошлись по другим залам, а я осталась с ним, рассматривая

«Горы и море». Нелло сидел, вытянув вперед свои длинные ноги в потертых кожаных мокасинах и скрестив голени, из-за чего пройти перед ним было практически невозможно. Он словно хотел, чтобы картина принадлежала ему одному.

Мне не казалось, что это рисунок пальцами, но разглядеть в *«Горах и море»* пейзаж я никак не могла. На бежевом фоне были изображены казавшиеся беспорядочными нежно-розовые, голубые и светло-зеленые пятна. Это были приятные цвета, даже успокаивающие, но композиция выглядела так, будто перед нами — случайность, а не цельное художественное произведение.

Нелло взглянул на меня:

— Что ты чувствуешь, когда смотришь на эту картину?

— Растерянность, — слишком быстро ответила я и тут же пожалела о своей поспешности.

— Не пытайся разгадать ее. Это не загадка, — сказал он. — Пройдись вокруг, найди работу, которая тебе нравится, и посиди рядом с ней.

Я медленно пошла по залу женских работ. Единственной художницей, о которой я раньше слышала, была Мэри Кэссетт. Наш основной преподаватель, мистер Ричардсон, говорил нам, что раньше искусство производили мужчины,

а женщины служили для них вдохновением. Я решила, что, наверное, поэтому так много женщин, изображенных на картинах в нашем учебнике, были обнаженными — нимфы Уотерхауса у водяных лилий, чувственные дамы Ренуара, та невероятная картина Мане с завтраком на траве, где двое полностью одетых мужчин сидят рядом с женщиной, с которой, видимо, слетело платье, — это не было похоже ни на один виденный мной пикник.

Но на этой выставке женщины были художницами, а не моделями: Ли Краснер, Элен де Кунинг, Хелен Франкенталер и другие. И они писали не то, что могло бы ожидаться от женщины, — здесь не было никаких цветочных садов, матерей с младенцами или уютных домашних сцен. В их работах не было ничего узнаваемого, лишь калейдоскоп цветов в бесконечных сочетаниях. Я вспомнила слова Нелло о том, что эти картины отражали бессознательное, и решила, что именно это вижу вокруг себя — попытки женщин выразить то, что другими способами выразить невозможно. И я не знала, как к этому относиться.

Большинство холстов в зале были огромными. Я увидела свободную скамейку и села напротив

довольно темной картины, которая привлекла мое внимание. Уже сев, я увидела табличку с названием: *«Воспоминания о моей матери»*, Рут Дэвидсон Абрамс. Картина состояла из оранжево-красных, сине-черных, зеленых, золотых и белых мазков, и в этих цветах было движение — словно водопад, они струились вниз по холсту. Мне показалось, что в правом верхнем углу я разглядела очертания лица, но возможно, это было лишь мое воображение. Работа была написана языком, который я не умела читать, и все же она говорила со мной, отраженные на ней воспоминания говорили со мной. Я попыталась понять почему.

Через несколько минут разглядывания картины я осознала, что, если бы мне захотелось выразить в красках воспоминания о Белинде, они были бы такими же абстрактными. Я могла написать ее портрет, но то, какие чувства она во мне рождала, то, какой она была внутри, — это уже совсем другое, что-то сродни работе парфюмера, который запечатывает в бутылочку найденный аромат. Чем больше я думала о матери и о том, смогла бы я выразить свои воспоминания о ней на холсте, тем лучше понимала то, что вижу вокруг себя. Я мысленно составила палитру красок для Белинды: белый для ее платья, волос и «сва-

дебного торта»; фиолетовый для ее любимых духов; насыщенно-красный для роз; черный для того, что меня окружало, когда я просыпалась посреди ночи от ее криков; ультрамарин для кромки моря за ее окном в санатории. Цвета подобрать было довольно просто, но я не представляла себе, как использовать их на картине, чтобы передать впечатление, как это сделала художница на холсте передо мной.

После выставки мы пошли в ближайшую закусочную. Нелло и девочки обсуждали выставку, но я пока не могла подобрать нужные слова и чувствовала легкое головокружение.

— По сегодняшним впечатлениям, — сказал Нелло, когда вынесли наши заказы, — я дам вам задание для вашей папки работ. На его тарелке высились хот-доги «Кони-айленд», каждый с мясным соусом и нарезанным луком.

— О, это будет просто, — сказала Сьюзен, накручивая на пальцы локоны темных волос; алый лак на ее ногтях гармонировал с цветом губной помады. — Я попрошу младшего братишку что-нибудь нарисовать вместо меня.

— Думаю, вы обнаружите, что это совсем, совсем не просто, — сказал Нелло, пока мы открывали блокноты и записывали задание. — Итак,

выберите какого-нибудь важного человека в вашей жизни, — продолжил он. — Подумайте, что вы чувствуете по отношению к этому человеку. Сконцентрируйтесь на одной, самой сильной вашей эмоции.

— Можно, я выберу Рока Хадсона? — спросила Сьюзен.

— Это должен быть человек из вашей жизни, — сказал Нелло, а наша сокурсница Лоуис добавила:

— А *не* из твоих фантазий.

Сидевшая напротив меня Сьюзен театрально нахмурилась. Я посмотрела на ее профиль, на маленькую черную мушку над ее верхней губой и представила, как нагибаюсь и слизываю ее.

Должно быть, выставка пробудила во мне чувственность. Я пригладила волосы, убрала пряди за уши и принялась за авокадо, фаршированное крабом с майонезом. Моя левая рука касалась Сьюзен, и я чуть подвинулась в сторону вместе со стулом.

— После того как вы выберете человека и выделите основную эмоцию, представьте, какой у этой эмоции цвет, — сказал Нелло.

— У эмоций нет цвета, — сказала Лоуис, с усмешкой глядя на Сьюзен.

— Конечно, есть, — сказал Нелло. — Ваше задание — изобразить эту эмоцию, используя лишь один цвет.

Я перечитала задание, чтобы удостовериться, что записала все самое важное. Мои сокурсники делали то же самое, и мы молча ели и размышляли. Важных людей в моей жизни было трое: мама, отец и Зили. Выражать сложные эмоции по отношению к Белинде я пока не была готова, а отец лишь наводил на меня скуку, поэтому выбор был очевиден.

Зили.
Какие эмоции я к ней испытывала?
Раздражение. Страх. Любовь.
И какого они цвета?

Я закрыла блокнот, не имея ни малейшего понятия о том, как подступиться к этому заданию. До того дня я и не знала, что можно рисовать чувства. Я не знала, как выглядят мои чувства, и не была уверена, что хочу это выяснить.

2

После пятниц, проведенных с группой в Нью-Йорке, у меня наступало что-то вроде похмелья от переизбытка искусства. На следующее утро я

больше всего хотела провести несколько часов в постели, а потом весь день рисовать, но субботы никогда мне не принадлежали. Субботы означали одно: «Белинда».

— Давай сегодня поедем пораньше, — сказала я, садясь в кровати и стараясь скрыть от Зили свое нежелание ехать, чтобы она не воспользовалась этим: каждый раз она искала какой-нибудь предлог, чтобы отказаться от поездки к маме. Я надеялась, что если мы уедем пораньше, то можем пробыть там недолго, вернуться домой и все еще спасти этот день.

Зили лежала в кровати и читала *«Пейтон-плейс»*. Она перевернула страницу и стала читать дальше, притворяясь, что не слышит меня.

— Ну же, Зили, — сказала я, поднимаясь и потягиваясь. — Можем позавтракать по пути.

— Я не поеду.

– *Зили*! — сказала я с упреком; это была моя версия эстеровской «Роззи!».

— Мне уже восемнадцать, — сказала она. — И я не обязана тебя слушаться.

Ну вот, она опять разыгрывала карту «мне восемнадцать». Перевернув еще одну страницу, она явно только и ждала моего ответа, чтобы начать спорить и жаловаться на свою жизнь. Я не со-

биралась доставлять ей такого удовольствия, поэтому быстро оделась, зашла в девичье крыло, взяла одну из книжек Дафни, срезала в мамином саду цветы для букета и уехала; на заднем сиденье машины лежали все мои принадлежности для рисования.

Без постоянного нытья со стороны Зили поездка прошла прекрасно. Я остановилась в прибрежном кафе, заказала сэндвич с яичницей и кофе и села на открытую уличную веранду. Я спокойно ела, читала и бросала чайкам кусочки хлеба. Вскоре книга меня затянула: это была история о женщинах в армии, живущих в одном бараке. Довольно низменное чтиво, к тому же плохо написанное, но сам рассказ увлекал, как мыльная опера. Женщины много потели (они блестели, они были мокрыми, они были влажными), курили и матерились. Каких-то явных описаний непотребностей в книге не содержалось, но намеков было предостаточно, а остальное читатель мог додумать сам. И я додумывала, причем гораздо живее, чем следовало.

Читая книги Дафни, я всегда вспоминала Веронику, которую не видела с похорон. К своим воспоминаниям о Веронике я обращалась нечасто, используя их редко и экономно, как любимые

духи на дне флакона. Нельзя сказать, что я томилась по ней — мне даже не хотелось снова ее увидеть. Но с того дня под вишневыми деревьями я не чувствовала ничего похожего, ничего с тех пор не вызывало во мне таких ярких эмоций, поэтому мысли о Веронике всегда были где-то внутри меня.

Я читала книгу гораздо дольше, чем планировала, — меня так сильно увлекла история, а морской воздух был так прекрасен, что я подумала было проявить Зилину эгоистичность и отменить визит к матери. И все же победил долг.

Прибыв в санаторий слишком рано для ланча, я предложила маме посидеть на улице. Мыс, на котором находился особняк, выступал в море — на этот каменистый склон, по форме напоминавший палец, пациентам разрешалось выходить только в сопровождении гостей. Белинда с радостью согласилась — она всегда любила морской воздух. Санитар помог нам перенести туда два складных стула и плед для вечно мерзнущей Белинды. Этот плед для нее связала Доуви — единственный человек помимо меня и Зили, который навещал ее здесь.

— Как прекрасно, — сказала Белинда, удобно устроившись на стуле; ее ноги были укрыты

пледом. Она закрыла глаза и позволила солнцу окутать ее всю, улыбаясь тихому плеску волн, словно ребенок, убаюканный колыбельной. Я заверила санитара, что справлюсь сама, и он ушел. Белинда была в спокойном и ясном сознании — лучшее время, чтобы быть с ней.

Пока она наслаждалась солнцем, я открыла альбом и начала рисовать скалы, океан, кучевые облака с плоским основанием, чешуйчатую голубизну воды до горизонта. Я старалась передать *бескрайность* моря, его бесконечность; вот бы мне уплыть в эту даль, чувствуя, как тугие швы, стягивающие мою жизнь, растворяются в соленой воде.

Белинда спросила меня о моих занятиях, и я рассказала ей о выставке художниц-экспрессионисток. Не открывая глаз, она слушала меня, кивала и улыбалась, представляя меня в том, другом мире, который казался ей таким далеким.

— А где сегодня Зили?

— Она захотела остаться дома, — сказала я, решив ничего не придумывать в защиту сестры.

— В прошлый раз ты сказала, что беспокоишься о ней.

Я подняла взгляд от альбома и увидела, что Белинда пристально смотрит на меня.

— Я думала, ты меня не услышала.

— Услышала. Так почему ты беспокоишься? — Она потянулась к своей брошке и стала тихонько по ней постукивать — ее старый нервный тик.

— Она окончила школу и теперь как будто в метаниях. С ней все будет хорошо, но для этого она должна понять, чем будет заниматься дальше.

— Ей это будет непросто.

— Я знаю.

— Произошло что-то плохое, что вызвало твое беспокойство? — Белинда выглядела спокойной, но я знала, как быстро это может измениться, и хотела сменить тему.

— К нам на ужин приходил мужчина, один из Кольтов. Зили он понравился, но с тех пор мы его не видели, — сказала я ровным голосом, вернувшись к своему рисунку. — Между ними ничего не было, но она теперь сама не своя.

— Это напомнило ей о том, чего она никогда не сможет иметь.

— Я надеялась, что со временем она перестанет хандрить, но прошла уже целая неделя.

— Беда еще в том, что ты никогда не сможешь ее понять.

Я перестала рисовать.

— А я-то думала, что я единственная женщина

на земле, которая *может* ее понять.

— Ты не знаешь, каково это — всей душой хотеть выйти замуж и завести детей, понимая, что тебе это не суждено.

Я недоуменно посмотрела на маму.

— Но мне же тоже не суждено.

— Ты этого и не хочешь. Ты совсем другая, — сказала она, и я вспыхнула; к моим щекам прилила кровь, кожа горела. Белинда смотрела на меня, и я отвернулась, пытаясь спрятать лицо.

— Мы с тобой очень похожи, — сказала она, нагнувшись и дотронувшись до моей руки, словно такое сравнение должно меня успокоить. — Мне мою жизнь навязали, и я рада, что с тобой этого не случится. Сестры освободили тебя.

Я сфокусировалась на море, парусных лодках, отсюда казавшихся мотыльками, и плотных лучах солнца. Белинда редко говорила так четко и убежденно, но меня удивляло не только то, как она говорила, но и что именно.

— Ты не понимаешь, какой дар они тебе передали.

Дар? Странно было думать о случившемся с моими сестрами как о даре.

— Я не хотела выходить замуж за твоего отца, ты же знаешь.

— Знаю. — Я отложила альбом и потянулась, чтобы поправить ей плед. — Мама, прошу тебя, ты сама себя расстраиваешь.

— Но в моей жизни есть вещи, о которых ты не знаешь.

— Конечно, — сказала я, и подумала, что и хорошо, что не знаю. И не нужно мне знать.

— Я никогда не любила его, он мне даже отдаленно не нравился. Ни его лицо, ни то, как он разговаривал, ни его запах — все в нем вызывало у меня отвращение. Перед свадьбой я проплакала несколько дней.

Все это я слышала и раньше — и теперь очень надеялась, что на этом она остановится.

— Хочешь, я схожу нам за бутербродами? Ты наверняка проголодалась.

Но она не остановилась.

— В первую брачную ночь, в медовый месяц, в любую ночь, когда он приходил ко мне, меня ждал ад. Когда я просила его перестать, плакала, говорила, что мне больно, он отвечал, что я привыкну, что я его жена и отказывать ему не имею права. Он раздевал меня, прикасался ко мне везде руками и губами, и я ненавидела его за это, ненавидела его язык и запах его дыхания. То, что он со мной делал, — он уверял меня, что однажды

боль уйдет, но для этого он должен продолжать делать то, что делает. Он говорил, что со временем я перестану так сильно это чувствовать и тогда перестану его ненавидеть.

Я снова попросила ее перестать. Она не впервые жаловалась на отца, но в такие интимные подробности меня раньше не посвящала. Я больше не могла этого слышать.

— В наш медовый месяц я уже не чувствовала себя человеком. Мне казалось, что вместо меня по земле бродит моя тень. Я удивлялась, что меня вообще видят другие люди.

— Я не хочу это слушать.

Она пристально, напряженно посмотрела на меня, как в былые дни.

— А кому еще я могу об этом рассказать?

Я испугалась, что у нее случится очередной приступ, и обернулась, выискивая глазами санитара, но тут она успокоилась.

— Женщины не должны так разговаривать, я все понимаю. — Она снова похлопала меня по руке. — Но что они мне сделают, лепесточек? Это мое последнее пристанище.

По ее лицу пробежала тень облегчения, словно она сказала что-то, что давно хотела сказать. Она подтянула повыше плед и еще глубже зарылась

в него. Я подумала о том, что через два года мы с Зили уедем в неизвестном направлении и нашим поездкам сюда придет конец.

— Мы могли бы уехать, — сказала я. — Ты, я и Зили.

— Вы должны уехать, да. А я закончу свои дни здесь.

— Не говори так. — Я вспомнила наш предпоследний визит — *«Заберите меня с собой, лепесточки!»* — и то, как сильно я потом переживала. Но эта покорность судьбе была почему-то еще хуже.

— Твоей обузой будет Зили, а не я. Тебе нужно удержать ее от безрассудных поступков, или она последует за сестрами. Ты не должна этого допустить.

Потом мы долго сидели молча, хотя я никак не могла перестать думать о ее словах. Признавала я это или нет, но я несла бремя ее несчастий. Я не просилась на этот свет, но каким-то образом оказалась замешана в том, какой была ее жизнь.

Я еще немного порисовала, а потом увидела, что к нам направляется санитар.

— Он уже идет сюда, — сказала я.

— Хорошо, я немного устала. Ты не возражаешь, правда? — Она подняла одеяло и вытянула ноги.

Я сказала, что не возражаю, но, как ни странно, я бы посидела еще. Без укоряющих взглядов Зили и ее нервного нетерпения я с удовольствием проводила время с мамой; и пускай сегодня Белинда надавила на мои болевые точки, которые я сама предпочитала не исследовать, даже это было в какой-то степени очищающе.

— Не приезжайте сюда какое-то время, — сказала она, когда санитар помогал ей подняться со стула. — Вам с Зили нужно отдохнуть от этих поездок. Сосредоточьтесь этим летом на себе. Зили нуждается в тебе, а я ее только расстраиваю.

— Ты уверена? Для меня это вовсе не затруднительно, — ответила я, понимая, что Зили как раз очень обрадуется.

— Да, уверена. — Она обхватила меня руками, притянула к себе и быстро прошептала мне на ухо: — Ты должна позаботиться о Зили.

Она говорила так, словно знала, что больше мы не увидимся.

3

Вернувшись домой, я ожидала обнаружить Зили за пианино, играющей какую-нибудь мрачную пьесу; с того дня, как она выпустилась из школы, по нашим коридорам то и дело

разносились *«Гноссиенны»* Эрика Сати. Но меня встретила тишина. Я зашла в спальню и позвала Зили, но ответа не услышала. Должно быть, за ней заехала Флоренс и забрала ее куда-нибудь в кино.

— Боже, храни Флоренс, — сказала я, набирая ванну. Какое-то время я отмокала, а потом спустилась на кухню и сделала себе бутерброд. В доме стояла пугающая тишина. Отец уехал на какое-то мероприятие с гольфом и последующим банкетом, поэтому миссис О'Коннор и Доуви он отпустил на выходной.

Я взяла набор для акварели, надела шляпу от солнца и пошла на луг. Расположившись на траве, я стала рисовать все, что видела вокруг, — цветки мака и монарды, все эти успокаивающие образы, которые мой профессор вряд ли бы одобрил. Но я не хотела думать о чем-то еще, особенно о Зили и своих волнениях, которые я передала маме. Там я провела целый день и даже немного поспала, а когда возвращалась, на подступах к дому увидела Зили.

— Айрис! — пропела она звонко, что было несколько неожиданно.

— Ты где была? — спросила я, обернувшись через плечо и открывая боковую дверь на кухню.

Я надеялась, что она перестала хандрить, но не хотела показаться слишком навязчивой.

— Мы ходили под парусом, — выпалила она, забегая за мной в дом.

— Под парусом? — Я положила альбом и краски на кухонный стол.

— С Флоренс и Эдвином. Он купил яхту. — Она налила в стакан воду из-под крана и выпила его залпом.

Это было очень непохоже на нее: ничего мне не сказать об этом накануне. Как только ее куда-то приглашали, она тут же прибегала ко мне спрашивать совета о том, что надеть и какую прическу сделать.

— Ты с утра ничего об этом не говорила.

— Мы решили спонтанно. — Она пожала плечами. — Флоренс позвонила, как только ты ушла.

Я сняла шляпу и пригладила повлажневшие волосы.

— С каких пор у Эдвина яхта? — Жених Флоренс работал в банке и всегда был бледным, как тесто, ожидающее раскатки. Он совсем не походил на человека, мечтающего проводить время на открытом воздухе.

Она снова пожала плечами.

— Что на ужин?

Я была в некотором недоумении, поэтому ответила не сразу. Меня сбил с толку ее рассказ о проведенном дне, но она в кои-то веки была в хорошем настроении, и мне не хотелось снова видеть ее удрученной.

— Сейчас что-нибудь найдем, — сказала я, открывая рефрижератор. Мне нужно было действовать осторожно. В отсутствие каких-либо кулинарных навыков я приготовила нам поднос с остатками еды, оставленной миссис О'Коннор: жареная лососина, салат, хлеб с маслом и виноградное желе на десерт. Мы отнесли поднос в библиотеку, где стоял телевизор, и провели прекрасный вечер вместе, начав его с просмотра *«Новобрачных»* и закончив *«Дымком из ствола»*.

4

Всю следующую неделю Зили провела вместе с Флоренс. Возвращаясь домой из колледжа, я больше не находила ее уныло киснущей дома. Теперь она возвращалась позже меня, влетала в нашу комнату и рассказывала о том, как прошел день, — каким-то образом ее рассказы всегда были связаны с Флоренс и ее свадьбой: то она помогала Флоренс составлять список гостей, то ездила с ней на поиски подходящего зала.

Каждый день они уезжали по свадебный делам: казалось, что Флоренс выходит замуж не за Эдвина, а за Зили. И хотя я радовалась, что она избавилась от морока, поглотившего ее после выпуска из школы, все же ее поведение казалось мне странным. Лишь несколько недель назад весть о помолвке Флоренс погрузила ее в депрессию, а теперь она вдруг практически жила этим событием и даже больше того — необыкновенно этим наслаждалась.

В тот уик-энд отец собирался в Бостон по делам, у миссис О'Коннор были выходные до понедельника, а Доуви отправилась в Бруклин повидать кузину, что означало, что мы с Зили будем дома одни. Я предвкушала грядущие выходные; к маме ехать было не нужно, и я сказала Зили, что в субботу мы можем провести время вместе. Она выглядела заинтересованной, но, когда я проснулась утром, ее уже не было. На столе я нашла записку:

Мы с Флоренс и Эдвином уехали кататься на яхте. Пожалуйста, не обижайся!

Вернусь поздно, не жди меня.
С любовью, З.

Она ничего не говорила о яхте, хотя было

очевидно, что уже знала, что поедет с Флоренс и Эдвином. Я никак не могла понять, почему она мне ничего не сказала заранее и зачем ей было скрытничать. Отец и правда не хотел, чтобы мы часто уходили из дома, но Флоренс была исключением — Зили могла проводить у Хелландов столько времени, сколько пожелает.

Я была сбита с толку и растеряна, но в конце концов решила не портить себе день. Все утро я просматривала газетные объявления о недвижимости, слушая пластинку Билли Холидея *«Леди поет блюз»*, которую Зили подарила мне на Рождество. В воскресных газетах было больше всего объявлений, в том числе из самых отдаленных мест, так что я довольно долго вырезала выставленные на продажу дома, больше всего заинтересовавшись бунгало на побережье у Сан-Диего.

«Нью-Йорк таймс» я приберегла напоследок. Разделавшись с объявлениями, среди которых даже были дома в Европе (хотя перспектива переехать туда была призрачной даже в моих фантазиях), я быстро просмотрела остальные страницы, задерживаясь на интересных новостях. Мой взгляд упал на объявления о свадьбах — обычно я их пролистывала, избегая взглядов этих

черно-белых невест, похожих на космических роботов, — я никогда не скрывала, что свадьбы наводили на меня ужас, — но, когда я собиралась перевернуть страницу, в правом верхнем углу я заметила знакомое лицо, фотографию невесты с подписью: миссис Клайд Х. Бэссетт.

Я поняла, кто это, еще до того, как прочитала заголовок:

> Мисс В. А. Крим вышла замуж за Клайда Бэссетта

Совсем недавно я вспоминала Веронику, и вот, пожалуйста, снова она. Новость о ее замужестве стала ударом для меня. Я откинулась на стуле, словно девушка, узнавшая о женитьбе своего бывшего кавалера, — довольно глупо на самом деле. С Вероникой я не общалась, так что, казалось бы, с чего мне расстраиваться, и все же я расстроилась. Я вспомнила, как она убивалась, когда умерла Дафни, — это ее горе я воспринимала как свидетельство настоящей любви к моей сестре. И вот Вероника обменялась кольцами с мужчиной.

Я вновь раскрыла газету, не в силах удержаться от соблазна прочесть о том, что за мужчину она выбрала, потрясенная тем, что она вообще

выбрала мужчину. Я понимала, что у Вероники с Дафни были запретные отношения, но раньше я никогда не думала о том, что большинство женщин с предпочтениями Вероники в конечном итоге — по крайней мере, в то время — все же выходили замуж. Оказалось, что Вероника готова прятаться под маской.

Венчание состоялось днем раньше в церкви в Гринвиче, после чего в отеле «Крим» был устроен прием. В заметке сообщалось, что на Веронике было шелковое платье цвета слоновой кости с кружевом шантильи, портретным декольте и пышной юбкой; она шла к алтарю, держа в руках небольшой молитвенник и букет ландышей. Помимо описания платья, о самой Веронике больше почти ничего не было, хотя объявление пестрело подробностями о ее отце, свекре и муже. Читать все это было очень грустно, особенно последний параграф:

> После поездки в Лондон и Париж доктор и миссис Бэссетт поселятся в Уотербери, Коннектикут, где доктор Бэссетт ведет частную дерматологическую практику.

Я поразмышляла над тем, не вырезать ли мне эту заметку, чтобы сохранить на память фо-

тографию Вероники, но решила, что для меня будет лучше, если я поскорее забуду о ней. Та Вероника, которая была в моих фантазиях, скоро станет домохозяйкой и будет жить в большом колониальном доме. Мне казалось, что такие богини, как она, не созданы для глажки белья, мытья полов и смены подгузников — было в этом что-то неправильное. Больше того, это казалось мне предательством — наверное, именно это и беспокоило меня в первую очередь. Я знала настоящую Веронику и помнила, как она вела себя с Дафни. Ее неожиданная новая жизнь вызвала в моих мыслях ассоциацию с Годзиллой, пробудившимся от воздействия ядерной радиации, — мы с Зили смотрели этот фильм год назад. Вероника Крим мутировала в женщину-монстра послевоенных лет: миссис Клайд Бэссетт. Я вырвала заметку из газеты, скомкала ее в шарик и выбросила в корзину. Моя бы воля, я бы еще и подожгла ее.

Успокоившись, я подошла к шкафу, отодвинула в сторону одежду и дотянулась до внутренней стенки. Там я нащупала тонкий бумажный пакет, стоявший вертикально. Я потянула за него и села на кровать, медленно доставая спрятанный внутри холст, на который я не смотрела несколько

лет. *«Белый ирис»* — картина Дафни.

В старшей школе учитель показал нам рисунок, на котором, в зависимости от того, с какой стороны посмотреть, была изображена то ли молодая девушка, то ли пожилая женщина. *«Белый ирис»* обладал похожим эффектом: это был и цветок, в честь которого я была названа, и женское тело — образ Вероники. Но наложение этих образов — *«Белого ириса»* и Вероники, ставшей невестой, лишившейся своего имени, — сбивало меня с толку. Я никак не могла увязать их вместе.

Изгнав фотографию невесты из своих мыслей, я провела пальцами по белой краске, по нежно-розовому холсту. Я поставила картину на стол, прислонив к стене, и долго ее рассматривала. Мое тело было словно охвачено огнем. Такое случалось нечасто, и обычно я это игнорировала — внутренне закрывалась и словно застегивалась на все пуговицы. Я боялась, что иначе эта сила вырвется наружу и польется через край.

Но сейчас я поднялась и заперла дверь спальни, хотя дома, кроме меня, никого не было. Встав перед зеркалом, висевшим с внутренней стороны дверцы шкафа, я начала раздеваться. Я расстегнула блузку и отшвырнула ее в сторону, а потом

позволила юбке мягко соскользнуть на пол. Обнажив одну грудь, затем вторую, я аккуратно сняла белье и потянула вниз трусики, чувствуя прикосновение атласа к коже, пока наконец не встала перед зеркалом полностью раздетой. Я мягко провела руками по телу — оно чутко отзывалось на каждое прикосновение. Меня возбуждала мысль о том, что за мной сейчас мог бы кто-то подглядывать, как тогда, много лет назад, я подглядывала за Вероникой.

Я сняла зеркало с гвоздя на дверце шкафа и положила его на пол, присев над ним на корточках, чтобы разглядеть себя. Несколько минут я исследовала то, что вижу, открывая слой за слоем, а потом схватила со стола альбом и карандаш и принялась зарисовывать увиденное, в мельчайших подробностях, словно создавая карту неизведанной территории. Я сделала несколько рисунков, размышляя о том, как их можно будет использовать для своих цветочных картин, картин с ирисом, как когда-то это сделала Дафни.

Рисование не успокоило моего желания, и я отложила альбом и забралась в постель, наслаждаясь прикосновением холодной простыни к коже. Я переворачивалась с боку на бок, дотрагиваясь до себя и чувствуя, как пульсирует все

мое тело, словно пронзенное током. Взглянув на *«Белый ирис»* на моем столе, я представила Веронику, вызвала в своей памяти образ ее почти обнаженного тела. Она смотрела на меня, упиваясь наслаждением, которое давала мне. Потом она забралась ко мне в постель — вместе со Сьюзен, девочкой из моего класса. Не знаю, как в моих фантазиях оказалась Сьюзен, но она уже расстегивала свою брошку со шмелем и снимала блузку, забираясь на меня сверху. Вскоре с моих губ сорвался протяжный стон.

Потом я приняла ванну, какое-то время чувствуя себя — как сказала бы Зили — *сказочно*; ароматная вода нежно омывала меня волнами, как горячий источник. Но постепенно эти волны превратились в волны омерзения — я вдруг перестала понимать, что со мной и почему я чувствую все это. Мне стало стыдно от того, о чем я мечтала и как трогала себя. Я имела наглость судить о выборе Вероники, хотя где-то в глубине души просто завидовала тому, что она пытается вести нормальную жизнь. Мне же, по целому ряду причин, жить такой жизнью было не суждено.

Лежа в ванной, я представила Веронику вместе с Клайдом. Фотографии Клайда в газете не было, поэтому мне пришлось додумать его самой, и,

когда я попыталась представить себе его, в моих мыслях, как легкая дымка, возник Сэм Кольт. С того ужина я старалась не думать о нем, хотя понимала, как это глупо: пытаться вытеснить его — и опасность, связанную с ним, — из своей головы.

Как и моя мать, какие-то вещи я иногда просто знала. И во мне росло подозрение, которое я не могла больше игнорировать.

Я вылезла из ванной, оделась и отправилась готовить ланч. Проходя через холл по пути на кухню, я подняла трубку и позвонила в особняк Флоренс. Когда она ответила сама, я положила трубку.

После ланча я решила перестать откладывать работу над заданием Нелло и вышла на террасу. Выдающихся успехов я от себя не ждала, поэтому решила взять маленький холст, который когда-то испортила случайным мазком зеленой краски. Я поставила холст на мольберт и надела фартук. В качестве модели я выбрала Зили, а с учетом того, что сейчас чувствовала по отношению к ней, основной эмоцией был назначен страх. Я порылась в коробке с красками, пытаясь подобрать нужный цвет. Очевидным выбором для изображения липкого, нутряного ужаса был черный,

но мне казалось, что с этим я не справлюсь, поэтому я взяла тюбик с красно-фиолетовой краской — это был темный, ранящий красный цвет, который преследует. Я не стала разводить палитру, а просто выдавила шарик краски на старую кисть и атаковала холст несколькими агрессивными мазками. Ведь чем еще был страх, если не атакой, внезапным нападением? Я делала мазки, надеясь, что они отразят мои чувства, мой страх за Зили — где она была? с кем она была? — потому что к тому времени я уже поняла, что точно не с Флоренс.

Я понятия не имела, как должно выглядеть абстрактное выражение моего страха. Рисовать предметы и людей было легче, к этому я привыкла: я изображала Эстер в свадебном платье, Розалинду танцующей с Родериком, Каллу собирающейся на свидание с Тедди. Моменты страха заполняли мое прошлое и размечали настоящее, но придать им абстрактную форму было сложно — всем этим тошнотворным ощущениям, ужасу перед лицом неизведанного.

Я нанесла на холст резкий, похожий на рану мазок красно-фиолетового, затем еще один. Я вызвала в памяти картины в музее — *«Горы и море»* и *«Память о моей матери»* — и то, как они

передавали движение, объемность и тайну, в особенности то, какие эмоции сообщала вторая картина. Выплескивая свой страх на холст, я положила его на пол и стала разбрызгивать поверх него краску, как, по рассказам Нелло, это делал Джексон Поллок. Тюбик с красно-фиолетовым был уже на исходе, а страха в своем произведении я пока не видела.

Прошло больше часа, а я все рисовала и рисовала, стараясь забыться в работе, — погрузиться в искусство всегда было для меня величайшим удовольствием. Но это задание сильно отличалось от того, что я делала раньше. Мне было не по себе и от этого нового опыта, и от нежеланных эмоций, которые он вызывал. Я рисовала, чувствуя беспокойство и с каждым мазком думая о том, что моя сестра мне лжет, пока наконец мой страх не слился в единое целое с красными ранами на холсте.

В своей записке Зили просила не ждать ее, поэтому я легла спать и даже не слышала, как она вернулась, а с утра, когда я открыла глаза, она уже собралась уходить. Чем бы она ни занималась, за это время она превратилась в ночное существо, появляясь и исчезая в начале и конце моего дня, стараясь не попадаться никому на глаза.

— Прости, если разбудила, — сказала она, бросая в сумочку пудру. — Я ухожу на весь день. — На ней было платье на бретельках, которое я никогда раньше не видела; ее голые, загорелые плечи были выставлены на всеобщее обозрение.

Я не стала спрашивать, куда она направляется, но она все равно пояснила:

— Мы с Флоренс и Эдвином снова едем кататься на яхте. Это так весело!

Я приподнялась, разглядывая ее. По сравнению с ней я казалась себе измятой и сморщенной изюминкой.

— Ты слышала, что я сказала? — нетерпеливо спросила она.

— Ты едешь кататься на яхте, — сказала я и снова опустила голову на подушку.

В тот день, оставшись одна, я достала наброски, которые сделала, когда рисовала себя, и попыталась преобразовать их в цветы. Но это оказалось гораздо труднее, чем я думала, и после нескольких часов напряженной работы за столом я решила, что, для того чтобы добиться эффекта, которого так искусно добилась Дафни на своей картине с ирисом, нужно обладать гораздо более глубокими познаниями в женской анатомии — такими, какими обладает орнитолог, изучивший

каждое перышко пустельги или оляпки. Я не знала, как мне получить этот опыт, и мысль об этом граничила с непристойностями.

Я засунула альбом поглубже в шкаф, чтобы спрятать его от чужих глаз, и собиралась прокатиться на машине, когда услышала, что в холле открылась дверь. К моему удивлению, на кухне я нашла Зили, шурующую по шкафчикам.

— Не ожидала, что ты уже здесь, — сказала я, пристально разглядывая ее и пытаясь понять, действительно ли она каталась на яхте. Ее кожа и правда немного обгорела на солнце.

— Мы несколько часов провели на заливе, — сказала она, открывая пачку крекеров. — Это было восхитительно, но в какой-то момент все захотели вернуться.

— Если ты голодна, мы можем поужинать пораньше, — сказала я, радуясь возможности провести с ней побольше времени в надежде на то, что она хоть что-нибудь мне расскажет. — Говорят, в Гринвиче открылся новый китайский ресторан. Хочешь, съездим туда?

— Не сегодня, — сказала она. — Я вернулась только чтобы принять ванну и переодеться. Вечером я ужинаю с Эдвином и Флоренс, она собирается приготовить моллюсков, которые мы

купили.

— Ну прямо три мушкетера, — сказала я, удивляясь. — Им явно стоит взять тебя с собой в поездку на медовый месяц.

Она перестала жевать крекер и натужно улыбнулась. Я хотела сказать ей, что знаю о ее вранье, что я вчера звонила Хелландам и Флоренс была дома, а не на прогулке на яхте, как утверждала Зили. Но тогда она поймет, что я за ней слежу и пытаюсь ее контролировать, а мне этого не хотелось. От этого всем стало бы только хуже.

— Я тебя отвезу к Флоренс, когда ты соберешься, — сказала я. — Я все равно собиралась выезжать в город.

— Не нужно, я прогуляюсь. — Она взяла из пачки еще несколько крекеров и направилась в спальню.

Вскоре она ушла, благоухающая после ванной, в красивом бордовом платье с воротником-бантом, слишком элегантном для обычного ужина у Флоренс.

В ее отсутствие я не знала, что мне делать с собой и своей тревогой, поэтому решила все равно поехать в Гринвич и заказать китайскую еду, но, когда я открыла дверь в ресторан и мне в лицо хлынул поток влажного воздуха, пропитанного

восхитительными запахами чеснока и имбиря, я почувствовала себя не в своей тарелке. За каждым столом сидели пары и семьи, они болтали и смеялись, пытаясь есть палочками и с шумом втягивая лапшу в рот. Они напомнили мне о моем одиночестве.

Заказав два яичных рулета с собой, которые мне вынесли завернутыми в вощеную бумагу, на манер подарка перевязанную тонкой красной лентой, я собралась ехать домой. По пути я решила проехать мимо дома Флоренс. Мою машину можно было узнать издалека, но я надеялась, что сумерки станут мне прикрытием.

В доме Хелландов не горел свет — Зили явно не ужинала здесь с Флоренс и Эдвином. Я ненадолго припарковалась и съела свои рулеты, а потом поехала по зеленым жилым кварталам в сторону Мейн-стрит. Остановившись на светофоре для правого поворота у церкви, я увидела, как в обратную строну пронесся автомобиль, глянцево-красный, будто яблоко в карамели. Это был «Астон Мартин» — такая машина была у Сэма Кольта.

Я остановилась, не завершив поворот, провожая глазами удаляющиеся габаритные огни, пока автомобиль на большой скорости объезжал го-

родскую лужайку с ее беседкой и пушкой в честь Войны за независимость. Сзади мне посигналили, но я не двинулась с места, размышляя, не поехать ли мне вслед за красной машиной. Правда, водителя я не видела и не была уверена, что с ним был пассажир, к тому же не знала, в какую сторону они направились. Стоявший за мной автомобиль снова посигналил; я наконец повернула и поехала домой.

Дома я взяла миску клубничного мороженого и, не зажигая свет, примостилась на стуле у окна главной гостиной. Если она была с Сэмом, он наверняка привезет ее домой. Было уже поздно, и он не позволил бы ей идти пешком одной. Прошел час, два, и мне стало стыдно за свое поведение — за то, что звонила Флоренс, караулила в машине у ее дома, ждала Зили у окна. Я не должна была опускаться до того, как я вела себя в юности, вечно прячась в темноте и что-то замышляя, пусть даже с добрыми намерениями. У нас с Зили и так все было не очень гладко. А могло стать еще хуже. Я знала, какой упрямой она иногда бывала.

Я была уверена, что Зили встречается с мужчиной — вряд ли была какая-то другая причина, по которой она стала бы мне лгать, — и этим мужчиной наверняка был Сэм Кольт. А кто еще?

Но если я хоть что-то поняла за это время, так это то, что заставить сестру делать что-то против ее воли невозможно. Она сама должна захотеть прервать эти отношения. Она же видела, что случилось с нашими сестрами. Зили не всегда вела себя рационально — ее поступки нельзя было назвать зрелыми, и ее не радовала уготовленная ей судьба, но это вовсе не означало, что она хочет умереть.

5

Так продолжалось больше месяца. Зили говорила, что проводит дни с Флоренс, помогает ей со свадебными приготовлениями, а в выходные катается на яхте. В ее рассказах были барбекю на пляже, фейерверки и даже парусная гонка. Я ей не верила, но по-прежнему не знала, что предпринять, чтобы это прекратилось. Отец ездил по командировкам, а последние две недели июля собирался целиком провести на Западном побережье, так что ему было невдомек, сколько времени Зили проводит за пределами родных стен. А когда он был дома, все равно не ругал ее за пропущенные ужины — с момента окончания школы с ней было так трудно общаться, что он, казалось, был рад тому, что она нашла себе ка-

кое-то занятие.

По вечерам я просиживала в художественной студии до момента ее закрытия в восемь часов, работая над своими выпускными проектами. Я попыталась нарисовать еще одну картину в стиле абстрактного экспрессионизма — она называлась *«Пролив»* и должна была изображать океан в то утро, когда исчезла Дафни, но в итоге работа получилась скорее в реалистичной манере; мне не удавалось передать океан как чувство. А когда в студии больше никого не было, я работала над своими цветочными рисунками и акварелями, которые обычно оканчивали свою жизнь в мусорной корзине.

К моему облегчению, с Зили мы виделись лишь изредка — мне была невыносима мысль о том, что она мне лжет; между нами пролегла пропасть, и мне было больно находиться рядом с ней. Я была уверена, что однажды она порвет с Сэмом, но слишком уж долго все это продолжалось.

Когда мы все же виделись, обычно за завтраком или перед сном, мы обменивались любезностями.

— Сегодня я опять допоздна работала в студии, — сказала я однажды вечером, когда мы готовились ко сну, а она ответила:

— А я была в гостях у Флоренс. Она никак не определится с меню.

Я притворялась, что верю ее историям, а она наивно предполагала, что я действительно думаю, что счастье, струившееся из нее, словно шампанское из открытой бутылки, как-то связано с их решениями о том, что будут подавать к праздничному столу: говяжьи ребрышки или лосось в слоеном тесте.

— Столько всего нужно сделать! — говорила она. — Ну, ты помнишь, как это бывает перед свадьбой.

— Да, я помню, — отвечала я, порываясь добавить: *А ты?*

Июль подошел к концу, а с ним заканчивались и мои художественные курсы. Впереди маячил август, и я с тоской думала о том, что проведу его дома, где мне будет гораздо труднее отвлечься и заглушить в себе беспокойство о Зили.

В предпоследний день занятий Нелло проводил индивидуальные встречи со студентами, на которых обсуждались выпускные работы. Официально наш курс уже завершился, хотя на следующий день — в пятницу — мы по-прежнему собирались всей группой поехать в музей и галерею в Нью-Йорке. По расписанию моя сес-

сия с Нелло стояла последней, и я вошла в студию в тот момент, когда из нее выходила Сьюзен. Нелло попросил меня закрыть дверь, но я сказала, что в комнате очень душно, и оставила ее открытой. Нелло мне нравился; находясь рядом с ним, я не чувствовала никакой неловкости, к тому же Сьюзен говорила, что он «не по женской части», — и все равно это был мужчина.

Мы просмотрели рисунки в моей выпускной папке, их было больше двадцати. Потягивая кофе, он неторопливо и с удовольствием разглядывал каждый — акварель с закатом, нарисованную углем пожилую женщину, приходившую к нам на занятия позировать, натюрморт с маргаритками в вазе и *«Пролив»*. Красный холст, мое абстрактное изображение страха, он рассматривал довольно долго. Заранее рассказать ему, о чем наши работы, он не позволил, намереваясь составить о них собственное впечатление.

Под светом ламп в нашей студии красная картина показалась мне еще более сумбурной, чем дома, мне было неприятно смотреть на нее — каждый мазок кричал о моем страхе за Зили. Нелло же от нее не отрывался, и мне стало неловко.

— Когда я смотрю на это, я вижу ярость, — ска-

зал он. — Красный туман.

— Правда? — спросила я, пытаясь посмотреть на картину его глазами. Как я и боялась, мне не удалось передать того, что я задумывала.

— О да. Я вижу ярость, неукротимую ярость, Айрис. — Он говорил с французским акцентом, и «Айрис» прозвучало как «ай-рииз». — Это очень сильно.

Неожиданно почувствовав себя беззащитной, я слабо улыбнулась.

— Ты не ярость пыталась изобразить?

Я покачала головой.

— Страх.

— Ну что же. Иногда художница думает, что передает одно, а зритель получает совершенно другое. За это я и люблю искусство. В нем многое исходит из потайных глубин нашего разума.

— Как на тех картинах с выставки, — сказала я.

— Именно.

Он положил красный холст на стол перед нами, и, когда он ненадолго вышел в кабинет за зажигалкой, я накрыла его сверху акварелью с закатом.

— Если хочешь услышать мое честное мнение, — сказал он, вернувшись, сев рядом со мной

и закурив «Житан», — то в этом колледже ты лишь зря тратишь время.

— В каком смысле? Мои работы настолько плохи?

Он усмехнулся и сделал затяжку.

— Согласись, это не самая престижная школа.

— Я… даже не знаю. Ну да, не Йельский университет.

— Да кому нужен Йельский университет? — сказал он, разгоняя дым рукой. — Большинство девушек лишь проводят здесь время до тех пор, пока не найдут себе мужа. А у тебя настоящий талант. Тебе нужно в художественную школу.

Я была польщена и тут же растерялась. Мой учитель рисования из колледжа, мистер Ричардсон, который еще обучал нас плаванию, мои работы никогда не хвалил. Я рассказала Нелло, что в старших классах мечтала поступить в Род-Айлендскую школу дизайна, но отец заявил, что это непрактично.

— Какая разница, что он об этом думает? — спросил Нелло. — Ты взрослый человек — тебе разве нужно его разрешение?

— Он платит за мое образование.

Нелло пожал плечами:

— Тогда найди работу.

— Поэтому я и учусь на преподавателя, — сказала я. — Чтобы потом нам с сестрой было на что жить.

— И ты действительно хочешь стать учителем? Или будешь преподавать только ради денег, как я? — Он хитро улыбнулся и бросил сигарету в пустую кофейную чашку.

— Наверное, я просто не знаю, какие еще у меня перспективы.

Он понимающе кивнул.

— В жизни не так просто пробиться с творческими начинаниями, — сказал он. — За искусство нужно бороться. — Он снова взял в руки акварель с закатом и красный холст. Эти две картины являли собой яркий контраст.

— Если не возражаешь, Айрис, я дам тебе один совет.

— Не возражаю, — сказала я, волнуясь.

— У тебя настоящий дар, а я редко говорю такое своим студентам. Ты способна на большее. Мне кажется, тебе нужно преодолевать себя и не быть такой… — Он замолчал, подбирая слова. — Не быть такой робкой.

Мне стало обидно, но я постаралась это не выдать.

— Что вы имеете в виду?

Он встал и разложил все мои работы на столе с красным холостом в виде финальной точки.

— Я понимаю, что это была пробная работа, но в ней чувствуется энергия, жизненная сила, которой нет в других твоих картинах. В ней есть загадка, и тебе стоит попробовать себя в этом.

— Но… — сказала я, не зная, стоит ли мне делиться этой мыслью.

— Говори, — сказал он.

— Мне не понравилось над ней работать.

— Почему?

— Мне было не по себе.

— Ах, вот оно что, — сказал он. — Что ж, именно поэтому это лучшая твоя работа.

6

На следующий день, в последний день моих занятий, Зили вдруг попросилась поехать со мной в Нью-Йорк, чем очень меня удивила. До этого она так методично меня избегала, что эта неожиданная просьба тут же вызвала у меня подозрения.

— А зачем? — спросила я, приготовившись услышать очередную ложь.

— Я хочу зайти в Блумингдейл. Мне там кое-что нужно.

— Например, что?

— Всякое разное.

— Хорошо, — сказала я, удивившись незатейливости ее планов на день. Может быть, на этот раз она говорила правду.

— Обратно я обычно еду поездом в четыре пятнадцать. Ты точно найдешь чем заняться все это время?

— Это кем надо быть, чтобы не найти себе занятие в Нью-Йорке? — сказала она, выхватывая из шкафа хлопковое платье в бело-розовую клетку с широкой юбкой. Мы уже опаздывали, поэтому я надела темно-синюю юбку с белой блузкой и побежала наверх, где взяла в спальне Эстер один из ее платков с вышивкой — мой талисман на предстоящий день. Завтракать было некогда, и я пошла на кухню за фруктами, чтобы перекусить в машине. Проходя по холлу, я услышала, что на столе звонит телефон.

— Мисс Чэпел? — спросил женский голос, когда я взяла трубку.

— Да, — сказала я, надеясь побыстрее отделаться от звонившей, кем бы она ни была.

— Это миссис Гринберг из бюро путешествий Брэнд-вина. Я хотела удостовериться, что вы нашли свой паспорт.

Я понятия не имела, кто она и о чем вообще речь.

— Простите, с кем я говорю?

— Этта Гринберг, ваш агент из бюро путешествий. Я говорю с Хейзел Чэпел?

У меня потемнело в глазах.

— Да, с ней.

— Вы нашли свой паспорт? В противном случае нам придется перенести ваш рейс, а времени осталось не так много.

Я оглянулась, чтобы проверить, не идет ли сюда Зили.

— Нашла, — сказала я. — Простите, вы не напомните мне детали рейса?

— Конечно. Одну секунду. — Я услышала, как она перебирает бумаги, и, пока ждала, в моей голове пронеслось множество сценариев, один страшнее другого. — Вот, пожалуйста. Как мы и договаривались, я забронировала вам с мистером Кольтом два билета на «Пан Американ». Ваш самолет отправляется в понедельник, в шесть часов вечера, из аэропорта Айдлуайлд в Нью-Йорке. Вы прилетаете в Рим утром следующего дня.

Из спальни раздался голос Зили, извещающий, что она выйдет всего через минутку; я не хотела, чтобы она видела меня разговаривающей по те-

лефону.

— Я вам перезвоню, — сказала я и, повесив трубку, поспешила на кухню, где схватила яблоко с медной миски на столе.

— Мы еще не опаздываем? — спросила Зили, прискакав на кухню без одной туфли. Она ждала ответа, я же не могла произнести ни слова. — Что-то случилось? — спросила она, надевая вторую туфлю.

— Нет, ничего. — Я отвернулась к раковине, чтобы помыть яблоко, радуясь возможности не смотреть на нее.

— Я пойду к машине, поторопись, — сказала она. У меня было лишь несколько мгновений, чтобы взять себя в руки, и мне казалось, что я с собой не справлюсь. Во мне вскипала красная ярость с моей картины. Нелло был прав — она была там с самого начала.

Я надеялась, что Зили рано или поздно порвет с Сэмом. Я очень боялась за нее, но сильно не паниковала: ведь даже если она не порвет с ним сразу, все последующие события — помолвка, свадьба — потребуют времени, и я сделаю все возможное, чтобы остановить ее. Но это? Улететь в Рим с мужчиной после двухмесячного знакомства? Я не понимала, что происходит.

Мне нужно было поскорее успокоиться. Я была не готова пререкаться с ней. Кричать на нее, угрожать… было ясно, что это не поможет. Мне нужно было время, чтобы понять, что делать дальше и вовлекать ли в это отца, который все еще был в Калифорнии. Зили улетала в понедельник — если, конечно, она нашла паспорт. У меня в запасе было несколько дней, и я ухватилась за них как за спасительную соломинку.

Сев в машину, я осознала, что все еще держу в руке яблоко, но аппетита у меня больше не было. Я отдала его Зили, и она вгрызлась в него как ни в чем не бывало.

— Ты чего так долго? — сказала она.

Я завела машину и уставилась вперед, не желая смотреть на нее. Она была счастлива; видимо, она думала, что влюблена. Впереди ее ждал Рим, и она убедила себя, что и после этого у нее есть будущее. Я должна была вернуть ее с небес на землю, но делать это нужно было осторожно.

— Хочешь, поужинаем вечером вместе? — спросила я. — Можем встретиться на вокзале, сесть на поезд, доехать до машины и отправиться на побережье в тот ресторан морской кухни, где мы были прошлым летом.

— Там, где подают запеченные половинки

моллюсков? И лимонный кекс? Я с удовольствием. — Она мило мне улыбнулась, и я хотела улыбнуться ей в ответ, чтобы она ничего не заподозрила, но не смогла. Казалось, она искренне обрадовалась возможности поужинать со мной. Видимо, решила, что это будет прощальный ужин. Вопрос был лишь в том, собиралась ли она сказать мне об этом.

Не покидайте меня, леди
1957

1

Все утро мы с классом провели в Музее современного искусства, рассматривая подсолнухи Ван Гога: целую стену восхитительных желто-золотых вспышек, которым от времени ничего не сделалось. Выставка путешествовала по миру, и она состояла не только из картин с подсолнухами, но именно они меня заворожили.

Работы Ван Гога не были сугубо реалистичными, но на абстрактный экспрессионизм они тоже не походили; это было нечто среднее: узнаваемая, но немного искривленная реальность. Примерно так я чувствовала себя после звонка той женщины из бюро путешествий — я была шокирована и смотрела на мир, будто бы сквозь дымку. Неудивительно, что в то утро я почувствовала особую связь с Ван Гогом и его особым взглядом на этот мир. Мне хотелось затеряться среди этих подсолнухов, этих ирисов, маргариток и маков. Цветы всегда приносили утешение.

После музея мы с классом пошли в пиццерию.

Мои сокурсницы наслаждались поздним ланчем и обсуждали планы на август, а я сидела и думала о том, правда ли Зили пошла в Блумингдейл. Моя ярость переросла в удивление — я и не думала, что Зили способна на такую изощренную скрытность, — а потом ко мне снова вернулся страх, мой давний попутчик. За ужином я не стану с ней ссориться, не буду кричать, но моих вопросов она избежать не сможет. Мы просто поговорим, и я попытаюсь понять, почему она считает, что может вот так взять и сбежать с Сэмом Кольтом или с кем бы то ни было. А потом я найду способ, чтобы отговорить ее.

После ланча мы отправились в галерею на Девятой улице, недалеко от Вашингтон-Сквер-парка, принадлежавшую одному парижскому приятелю Нелло. Галерея занимала первый этаж краснокирпичного особняка. Кроме нас, в тот день там никого не было, что, наверное, было к лучшему — мои сокурсницы не стеснялись в выражениях, и мне было бы неловко, если бы их комментарии услышал кто-то еще.

Картины, выставленные в главном зале, были бесконечно далеки от Ван Гога. Они были созданы одним автором — многообещающей французской художницей Люсетт Туссен, которая впослед-

ствии станет довольно знаменитой. Все работы походили одна на другую и были выполнены в оттенках черного, белого и серого; казалось, что с них сняли верхний слой, — здесь не было живых, ярких цветов с картин Ван Гога. Разум художницы, в котором мы очутились, представлял собой мрачное, наводящее ужас место. На каждой картине было изображено лицо одной и той же пожилой женщины; его призрачный контур возникал из черной пустоты, в которой, казалось, притаились летучие мыши. Леденящие душу глаза женщины смотрели на что-то за пределами видимости зрителя, на что-то, что до смерти ее испугало. Она выглядела одновременно безобразной и ранимой, как тот персонаж с работы Гойи *«Сатурн, пожирающий своего сына»* из серии «Мрачные картины». Я отшатнулась. Было очевидно, что Люсетт не боится заглядывать туда, где ей предельно некомфортно.

Я шла от картины к картине, разглядывая известково-белое лицо женщины и ее исполненные ужаса глаза. Невольно я подумала о Белинде, блуждающей в ночи, преследуемой жертвами чэпеловского оружия. Вот уже несколько лет я не слышала маминых криков, но сейчас они звенели у меня в ушах — колыбельная моего

детства.

— Спать я теперь точно не буду, — сказала Сьюзен, на которой была очередная обтягивающая футболка, на этот раз с небольшим шарфиком, повязанным вокруг шеи на манер платка. — Лоуис вышла на улицу покурить. Говорит, ее мутит от просмотра всего этого.

— А по-моему, это очень убедительные работы, — сказал подошедший к нам Нелло.

— И что в них убедительного? — спросила Сьюзен. — Сплошной ночной кошмар.

— И что с того, даже если так? Разве художник обязан нас утешать?

— Pas de tout[19], — раздался мужской голос, эхом прокатившийся по галерее. Мы трое обернулись, и Нелло приветствовал друга радостным восклицанием. Они обнялись, и мужчина представился: Феликс Туссен, брат художницы. Это был невысокий, круглый мужчина с крепкими седыми кудрями.

Сьюзен, явно смущенная, ретировалась на улицу к Лоуис.

— Мои студенты как раз восхищались работой Люсетт, — сказал Нелло.

---

[19] Сноски: 19
Вовсе нет *(фр.)*.

— Что-то не очень похоже, — ответил Феликс, и они оба рассмеялись.

— Эти картины поразительны, — сказала я, надеясь проявить хоть какое-то понимание; мне хотелось выделиться из общей массы.

Феликс благодарно кивнул.

— Для меня большая честь выставлять картины сестры, — сказал он. — Женщина на картинах — наша мать. Она умерла во время войны.

Я не удивилась. Одержимую мать я могла узнать издалека.

Феликс протянул мне руку:

— Как вас зовут?

— Айрис Чэпел.

— А-а, Чэпел! — Он сложил руку в форме пистолета. — Пиф-паф!

— Нет-нет, — сказала я, протестующе качая головой.

— Как интересно, — сказал Нелло. — А я никогда не проводил эту параллель. Когда я вижу ее фамилию, я думаю о церкви. Айрис такая спокойная, торжественная. Ей подходит.

— А, понимаю, Чэпел… это же «церковь» по-английски? — спросил Феликс, складывая руки в шутливой молитве.

— Это просто Чэпел, — сказала я, раздражаясь.

За два года в колледже никто не спрашивал о том, как моя фамилия связана с оружием. Но Нелло уже говорил о чем-то еще, уводя Феликса к одной из картин в другой части зала и засыпав друга вопросами, на которые тот охотно отвечал. Я за ними не пошла. В галерее были и другие залы, и, пока остальные мои сокурсницы курили, я могла осмотреть их в одиночестве.

В конце коридора я заметила зал с обилием цвета — даже, наверное, чрезмерным. Я пошла туда и прочла сопроводительную надпись:

> «Искусство американского Юго-Запада
> Дворцовая школа искусств и дизайна
> Санта-Фе, Нью-Мексико».

С американским Юго-Западом у меня была только одна ассоциация — цветные кадры из фильма *«Чэпел-70»*, служившие фоном для ковбоев на лошадях. Но представленные здесь работы от них сильно отличались.

Пустынное шоссе, уходящее к горизонту под удивительным облачным небом — облака как мраморные шарики на синем ковре; сосны и полосатые красно-желтые стены каньона Фрихолес; осиновая роща в Сангре-де-Кристо, пылающая золотыми красками осени; оранжевое

плоскогорье в Зуни-Пуэбло на закате, желтые цветки лебеды на скале над рекой Чама — все эти картины развернулись у меня перед глазами. Пейзажи были наполнены воздухом и светом, в них был простор и горячий воздух; они были ярче и красочнее, чем мир, в котором я жила; они были распахнутым окном в безграничную даль; по сравнению с ними Новая Англия казалась тесной.

Еще здесь были люди и городские пейзажи: Санта-Фе-плаза с ее глинобитными домами и бирюзовыми дверьми; старый индиец за рулем грузового «Форда» в окружении розовых и желтых мальв; женщина с длинной черной косой, подметающая пыль у придорожного кафе. Они не были похожи на искусственных персонажей чэпеловского фильма; это были простые люди, они не позировали для чужих и не играли на камеру.

Последняя картина была совсем другой. Когда я подошла к ней, я покраснела, еще не успев этого понять. На холсте была изображена роза или часть розы. Задним фоном — глубокий красный, а на нем — в сильном приближении — два лепестка розы чуть более темного оттенка. Эта картина совсем не была похожа на мой красный

холст — в ней были утонченность и сдержанность, а еще в ней была уверенность. Я сразу же вспомнила картину Дафни *«Белый ирис»* и свои попытки создать что-то подобное; передо мной была и роза, и самое интимное в женщине.

Холст был небольшим; я нагнулась, чтобы прочесть надпись на табличке рядом с ней: *«Земля очарования»*, анонимный автор.

— И что тут, сплошные ковбои? — сказала Сьюзен, заглянув зал. Она и раздражала, и привлекала меня против своей воли. Увидев ее у картины с розой, я вспомнила, как фантазировала о ней в постели, и снова покраснела.

— Ковбоев здесь нет, — сказала я, выпрямляясь и пытаясь понять, горят ли у меня щеки. Если да, Сьюзен никак это не прокомментировала. Она прошла по залу, быстро осмотрела все картины и встала рядом со мной.

— Эта сюда как-то не очень подходит, правда? — сказала она, щелкнув жвачкой и обдав меня запахом мяты. Она заметила мой интерес к картине и сказала: — И что в ней такого? Всего лишь пара лепестков роз. — Она прищурилась, разглядывая картину. — Ну то есть мне кажется, что это роза. Или нет? — Она повернулась ко мне с лицом человека, который пытается вспомнить

ускользнувшее от него слово, но я не собиралась ей ничего объяснять. — Нелло просил передать, что он готов идти. Мы думаем сходить в кафе, выпить что-нибудь.

— Я не смогу, — сказала я. — Мне нужно встретиться с сестрой.

Сьюзен ушла, но я едва это заметила, завороженная лепестками роз точно так же, как до этого — подсолнухами. Волнуясь за одну сестру, я представила себе другую: я увидела Дафни в лучезарных красках Юго-Запада, студентку Дворцовой школы искусства и дизайна. На мгновение я притворилась, что это ее картина и что ее ждет блестящее будущее. И несколько мгновений я действительно верила в то, что это могло быть правдой.

2

Когда я приехала на вокзал, Зили уже была там. Она стояла под табло отправления с маленьким пакетом из Блумингдейла в руках. Я шла к ней через вечернюю толпу и, глядя на нее, пока она еще не видела меня, думала о том, что в своем клетчатом розовом платье, перчатках и белых туфлях на каблуках она выглядит взрослой, не девочкой уже, а настоящей женщиной. Дома это

было не так заметно. Дома она по-прежнему была ребенком, нашей младшей сестрой.

Увидев меня, она помахала мне рукой, но не двинулась с места. Я помахала ей в ответ и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы развеять обуревавшие меня страхи.

— Как-то не густо у тебя с покупками. Не нашла ничего подходящего? — спросила я, когда мы обнялись.

— Не *успела* найти, скажем так, — сказала она, просияв. — Ты не поверишь, что случилось! В Блумингдейле я встретила Флоренс и ее мать. Мы *целый* день провели вместе. У них была какая-то проблема с регистрацией свадьбы, и они приехали в город, чтобы разобраться. — Она старалась выглядеть непринужденной, но ее движения были суетливы, а взгляд блуждал вокруг, не останавливаясь на мне. Это ее и выдавало.

В ответ я смогла лишь сказать: «Понимаю».

Она рассказала еще немного о своем дне, который она якобы провела в кафе-кондитерской с Флоренс и миссис Хелланд, а потом на прогулке в Центральном парке. Слушать ее вранье было невыносимо.

— Отличный был день, — сказала она, наблюдая за тем, как дворник убирает мусор. — Мне

нужно чаще приезжать в Нью-Йорк.

Я повернулась и посмотрела на огромный циферблат вокзальных часов, белый и круглый, как луна.

— Наш поезд скоро отходит. Пойдем.

— Я не могу. — Она отдала мне свой пакет, и я автоматически его взяла. — Отвезешь это домой? Там лишь пара сережек.

Пакет был таким легким, что казался пустым. Наверное, она забежала в Блумингдейл и схватила там первое попавшееся, а потом пошла… Куда? Может быть, где-то рядом притаился Сэм, наблюдавший за нами издалека и наверняка посмеивавшийся над тем, какая наивная у Зили сестра.

— Прости, пожалуйста, — сказала она, — но я не смогу с тобой поужинать. Я встречаюсь с Флоренс и миссис Хелланд. Мы сначала поужинаем, а потом пойдем в театр. У них был лишний билет.

— Зили, ты обещала поужинать со мной.

— Я не обещала. Поужинаем завтра.

Мне не хотелось спорить с ней там, на вокзале. Я уже решила, что поговорю с ней за ужином. Я схватила ее за запястье и потянула за собой.

— Нам пора, пойдем, — сказала я, но она вырва-

ла свою руку из моей.

— Я же сказала, я не пойду!

Мы уставились друг на друга, как борцы на ринге. Должно быть, тогда она поняла, что я не верю ей; она выпрямила спину и с вызовом посмотрела мне в глаза.

— Откуда у них билеты в театр? Ты сказала, что их поездка в город была незапланированной.

— Я не знаю, — сказала она растерянно. Я поймала ее на *лжи*, хоть сделать это было не так уж и трудно.

— Хорошо, — сказала я. — Я пойду с вами. Поужинаю и посмотрю спектакль.

— Но у них только три билета.

— Куплю еще один в кассе. В понедельник вряд ли будет аншлаг.

— Но тебя не приглашали! — сердито зашипела она. — Поужинаем *завтра*. Хорошего вечера.

Она собралась уходить, и я ухватила ее за левую руку, над локтем, и притянула ее к себе.

— Я знаю, что ты *лжешь*, — прошептала я ей на ухо.

— Отпусти. — Она попыталась вырваться, но я лишь усилила хватку.

Могло показаться, что я разозлилась, но то была не злость — на самом деле мне было очень

страшно и больно.

— Прошу тебя, не уходи.

— Айрис, отпусти! — крикнула она, вырываясь и отлетая назад. На нас уже смотрели окружающие. — Да что с тобой такое? — сказала она, потирая покрасневшую кожу в том месте, где была моя рука. Попытайся я удержать ее снова, она бы закатила скандал. Мне оставалось лишь дать ей уйти.

3

Когда поезд прибыл на станцию Рай, я стремглав выскочила из дверей и побежала по платформе на улицу, а потом два квартала неслась к машине. Сев в «Ситроен» и закрыв за собой дверь, я расплакалась, отпуская душившие меня слезы.

Успокоившись, я вытерла глаза платком Эстер и положила его на приборную панель, чтобы не испортить изящную вышивку с инициалами «Э. Ч.». Мои глаза покраснели, взгляд остекленел. Взяв себя в руки в достаточной степени для того, чтобы управлять машиной, я нажала на газ. Чтобы освободить голову от мыслей, я решила немного прокатиться; нам с Зили еще предстоял разговор, но это случится лишь вечером, а до

этого времени мне нужно было оставаться спокойной.

Я поехала в сторону загородного клуба — обширной зеленой территории, объединявшей несколько других городов графства Уэстчестер. После целого дня в городе я истосковалась по природе, поэтому проехала вдоль поля для гольфа с опущенным стеклом — один раз, потом второй, вдыхая запах надвигающегося дождя и чувствуя прохладу ветра на своем опухшем лице.

Нужно было мне тогда поехать домой. Я была в плохой форме для вождения — боль и страх взяли меня в свои тиски, сжали в удушающем объятии, и все вокруг казалось размытым, как подсолнухи Ван Гога. Но домой я ехать не хотела — как, впрочем, и всегда, поэтому свернула на дорогу, ведущую в центр города, а потом выехала на шоссе, размышляя о том, куда отправиться дальше — на побережье, как и планировала, или в пригород. Через несколько минут я поняла, что свернула не там. Эту дорогу я совершенно не знала. Я хотела развернуться, но потом подумала, что Рай — не такой уж большой город и рано или поздно я поверну туда, куда мне было нужно.

Вдоль дороги тянулись просторные виктори-

анские особняки, которые вскоре сменились домами поменьше и поновее, пока вдруг я не увидела знакомый дом. И еще один. И тут до меня дошло. Я узнала это место. Я крепче сжала руль, пытаясь понять, как я здесь очутилась. Через несколько мгновений я притормозила на обочине и посмотрела налево: Граус-корт.

По всей видимости, в «Эплсид Эстейтс» можно было заехать с другой стороны. Я взглянула на платок Эстер на приборной панели и попыталась убедить себя, что мой случайный приезд сюда — это вовсе не плохой знак.

Я уже собиралась уезжать, но тут из бывшего дома Эстер вышла женщина с тремя маленькими детьми. Водительское стекло было покрыто каплями дождя, и я опустила его, чтобы разглядеть происходящее на другой стороне улицы. Дети бегали по двору, собирали игрушки и относили их в открытый гараж, подальше от дождя. Их мать стояла руки в боки в зеленом плиссированном платье, расширявшемся в стороны и напоминавшем цветной зонтик для коктейля. Она давала детям указания, но я не слышала, какие именно. Это была молодая женщина с темными волосами и пышной, как у Эстер, фигурой. Глядя на нее, я вдруг подумала, что это могла бы быть Эстер.

Еще днем я представляла Дафни в Нью-Мексико, и вот теперь видела Эстер с тремя детьми у своего дома.

Закончив уборку, они забрались в припаркованный рядом универсал и уехали, не закрыв гараж. Я подняла стекло и легла на пассажирское сиденье, чтобы они меня не заметили.

Через какое-то время я выпрямилась, забрала с приборной доски все еще влажный платок Эстер и положила его в карман. Затем я вышла из машины и перешла дорогу в сторону Граускорт, решив немного прогуляться, хотя зонта у меня с собой не было.

Вокруг — ни души. Я прошла желтый особняк в колониальном стиле, где жила девочка-гаргулья («*Вы только посмотрите на этот ужас*», — зазвучал у меня в голове голос Розалинды), которая, конечно, давно выросла. Когда я подошла к дому Эстер, белому строению «четыре на четыре» в середине переулка-тупика, дождь уже не просто накрапывал. Я хотела было побежать к машине — летние ливни обычно налетали без предупреждения и могли быть такими мощными, что я бы вымокла до нитки. Но открытый гараж Эстер был ближе, и, поддавшись порыву, я забежала туда, чтобы укрыться.

Не очень хорошая идея, но я все равно это сделала. В гараже была куча коробок и старых вещей; для машин здесь места не оставалось. Я встала у самого входа, под навесом, спасаясь от дождя. Случись семье сразу вернуться домой, я сказала бы, что гуляла, попала под дождь, увидела открытый гараж и спряталась под его крышей. Они наверняка бы не стали возмущаться. Я была прилично одета и не выглядела подозрительной.

Вынув из кармана платок Эстер, я вытерла им лицо. Платок Эстер, дом Эстер, сестра Эстер.

Дождь становился все сильнее, он шкворчал, как жир на сковородке. За стеной воды я даже не могла разглядеть свой «Ситроен», который оставила через дорогу. Я обернулась и снова осмотрела гараж: коробки, подписанные «Рождество» и «Кемпинг», под ними — лыжи и удочки, а рядом — белая дверь, ведущая в дом.

Лишь одним глазком.

Я повернула круглую медную ручку, и дверь открылась. Она выходила в небольшую прихожую, смежную с комнатой для стирки. На стиральной машине высилась груда разноцветной детской одежды, а на полу валялись крошечные носки. Слева от двери был небольшой коридор, и я на цыпочках прошла по нему.

На кухне, все еще ослепительно желтой, как лимонный леденец, в отличие от гаража царил идеальный порядок — по ее виду казалось, что здесь вообще никто не живет, и уж точно не семья с тремя детьми. Все столешницы чистые, продукты убраны; на двери духовки висят два одинаковых полотенца с подсолнухами; у раковины — узкая ваза с одной гвоздикой. Я почувствовала запах — легкий аромат арахисового масла и сахара — и дотронулась до двери духовки. Она была еще теплой. Мать семейства недавно делала арахисовые печенья.

Семь лет назад я стояла на этой кухне с Эстер и Розалиндой, а Зили играла с белым котенком в саду — хотя казалось, что минуло гораздо больше времени; прошлое не просто ушло в глубь времен, оно теперь казалось очень маленьким. Я почувствовала, что теряю ощущение места: в окно барабанил дождь, а желтизна кухни ослепляла.

Зря я пришла сюда. Держась рукой за стену, я быстро пошла к задней двери, выходившей в гараж.

Оказавшись на улице, я побежала через дорогу к своей машине, уже не притворяясь, что я прогуливаюсь здесь просто так. Мне не терпе-

лось уехать оттуда. У меня все еще кружилась голова, и я откинулась головой на сиденье. Это мой последний визит на Граус-корт и в «Эпплсид Эстейтс», сказала я себе. Мне нужно смотреть в будущее, а не в прошлое. Прошлое не желает иметь со мной ничего общего.

Я открыла глаза; грохот дождя перешел в легкое постукивание. Потянувшись за ключами, в зеркале заднего вида я заметила, что позади меня остановилась патрульная машина. Из нее вышел полицейский, и сначала я подумала, что он живет в доме, у которого я припарковалась, но он подошел к моей машине и костяшкой согнутого пальца постучал в окно водительской двери. Я опустила стекло.

— Мисс, пожалуйста, выйдите из машины. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Мне? — довольно глупо спросила я. Казалось невозможным, что со мной хочет поговорить полицейский.

— Пожалуйста, выйдите и покажите документы.

— А в чем дело?

Он в упор посмотрел на меня; козырек фуражки отбрасывал тень на его лицо.

— Мне бы не хотелось просить вас в тре-

тий раз.

Я взяла сумочку и вышла из машины. Полицейский, на значке которого было написано «Сержант Куинн», вблизи показался моложе — должно быть, он был лишь на пару лет старше меня. Я протянула ему водительские права.

— Айрис Чэпел? — сказал он и кивнул. — Мисс Чэпел, по какой причине вы только что незаконно проникли в этот дом? — Он повернулся и показал на дом Эстер.

— Я не проникала, — сказала я, приглаживая мокрые волосы. Голос у меня дрожал, и звучала я не очень убедительно. Прочистив горло, я добавила: — Я лишь забежала в гараж, чтобы укрыться от дождя.

— Соседка видела, как вы зашли в дом. Она сообщила об этом в участок, отметив, что много раз видела здесь вашу машину.

— Вот как. — Я посмотрела на дом девочки-гаргульи; у почтового ящика стояла ее мать, исподтишка поглядывая на нас.

— Итак? — сказал он. Он смотрел на меня сверху вниз, и я поежилась от его взгляда: сантиметров на пятнадцать выше меня, он казался гораздо крупнее, чем когда я общалась с ним из машины, — мощный и мускулистый, с загоре-

лой шеей и порослью светлых волос на ней.

— Дело в том, что здесь когда-то жила моя сестра. Она умерла, и я… даже не знаю, наверное, здесь я чувствую себя чуть ближе к ней. — Я надеялась, что на этом расспросы закончатся.

— Вы что-то украли в доме?

— Что? Нет!

— Могу я проверить вашу сумочку?

Я поколебалась секунду, не зная, имею ли я право отказаться. Но отказ лишь подтвердил бы мою вину. Я отдала ему сумочку, надеясь, что, когда он не обнаружит в ней ничего подозрительного, никаких серебряных ложек и золотых цепочек, он меня отпустит. Полицейский порылся в сумочке и отдал мне ее обратно, потом обошел машину и открыл все двери, включая багажник. На переднем и заднем сиденье ничего не было, что напомнило мне о том, что Зилин пакет из Блумингдейла я оставила в поезде. Так ей и надо, подумала я. Если бы она поехала со мной, я бы здесь сейчас не оказалась.

— Прошу вас, я могу ехать?

Сержант Куинн закрыл двери серией последовательных хлопков, обошел машину и снова встал рядом со мной.

— Боюсь, что нет. Незаконное проникновение

на частную территорию — серьезный проступок. Мне придется отвезти вас в участок. Оттуда мы свяжемся с мистером Уилером, владельцем дома. Пусть он решает, возбуждать ли дело.

У меня вырвался короткий смешок, словно я не верила своим ушам.

— Вы это серьезно? Но ведь это недоразумение. Уверяю вас… — Я замолчала, потому что сержант Куинн уже повернулся и направился к своей машине, явно не желая продолжать этот разговор. Он вынес свой вердикт, и я, судя по всему, должна была повиноваться. — Сержант? Уверяю вас, я не делала ничего дурного. — Несколько секунд я раздумывала, не стоит ли мне упомянуть отца, но решила пока не вмешивать его в это — мне все еще казалось, что я смогу как-то выкрутиться.

Полицейский открыл заднюю дверь патрульной машины и сделал приглашающий жест рукой:

— Поговорим об этом в участке.

— Я бы предпочла поговорить об этом здесь. — Я стояла у своей машины, с сумочкой на запястье, вежливо сложив руки перед собой.

— Вы совершили преступление, мисс Чэпел.

– Преступление?

— Вы не можете просто так взять и проникнуть

в чужой дом. Это противозаконно.

— Я никуда не *проникала*.

— Если вы окажете сопротивление, мне придется вас арестовать.

У меня не было выбора, и я подчинилась. Меня, как какого-нибудь воришку, везли в полицейский участок на заднем сиденье патрульной машины. Пока мы ехали в город, я силилась сохранить самообладание, но моя уверенность пошатнулась, потому что я очень боялась. Боялась, что меня арестуют, что сообщат отцу, что я прямо сейчас нахожусь в полной власти незнакомого мужчины. Чтобы почувствовать себя спокойнее, я взялась за ручку двери.

Сержант Куинн привел меня в участок — мрачное здание со стенами из неровных серых камней и насквозь промокшим американским флагом над крыльцом. Участок был рядом со станцией, где с платформы как раз отходил поезд, и я опустила голову, чтобы не попасться на глаза моим сокурсницам, которые как раз могли возвращаться из Нью-Йорка. В комнате ожидания никого не было, а секретарша на входе даже не подняла на нас взгляд. Я последовала за сержантом в глубь участка; мы прошли мимо общего помещения с кучей столов посередине — там я увидела лишь

пару полицейских. Дальше по коридору было несколько закрытых стальных дверей: Сержант Куинн открыл одну из них и жестом пригласил меня войти. Судя по всему, это была комната для допросов — я видела такие в сериале *«Облава»*. Простой деревянный стол и два стула по обе стороны от него.

— Это все недоразумение, — сказала я. Такому человеку, как я, было не место в этой комнате.

— Садитесь, — сказал он, закрывая за собой дверь. Комната производила мрачное впечатление: бетонные стены были целиком выкрашены в белый, кое-где краска облупилась, пол был грязным. Здесь было холодно, как в подвале.

— Вы меня арестуете? — спросила я, садясь на ледяной стул. Я положила сумочку на стол и достала из кармана платок Эстер, крепко сжав его в руке.

— Пока нет, — сказал он, а потом взял свой стул и перенес его на мою сторону стола, поставив его рядом со мной. Я не могла понять, зачем он это сделал. Сняв фуражку и положив ее на стол у моей сумочки, он сел, прикоснувшись своей ногой к моей. Я непроизвольно отдернула ногу. Он улыбнулся.

— Нервничаете? — Его тусклые светлые волосы

были коротко пострижены по бокам и — из-за снятой фуражки — взъерошены на макушке. Лицо было румяным и гладко выбритым, брови — такими же светлыми, как и волосы. — В полицейском участке многие нервничают, — сказал он. — Я все понимаю.

Сняв фуражку, он словно снял защитную броню. Он принял расслабленную позу и всем телом повернулся ко мне, положив согнутую в локте руку на спинку своего стула, словно мы сидели в баре.

— Сержант Куинн, я бы хотела позвонить своему отцу. — Я не знала, где сейчас отец, но Доуви наверняка нашла бы его для меня.

— Чаки, — сказал он.

— Я готова подписать признание или что там еще от меня требуется, но сначала мне нужно поговорить с отцом.

— Айрис — могу я вас так называть?

— Да.

— Не нужно вам звонить отцу. Я могу поговорить с мистером Уилером и объяснить ему ситуацию — наверняка он отнесется с пониманием к такой милой девушке. Но если вы хотите пригласить отца, мне придется пока посадить вас в камеру. Он сделал паузу, и слово *«камера»* по-

висло в воздухе. — Вы только представьте, какие *женщины* у нас там сидят. Шлюхи. Алкоголички. Далеко не девушки из высшего общества, как вы. Но если вы хотите, чтобы я вас там запер с этими отбросами, что ж, пожалуйста.

— Не хочу, — умоляюще произнесла я.

— Правильно. Это мудрое решение. Вы совершили нехороший поступок, и мне бы не хотелось, чтобы вас за это наказали, но и отпустить вас просто так я тоже не могу. — У него были полноватые губы для мужчины; нижняя губа немного выдавалась вперед.

— Я знаю, что зря пошла туда, но я была расстроена из-за сестры и плохо соображала.

На белой стене виднелся отпечаток чьей-то руки, коричневатый, похожий на пятно от кофе в форме человеческой ладони.

— Мне жаль, что у вас проблемы с сестрой, — сказал он и положил руку мне на колено. Сперва я довольно наивно подумала, что это он так неловко пытается меня утешить.

— У меня есть старшая сестра, — сказал он, все еще держа руку на моем колене. — Она живет с мужем и детьми в Йонкерсе. Муж содержит мясную лавку. Они живут прямо над ней, и запах там можете себе представить какой. Металличе-

ский запах крови.

— Чаки, — сказала я, намереваясь снова спросить его, могу ли я позвонить отцу. Я хотела убрать его руку, но не знала, как он отреагирует. Ожидание в камере теперь казалось менее страшным, чем это. Но не успела я закончить фразу, как его рука поползла вверх по моему бедру. Я не пошевелилась, а лишь уставилась вниз на свою темно-синюю юбку, которая свернулась гармошкой под натиском его руки. Он наблюдал за мной, я это чувствовала. Ждал, как я отреагирую. Я никак не реагировала, и он начал поглаживать большим пальцем мою ногу поверх чулка, сжав другими пальцами внутреннюю часть моего бедра.

— А может мне и не придется звонить мистеру Уилеру, — сказал он. — Уверен, мы что-нибудь придумаем.

На мгновение я застыла, а потом взглянула ему в глаза и еще сильнее сжала в руке платок Эстер. У него были светлые голубовато-зеленые глаза, полупрозрачные и ясные, вот только в их глубине таилась бездна. Бездна, которая когда-то поглотила моих сестер и теперь поглотит меня. Мне нужно было спасаться. Вскочив, я ринулась к двери и стала звать на помощь.

— Эй, ты чего! — крикнул Чаки мне вслед, когда я открыла дверь и выбежала в общую комнату. Полицейский постарше, делавший себе кофе, поспешил мне навстречу.

— Что случилось, мисс? — Он протянул ко мне руку, но я отшатнулась от него, попятилась назад и упала в кресло у одного из столов. Я никак не могла перевести дух и прижала руку к груди, пытаясь успокоиться.

— Шеф, — сказал Чаки. — Я задержал ее за проникновение в дом, а в нее словно бес вселился!

— Он лжет, — сказала я, обвинительно подняв к нему указательный палец. Я по-прежнему с трудом дышала, по-прежнему была скована страхом, и у меня кружилась голова. — Мой отец — Генри Чэпел. Слышали о «Чэпел файрармз»? Когда он узнает, что вы со мной сделали…

— Да ничего мы с тобой не сделали, — сказал Чаки.

— Чак, — сказал ему шеф, мотнув головой в сторону: *«Уходи отсюда»*. Чаки покраснел и поначалу не двинулся с места, но ослушаться начальника не осмелился и все-таки ушел.

Я подняла с пола упавший платок и положила его в карман.

— Принести вам стакан воды? — спросил меня

шеф полиции.

Я покачала головой:

— Я хочу уйти отсюда, мне нужно домой.

Он предложил довезти меня до моей машины, но я отказалась. Обвинение в незаконном проникновении больше не обсуждалось. Меня никто не удерживал.

Под дождем, без зонта, я пошла по Мейн-стрит и, должно быть, выглядела довольно жалко. Вскоре рядом со мной притормозил универсал — сидевшая за рулем женщина предложила меня подвезти; сзади через запотевшее стекло на меня с любопытством смотрели две пары детских глаз. Рассыпаясь в благодарностях, я села к ним в автомобиль, и женщина отвезла меня к «Ситроену».

Зили дома не было. Доуви очень огорчилась, увидев меня в таком состоянии — насквозь промокшую, потрясенную случившимся в полицейском участке.

— Машина сломалась, — аккуратно сказала я. — Со мной все в порядке.

Вскоре Доуви принесла мне в спальню поднос: стакан воды и два аспирина; миска супа; кружка чая с молоком.

— Поешь, хоть немного согреешься, — сказала она и ушла. Я села за стол. Голубые глаза Чаки

все еще стояли перед моим мысленным взором, и я содрогнулась, как от леденящего ветра. Зили была в опасности, и теперь я ощущала это еще сильнее, словно беда подошла ближе. Но я не могла позволить себе сорваться, как в те времена, когда мы еще жили с мамой. Я приложила много усилий, чтобы держать себя в руках, и вот уже шесть лет мне это удавалось. Когда Зили вернется домой, мне нужно будет договориться с ней, а для этого я должна была быть начеку.

Но она не вернулась. Полночь, час ночи — ее все не было. Утомленная, я заснула, не зная, где она и что с ней.

4

Проснувшись утром, я обнаружила Зили в своей кровати, прильнувшую ко мне сзади. Почувствовав тепло ее тела и прикосновение ее руки, я вздохнула с облегчением.

Она жива. Она вернулась домой.

С тех пор как в нашей жизни появился Сэм, я больше не воспринимала это как нечто само собой разумеющееся.

Я повернулась к ней. Она еще спала; на ее лице были видны поблекшие остатки вчерашнего макияжа: стрелки на глазах, из черных ставшие

серыми; следы розовых румян на щеках. Я вспомнила, как она вела себя на вокзале, под огромным белым циферблатом, как она врала мне и пыталась вырваться, как она врала вот уже почти два месяца. Я вспомнила, каким был мой вечер после нашей ссоры.

Вскоре она проснулась и долго смотрела на меня холодным взглядом, который я встретила спокойно и сдержанно. Казалось, что она с неудовольствием обнаружила себя в моей кровати — обычно она не помнила, что забиралась ко мне. По ее лицу было видно, что мы сейчас снова начнем ссориться. Я ждала, пока она заговорит.

— Вот таким и будет наше совместное будущее, — сказала она сиплым спросонья голосом. — Это ненормально.

— Что именно?

— Две сестры в одном доме, живут в одной спальне и даже делят одну постель. — Она посмотрела на меня с оттенком презрения, а затем повернулась и встала. Подойдя к своей кровати, она села на край и снова посмотрела на меня, теперь уже с расстояния. Она ясно давала понять, что ей необходимо личное пространство, во всех отношениях.

— Это лучше, чем альтернатива, — сказала я,

садясь и откидывая одеяла.

— Разве? — Ее голос теперь звучал громко и четко. — А вот я бы хотела не просто проживать свою жизнь, а чувствовать себя живой.

— С Сэмом ты чувствуешь себя *живой*? — Мне было не избежать разговора о нем. — Да, я знаю, что ты видишься с ним.

— Ах, зна-а-ешь, ну молодец, Нэнси Дрю, — сказала она, а потом словно бы пожалела об этом. — Прости, что я обманывала тебя, мне *правда* очень жаль, но я знала, как ты отреагируешь.

Она говорила так, будто извинялась за надетые без спросу туфли, совершенно не задумываясь о том, какая опасность ей грозила.

— Мы просто встречаемся, — сказала она.

— Да неужели! Я вчера разговаривала с твоим агентом. Она спрашивала, нашла ли ты свой паспорт. Ты бы поискала его, а то еще пропустишь свой рейс в Рим.

Она была потрясена, это было видно по ее лицу. В кои-то веки она не смогла вставить язвительную реплику, а я и не думала останавливаться.

— Да что с тобой происходит?

Я встала и принялась ходить из угла в угол, не скрывая своей злости. Я говорила и говорила, обвиняя ее в том, что она ведет себя опрометчиво

и глупо.

— Неужели ты так несчастна, что готова умереть?

Она все еще не находила в себе сил ответить, все еще была напугана тем, что я выведала ее секретный план. Она просто смотрела на меня.

— Ну что? — сказала я, но она лишь опустила глаза. Я подумала, что она сейчас заплачет, но и это бы меня не остановило.

Наконец, не поднимая взгляда, она еле слышно произнесла:

— Зачем вообще нужна жизнь без любви?

Я вздрогнула. Я-то думала, что она набросится на меня с упреками и обвинениями, а на такой вопрос ответить не могла — утешить ее мне было нечем. Я никогда не была влюблена — и не думала, что когда-либо буду.

— Мы тоже можем наполнить свою жизнь смыслом, но по-другому. — Я не знала, что еще сказать.

— Ты меня не понимаешь, потому что не хочешь того, чего хотят *нормальные* женщины. Тебе легко говорить.

— Ты о чем? Я нормальная, — сказала я, хоть и знала, что это не так.

— Мужчины тебя не интересуют. — Она по-

смотрела в окно. — Наверное, ты как Дафни. Ее мужчины тоже не интересовали.

— Нет, я не как Дафни, — сказала я, возможно слишком уж оборонительно. — Просто я не позволяю себе мечтать о том, чего у меня никогда не будет. — Я, конечно, понимала, что это не совсем правда, но так, по крайней мере, я себе говорила. — Нормальность для нас равносильна смерти. И ты это знаешь.

Она снова замолчала, и это задевало меня больше, чем если бы она стала ругаться. Я надела халат и туго затянула пояс. Мне нравилось появившееся чувство собранности и контроля, хотя на самом деле меня била дрожь.

— Тебе нужно заканчивать с этим. И ты прекрасно это понимаешь.

— Иногда мне кажется, что все это было во сне. У тебя не бывает такого? Будто наших старших сестер вообще не существовало и мы всю жизнь были вдвоем?

— Ты же знаешь, что это глупо, — сказала я, хотя отчасти эти мысли были мне знакомы.

— Я знаю, что это был не сон, но иногда мне трудно себя в этом убедить. Так давно все это было, словно в другую эпоху. Может, то, что случилось с ними, нас минует. Мамы рядом больше

нет, а все проблемы у нас были из-за нее.

— Мама всегда будет рядом. Она у нас в крови.

Зили вздохнула, громко и раздраженно.

— Почему ты всегда во всем так уверена? Ты не можешь утверждать, что с нами произойдет то же, что и с ними. Мы ведь даже не знаем, от чего они умерли. Вечно ты ждешь самого ужасного! В жизни не встречала людей мрачнее тебя. — Она усмехнулась, и ее серьезный настрой сменился на нечто более злорадное. — Я уже говорила Сэму, что, будь я художницей, я бы нарисовала тебя в образе грозной серой тучи, застилающей все проблески солнца.

Она сидело и недобро улыбалась, и я представила их вместе, как они смеются надо мной. Представила, как Сэм целует ее и уводит прочь, словно Орфей, и она падает в темную бездну.

— Что ж, если ты так это видишь, то хорошего тебе отпуска. Будут у вас *«Римские каникулы»*, только с трагическим концом. — Моя ярость становилась красно-фиолетовой — ранящей, преследующей. Это пугало меня, и я поняла, что больше не могу там находиться. Я пошла к шкафу, надела юбку с блузкой и стала искать большую сумку.

— Мы едем не *в отпуск*, — сказала она. — Мы

уезжаем навсегда.

В этот раз засмеялась уже я.

— Ты сошла с ума, — сказала я, запихивая в сумку платье. — Не говоря уж о том, что это непристойно. Ты хочешь сбежать с мужчиной, которого знаешь всего два месяца? Это кем нужно быть, чтобы вообще предложить тебе такое? Ты ему рассказывала, что случилось с нашими сестрами, или это его, наоборот, заводит?

— Если бы ты узнала его получше, он бы тебе понравился.

— Наверняка! Он производит впечатление мужчины с твердыми моральными принципами.

— Он давно устал и от Коннектикута, и от оружейного бизнеса. Он хочет переехать в Европу и начать там новую жизнь. Это что, так трудно понять? И мне это тоже нужно, — сказала она, а я продолжала собирать вещи, слишком расстроенная, чтобы реагировать. — Я много об этом думала и точно знаю, что рядом с ним и вдали отсюда я буду в безопасности. Если что-то и погубит нас, так это наш дом, вообще *все это*. Вот увидишь. Когда мы устроимся в Риме, ты сможешь к нам приезжать.

Мне было страшно ее слушать. Она явно убедила себя, что нашла лазейку в уготованной ей

судьбе.

— Куда бы ты ни уехала, это не имеет значения, — сказала я. — Оно отправится за тобой.

— Нет, неправда, — сказала она с мольбой в голове. — Ты куда собралась?

— Наверх, в старую спальню. Я застегнула молнию на сумке и вышла из комнаты.

— Айрис, — раздраженно крикнула она мне вслед, — ты мне не мать!

Направляясь через холл в сторону лестницы, я посмотрела на входную дверь. Она манила меня. «*Уходи*, — раздался голос в моей голове. — *Убегай отсюда немедленно*».

5

После ссоры с Зили я долго пыталась успокоиться. Я провела несколько часов в девичьей гостиной, настежь открыв окна и продолжая мысленно ругаться с сестрой. Всю свою жизнь я заботилась о ней. Любая другая девушка в здравом рассудке сбежала бы отсюда сразу после окончания школы, но только не я. Я осталась ради Зили, планировала наше будущее, получала профессию, чтобы содержать нас обеих, чтобы она могла заниматься, чем захочет. Я делала все, чтобы она была в безопасности; о своем счастье я

даже не думала.

А теперь я сидела и спрашивала себя, собиралась ли она вообще со мной уезжать или все это было лишь для отвода глаз, чтобы я успокоилась. Я словно падала головой вниз, и это ощущение мне совсем не нравилось. Приходилось признать, что я больше ее не контролирую, но почему я должна быть в ее власти? Сидеть и ждать, пока она решит, какой будет ее — а значит, и моя — судьба?

Оставаться здесь последней я не собиралась.

Книжный шкаф под портретом Энни Оукли до сих пор был полон книг, рекламных проспектов и всякой всячины, оставленной здесь сестрами. Из-под словаря торчала дорожная карта США, которую Розалинда сложила абы как — терпением она никогда не отличалась.

Я расправила ее на кофейном столике, как это делала Розалинда в те беспокойные дни, когда она планировала свой медовый месяц. Маршрут был обведен красной ручкой: вниз по Восточному побережью до Северной Каролины, потом в Теннесси, через Миссисипи, оттуда в Арканзас и, наконец, в Техас. Мидленд был обведен большим красным кружком.

У нее были большие планы, пускай и связан-

ные лишь с замужеством, потому что о другом она мечтать не умела. Но вместо этого она покоилась на семейном участке.

Большие планы, связанные с побегом, были и у Дафни, но вместо этого она утонула в море.

Мама вообще хотела совсем другой жизни — спокойного существования где-нибудь неподалеку от своей оранжереи, от своих обожаемых цветов. Но вместо этого она оказалась в этом доме, вышла замуж за отца и родила шестерых дочерей.

Почему я так и не сбежала? Я ведь обещала Калле, что стану художницей, но вместо этого пошла по проторенной дорожке, чтобы стать учителем и получить надежную, уважаемую профессию, оставив себе искусство лишь в виде хобби. Нелло говорил, что за искусство нужно бороться, но я не боролась. Я еще даже не пыталась убежать, но уже позволила себе урезать свою мечту.

Мой взгляд бродил по обширному континенту, справа налево, с севера на юг. За пределами Новой Англии я никого не знала, мне не к кому было поехать и не у кого попросить помощи. Это пугало. Легко пообещать себе убежать, трудно взять и действительно сделать это.

Я подумала, что можно закрыть глаза и ткнуть

пальцем в карту — так люди наугад открывают Библию и читают выбранное место в надежде получить знак от судьбы. Но мой взгляд вернулся к красному кружку вокруг Техаса и скользнул чуть левее, к Нью-Мексико. Я вспомнила картины, которые видела в галерее, все эти завораживающие пейзажи, из которых струился свет. Я вспомнила картину с лепестками роз и то, как она была похожа на рисунки Дафни. Ее создал «анонимный автор» (несомненно, женщина), и я снова подумала о том, что это могла быть работа Дафни, — и впервые за день улыбнулась. Мне доставляло большое удовольствие представлять ее в той жизни.

Если кому-то из моих сестер и суждено было выжить, так это Дафни — она никогда не стремилась выйти замуж и завести детей, а значит, была далека от тех вещей, которые приносили несчастья женщинам нашей семьи. Они с Вероникой были единственными известными мне женщинами, которые вели такую жизнь — *субверсивную*, если подбирать для этого слово, хоть этот термин я тогда не знала. Но Дафни ушла, а Вероника стала миссис Клайд Х. Бэссетт — в каком-то смысле ее тоже больше не было.

Мое же будущее — скромное, карманное,

вмещавшее лишь работу учителем и жизнь в статусе старой девы и компаньонки для вечно несчастной, но, по крайней мере, живой младшей сестры — теперь тоже от меня ускользало. Но теперь я не знала, стоит ли мне так уж об этом убиваться. Зили пыталась вырезать меня из своей жизни, и может, это к лучшему, может, мы обе лишь выиграем от того, что пойдем разными путями. Я ведь никогда не задумывалась о том, что меня могут ждать другие горизонты. Будучи женщиной Чэпел, я знала, что нормальной жизни у меня никогда не будет, и все же стремилась хоть немного приблизиться к нормальности. И чем больше я думала об этом, тем громче звучал в моей голове вопрос — зачем мне это нужно? Почему я не могу быть более отважной? Ведь Нелло увидел что-то в моей работе. Если он поверил в меня, то почему бы мне самой в себя не поверить?

Дафни умерла, но вдруг, если просто вообразить, вдруг та жизнь, в которой я представила ее, могла стать моей?

Эта мысль не укладывалась в голове и была такой окрыляющей, что додумывать ее в девичьем крыле было невозможно. Я поехала к побережью, к бескрайней воде — ведь море в каком-то смысле

открывало путь в самые дальние края. Я слилась с летней толпой и, взяв туфли в руки, пошла по песку, лавируя между пледами и цветными полосатыми зонтиками. Я пыталась быть кем-то другим, «анонимным автором», нарисовавшим лепестки роз. Наверное, это и был секретный ингредиент свободной жизни — стать кем-то еще.

В тени высокого красного маяка я перекусила сэндвичем с жареными моллюсками и лимонадом, размышляя о том, как вот сейчас соберу вещи, погружу их в машину и отправлюсь в Нью-Мексико. Мне придется самой платить за обучение и все остальное — раньше мне не нужно было об этом беспокоиться, но я была готова попробовать. Казалось, что всю свою жизнь я шла к этому моменту; казалось, что его приближение было неизбежным. Одна лишь мысль о том, что я уеду, сняла с моего сердца тяжелый груз, будто бы «свадебный торт» со всем его содержимым, с призраками Белинды, всю жизнь давил на меня и вдруг я вырвалась на свободу. Я вновь могла дышать.

Вернувшись домой, я, как всегда, не захотела сразу идти внутрь, зная, что вновь почувствую себя в заточении. Было еще светло, и я отправилась на луг; карманы моей юбки оттопыривались

от ирисок с морской солью, купленных на пляже. Я сняла туфли, села на траву и принялась разворачивать одну конфету за другой и медленно их поедать, пока карманы не опустели. Сидеть спокойно я не могла — руки сами стали срывать маргаритки и плести из них венок.

Через какое-то время я пошла домой, зажав в руке венок из маргариток. Наша с Зили спальня была пуста. Я знала, что она сейчас с Сэмом, но все еще продолжала надеяться, что она передумает, что она убежит со мной, а не с ним. Я соединила концы венка и водрузила его на ее подушку, а затем отправилась наверх.

6

Той ночью, лежа в своей старой кровати, в комнате с ирисами и цветками колдовского ореха на стенах, я вспомнила, почему мы с Зили съехали отсюда много лет назад. После всего, что случилось с нашими сестрами, находиться здесь было просто невозможно. Хотя я и заходила сюда ненадолго каждое утро, эти мои визиты были именно что недолгими.

Пытаясь заснуть, я ощущала себя в музее и даже чувствовала легкий запах плесени. Вокруг были экспонаты, напоминавшие о людях, кото-

рые их оставили. То, что оставила здесь я, тоже таилось рядом и теперь ожило, потревоженное былыми чувствами и воспоминаниями. Вокруг меня сгустилась тьма, черная птица накрыла меня своим крылом. Кто-то тянул меня, пытаясь пробудить ту беспокойную девочку, которой я когда-то была. И эта девочка проснулась.

Я услышала шаги в коридоре и смех в девичьей гостиной. Я могла бы поклясться, что почувствовала запах английской лаванды, духов Эстер, а потом — и это было еще страшнее — запах роз. Мне захотелось вскочить и убежать вниз, чтобы спрятаться в нашей с Зили спальне, но доставить ей такое удовольствие я не могла. И я терпела, час за часом, проваливаясь в сон и в ужасе просыпаясь. Мне показалось, что кто-то произнес мое имя: *Айрис!*

Но вокруг никого не было.

На рассвете, провалившись наконец в более глубокий, если не спокойный сон, я почувствовала, что свисаю с края скалы над водопадом, мысленно повторяя снова и снова: *держись! не упади!* И тут я проснулась.

— Кто здесь? — спросила я, чувствуя чье-то присутствие. Вокруг было очень тихо, сквозь шторы в комнату пробивался нежный утренний свет,

и все же мне казалось, что я здесь не одна.

— Здесь кто-то есть? — спросила я снова, но мне никто не ответил. Я откинулась на подушку и закрыла глаза.

И тогда я услышала голос, прошептавший мне на ухо:

Случится что-то ужасное.

7

Я пронеслась по темным коридорам второго этажа и сбежала вниз по лестнице, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Входная дверь была открыта, и после мучительной ночи я была рада оказаться на ярком свету.

— Зили! — крикнула я, надеясь, что еще успею спасти ее. Выбежав на улицу босиком, в ночной сорочке, я повернула направо и увидела ее: она загружала чемоданы в багажник нашего старого «Хадсона». Она была причесана и надушена; ее волосы были заколоты наверх, и лишь несколько завитых прядей живописно спадали на плечи. На ней было платье с маргаритками, вышитыми по всему подолу; на шее — зеленые бусы.

— Я хотела уехать, пока ты еще спишь, — сказала она, увидев меня. В ее голосе слышалось раздражение. — Так всем было бы проще.

Ключи от машины лежали на крыше. Я подошла к «Хадсону» и схватила их, пока она занималась чемоданами.

— Что, твой любовник поленился приехать за тобой?

— Я сказала ему не приезжать. Сестра Сэма попросит кого-нибудь привезти автомобиль обратно.

— Ты же не умеешь водить.

— Все я умею. Отдай ключи.

Я отказывалась возвращать ей ключи, крепко зажав их в руке и прижав к груди.

— Зачем ты это делаешь?

— Я люблю его.

— Ты любишь его так же, как Розалинда любила Родерика. Он для тебя лишь инструмент, билет на волю. Вот только сбежать ты на самом деле никуда не можешь.

— Я уезжаю, Айрис. — Она закрыла багажник и вытянула руку, ожидая ключей.

— Ты ведь вообще не собиралась убегать со мной, правда?

Ее обычно выразительное лицо было стянуто, как на завязках.

— С тобой просто невозможно. Ты вечно указываешь мне, что делать, и шпионишь за мной. Я

знаю, что ты желаешь мне добра, но так я жить больше не могу.

— Без меня ты вообще жить не будешь! — У меня перехватило дыхание. — Пожалуйста! Я обещала маме заботиться о тебе!

— Сэм позаботится обо мне. То, что случилось с сестрами, со мной не случится.

— Ты же не веришь в это по-настоящему, правда? — сказала я, но она явно себя в этом убедила. Это был тот самый момент, которого я так долго боялась, но теперь, когда он наступил, все казалось каким-то ненастоящим. Она сказала, что в жизни не встречала людей мрачнее меня, но на самом деле — в глубине души — я была оптимисткой. И если она махнула на себя рукой, то я сдаваться не хотела.

— Зили, пожалуйста, не надо! — взмолилась я.

— Что бы ты ни говорила, это не изменит моего решения.

И снова ощущение нереальности. Этого просто не могло быть.

— Ты хочешь, чтобы это закончилось именно так — нашей ссорой из-за мужчины? Он того не стоит. С таким же успехом ты можешь взять пистолет, поднести к виску и нажать на курок. Разницы никакой.

На ее лице не отразилось ни одной эмоции. Ее поступками руководила мечта о жизни с мужчиной, казавшимся ей пропуском в светлое будущее. Я могла бы еще долго с ней спорить, но, несмотря на услышанное с утра предупреждение, на меня накатила усталость. Останься она, и наше будущее будет понятно каким. Мне пришлось бы постоянно за ней следить, словно я охотник, а она — жертва; мы бы беспрерывно ругались, обижались друг на друга и еще больше ожесточались; я бы вечно беспокоилась, что потеряю ее. Каждый день мои легкие наполнялись бы не воздухом, а неизбывной тревогой.

— Ну раз ты хочешь умереть ради него, езжай, — сказала я, превозмогая боль в сердце. — Нам давно пора начать жить своей жизнью. Посмотрим, как ты без меня справишься. — Я бросила ключи на ее раскрытую ладонь.

— Прекрасно справлюсь, — сказала она.

— Если надумаешь вернуться, меня здесь не будет. Я сегодня уеду. — Я надеялась, что в конце этой недели уже буду в Нью-Мексико, в окружении красочных пейзажей, виденных мной в галерее.

Если она и хотела что-то ответить, то сдержалась и лишь плотнее сжала губы. Так мы

и расстались.

Этот момент стоит перед моими глазами так ярко, будто я смотрю кино: аллея с лилейниками, цинниями и фиолетовыми волнами вербены по краям; птичий гомон на ветвях деревьев; мелькание бабочек и крыльев птиц; над нашими головами — молочно-голубая лазурь, а на небе — ни облачка.

И словно издали я вижу себя: я стою у дома и смотрю, как машина Зили удаляется по аллее и вскоре совсем исчезает из виду.

8

Я быстро оделась в нашей с Зили спальне, а потом достала из шкафа несколько комплектов одежды. Места в «Ситроене» было не очень много, даже с учетом того, что я собиралась ехать без Зили. Я упаковала несколько сумок, впихнув туда все что могла и решив, что остальное придется купить в Нью-Мексико. Это напомнило мне о том, что по пути из города я должна заехать в банк и снять со счета все деньги.

Мне уже не терпелось поскорее уехать. Я положила *«Белый ирис»* в передний отсек самой большой сумки — коричневого кожаного саквояжа в форме лодки, купленного на распродаже

в «Бонуите». Потом я отнесла сумку в папин кабинет и забрала с его стола фотографию в рамке, сделанную у отеля на Террапин-Коув в июле 1949, за несколько дней до встречи Эстер с Мэтью. Это была редкая фотография, на которой мы были запечатлены всей семьей, и я осторожно опустила ее в сумку.

Дальше я пошла в комнату Белинды. Брошка, ее самое ценное достояние, была с ней в санатории, поэтому я взяла с ее тумбочки чучело крапивника и завернула его в платок с вышитой пчелой. В гостиной я наугад сняла с полки один из ее дневников и тоже взяла его с собой.

Когда я дошла до спален сестер, в моей голове снова зазвучал мамин голос, который я слышала утром: *«случится что-то ужасное»*.

— Я сделала все, что могла, — сказала я, глядя на туалетный столик Эстер. — Честное слово.

На память об Эстер я взяла флакон лавандовых духов и расческу, в которой до сих пор оставались ее волосы. Со стола Розалинды я забрала кольцо с коралловой камеей и черепаховые гребни. В спальне Каллы и Дафни я взяла блокнот со стихами Каллы и кольцо с лунным камнем, которое мы с ней купили в Блумингдейле и которое было на ней, когда она умерла. От Дафни у меня уже

была ее картина, но я все равно схватила с полки одну из ее книг, дешевый роман *«Не покидайте меня, леди»*. Весьма символично.

Прежде чем спуститься, я посмотрела назад, в темноту коридоров. *«Не оглядывайтесь»*, — гласит старая мудрость, но я знала, что этот дом я никогда не смогу полностью оставить позади. Это, по словам Каллы, был наш Элизий — а может, и наше чистилище.

«Мы будем ждать тебя».

Внизу, с чемоданом и сумкой в руках, я пересекла холл практически на цыпочках. Доуви и миссис О'Коннор уже начали свой рабочий день — с кухни доносились их голоса. Я не хотела, чтобы они меня увидели. Неслышно прикрыв за собой дверь, я вышла из дома — и в этот раз оглядываться уже не стала.

Отъехав от дома в сторону основной дороги, я почувствовала, что мои глаза наполнились слезами. Я положила руку на сумку, утешая себя мыслью о том, что мои сестры здесь, рядом, и что я не покидаю их — они едут со мной.

В конце аллеи, выходящей на главную дорогу, я притормозила, чтобы повернуть налево, но совсем останавливаться не стала. С левой стороны автомобилей не было, а обзор справа загоражи-

вали деревья и небольшой изгиб дороги. Обычно перед левым поворотом мы потихоньку выезжали вперед, но в этот раз я этого не сделала. Не снимая ноги с педали газа, я стремительно выехала вперед, изо всех сил желая поскорее оказаться как можно дальше от «свадебного торта». *«Беги!»* — однажды сказала мне мама, и этот час настал: я бежала и останавливаться не собиралась.

Я так торопилась, что увидела несущийся на меня грузовой автомобиль, лишь когда уже было слишком поздно.

Из того, что было после аварии, я помню лишь одно: голоса незнакомых мужчин, их крики и разговоры. Я думала, что это будет последнее, что я услышу в этой жизни, и было что-то неправильное в том, что для меня все закончится именно так.

Ночной ирис
1957

1

В больнице, когда у тебя забинтована голова, на шее — корсет, а в венах — смесь сильнодействующих обезболивающих, легко потерять счет времени; все расплывается и видится сквозь дымку; и все же я понимала, что прошло как минимум двадцать четыре часа после аварии, а Зили меня так и не навестила.

— Где она? — спросила я отца, когда он наконец приехал в больницу практически с трапа самолета из Сан-Франциско. Он сел подле меня и ласково похлопал меня по руке, что было довольно странно, поскольку он редко выражал свои чувства — физически или как-то еще.

— Зили придет?

Я плохо соображала, и подробности аварии и последующих часов были как в тумане, но я прекрасно помнила все, что случилось до нее. К сожалению, я помнила это даже слишком хорошо.

— Ты знаешь, где она сейчас? — спросила я. —

Скажи ей, чтобы она навестила меня.

— К тебе сейчас никого, кроме меня, не пускают. Тебе нужно отдохнуть. — Он остался со мной, пока я не уснула, а потом ушел и не возвращался несколько дней.

Если говорить об аварии, то все могло быть гораздо хуже. У меня было сотрясение мозга, синяки по всему телу, но кости целы; была еще рваная рана руки, из-за которой я потеряла столько крови, что мне понадобилось переливание. Доктора говорили, что мне повезло и что, учитывая размеры и скорость того грузовика, я еще легко отделалась. Они пока не могли сказать, насколько серьезно я повредила голову, поэтому оставили меня под тщательным наблюдением.

Когда я не спала, я смотрела на дверь. Каждый раз, когда в палату кто-то заходил, я расстраивалась, что это не она. Лекарства замутняли мое сознание, но я все равно чувствовала, как меня осматривают врачи, как берут кровь на анализы; не двигаясь, я лежала в кровати, пока моя кровь заполняла стеклянные колбы. Помню еще, как однажды утром медсестра принесла мне подсолнухи в вазе, и я сразу подумала о Ван Гоге. На карточке было написано:

Дорогая Айрис,

Надеемся, ты очень скоро поправишься!

Выздоравливай!

Твои друзья из колледжа Грейс-стрит

Медсестра поставила цветы на тумбочку; мне было больно поворачивать голову, но я знала, что они там, и от этого в комнате становилось светлее. Я была благодарна однокурсникам и преподавателям за их заботу, но никак не могла перестать думать о том, что моя собственная семья меня бросила. Отец не возвращался, от Зили тоже ничего не было, даже открытки. Я была уверена, что, если бы с ней что-то случилось, отец бы мне рассказал. Наверное, она все еще злилась на меня, что было довольно мелочно, учитывая мое нынешнее положение. Впрочем, Зили частенько бывала мелочной.

— Вы не знаете, где мой отец? — спросила я сестру несколько дней спустя. — И не приходила ли ко мне сестра?

— Я уверена, вас навестят, и скоро, — сказала она, улыбаясь из жалости. В часы посещений по коридору проходили родственники больных — с цветами, мягкими игрушками, яркими

подарочными коробками.

— Я бы хотела позвонить.

— Только не сейчас. Доктор сказал, что вам нужно отдыхать.

Я немного поспала, а когда проснулась, медсестра вручила мне холщовую сумку, которую мне передали. Внутри был комплект одежды, жестяная коробка с печеньями с корицей от миссис О'Коннор, несколько журналов, баночка моего крема для лица и потрепанная копия *«Джейн Эйр»*. Я догадалась, что сумку оставила Доуви, и пожалела, что она не подождала и не посидела со мной. Открыв книгу, я увидела на внутренней стороне обложки надпись: «Калла Чэпел». Это напомнило мне о том, как Дафни однажды пошутила о Джоанне Эйр, несчастной домохозяйке из небольшого городка в Коннектикуте. Я рассмеялась — впервые за несколько недель я по-настоящему рассмеялась.

Как-то утром — к тому моменту я совершенно потеряла счет дням — ко мне зашел полицейский, который хотел задать мне несколько вопросов об аварии. Мне не нравилось, что в палате мы одни, пусть он и выглядел старым и обрюзгшим, к тому же был довольно медлителен. Все время, пока он разговаривал со мной, я на всякий случай

держала руку на кнопке вызова медсестры.

— Вы помните, как произошла авария, мисс Чэпел? — В руках он держал блокнот и малюсенький карандаш — он явно приготовился записывать все, что я буду говорить.

— Я помню, что в меня врезался грузовик. После этого я, видимо, потеряла сознание.

— Водитель грузовика сказал, что вы повернули прямо перед ним, не глядя по сторонам. Вы это помните?

Я помнила, но признаваться не стала. За безответственное вождение у меня могли отобрать права.

— Не помню, я сильно ударилась головой.

— Да, ваш отец сказал мне об этом, — сказал сержант Хауард и что-то записал в блокнот. — За грузовиком ехал мотоциклист, который во время войны был врачом, — тут вам очень повезло. Впоследствии он подтвердил показания водителя грузовика.

Мотоциклиста я не видела, но, должно быть, именно его голос слышала после аварии.

— Я очень осторожный водитель.

— Правда? — саркастически сказал сержант Хауард, закрывая блокнот и убирая его в карман. — Я выпишу вам уведомление о нарушении,

мисс Чэпел. Вы можете его оспорить. — Он дотронулся до козырька фуражки и направился к выходу.

— А что с моей машиной?

— Восстановлению не подлежит, — сказал он. — Очень жаль, симпатичная была машина. Впредь будьте, пожалуйста, осторожны.

После его ухода я стала горевать о «Ситроене», моей глянцево-зеленой богине. Для меня это была не просто машина — с ее помощью я собиралась вырваться на свободу. Я вспомнила те последние мгновения, когда я ехала по аллее и думала, что вот теперь-то я свободна, а потом… что ж, мне было достаточно опустить глаза на свою перебинтованную руку, чтобы напомнить себе, что случилось потом.

Как я и подозревала, убежать от привычной жизни оказалось непросто — в противном случае это сделали бы многие женщины. Я спрашивала себя, не знак ли это. И если да, то какой именно. Думать об этом было страшно.

2

На следующий день я ждала отца у входа в больницу. Убедившись в том, что у меня было лишь сотрясение, а не что-то более серьезное,

лечащий врач меня выписал. Медсестра вывезла меня на улицу на каталке и предложила подождать со мной, но я ответила, что со мной все будет в порядке. Я села на каменную скамью справа от входа, у клумбы с петуниями и бархатцами, и впервые за много дней вдохнула свежий воздух, который прогнал стерильность больничной палаты из моих легких.

Отец подъехал на своем черном седане, опоздав на двадцать минут. Он оставил машину на холостом ходу и даже не стал выходить ко мне, чтобы помочь. Я села на переднее сиденье рядом с ним, положив холщовую сумку себе под ноги, и мы молча уехали. Меня снова везли домой, и я чувствовала свое полное поражение: моя попытка бегства не удалась, и к тому же я не знала, где теперь Зили.

Больница была расположена в Верхнем Сьюарде, в нескольких кварталах от школы мисс Сьюард для девочек, в которую ходили мы с сестрами. Мы проехали мимо школы — здание из красного песчаника, башня с часами над входом, широкая лужайка. Затем по крутому склону мы спустились в Нижний Сьюард; отец все так же молчал. Когда мы останавливались на светофорах, он отворачивался от меня и смотрел в окно.

— Что-то случилось? — спросила я, когда мы притормозили на Мейн-стрит.

— Тяжелая выдалась неделя, — сказал он так, будто у меня она была легкой.

То была странная поездка. Он, казалось, был взволнован, а я переживала из-за того, что мне приходится возвращаться домой. Когда мы подъезжали к «свадебному торту», я вздрогнула, увидев место аварии. Следы шин на асфальте, кусочки разбитого стекла на обочине.

— Вот здесь это случилось, — сказала я отцу, и он кивнул. Он свернул на подъездную аллею, и, когда впереди показался дом, я сделала быстрый и резкий вдох.

Отец помог мне подняться по ступенькам и через парадную дверь провел меня в гостиную — точно так же в свое время он сопровождал Белинду.

— Это ни к чему, я могу сама, — сказала я, вырвав свою руку из его руки.

— Садись. — Он указал на диван. — Нам нужно поговорить.

Он не стал ничего объяснять и вышел из комнаты, попросив меня ждать там. Через какое-то время он вернулся в сопровождении Доуви, которая несла серебряный чайный сервиз.

— Спасибо за ту посылку, — сказала я.

Опуская поднос на кофейный столик, она кивнула и улыбнулась, но глаз на меня не подняла. После того как она ушла, отец сел на кресло и налил нам по чашке чая, поставив мою на стол напротив меня.

— А Зили дома? Не может же она все еще быть с Сэмом? — спросила я, начиная волноваться.

— Сэм Кольт мертв.

От неожиданности я сперва не могла вымолвить ни слова.

– *Мертв?* Не может этого быть.

Я вспомнила его в этой гостиной, как он восхищался афишей *«Чэпел-70»* и флиртовал с Зили.

— Он был бесчестным человеком и выбрал смерть труса.

«Смертью труса» отец всегда называл самоубийства, хотя сам производил и продавал товар, позволяющий с легкостью расстаться с жизнью.

— Но почему?

— Его нельзя было назвать ответственным человеком. По мнению его родственников, он был из тех, кто бездумно прожигает жизнь. — Отец с отвращением поджал губы. — Давай не будем о нем говорить. Нам достаточно знать то, что он решил свести счеты с жизнью.

— Никак не могу в это поверить, — сказала я. — Зили, наверное, в отчаянии. Где она сейчас?

Он уставился себе в чашку и хотел что-то сказать, но потом передумал. Он казался удрученным, причем не из-за Сэма.

Что-то не так, поняла я вдруг и быстро поднялась с дивана, держась за подлокотник, чтобы не упасть.

— Скажи, что случилось? — спросила я и, глядя на него, вдруг все поняла. Я выбежала из гостиной, толкнула дверь, пронеслась по ступенькам крыльца, завернула за дом, а где-то позади отец кричал, чтобы я немедленно вернулась назад.

Я добежала до ворот семейного участка и вцепилась в прутья решетки. Четыре белых камня стояли в ряд: Эстер, Розалинда, Калла и Дафни. Но рядом с Дафни было что-то еще — свежий холм земли. Никакого могильного камня, просто вбитый в землю деревянный столбик и россыпь свежих цветов.

Как сказала Эмили Дикинсон, *«вновь ужасом наполнилась душа».*

3

Что было потом, я точно не помню — должно быть, я билась в истерике и устроила сцену. Пом-

ню лишь, что вскоре приехала машина «Скорой помощи», меня привязали к каталке и накачали лекарствами. Я снова проснулась в больнице, хлопая глазами и не понимая, где нахожусь и что произошло. Со мной кто-то говорил — разные мужские голоса, но я не могла различить ни слова, будто вместо человеческой речи слышала пересвист птиц между собой.

Наконец до меня частично донесся смысл некоторых слов.

— Ваша сестра мертва, — сказал врач. Он смотрел на меня сверху вниз, а над головой у него сиял шар яркого света. — Вы понимаете, что ваша сестра мертва?

— Какая из них?

4

Не стану приводить здесь обрывки воспоминаний о последующих нескольких днях. Там столько скорби, что, если я продолжу писать об этом, их ценность поблекнет, как будто такое можно описать, как будто двадцать шесть букв алфавита могут вместить эту скорбь и подготовить к потреблению. Я никогда не любила слова, и этот дневник мое отношение к ним не поменял. Слова — крайне бедный способ самовыражения.

Боль, которую я чувствовала после ухода Зили, была сильнее, чем то, что я чувствовала после ухода остальных своих сестер, вместе взятых. Казалось бы, это несправедливо, ведь сестра есть сестра, и я их всех нежно любила, но ведь мы были *АйрисиЗили*. Судьба уже разделила нас, а я об этом даже не подозревала, лежа в больничной палате, вся в бинтах и в наркотическом тумане, не ведая о том, что самое ужасное событие в моей жизни происходит прямо сейчас.

Через пару дней, когда я успокоилось достаточно, для того чтобы меня перестали пристегивать к кровати и пичкать транквилизаторами, меня перевели в другое крыло больницы.

Санитар усадил меня в кресло-каталку и привез в палату, расположенную в женской части психиатрического отделения. Я вполне могла ходить сама, но не возражала, что меня везут, — это был своего рода акт физической капитуляции. Когда меня доставили в закрытое отделение, я не кричала и не сопротивлялась; как Гретель, собиравшая хлебные крошки, я прожила события предыдущих недель так, что они, одно за другим, привели меня сюда; оставалось лишь открыть дверь и запихнуть меня в печь. Впрочем, в тот момент я бы забралась туда по своей воле.

Эта палата была еще более аскетичной, чем в обычной больнице, — кровать, стол со стулом, комод и небольшой двухместный диван у окна. Пустые белые стены без картин, потрепанная коричневая мебель, светло-персиковая обивка дивана. В палате, устроившись на стуле, меня ждал отец, но я никак не отреагировала на его присутствие. Выбравшись из кресла-каталки, я залезла в кровать и свернулась калачиком спиной к нему. Он пытался заговорить со мной, но я не стала отвечать, и вскоре он ушел.

Я злилась на него за то, что он не рассказал мне о Зили сразу же, когда это произошло, что он не отложил похороны до моего выздоровления. Он лишил меня возможности увидеть ее в последний раз, украсить ее лоб венком из маргариток; никто, кроме него, не оплакал ее, а его скорбь никогда не была глубокой. Он утверждал, что не хотел расстраивать меня, когда мне и без того было плохо, и что врачи с ним были согласны, но я-то знала, что дело было в другом: на него бы обрушился груз моей скорби, а он не желал с этим связываться. Он отложил объяснение со мной на потом, и вот пришло время платить по счетам, но я не хотела с ним разговаривать.

5

— Как насчет Лоррейн?

Меня разбудил женский голос. Я открыла глаза и увидела медсестру — она открывала шторы, чтобы впустить в комнату свет. На столе стоял поднос с дымящимся кофе, яичницей-болтуньей и тостами.

— Мое имя не Лоррейн, — сказала я. — Меня зовут Айрис.

Медсестра подошла к моей кровати. Она была глубоко беременна; белая ткань халата обтягивала ее огромный живот.

— Лоррейн, если будет девочка, — сказала она, поглаживая живот. — Как тебе?

— Лоррейн ничего, — сказала я, ни в малейшей степени не интересуясь тем, как она назовет своего ребенка.

— «Ничего» мне не подходит, — сказала она со вздохом. — К ней так будут обращаться каждый день ее жизни. Здесь нужно что-то получше, чем *«ничего»*. — Она откинула мое одеяло и жестом пригласила меня подняться. — Если будет мальчик, мы назовем его Лерой Брюэр-младший. Мне не очень нравится, но муж настаивает. Ох уж эти мужчины. Вечно подавай им маленького

клона их самих.

— Угу.

— Тебе помочь? — спросила она, когда мои голые ступни коснулись прохладного линолеума. Я покачала головой.

Она подождала, пока я схожу в туалет. Когда я вышла, она расставляла на столе завтрак.

— Поторопись, а то остынет, — сказала она, села на диван и стала смотреть, как я ем. У нее была смуглая оливковая кожа и темные волосы, убранные в тугой пучок. Я не могла понять, кто она была по национальности, и, пока ела, периодически поглядывала на нее, пытаясь угадать, откуда она.

— Можешь звать меня Брюэр, — сказала она. — Просто Брюэр, а не сестра Брюэр — я здесь всего лишь сиделка. Говорят, скоро мне придется уволиться из-за ребенка. — Она положила руку на живот. — Как насчет Элизабет, как королева? И сразу много уменьшительных имен: Лиззи, Бетти, Бетси, Бет.

— Элизабет ничего, — сказала я.

Она нахмурилась.

— Тебе сложно угодить. — Я доела завтрак, и она, с большим трудом поднявшись, подошла к столу и сложила посуду на поднос. — Это,

конечно, не мое дело, но мне кажется, что ты не должна здесь находиться, милая. — Она подняла поднос, удерживая его на животе. — На твоем месте я бы играла по их правилам, чтобы они тебя выпустили.

Через какое-то время прибыл психиатр. Я сидела на диване и читала «*Джейн Эйр*», начав с того места, где я остановилась, хотя с тех пор весь мой мир перевернулся. Кто-то — либо Доуви, либо отец — оставил для меня холщовую сумку с моими книгами и журналами, коробочкой свежих печений и принадлежностями для рисования, что явно говорило о том, что, по их мнению, я здесь пробуду довольно долго.

Врач вошел без стука и закрыл за собой дверь — это разрешалось лишь ему, сама я должна была всегда держать дверь открытой. В двери было окошко, через которое был виден коридор, и это успокаивало. Мне не хотелось оставаться с этим мужчиной наедине.

— Я доктор Уестгейт, — сказал он, и я неохотно опустила книгу и позволила ему пожать мне руку. Он сел за мой стол, разложил свои папки, документы и какое-то время перебирал их, ничего не говоря. Раньше мне не приходилось общаться с психиатрами, и их образ в моей голо-

ве никак не совпадал с тем, что я видела перед собой — подтянутый молодой человек со светлыми волосами; твидовый костюм, темно-зеленый галстук. Это был один из тех благовоспитанных и привлекательных мужчин, которых Эстер и Розалинда не постыдились бы пригласить домой.

— Итак, мисс Чэпел, — сказал он, повернув свой стул к дивану, чтобы оказаться лицом к лицу со мной. — Айрис. — Он скрестил ноги, положив блокнот на колени. Говорил он мягким, низким голосом, в котором не было свойственных врачам авторитарных ноток. — Как вы себя чувствуете?

Я себя чувствовала как разделанная рыба с кишками наружу, но сказала лишь:

— Хорошо.

Он улыбнулся и кивнул, явно стараясь сделать так, чтобы я почувствовала себя непринужденно — но нет, поддаваться я не собиралась. Хоть я и не общалась с психиатрами раньше, я их терпеть не могла. Они отняли у меня мать. Пускай отец сам привез ее к ним, все же именно они заперли ее в клинике, приговорив к пожизненному заключению.

— Это были очень тяжелые дни для вас, и я вам очень сочувствую. Скажите, вас не посещали мысли о том, чтобы причинить себе вред?

Я могла бы отказаться отвечать, но вспомнила о совете сиделки. Мне же будет лучше, если я буду играть по их правилам.

— Нет.

— Прошу вас быть со мной откровенной. Все, что вы мне расскажете, останется между нами.

— Я не хочу причинить себе вред, — сказала я, и это действительно было так. Помимо всего прочего, у меня для этого совершенно не было сил.

— Хорошо, — сказал он, по-видимому, поверив мне. — Ваш отец обеспокоен вашей реакцией на смерть Хейзел.

Должно быть, я тогда визжала и кричала, как Белинда когда-то, поэтому неудивительно, что он был в ужасе. Я представила себе, как он бежит к телефону, чтобы поскорее отправить меня прочь из дома.

— Он обманул меня, а когда сказал правду, уже не смог меня контролировать, — сказала я. — А он этого не выносит.

— Вы считаете, что именно поэтому он настоял, чтобы вас лечили в психиатрическом отделении? Чтобы все контролировать?

— Я не знаю, зачем я здесь.

— Он волнуется, что вы сами не справитесь с тем, что случилось с вашей младшей сестрой,

и боится, что вы…

— Что я сойду с ума, как мама?

— Вы считаете, что ваша мать — сумасшедшая?

— Нет, но все остальные так считают.

— Я не думаю, что вы сумасшедшая, мисс Чэпел, и я не люблю это слово. Но ваш отец полагает — и я с ним согласен, что нам нужно провести оценку вашего состояния. На вас обрушивалась трагедия за трагедией, и вынести такое мало кому под силу.

— Но с ним вроде бы все в порядке.

— Не думаю, что с ним все в порядке, но в любом случае женщины, тем более молодые женщины, все переживают иначе. А учитывая то, что произошло с вашей матерью, я считаю, что пребывание здесь пойдет вам на пользу. Хорошо?

Я пожала плечами. Оставаться в больнице я не хотела, но при этом осознавала, что вернуться домой в статусе последней выжившей сестры было бы еще хуже.

После того как он ушел, сказав, что придет следующим утром, я притихла и долго сидела на одном месте, пока Брюэр не принесла мне ланч. На этот раз она не осталась — видимо, у нее было много другой работы, и мне даже стало

немного грустно без ее непрерывной болтовни. Я съела сэндвич, стоя у окна и глядя на лужайку и полоску леса за ней.

Когда Брюэр пришла за подносом, она уговорила меня присоединиться к ней и другим пациентам в телевизионной комнате. Вместе мы пошли по коридору, пока не оказались в гостиной с таким же строгим интерьером, как и в моей палате: бесцветная, изношенная мебель — стулья и несколько массивных диванов, выцветших до безликого серого.

На диванах и стульях сидело около десяти женщин, глаза которых были обращены к телевизору. Многие были гораздо старше меня, хотя я заметила одну девушку моего возраста — позже я узнаю от Брюэр, что она утопила своего младенца в унитазе. Они молча смотрели телевизор, и было очевидно, что все они пребывают в лекарственной полудреме. Брюэр указала мне на свободный стул, но я махнула рукой и вернулась к себе в палату.

Будь я дома, я бы погуляла в лесу или сходила на луг. Но здесь мне деваться было некуда. Из холщовой сумки я достала альбом для рисования и несколько угольных карандашей. Встав у окна с карандашом в руке, я надеялась, что найду

вдохновение в образах природы. Но мне мешало стекло — я так ничего и не почувствовала.

Повернувшись, я посмотрела на пустую белую стену слева от стола, напротив кровати. Огромный холст. Практически не отдавая себе отчета в том, что делаю, я принялась рисовать на стене ветку цветущего колдовского ореха. По памяти я повторила изображение, нарисованное Белиндой в нашей с Зили спальне, из которой мы съехали после смерти Дафни. Я долго работала над этой веткой — на стене рисовать было труднее, чем на бумаге: нужно было сильнее давить на карандаш и терпеливо прорисовывать каждую линию несколько раз. Закончив с орехом, я нарисовала астру, потом розу, потом каллу и цветок волчеягодника и в конце — ирис. Все цветы я разместила на уровне глаз; каждый был размером с мою голову.

— Вряд ли им это понравится, — сказала Брюэр, когда принесла мне ужин. Я вспомнила слова Белинды в нашу последнюю встречу: *«Но что они мне сделают, лепесточек? Это мое последнее пристанище»*. Казалось, впрочем, что *мне* они могут сделать много всего: привязать к кровати, поместить в палату для буйных, назначить электрошоковую терапию. Но в тот момент мне было

уже все равно.

На следующее утро доктор Уестгейт пришел перед завтраком. Он быстро прошагал к столу, бросив на него документы и папки, и сел на стул, причем проделал все это так стремительно, что даже не заметил мои рисунки. С его места была видна противоположная стена, а свой стул он повернул так, чтобы видеть меня, сидевшую на диване. На нем снова был твидовый костюм и другой зеленый галстук, чуть светлее. На плече виднелось пятно — должно быть, младенец срыгнул после кормления. Я оглядела его с головы до ног, надеясь обнаружить и другие свидетельства домашней жизни, но, если не считать пятна, в остальном его костюм был свежевыглажен и безупречен. У доктора наверняка была щепетильная жена — из тех, какими бывают жены врачей и какой недавно стала Вероника.

— Айрис, давайте я расскажу вам, что нас ждет в ближайшие несколько дней, — сказал он, слегка подавшись ко мне и положив ладони на колени. Его поза говорила о том, что он стремится выглядеть и разговаривать непринужденно. Ни тебе скрещивания рук, ни сурового взгляда. — У нас будет несколько сессий, во время которых мы побеседуем, и я проведу оценку вашего пси-

хического здоровья. После того как я получу всю необходимую информацию, я приму решение о том, какими будут наши дальнейшие действия: оставить вас здесь, перевести в другое учреждение или выписать домой. Это понятно?

Я кивнула. Для меня все эти будущие сценарии были спрятаны за закрытыми дверьми, и я не знала, какую хотела бы открыть. В любом случае это зависело не от меня.

— Очень хорошо. — Он откинулся назад, скрестил ноги и взял блокнот и ручку. — Вы потеряли Хейзел, вашу сестру, и это событие само по себе глубоко травмировало вас, и подобные эмоции испытал бы каждый.

Но это уже пятая смерть близкого родственника, которую вы пережили, и такое… — Он покачал головой, лицо его приобрело скорбное выражение. Наверное, из-за того, что он сам был отцом пачкающего его костюмы младенца, мысль о потере ребенка казалась ему особенно ужасной. — Такое… — Он замолчал.

Слова, буквы — в такие моменты их всегда было недостаточно.

— Примите мои искренние соболезнования, — наконец сказал он.

Я кивнула, давая понять, что он может продол-

жать. Годы обучения в университете, и все равно его слова напоминали текст с открытки, воткнутой в букет цветов.

— Я хочу обсудить случившееся недавно — смерть Хейзел — в контексте того, что произошло с другими вашими сестрами. Будет хорошо, если мы начнем с самого начала. Кто из них умер первой?

Я хотела сказать «Эстер», это был самый очевидный ответ, но потом подумала, не точнее ли будет ответить, что первой умерла моя бабушка Роуз, или ее мать, или мать ее матери? Я поняла, что на самом деле не знаю, когда эта история началась. Больше того, я даже не очень знала, в чем она состоит. В ней никогда не было никакого смысла.

Размышляя о том, хочу ли я раскрыться перед этим человеком, я почувствовала те же эмоции, что и в предыдущий день: мне было все равно, что со мной произойдет. Может быть, если я буду абсолютно честна в своих ответах, это лишь усугубит мое положение, а может быть, правда каким-то образом поможет мне обрести свободу. В любом случае я была готова рассказать все, что знала.

— Первой умерла моя сестра Эстер, — сказа-

ла я, — но я не уверена, что это начало истории. — Я рассказала ему, что на самом деле все началось с Белинды, а до нее — с Роуз, а до нее — с Долли и Альмы.

— Расскажи мне обо всех, — сказал он, и я весь день рассказывала ему о Белинде и других женщинах в нашем поколении, обо всех дочерях, выросших без матерей. Я рассказала ему, что Белинда с самого рождения слышала крики своей мамы, которые не оставили ее по сей день, превратившись в отдаленный шум. Еще я рассказала, что она никогда не хотела выходить замуж, и о том, что она чувствовала запах роз; я описала ее видения, связанные с чэпеловскими жертвами, и то, что она предсказала что-то ужасное и никто ей не верил, кроме меня.

— Как ты думаешь, почему ей верила лишь ты одна? — спросил доктор Уестгейт.

— Все всегда говорили, что это потому, что я такая же, как она, но я так не считаю. Не так уж мы и похожи, по крайней мере в личностных характеристиках. Наоборот, мы очень разные.

— И в чем тогда причина?

— Сестры никогда не слушали ее.

— А ты слушала?

— Да.

— И ты ей верила?

— Со временем поверила, потому что я кое-что видела. Кое-что чувствовала. К тому же она оказалась права, так почему я не должна была ей верить после этого?

— И что ты видела?

Я рассказала ему о безголовой невесте и о том, что слышала голоса.

— Не знаю, реальными ли были эти видения или… — Я не хотела говорить «или я все это выдумала», потому что я не считала это выдумкой. — Возможно, видеть и слышать такие вещи — это что-то типа интуиции.

— Интересно. А если подробнее?

— Как и мама, я иногда просто знаю о том, что должно произойти, и мой разум, посылая эти видения, не позволяет мне это игнорировать.

— А твои сестры? Они тоже что-то видели или слышали?

— Не думаю. Они предпочитали закрываться от всего этого.

Он попросил пояснить, что я имею в виду, и я добавила:

Как я уже говорила, иногда я знаю, что должно произойти. Мама передала эту способность мне, и вполне вероятно, что и им тоже, вот только

они никогда не пытались это осознать, никогда не слушали ее.

— Почему?

— Мама не может общаться привычными способами. Нет такого языка, на котором она могла бы сказать то, что хочет сказать. Поэтому она выражает свои мысли по-другому, и сестры никогда ее не понимали.

— Ваша мать выражает свои мысли предсказаниями и криками от встреч с призраками?

— Я бы не стала описывать это именно так. — Я задумалась, пытаясь найти нужные слова. — Женщинам не всегда верят.

— Это правда.

— О таких женщинах, как моя мать, проще сказать: «Она сумасшедшая», и тогда ее можно не слушать. Может быть, она в какой-то степени действительно стала сумасшедшей. Может быть, она могла общаться только через крики.

Я вспомнила абстрактные женские картины с той выставки: цвета, формы и мазки, отражающие эмоции, открывающие дверь в бессознательное. Наверное, именно это всю жизнь пыталась сделать моя мама — выразить невыразимое, используя единственный доступный ей язык, женский язык, к которому многие женщины

вынуждены были прибегать. Я, как могла, объяснила это доктору.

— Понимаю, — сказал он. — И этот язык твои сестры игнорировали?

— Игнорировали и приуменьшали его значение. Отец говорил им, что они не должны ей верить. Вся семья считала ее посмешищем.

— А ты не считала?

— В те моменты, когда это было важно, — нет, не считала.

— И теперь из всех сестер в живых осталась лишь ты одна. Ты видишь в этом связь?

— Да.

— И в чем она?

— Когда она говорила, что мы в опасности, я ей верила.

Мы беседовали весь день, закончив лишь к ужину. Я была совершенно вымотана. Тем вечером я продолжила рисовать на стене, сделав наброски новых цветов и соединив их с землей при помощи веток и корней. Для Белинды я нарисовала змею, притаившуюся в траве, — такую же, что была у нее на стене за шкафом. На следующий день доктор Уестгейт опять не обратил никакого внимания на мои рисунки, сев к ним спиной. Мы поговорили об Эстер и Мэтью, о предсказании

Белинды. Я рассказала ему, как пыталась остановить свадьбу, как меня не взяли на церемонию, как умерла Эстер — как она завывала и хохотала, как разбила окно. Вечером я нарисовала на стене еще десять астр, а на следующий день мы с доктором говорили о Розалинде. Я рассказала ему о фильме *«Чэпел-70»*, Родерике в его ковбойской шляпе, о ранчо на Паломино-роуд, о новом предсказании Белинды: «Случится *что-то ужасное*», о неудавшемся пасхальном ужине. Я подчеркнула, что и Эстер, и Розалинда ненавидели меня, когда умирали.

— Они считали нашу мать безумной, и меня, соответственно, тоже. А ведь мы всего лишь говорили правду.

— Люди часто противятся правде, — сказал он, и я согласно кивнула, вспомнив свой последний разговор с Зили тем ужасным утром.

В тот вечер я исписала всю стену запретными цветами — розами, целыми гирляндами роз, а на следующий день мы говорили о Калле. Я рассказала доктору о том, как мы ездили в Нью-Йорк, и о том, как в тот же вечер мы пытались найти ее, когда она уехала с Тедди, но спасти ее не успели.

Наверное, не стоило мне так откровенничать, но, начав говорить, остановиться или скор-

ректировать свой рассказ я уже не могла. Отец не позволял нам обсуждать случившееся, эта тема в доме была под запретом, и, хотя мы с Зили делились воспоминаниями, напрямую о смерти сестер мы никогда не говорили. Много лет правда жила во мне, как гноящаяся рана. Разговаривая с доктором Уестгейтом, я словно изгоняла из себя что-то, словно избавлялась от яда после укуса змеи. Я рассказала ему, что Эстер и Розалинда умерли не от гриппа и что причина смерти Каллы вовсе не была неизвестна.

Мы все знали, как и почему они умерли — именно из-за этого отец не позволял нам с Зили приближаться к молодым людям, и оградить от этого Зили оказалось труднее, чем меня.

История Дафни отличалась от всех остальных. Я рассказала доктору, что она умерла от разбитого сердца, в состоянии интоксикации заплыв далеко в море и сгинув там. В тот вечер я продолжила рисовать цветы, встав на стул, чтобы захватить стену повыше. Когда у меня остался лишь один угольный карандаш, в углу я изобразила лес, такой же, какой Белинда рисовала во всех наших спальнях.

Я закончила. На следующий день — последний день наших сессий — мы собирались говорить

о Зили.

После завтрака и до прихода доктора я читала *«Джейн Эйр»*. В этот раз, войдя в палату, он наконец заметил цветы на стене.

— Что это? — спросил он, и мне захотелось язвительно отметить, что с наблюдательностью у него не очень.

Я рассказала ему о нашем доме, о стенах, расписанных цветами, в честь которых мы были названы, и о том, что в углу всегда был лес.

— Ты скучаешь по дому? — спросил он.

Я пожала плечами. Я уже не очень понимала, что для меня означает *дом*. Без сестер «свадебный торт» был лишь коробкой. Я не могла представить, что вернусь туда.

Он снова устроился на стуле и разложил бумаги на столе.

— Сегодня будет непростой разговор, — сказал он, поворачиваясь ко мне на стуле.

— Они все были непростыми.

— Да, я понимаю. Но сегодня мы должны обсудить Хейзел, а со дня ее смерти прошло совсем мало времени, и дистанция между вами еще не такая большая, как в случае с остальными сестрами.

Хейзел. Было понятно, что он совсем не знает

ее, что для него она с таким же успехом могла быть персонажем из учебника истории, как Жанна д'Арк или Клеопатра.

— Если вы морально готовы, я бы хотел поговорить о том, как она умерла.

В эти дни мы поговорили обо всех моих сестрах, спускаясь вниз по алфавиту их имен. Как ни тяжело мне было вспоминать Зили, было бы несправедливо ничего о ней не рассказать.

— С чего мне начать?

— Расскажите мне о месяцах, предшествовавших ее смерти.

Я начала с самого очевидного:

— Все изменилось, когда она окончила школу.

Я рассказала ему о пикнике, о Флоренс и ее обручальном кольце, о том, в какую депрессию погрузилась Зили после этого, понимая, что ее ждет совсем не то будущее, о котором она мечтала.

— Уехать со мной, жить вместе, как две старые девы, — я думала, она уже смирилась с тем, что такой будет наша судьба, но оказалось, что для нее это было хуже, чем смерть.

— И что вы при этом почувствовали?

— Боль. Я столько лет старалась спланировать для нас общее будущее, а она мне подыгрывала,

хотя на самом деле вовсе не собиралась никуда со мной убегать.

— Неудивительно, что вам было больно.

— Мои чувства не имеют никакого значения. Я должна была заботиться о ней, а я с этой задачей не справилась.

— А кто должен был заботиться о вас?

— После смерти Эстер — никто.

— Это тяжелая ноша.

— До аварии я со всем справлялась. Я вовсе не сломленный человек, которого вы видите перед собой.

Он заверил меня, что не считает меня сломленной, но я сомневалась, что он действительно так думает. Мы сделали перерыв, а когда возобновили разговор, я рассказала ему об ужине с Сэмом Кольтом, после которого Зили начала скрываться и врать. Я рассказала о том, как узнала об их тайной поездке в Рим, и о том, как сильно я тогда за нее испугалась. Я описала свою вылазку к дому Эстер и случай с полицейским Чаки.

— Я отчаянно пыталась удержать ее, но у меня ничего не получилось. Она предпочла мне Сэма.

— И что произошло после ее отъезда?

— К тому времени я уже решила, что поеду в Нью-Мексико. В Санта-Фе есть художественная

школа, в которую я могла бы поступить. Как я уже говорила, я много лет планировала наш отъезд — нужно было лишь подождать, пока Зили окончит школу. А когда она сбежала, мне безумно захотелось тоже вырваться из дома. — Должно быть, мой план казался доктору какой-то прихотью с моей стороны, а может, он и был ею. — Я была расстроена, и я торопилась. Поэтому не заметила грузовик. Вот и все. — Это был последний день наших разговоров. Последний день Зили. Я посмотрела на свою руку и потерла рану.

О том, что случилось с Зили, я знала лишь со слов отца. В то утро она поехала в Гринвич, к сестре Сэма, чтобы встретиться с ним там. Потом они с Сэмом отправились в отель, где собирались провести ночь перед отлетом. Они разделили комнату и кровать, и для Зили все закончилось очень быстро. К вечеру она была мертва.

— Сэм убил ее, — сказала я. — А потом наложил на себя руки.

— Вы считаете, что все было именно так?

— Я не считаю, я знаю.

— Сэм действительно покончил жизнь самоубийством, все верно. — Доктор Уестгейт потянулся к столу, порылся в бумагах и достал

газету, сложенную на нужной странице. Он передал ее мне — дата была сегодняшняя.

> Начинается расследование обстоятельств смерти Кольта
>
> Полиция штата Коннектикут начала расследование обстоятельств смерти Сэмюэла Кольта III, 28 лет, проживавшего в Хартфорде. Его тело было обнаружено береговой охраной в прошлую среду, после того как семья сообщила о его пропаже. Мистер Кольт был найден на своей яхте, дрейфовавшей в водах залива Лонг-Айленд, с огнестрельным ранением груди. Предполагаемая причина – самоубийство. Его смерть произошла через два дня после смерти его девушки, Хейзел Чэпел, 18 лет, проживавшей в Беллфлауэр-виллидж. Оснований подозревать убийство нет, однако расследование продолжается.

Я прочла заметку и бросила газету обратно на стол.

— После того что он сделал с моей сестрой — так ему и надо, — сказала я без каких-либо эмоций.

— А что он сделал с вашей сестрой?

— Я уже говорила. Он ее убил.

— И как он это сделал?

— Точно так же, как Мэтью убил Эстер, Родерик убил Розалинду и Тедди убил Каллу.

Доктор Уестгейт посмотрел на меня долгим и напряженным взглядом.

— Айрис, меня очень беспокоит то, что вы считаете, что эти мужчины убили ваших сестер.

— Но так и было. У Эстер было отменное здоровье, пока она не провела первую ночь со своим мужем; то же самое касается Розалинды. Калла прекрасно себя чувствовала, пока не провела ночь с Тедди. То же с Зили и Сэмом. Какие еще здесь можно сделать выводы?

Он покачал головой.

— Это просто невозможно.

— Доктор Уестгейт, все, что я вам рассказала, — правда. — Мне вдруг захотелось убежать и спрятаться — плохая у меня сформировалась привычка. — После смерти Эстер сестры стали говорить, что наша мать ее каким-то образом отравила…

– *Отравила?*

— Не в смысле ядом, а в смысле… — Доктору не нравилось слово «сумасшедшая», но мне-то

было понятно, как все это звучит. — У мамы было непростое прошлое — как у нее, так и у всех ее предшественниц по женской линии. Брак, дети — это их убивало, либо в буквальном смысле, либо, как в случае с моей мамой, в фигуральном. Сестры думали, что она передала нам это проклятие. Но мама тут ни при чем. Это все мужчины. Я действительно не могу объяснить, *как именно* они убили моих сестер, но факт остается фактом.

Казалось, доктор Уестгейт не верит своим ушам.

— Поговорите с моим отцом, он вам расскажет, — сказала я, хотя, конечно, никакой уверенности в этом у меня не было.

— Я с ним уже говорил, и довольно подробно. Он сказал, что Эстер и Розалинда умерли от гриппа. Причина смерти Каллы неизвестна. А результаты вскрытия Хейзел еще не поступили.

– *Вскрытия?*

— Понимаю, как ужасно это для вас звучит. Прошу прощения.

Мои глаза наполнились слезами, но я взяла себя в руки и продолжила. В конце концов, наши беседы подходили к концу.

— Отец никогда не позволял нам с Зили встре-

чаться с мальчиками. Об этом вы его тоже спросили?

— Нет, но ведь он потерял четырех дочерей — ни один отец даже в самом жутком кошмаре не сможет представить себе такое. Неудивительно, что, учитывая все произошедшее, он пытался защитить двух оставшихся дочерей.

— Вы не понимаете. Он делал так не поэтому. — Все мои слова доктор словно выворачивал наизнанку. — Он всегда был против университетского образования для женщин и все же позволил мне учиться в педагогическом колледже, потому что понимал, что выйти замуж и завести детей я никогда не смогу, а *что-то* ведь мне нужно было делать в этой жизни. Неужели вы не понимаете?

— Вы объясняете поведение отца весьма искаженно.

— Это вы искаженно все понимаете, — сказала я. — Когда все это случалось, вас там не было. *А я была*.

— Вы сильно травмированы, и это вполне объяснимо. Я не уверен, что смог бы справиться с тем, что выпало на вашу долю. То, что с вами случилось, сравнимо с тем, через что проходит солдат на войне.

То, что он делал, казалось мне ужасным. Он притворялся, что сочувствует мне, но при этом отказывался мне верить.

— Вы говорите, что я неправильно все интерпретирую, а при этом сами не можете объяснить, как и почему умерли мои сестры.

— Не каждую смерть можно объяснить. Медицина не дает стопроцентных ответов, но я уверяю вас, что ваше объяснение того, что случилось с вашими сестрами, ошибочно. Этого случиться не могло. Говорю вам как врач, окончивший Гарвардскую медицинскую школу: своему восприятию не всегда можно доверять.

Мне хотелось возразить ему, но было понятно, что особого смысла в этом нет. Еще вчера я говорила ему о том, что женщину легче объявить сумасшедшей, чем поверить ей, а сегодня он делал то же самое со мной, даже не осознавая иронии происходящего. Я почувствовала, что меня *«обелиндили»*, и в этот момент понимала маму, как никогда.

— Завтра вас переведут в «Ферн-холлоу». Это психиатрическая клиника для женщин недалеко от Гринвича.

— Я знаю, что это. — После смерти Эстер именно туда отправили Белинду.

— Вашей матери там не помогли, но вам, я думаю, помочь смогут. Это хорошее место, и я время от времени буду вас навещать. Ваш случай вызвал у меня большой интерес.

Случай. Вот, чем я стала.

— У вас есть вопросы о процедуре перевода в другую клинику? — Я покачала головой, глядя на стену цветов. — Что ж, хорошо. Отец сказал, что сам вас отвезет. У меня возражений нет. Он приедет завтра утром.

Я уже видела, как это будет: какое-то время я проведу в «Ферн-холлоу», а потом меня отправят в санаторий святого Обера, где мы с мамой будем сидеть на скале, завернувшись в одинаковые пледы, и смотреть на море.

Одержимая мать, одержимая дочь.

6

Днем ко мне зашла Брюэр и, к моему удивлению, сообщила, что у меня посетитель.

— К вам пришла мисс Эдна Доув.

Я тут же села, чтобы Доуви не увидела меня валяющейся на кровати без сил. Последняя сессия с доктором Уестгейтом меня совершенно вымотала, и я едва могла пошевелиться.

— Милая Айрис, здравствуй, — сказала она,

зайдя в палату и поцеловав меня в щеку. — Мне так хотелось посмотреть на тебя. — Она грустно улыбнулась мне, словно осознавая невозможность всего происходящего: я была частью большой семьи — и вот теперь я одна.

На ней была овсяного цвета юбка и белая блузка с вязаной кофтой, которую она носила и зимой, и летом. Ее светлые локоны с годами поседели, и казалось, что за последние несколько дней она еще сильнее постарела.

Она села на персиковый диван, а я — на стул у стола, повернутый к ней, — так, как всегда садился доктор Уестгейт. Рядом с собой она поставила две сумки — я удивилась, а потом поняла, что одна из них — моя. Это был тот самый коричневый саквояж с памятными вещами, который я взяла с собой, когда пыталась убежать.

— Не ожидала вас здесь увидеть, — сказала я, хотя была рада, что меня кто-то навестил. Все что угодно, лишь бы не думать о разговоре с доктором Уестгейтом.

— Мы все потрясены случившимся. Но, как бы там ни было, я считаю, что твой отец не должен был скрывать это от тебя.

— Да, — сказала я, удивившись, что она критикует отца за его спиной — раньше она себе такого

не позволяла.

— Мы с миссис О'Коннор все глаза проплакали. Со смерти Дафни прошло так много времени, что мы думали… — Она замолчала, достала из сумочки платок и утерла глаза. — Мы надеялись, что кошмар закончился.

— Я рассказала доктору о том, что произошло с сестрами, о том, как они умерли, но он мне не верит.

Доуви нахмурилась.

— Он приходил вчера вечером, пытался что-то выведать. Долго говорил с твоим отцом, но я не знаю о чем.

— Но вы-то знаете, что случилось с сестрами? — Мне нужно было подтверждение от нее.

— Конечно, знаю. И не стоит тебе так уж беспокоиться: моя мать всегда говорила, что доктора мало разбираются в женских делах.

Мне вдруг захотелось, чтобы Доуви поговорила с врачом, подтвердила мою историю, но я понимала, что в этом случае он заберет в клинику и ее тоже.

— Ты, я вижу, времени зря не теряешь, — сказала она, указав на стену за моей спиной.

— Они наверняка все это закрасят, когда я уеду.

— Твой отец сказал, что завтра везет тебя в «Фернхоллоу». Поэтому я здесь. Примчалась, как только услышала об этом. — Она подняла мою сумку поставила себе на колени, положив руки сверху. — Недавно я ездила к твоей маме. Рассказала ей, что решила вернуться в Ирландию. В прошлом году моя сестра овдовела, а у них с мужем ресторан в Голуэе. Поеду ей помогать. Уверена, там мне будет хорошо.

Я никогда не думала о том, что Доуви может уехать. Она казалась мне неотъемлемой частью «свадебного торта».

— Миссис О'Коннор тоже уезжает, она уже уведомила твоего отца. Теперь, когда Зили больше нет, а ты… — Она искала слова, деликатно описывающие мою ситуацию.

— Отправляюсь в психиатрическую клинику.

— Да, в общем, мы с ней больше не хотим здесь оставаться. Мне было непросто жить в этом доме и в лучшие времена, а они давно прошли.

Я подумала о доме, в котором никого не осталось, кроме отца, и о могилах на участке. Мертвых больше, чем живых.

— Когда я разговаривала с твоей мамой, она попросила меня об одной услуге, поэтому я и примчалась к тебе сегодня. Белинда отдала мне свою

брошь, ту, которую она всегда носила.

— Брошь Роуз.

— Да. Она попросила меня отвезти ее в Нью-Йорк и продать в ювелирном магазине, и на прошлой неделе я так и сделала. — Доуви наклонилась и зашептала, поскольку дверь была открыта. — В твоей сумке — конверт с тысячей долларов наличными.

— Для меня?

— Еще там письмо от Белинды, в нем все объясняется. — Она встала, вручила мне саквояж и взяла свою сумочку. Мне было жаль, что она так быстро уходит, и я попыталась встать.

Но вместо этого она нагнулась ко мне и обняла, пока я все еще сидела, а потом быстро поцеловала в щеку.

— Я не родня тебе, — сказала она, — поэтому не буду бросаться громкими словами о том, что любила тебя как родную дочь. На это я не имею права. — Она обхватила мое лицо ладонями. — Но знай, что в моей жизни не будет ни дня, когда я не думала бы о тебе и твоих сестрах.

Она ушла, и вокруг меня образовалась пустота. Ведь Доуви все видела. В ней хранилось знание о том, что случилось с сестрами Чэпел, все эти маленькие частички нас. Никто другой в эту

историю не поверил бы, а теперь она увозила эту ценную информацию очень далеко, на другую сторону Атлантики.

Частички меня хранилась у моих сестер, и они были погребены вместе с ними. Я боялась, что с отъездом Доуви от меня вообще останутся лишь разрозненные кусочки.

Тогда я впервые отчетливо это осознала: Айрис Чэпел скоро перестанет существовать.

Оставался лишь один вопрос: как именно это случится?

7

Тем вечером я не стала читать письмо Белинды. Она там наверняка прощается со мной, и после всех волнений я была не в состоянии это читать. Но сумку я открыла, проверив содержимое. В ней были два конверта: один с письмом, другой — с пачкой денег — и все те вещи, которые я взяла на память о сестрах: флакон лавандовых духов, кольца, книга стихов Каллы, *«Белый ирис»*, семейная фотография в рамке и остальные вещи. Во внутреннем кармашке я обнаружила еще один конверт — на нем узнаваемым почерком Доуви было выведено «Зили», а внутри — каштановый локон Зилиных волос, аккуратно перетянутый

белой лентой.

Я достала из сумки картину и поставила ее на стол, прислонив к стене, чтобы ее было видно издалека. Она была небольшого размера, но все равно добавляла цвета в стерильное однообразие моей палаты. Я истосковалась по цвету.

В тот вечер, пока я ела ужин, Брюэр сидела на диване и развлекала меня выдержками из книги детских имен.

— Как насчет Донны? — спросила она. — Тебе нравится? Здесь пишут, что это имя означает *«леди»*.

— Нормально, — безразлично сказала я.

Она лукаво посмотрела на меня и преувеличенно вздохнула.

— Некоторым сложно угодить, — сказала она и снова принялась переворачивать страницы.

Я подумала о том, что буду скучать по ней — неизвестно, будет ли в «Ферн-холлоу» кто-то похожий на нее. Пока я доедала десерт — персики в сиропе, она зачитывала все новые имена: Летиция, Рейчел, Гертруда.

— А как насчет Сильвии? — спросила она.

— Красивое имя. Мне нравится.

— Ну наконец-то! — радостно воскликнула она. — Тут пишут, что это имя означает *«из леса»*.

Я предполагала, что тебе понравится. — Она показала на разрисованную стену и притаившийся в углу лес.

Я обернулась и оглядела свою работу. Лес, нарисованный в наших спальнях рукой Белинды, был таинственным и темным — он должен был контрастировать с красками и очарованием цветочного сада. Я боялась его в детстве, боялась скрывающейся в нем неизвестности. В лесу за нашим домом я провела много часов, и для меня он был связан не только с приключениями, но и с призраками и потерями.

Но в тот вечер благодаря словам Брюэр я поняла, что неизвестность леса — это то, где я теперь живу. Я покинула сад, со всех сторон меня обступили высокие деревья, и я понятия не имела, как оттуда выбраться.

8

В полдень у входа в больницу остановился черный седан отца. Со мной вышла Брюэр; саквояж и холщовую сумку она вручила моему отцу, который на этот раз вышел из автомобиля, чтобы помочь мне. Казалось, он не знает, как реагировать на эту женщину непонятной этнической принадлежности с огромным животом, поэтому

он пробормотал слова благодарности и указал мне на пассажирскую дверь, а сам обошел автомобиль с водительской стороны.

Когда мы отъезжали, я опустила стекло и помахала рукой Брюэр. Стоял ранний июль, день был невыносимо жарким, и окно со стороны отца тоже было открыто. Пиджак он снял, рукава засучил до локтей, а его лоб блестел от пота. Мы выехали на основную дорогу, проехали один квартал, после чего движение на наших двух полосах дороги вдруг остановилось.

— Должно быть, авария, — сказал он, и действительно, вскоре мы услышали звук приближающихся сирен. Он нахмурился и посмотрел на часы, а я сидела спокойно — мне торопиться было некуда.

Мы ползли вперед; мое льняное платье прилипло к влажной коже. После замечания об аварии отец больше ничего не говорил; я догадывалась, что эти лишние минуты в машине наедине со мной были для него мучительными. Я заглянула в сумку проверить, взяла ли я платок — он был на месте, и я вздохнула с облегчением. В него было завернуто чучело крапивника. Я погладила мягкие перышки — это меня всегда успокаивало, а потом взяла платок и промокнула им лицо. За-

тем я открыла флакон с духами Эстер и нанесла по капельке на запястья; аромат лаванды заполнил автомобиль.

Нераспечатанное письмо от мамы так и лежало рядом с конвертом с деньгами. Подумав немного и решив, что в «Ферн-холлоу» у меня могут забрать личные вещи, я достала письмо Белинды и аккуратно вскрыла его.

Дорогая Айрис,

Представляю, как ты переживаешь после ухода нашей милой Зили. Я так хотела увидеть тебя и утешить, но мне не разрешают. Здоровье мое пошатнулось, с тех пор как мне рассказали о произошедшем, но сейчас для меня самое главное, чтобы ты прочитала это письмо.

Мы с тобой никогда больше не увидимся. Ты должна это принять. Мне жаль, что твоя жизнь сложилась именно так, я очень горюю об этом, и эти мысли преследуют меня не меньше, чем все мои призраки. Я не смогла спасти твоих сестер, но у тебя все еще есть шанс. Я вижу это совершенно ясно, поэтому послушай меня внимательно: не позволяй

отцу отправить тебя в клинику и даже не думай о том, чтобы вернуться домой. Деньги, которые тебе передала Доуви, мои, на них нет чэпеловской крови. Прошу тебя, воспользуйся ими и начни новую жизнь подальше отсюда. Пусть сейчас тебе это кажется невозможным, но поверь, что ничего невозможного в этом нет, для тебя уж точно.

Тебе удалось избежать судьбы твоих сестер, но не принимай это как данность. Твои сестры шепчут тебе: беги, дорогая Айрис. Беги так быстро, как только сможешь, и никогда не оглядывайся.

С любовью, мама

Я положила письмо обратно в конверт, пытаясь усмирить симфонию охвативших меня эмоций, проглотить ее громкие и резкие ноты. Нельзя было, чтобы у меня на лице отразилась реакция на мамины слова, но сдержаться было непросто. Я была благодарна маме за искреннюю заботу, но у меня не было никаких оснований верить в то, что еще одна попытка бегства закончится иначе, чем предыдущая. Будь это так легко, думаю, мама и сама бы убежала.

Я не могла снова пуститься в бега. Или могла?

— С тобой все в порядке? — спросил отец. Я убрала вещи обратно в сумку и застегнула молнию.

— Скажи, почему ты не рассказал доктору о том, что на самом деле случилось с моими сестрами? — спросила я. В том, что я оказалась в этой ситуации, была отчасти и его вина, и я хотела услышать, что он скажет в свою защиту.

— Я рассказал ему все, что знаю. Эстер и Розалинда умерли от гриппа, Дафни утонула в море, а про Каллу и Зили мы достоверно ничего не знаем.

— Но ведь мы *прекрасно* знаем, что случилось с Каллой и Зили и что на самом деле произошло с Эстер и Розалиндой. Почему ты не можешь этого признать? Из-за тебя доктор думает, что у меня бред.

— Айрис, не накручивай себя.

— Я себя не накручиваю. *Ты* меня накручиваешь.

Он продолжал смотреть прямо перед собой, на дорогу, хотя мы никуда не двигались.

— Мы уже скоро приедем. Постарайся не волноваться. — Он явно нервничал. Ему нужно было меня успокоить.

Глядя на его профиль, я вспомнила мамины слова, сказанные в последнюю нашу встречу: *«Я никогда не любила его, он мне даже отдаленно не нравился. Ни его лицо, ни то, как он разговаривал, ни его запах — все в нем вызывало у меня отвращение. Перед свадьбой я проплакала несколько дней»*. Я была продуктом этого союза, была создана из этой материи.

Ко мне вдруг вернулась уверенность в том, что моя жизнь — в том виде, какой я ее знала, — окончена. Айрис должна была уйти.

Я потянулась к ручке двери. Отец, все так же сосредоточенно смотревший на вереницу машин перед нами, ничего не заметил. Одним быстрым движением я дернула за ручку, выскочила из машины и захлопнула за собой дверь. Я нагнулась и посмотрела на него в открытое окно, крепко зажав сумку в правой руке — левая все еще была забинтована.

— Немедленно вернись в машину, — сказал он, наконец заставив себя встретиться со мной взглядом. Я хотела что-то ему ответить, но что? Слов для него у меня больше не осталось.

Я побежала. Водители и пассажиры других машин уставились в окна, с любопытством провожая взглядами молодую женщину в розовом

платье, бегущую со всех ног, словно от этого зависела ее жизнь. Мамины слова звучали в моей голове, и я бежала все быстрее и быстрее.

— Айрис! — раздался позади голос отца.

Это был последний раз, когда кто-то назвал меня этим именем.

Фиолетовый блокнот

17 августа 2017 года
Абикью, Нью-Мексико

Раньше такое случалось один или два раза в год, но с тех пор, как я начала писать в голубом дневнике, это происходит каждую ночь. *Тук-тук*. И так несколько часов подряд: стук в стекло, дребезжание дверных ручек, все громче и настойчивее, до самого рассвета. Я превратилась в Белинду, одержимую ночными призраками, вот только ко мне стучатся не жертвы чэпеловского оружия. Я знаю, кто там, знаю, кто просится внутрь. Но я не обращаю на нее внимания и пишу дальше.

Да, *на нее*. Разве удивительно, что мой призрак — женщина?

Ночью мне теперь было не до сна, поэтому в последние две недели я прилежно работала, исписав все три тома Голубого дневника под покровом темноты. Днем я брожу, как в тумане, словно я и не человек вовсе, а проводник воспоминаний, которые должны быть выплеснуты на бумагу. И вот я закончила, написала последние слова этой истории сегодня утром, перед

самым рассветом: «Это был последний раз, когда кто-то назвал меня этим именем».

За шестьдесят лет с того момента, когда отец крикнул мне «Айрис!», меня *и правда* больше никто так не называл, и я считаю это своим большим достижением. Не так уж просто становиться кем-то другим, но у меня это получилось, и все было хорошо до недавнего времени, пока меня не вынудили вновь обратиться к прошлому, и Айрис Чэпел выцарапала себе путь назад.

Эмоции, охватившие меня после завершения дневника, заставили меня встать из-за стола, выйти на задний двор и отправиться вверх по красным холмам, над которыми все еще была видна бледная луна. Я вышла не для того, чтобы прокричаться, как это делала Айрис, хоть мне этого и хотелось. Неожиданные приливы эмоций — не редкость для меня. Когда хоронишь в себе столько всего, неудивительно, что эмоции накапливаются и просятся наружу. Представьте себе вулкан.

Быстро взбираясь на холм, что в моем возрасте было почти подвигом, я не обращала внимания на острые камни, царапающие нежную кожу моих ступней, зачем-то вознамерившись достичь вершины (желание взойти по земной

юдоли?). Наверху, пошатываясь и пытаясь перевести дыхание, я оглядела раскинувшуюся передо мной деревню: с одной стороны — красные скалы, с другой — низкие, отлогие холмы, покрытые полынью и кедром; их приглушенный серо-зеленый покров лишь изредка прерывался желтоватыми островками лебеды. Я немного постояла — и вдруг упала. Лежа в пыли, я пыталась понять, не нанесла ли я себе непоправимые травмы, не сломала ли что-нибудь, не повредила ли внутренние органы. Какое-то время я боялась пошевелиться, но потом собрала все силы и перевернулась на спину.

Простиравшееся надо мной подбрюшье неба понемногу светлело, окрашиваясь в нежно-голубые тона, и тихо мерцало россыпью далеких звезд. Оно было так прекрасно, что у меня перехватило горло. Под этим небом я казалась себе лишь маленькой крупицей вселенной, частичкой пыли, которую однажды унесет ветер. Мне нравилось чувствовать себя крошечной. После нескольких недель ведения дневника, жизни под тяжестью нахлынувших воспоминаний и неминуемой расплаты за то, что я со временем обозначила для себя как «комплекс выжившего», я была рада мысли о том, что однажды меня

не станет. Теперь, на закате жизни, я превратилась наконец в ночной ирис из стихотворения Каллы. Мое воссоединение с сестрами приближается. Мы были разлучены слишком долго; я дожила до почтенного возраста, а они вечно останутся молодыми. Десятилетиями я не позволяла воспоминаниям вернуться — и только так смогла выжить. Если бы мне сейчас представился шанс поговорить с ними, оправдаться, я бы сказала им, что Айрис умерла еще тогда, в 1957 году, и что все это время она была с ними.

Не знаю, сколько я так пролежала в пыли на холме. Мне уже стало казаться, что я никогда не смогу встать, не смогу добраться домой, что я умру от августовской жары и буду лежать здесь и медленно разлагаться, стану пищей для диких зверей. Они разорвут меня на кусочки, и таков будет мой конец: была женщина, а остались лишь ее части, раскиданные по холмам.

Я думала, не позвать ли на помощь, но было в этом что-то театральное, и я не хотела поддаваться панике. Потом я услышала голоса ангелов: мои молодые соседи пришли меня искать.

— Мисс Рен, где вы? — прокричал Диего.

А затем голос Джейд:

— Мисс Рен?

Я чуть не заплакала.

— Я здесь! — позвала я.

Диего взобрался на вершину холма и подбежал ко мне, подняв столб пыли, из-за чего я тут же закашлялась.

— Мисс Рен, вы целы? — Очень мне не нравилось, что они с Джейд продолжали называть меня «мисс Рен», словно я была какой-то старой девой.

— Ради всего святого, Диего, зови меня Сильвией, — сказала я, когда он поднял меня на руки. В моей жизни почти не было мужчин, но все же стоило признать, что они очень полезны, когда нужно поднять что-то тяжелое. Я обвила руками его шею и позволила себе опереться на него всей тяжестью своего веса. Он понес меня вниз, как жених, переносящий невесту через порог своего дома. Джейд ждала у изножья холма — как всегда, с малышом в слинге на груди.

— Вы могли там погибнуть, мисс Рен, — с упреком сказала она своим носовым голосом.

— Давай не будем драматизировать, — сказала я под воркование ее малышки. Именно из-за нее они встали так рано и обнаружили меня. Когда мы вошли в дом, я нежно погладила девочку по голове. Вполне вероятно, она спасла мне жизнь.

Диего и Джейд еще какое-то время носились вокруг меня. В обычной ситуации я бы им запретила, но забота о пожилых дает людям возможность почувствовать свою пользу, а я была благодарна им за помощь, поэтому не стала протестовать. Джейд сделала чай, а Диего принес аптечку. Он промыл мои раны, которые, слава богу, были незначительными, лишь несколько царапин, хотя позже наверняка появятся и синяки.

— Лоле не нужно об этом рассказывать, — сказала я, когда первоначальная суета утихла. Они усадили меня в мягкое кресло — каждый раз, погружаясь в него, мне хотелось мурлыкать от удовольствия. Где-то в возрасте 75 лет мы с Лолой избавились от всей нашей стильной современной мебели и обзавелись нелепыми, но крайне удобными откидными креслами и ворсистыми диванами, словно сделанными из плюшевых мишек, — я их все тайно обожала.

Диего и Джейд сидели на диване напротив меня и смотрели, как я пью чай. На их лицах было невинное выражение, будто они не понимали, о чем это я, но я прекрасно знала, что иногда Лола звонит им из поездок, чтобы осведомиться обо мне. Мы с Лолой ровесницы, но ей не составляет труда упорхнуть на другой кон-

тинент в одиночку. А потом, вдали от дома, она постоянно беспокоится обо мне. Скажем честно, беспокоиться, может, и есть о чем, но это все равно меня раздражает. Она словно бы демонстрирует мне, что мы разные и что за мной кто-то должен постоянно присматривать.

— Вы уверены, что не хотите съездить в больницу? — спросила Джейд. Ее блузка была распахнута, будто мы сидели на пляже где-нибудь на Лазурном Берегу. Но меня это не беспокоило, я смотрела на младенца.

— Нет, не волнуйтесь, — сказала я. — Обошлось без повреждений. — Хотя это было не так. Все мое тело ныло после падения, и каждый раз, когда я подносила чашку к губам, я делала над собой усилие, чтобы не поморщиться от боли.

Джейд и Диего посмотрели друг на друга, потом на меня. Они были странной парой — казалось, что кто-то ошибся, соединив их вместе. У Джейд была абсолютно белая, почти меловая кожа — не знаю, как ей это удавалось под солнцем Нью-Мексико. Светлые дреды, повязка на голове и кольцо в носу: было такое впечатление, что все детали своего образа она позаимствовала из других культур. У Диего же была темная кожа и блестящие черные волосы, убранные в хвост,

и непослушная борода, которую он заплетал в косу и завязывал внизу зеленой (всегда зеленой!) резинкой. Руки его были сплошь покрыты татуировками, словно длинные рукава цветастой рубашки.

Я не очень разбираюсь в современной моде и отношениях, и все же они хорошая пара. Диего — внук моих соседей, четы Герреро. Мистер и миссис Герреро умерли в этом году с интервалом в три месяца, и Диего унаследовал их дом. Соседство с молодыми людьми оказалось очень полезным, хоть они порой и слишком меня опекают.

— Мисс Рен, — сказал Диего, — мы можем отвести вас к врачу. Нам это совершенно не трудно.

Оттого что он упрямо продолжал называть меня *«мисс Рен»*, я внутренне закричала. Возможно, все это потому, что он служил в Афганистане — почтительность в ходу среди военных. Я подумала о том, что Белинда сказала бы об этом бывшем воине. Впервые за несколько десятилетий Белинда ежедневно начала появляться в моих мыслях, хотя ей не было места здесь, в жизни Сильвии Рен.

— К врачу я и сама могу съездить, если понадобится, — сказала я, опасаясь, что *действительно* понадобится. Все тело разламывалось от боли. —

Вы идите, наверняка у вас куча дел. — Диего разводил пчел и продавал мед на фермерских рынках; Джейд держала гончарную мастерскую.

Я кивнула им, давая понять, что со мной все в порядке, и они наконец поднялись и пошли к выходу. Только тогда я немного расслабилась. Обычно я не могу полностью расслабиться в присутствии других людей, за исключением Лолы.

— Если вам что-то понадобится, зовите, — сказал Диего перед уходом. Он это часто говорит — видимо, думает, что я чувствую себя спокойнее под защитой мужчины. Я пока так и не сказала ему, что если меня в этой жизни кто-то и защищал, то вовсе не мужчины.

(Не считая сегодняшнего утра.)

Когда Диего и Джейд ушли, я заковыляла на кухню, где приняла ибупрофен и налила себе еще чаю, а потом пошла в кабинет, где на столе красовались свидетельства моего времяпрепровождения в последние две недели: три голубых дневника и письма от Элайзы Мортимер.

После того как я отправила Элайзе открытку с предложением оставить меня в покое, она замолчала на несколько дней, а потом принялась отыгрывать потерянное время. Всю последнюю неделю я каждый день получаю от нее письма.

Она прислала мне стопку ксерокопий некрологов из *«Гринвичского обозревателя»*, посвященных моим сестрам; статью из *«Нью-Йорк таймс»* о смертях Зили и Сэма; рекламный проспект о модернизации компании «Кольт меньюфекчеринг», в котором она гордо демонстрирует свой новый особняк для выездных мероприятий — дом, в котором я выросла.

Конверты приходили один за другим — должно быть, в них были все новые вырезки из газет, иллюстрирующие несчастья моей семьи, которые Элайза беспечно копировала и отсылала мне с записками в стиле «Я бы хотела это с вами обсудить». Но последние письма я даже не открывала. Как говорят, на ошибках учатся.

Она хочет заставить меня прервать молчание, хочет сломить мое сопротивление. Вот только вряд ли она догадывается, что ее тактика оказалась весьма эффективной. До ее бесцеремонного вторжения я никогда — действительно, никогда — не планировала писать историю жизни своих сестер, и я пока еще не решила, стало ли мне после этого лучше или хуже. Впрочем, о прошлом — в частности, о своем пути в искусстве — я начала думать еще до ее первого письма, так что можно сказать, что ее слова упали

на подготовленную почву. Мы с Лолой обсуждали возможность создания музея, посвященного моему творчеству. Совсем небольшого, учитывая, что большинство моих работ выставляются или находятся в частных коллекциях. Лола даже обратилась к агенту по недвижимости, чтобы найти в Санта-Фе подходящее здание, поскольку если и делать музей, то, конечно, в Нью-Мексико. Но когда они позвали меня осмотреть несколько потенциальных домов, я засомневалась. Оказалось, что думать о загробной жизни Сильвии Рен мне пока не очень хотелось, и я сказала Лоле, что я пока не готова и что мне нужно еще время.

Теперь, когда мои дневники написаны, я не знаю, что с ними делать. Когда я исписала первый голубой дневник, Джейд отправилась в книжный магазин в Санта-Фе, где купила мне два почти таких же, только других оттенков: если их положить один на другой, они создают восхитительное омбре, переход от темного к светлому.

Хотя я не уверена, что именно так заканчивается моя история. Все эти шестьдесят лет каждый божий день я ищу свет — и нахожу его лишь иногда.

Днем я села в наш старенький «Субару» и поехала в Эспаньолу, несмотря на боль во всем

теле. За рулем мне всегда хорошо думается. Я проголодалась, поэтому завернула к закусочной «Лотабургер» и, не выходя из машины, заказала два двойных чизбургера с зеленым перцем чили и кока-колу. Через дорогу был заброшенный участок, и я припарковалась там, чтобы не везти еду домой. Благодаря Лоле вот уже почти шестьдесят лет я не ем мяса — за исключением тех дней, когда она в отъезде. Она говорит, что отказывается есть «смерть» и не хочет видеть ее в своем доме. По ее словам, если мы будем есть смерть, мы пропитаемся ею и негативная энергия нанесет вред нашим творческим способностям. Я не то чтобы поддерживаю эту точку зрения. Но я убеждена, что Лола и Белинда, доведись им встретиться, понравились бы друг другу.

Пока я ела в машине — этот процесс вызывал у меня восторженные чувства и сопровождался стеканием говяжьего жира с моего подбородка, я снова принялась размышлять, что делать с дневниками. До того как я начала их писать, история моих сестер была похоронена так глубоко, что казалась окаменелой, как мушка в янтаре. Я могла бы носить их — Эстер, Розалинду, Каллу, Дафни, Зили — как драгоценные камни на колье. Но эти дневники так тяжелы, что на шею их

не повесишь — боюсь, мне одной их даже не поднять. Нужно что-то с ними сделать.

Принявшись за второй чизбургер, я стала думать, какие у меня варианты. Я могла сжечь их, но тогда весь процесс их написания был бы не чем иным, как изгнанием бесов. Когда моя жизнь окончится, история Айрис Чэпел и ее сестер уйдет вместе со мной, и, хотя так должно было случиться изначально, теперь, когда она была у меня перед глазами, я не могла допустить, чтобы они исчезли во второй раз.

Можно разместить дневники в моем архиве в Университете Нью-Мексико, и тогда их прочитают после нашей с Лолой смерти (это будет хит!).

Или же я могу опубликовать их сейчас, и весь мир узнает, кто я на самом деле. Но я даже не уверена, что мои безумные полуночные метания по коридорам прошлого достаточно хороши для публикации — я их не перечитывала и не собираюсь. Я, конечно, не Лев Толстой северного Нью-Мексико, но я старалась. Кроме того, размышлять о публикации дневников довольно глупо, ведь я скрывалась десятилетиями, и какой смысл сейчас, когда мне восемьдесят лет, показывать свое белье миру.

По дороге домой я заехала на почту — идти туда пешком на этот раз я не хотела, была не в настроении. В почтовом ящике я, конечно же, обнаружила письмо от Элайзы Мортимер — всего лишь письмо, не один из ее пухлых конвертов, полных газетных статей, чьи заголовки, раскручиваясь и увеличиваясь, как в фильмах времен Великой депрессии, должны были сбить меня с ног. Вернувшись домой, я бросила конверт в лоток к остальным письмам, села за стол и посмотрела в окно: мальвы, красные холмы… Я наслаждаюсь этим видом с того самого времени, когда впервые посетила этот дом в 1957 году.

Лола снимала его еще до нашей встречи — ей нужен был дом в тихом месте, с садом, в котором она могла бы выращивать цветы и травы для производства своих духов. Потом мы выкупили его и переехали сюда жить, а свой магазин Лола передала управляющим. Вид не изменился, а вот дом — очень. Когда мы с Лолой начали хорошо зарабатывать, мы все здесь переделали и построили еще одно крыло, а потом все эти годы модернизировали его тут и там, добавляя современные штрихи. Когда его превратят в музей — уверена, после нашей смерти так и будет, эти комнаты не потребуют особых преобразова-

ний. Я прямо вижу, как в гостиной на складном стуле сидит скучающий охранник, который говорит туристам, тянущимся к Лолиной вазе индейцев навахо или фотографии Таос-Пуэбло: «Пожалуйста, не трогайте руками!»

Ужасно об этом думать на самом деле. Сейчас мне бы лучше отвлечься, забраться в постель, отдохнуть, почитать книгу, поспать. Моему телу нужно восстановиться после падения, и не стоит мне лишний раз испытывать судьбу. И все же письмо Элайзы Мортимер притягивает мое внимание. Оно такое тоненькое после всех этих огромных пакетов. Интересно, что она хочет?

Уважаемая мисс Рен,

Вы не ответили на мои письма, и я прекрасно Вас понимаю и уважаю Ваше желание не разглашать свою частную жизнь. Но поймите и Вы меня – несмотря на все мои сомнения в отношении дальнейшего расследования, связанные с тем, что мои попытки его продолжить не приветствуются, я остаюсь журналисткой, а Вы – публичной персоной, величайшей американской художницей. Я убеждена, что ваша личная история

могла бы во многом дополнить историю становления женщин и способствовать более глубокому пониманию феминистского и современного искусства.

Недавно я говорила с Фредерикой Хелланд Бранч, младшей сестрой Флоренс. Фредерика все еще живет в Беллфлауэр-виллидж, а Флоренс, к сожалению, в прошлом году умерла. Фредерика рассказала мне, что Флоренс была близкой подругой Хейзел (Зили) Чэпел и что она и все ее родные всегда знали, что Вы и есть Айрис. Франсис, другая сестра Фредерики, владеет одной из картин Сильвии Рен, купленной в галерее в Нью-Йорке.

Фредерика мне очень помогла в моем расследовании – в частности, она предоставила мне фотографии Айрис Чэпел, которые подтверждают предположение о том, что Айрис – это Вы. Она рассказала, что, когда, в отсутствие наследников, имущество мистера Чэпела распродавалось после его смерти, она купила несколько предметов (например, серебряный чайный сервиз), которые она готова

вам передать, если Вам они нужны. Нам с Фредерикой разрешили посетить семейный особняк Чэпелов, и я стала чуть лучше понимать Сильвию Рен, когда увидела роспись на стенах спальни (сейчас они используются как кладовые; если хотите, я могу сделать фотографии).

Я благодарна Фредерике и другим давним жителям Беллфлауэр-виллидж за информацию, но им известно далеко не все, и я до сих пор не знаю, как именно умерли Эстер, Розалинда, Калла и Зили. И никто не знает.

И хотя вопросы остаются, как видите, мне удалось собрать убедительные свидетельства того, что Вы и есть Айрис Чэпел. Ко мне обратился редактор «Вэнити фэйр» с предложением опубликовать это расследование в их журнале. Я буду рада, если Вы согласитесь поучаствовать в подготовке этой статьи – в той степени, в какой пожелаете. Вы знаете, как со мной связаться. Со своей стороны я заверяю Вас, что Ваша история будет рассказана с огромным уважением к Вам и всем Вашим родным.

С уважением, Элайза Л. Мортимер

Я отбросила письмо в сторону. Понятно, что Элайза хочет опубликовать статью обо мне в престижном журнале, но мне кажется, что *«Вэнити фэйр»* для этого подходит меньше всего — журнал, претендующий на *серьезную журналистскую работу* в своих статьях и при этом размещающий на обложке старлетку с грудью навыкат.

Письмо Элайзы не испугало меня так, как ее предыдущие письма — по крайней мере те, которые я удосужилась прочесть. Наверное, я уже

приняла для себя тот факт, что меня разоблачат, но, как она и сама пишет, всего она знать не может. Она вольна написать историю о цветах и оружейном деле, но она никогда не узнает того, что в действительности произошло с моими сестрами.

Да, я не испугалась, но мысль о том, что Элайза и какой-то глянцевый журнал собираются, образно говоря, эксгумировать моих сестер без моего разрешения, меня очень разозлила. Я раскрыла присланный Элайзой рекламный проспект «свадебного торта», где теперь проводились выездные совещания дельцов из оружейной компании (и это тоже совершенно ужасно), взяла лупу и просмотрела все фотографии. Я и раньше это проделывала — мне хотелось разглядеть могилы моих родных, все семь, включая родительские, но, если они и были там, за деревьями ничего не было видно.

Еще толком не поняв, что делаю, я взяла телефон и набрала номер своего юриста в Нью-Йорке, поскольку не знала, к кому еще с этим обратиться. Без Лолы я в этих делах полный профан.

Ребекка, как обычно, ответила сразу же.

— Я хочу купить дом, — сказала я. — У вас есть кто-то по сделкам с недвижимостью? — Я

рассказала ей о доме в Беллфлауэр-виллидж, захваченном оружейниками. Так и сказала: «захваченном».

— А зачем он вам?

— Это мое дело, — сказала я, огрызаясь, как злая собака, а потом почувствовала угрызения совести. — Простите, у меня был тяжелый день. — Я надеялась, что она оценила то единственное извинение, которое она когда-либо от меня услышит. — Этот дом раньше принадлежал моей семье, — объяснила я, решив, что скрывать это больше нет нужды. Все равно скоро все это будет опубликовано на пестрящих молодыми телами страницах *«Вэнити фэйр»*. — Кроме меня, в семье никого не осталось. Можно сказать, что это мой дом, и я хочу выкупить его обратно.

— Как интересно, — сказала она, радуясь возможности выведать обо мне хоть что-то. — Вы планируете туда переехать?

– *Конечно, нет!* Но, может быть… — Я умолкла, испугавшись мысли, промелькнувшей в моей голове. — Может быть, однажды там будет музей.

— В последнее время вы полны сюрпризов, Сильвия! — сказала она. — Хорошо, я поговорю со своим коллегой — он как раз занимается недвижимостью.

— Поговорите, пожалуйста.

— Его зовут Кендзи. Я узнаю у него, что можно предпринять, и перезвоню.

Повесив трубку, я не могла поверить в то, что только что сделала. У этой Элайзы Мортимер прямо талант мотивировать меня к неожиданным поступкам. Так зачем останавливаться? Я снова взяла трубку, позвонила Диего и попросила его зайти.

— Вы уверены, мисс Рен? — спросил Диего.

Сколько себя помню, люди всю жизнь во мне сомневаются.

— Да, я уверена, — сказала я, стоя рядом с ним в дальнем углу двора. — О кустах не беспокойся. Просто копай, пока не доберешься до деревянной коробки. Хорошо?

— Попробую копать вокруг них, — сказал Диего, берясь за лопату. Я понаблюдала немного за его работой, а потом, прихрамывая, пошла к себе в кабинет (тело все еще болит), где как раз успела подойти к телефону. Звонила Ребекка — рассказать о том, что ей удалось узнать.

— Мой коллега Кендзи очень заинтересовался вашей просьбой, — сказала она. — Его дочь — ваша большая поклонница! Он тут же созвонился с владельцем. Кажется, все складывается в вашу

пользу — Кольт уже какое-то время рассматривает возможность продать дом, хотя в риелторских списках его еще нет. Его компания производит эти богомерзкие карабины «AP-15c», которые в наши дни в Коннектикуте, скажем так, не очень популярны.

— То есть дом продается?

— Официально — нет, но они открыты к предложениям. Вот только выйдет наверняка недешево. Кендзи говорит, что можно для начала объявить им два миллиона…

— Отлично, скажите ему, что я рассчитываю на быструю сделку и плачу наличными. — Мне была противна мысль о том, что мне придется вести дела с Кольтом. Оружейная компания больше им не принадлежала, но одно лишь имя вселяло в меня ужас.

Поговорив с Ребеккой, я снова понаблюдала за тем, как орудует лопатой Диего. Интересно, что сказала бы об этом Лола. По возвращении из Бразилии в конце месяца Лолу, мою милую Лолу, ждет множество сюрпризов. Недавно она слегла с вирусом, а после выздоровления старалась наверстать пропущенное со своими студентами, так что наши телефонные разговоры стали короче и расспросов с ее стороны было меньше, чем

обычно. Но я уверена, что Джейд и Диего уже доложили ей о моих странностях. Однажды утром Диего заглянул ко мне и увидел через окно, что я сплю в откидном кресле, зажав в руках винтовку, которая обычно лежит у нас под кроватью.

В голубом дневнике Лола ни разу не упоминается, и это меня расстраивает. Как будто семейный портрет написан, а один человек стоит за рамкой. Двадцать лет я была одной из Чэпел, и целых шестьдесят — партнершей Лолы. Должна ли я написать еще один дневник о ней? Теперь, когда я начала фиксировать события своей жизни — некогда частной, скрытой от чужих глаз, — может, мне стоит продолжить?

Мы познакомились с ней в первый же день моего приезда в Санта-Фе: я была все в том же розовом платье и сжимала в руках огромную сумку. Из Нью-Йорка я доехала на автобусе до Чикаго, оттуда до Денвера, потом пересела в автобус до Санта-Фе, по пути превратившись в Сильвию Рен. Айрис осталась в Коннектикуте, а Сильвия родилась в Иллинойсе, где автобус остановился на заправке в небольшом фермерском городке. Купив виноградную газировку и пакетик с арахисом, я села на краю поля, пока остальные пассажиры стояли в очереди в единственный

туалет. Я смотрела, как над кукурузными полями восходит солнце — мое первое солнце за пределами Восточного побережья, оставленного прошлым вечером, — и вдруг поняла, что мне удалось сделать то, что до меня не удавалось ни одной женщине в моей семье: убежать. Теперь мне нужно было исчезнуть и переродиться; от Айрис оставались лишь жалкие фрагменты, но они могли уничтожить меня. Та жизнь, то прошлое — все это было невыносимо.

Так я стала Сильвией Рен из Иллинойса, и так я представилась Лоле через час после приезда в Санта-Фе. Автобус из Денвера высадил меня недалеко от Санта-Фе-плаза в самый разгар сезона дождей: я не увидела ничего похожего на яркие цвета тех картин в галерее; все вокруг было мутно-серым. Я побежала в ближайшую закусочную, где заказала яичницу с тостом; яичница была с перцем чили, и я долго пыталась выковырять эти зеленые кусочки, но в итоге сдалась. За едой я просмотрела объявления в местной газете и увидела Лолино объявление о комнате. Позже я узнаю, что в центре Санта-Фе у нее парфюмерный магазин, который она унаследовала от своей тети, а над ним — квартира, где и жила Лола. После смерти тети ее спальня стояла пустой, и Лоле эта

пустота казалось невыносимой.

Мне было неловко встречаться с потенциальным арендодателем в таком виде — в одежде, которая была на мне несколько дней, с мокрыми от дождя волосами и перевязанной рукой. Парфюмерный магазин располагался между индийским ювелирным и художественной галереей. На стенах — деревянные полки, а по периметру комнаты — невысокий стеклянный прилавок в форме подковы, а позади него — небольшое пространство для продавца. На полках стояли бутылочки с духами, и когда я открыла дверь, меня обдало волной терпкого аромата. Отдельных запахов разобрать было нельзя, как если бы все краски на палитре смешались и получился черный.

В магазине, кроме Лолы, никого не было — она стояла за прилавком и выглядела безупречно. Полуночно-синее платье с золотым поясом, изящные золотые кольца в ушах, бесцветный лак на ногтях, волосы завязаны в низкий пучок, и не следа косметики на лице. Глаза были скрыты за очками в оправе кошачий глаз, и мое внимание привлекли ее полные губы: глубокий изгиб верхней губы мне тут же захотелось нарисовать. Это был мой первый творческий импульс в Нью-

Мексико: нарисовать пики и долину ее рта, этот притягательный ландшафт.

— Я ужасно выгляжу, — сказала я, представившись и чувствуя себя оборванкой по сравнению с ней. Она же просто смотрела на меня, едва заметно улыбаясь. Возразить она мне вряд ли могла, и ее улыбка сама по себе была проявлением доброты. Как говорят, «начинай так, как рассчитываешь продолжить», и во многом этот момент передает суть наших будущих отношений: спокойная, надежная Лола и вечно растерянная я.

— Я только с автобуса, приехала из Иллинойса, — сказала я. — Я оттуда родом.

— Принесло, как перекати-поле? — сказала она и улыбнулась еще шире. — Дождь сегодня просто стеной. Принести вам полотенце? — Она не стала ждать ответа, вышла в служебное помещение и вернулась с белым полотенцем. Я с благодарностью взяла его и вытерла лицо.

— Никогда не бывала в Иллинойсе, — сказала она, наблюдая за моими попытками вытереть волосы. Мне хотелось ответить: «И я тоже. Только проездом».

— Из какого вы города? Чикаго?

— Нет, Беллфлауэр-виллидж, — сказала я

без задней мысли, сложив полотенце и оставив его на прилавке. Мне предстоит еще несколько лет противостоять щупальцам Айрис, которые не сразу меня отпустят.

— Не каждый цветок можно использовать в парфюмерии, — сказала Лола, и я услышала в ее речи легкий акцент. — Например, колокольчики[20] — нельзя.

— Ясно, — задумчиво сказала я, не понимая, зачем она мне это рассказывает.

— Но можно подойти к этому с другой стороны. Чем пахнет Беллфлауэр-виллидж? Иными словами, чем пахнет *дом*?

Таким странным был этот вопрос, и задан он был с таким авторитетом, что я ответила, не интересуясь, зачем ей это. Нового дома у меня еще не было, поэтому я ответила про старый.

— Летом он пахнет зеленым. Зеленый — это запах?

— Да, конечно.

— Пахнет землей и дикими цветами на лугу, — сказала я, неожиданно почувствовав легкую тоску по дому. — Фиалковыми духами и английской лавандой.

---

[20] Сноски: 20
Bellflower *(англ.)* — колокольчик.

— Хорошо, а чем еще? — Своими вопросами она напоминала мне доктора Уестгейта и его психоанализ. Я не понимала, чего она добивается, но мне было интересно.

— Старым викторианским домом.

— Хм, — сказала она. — Такого я раньше не слышала. И чем он пахнет?

Я на мгновение задумалась.

— Свадебным тортом и тайнами.

— Интересно. А чем еще?

— Точно не розами.

Она подняла брови.

— Почему не розами?

Я несколько дней не спала и плохо соображала. Я не ответила, и она настойчиво переспросила:

— Можешь объяснить, почему не розами, Сильвия?

Этим именем меня назвали впервые, и меня тут же пробила дрожь. Говорить о розах мне не хотелось, но я могла понять ее удивление: для парфюмера розы — как для повара лук и чеснок.

— Простите, а почему вы спрашиваете?

— Для ваших духов, — сказала она, взяв с прилавка небольшой белый блокнот и карандаш. — Вы же за этим пришли? — Она сделала несколько

пометок в блокноте, подняла глаза и увидела мое озадаченное выражение лица.

— Мои клиенты рассказывают мне о своей жизни, — пояснила она, — и я делаю для них индивидуальные духи. Для вас я могу сделать аромат Беллфлауэр-виллидж — или другой запах по вашему выбору. — Она что-то записала в блокноте, и я прочла вверх ногами: *«Без роз»*. — Но мне кажется, что этот аромат может выйти очень даже неплохим. Будет готов через несколько дней. Вас это устроит?

Я сказала, что она неправильно меня поняла и что я здесь по объявлению об аренде комнаты.

— А, — сказала она, на этот раз более пристально меня разглядывая и, должно быть, прикидывая, можно ли впустить в дом эту потрепанную незнакомку.

— Я собираюсь поступать в Дворцовую школу искусств, — сказала я. — А в целом я очень тихая. Неприятностей со мной не будет.

(Не все из этого окажется правдой, но в школу искусств я и правда поступлю, и я действительно довольно тихая.)

Осознав, что она не представилась, она извинилась и сказала, что ее зовут Лола, а ее полное имя — Долорес дель Боске; и лишь через много

месяцев я узнаю, что *дель Боске* означает *«из леса»*, как и Сильвия. К тому времени между нами уже будет прочная связь — эмоциональная и физическая. Как и я, Лола отказалась подчиняться условностям и еще в подростковом возрасте сбежала из дома, оставив свою консервативную семью в Мехико и переехав к богемной тетушке в США, которая в свое время тоже покинула дом — прямо перед свадьбой, в семнадцать лет.

Я до сих пор помню восторг тех первых лет жизни в Санта-Фе — удивительное, волшебное время, особенно по сравнению с предыдущими двадцатью годами моего существования. И хотя нам с Лолой приходилось скрывать от всех свои отношения, в стенах нашего дома — обычного дома, по которому не бродили призраки, кроме разве что воспоминаний, которые я старалась забыть, — мы упоительно наслаждались свободой. Мы были влюблены, жили как хотели и никому ничего не обязаны были объяснять.

В те дни у меня образовался небольшой круг друзей из художественной школы — молодые женщины из разных уголков страны, которые, как и я, пытались найти себя, посвятить свою жизнь искусству. Мы не рыскали в поисках мужей — довольно смелая позиция для тех времен,

будто бы мы все принадлежали к тайному обществу. Мы не спали ночи напролет, рисовали, разговаривали, слушали музыку, и при поддержке этих женщин я все глубже погружалась внутрь себя, исследуя ту сферу некомфортного, которая и делала меня художницей. Моих преподавателей пугало мое «слишком женское» самовыражение в искусстве. Они говорили, что, если я продолжу рисовать такое, меня никто не будет воспринимать всерьез (ха!). Из-за подобных замечаний я вскоре ушла из колледжа. Сегодня, оглядываясь назад, я могу сказать, что…

На этом пока все. Диего зовет меня. Нашел, должно быть, мои сокровища.

Сейчас семь вечера, но я уже собираюсь лечь спать, потому что ночью наверняка снова придется бодрствовать (хотя мне очень хотелось бы ошибаться). Аппетита у меня нет, поэтому я съела тост с чаем. Деревянная коробка, которую выкопал Диего, стоит на заднем дворе. Я заплатила ему за работу, и он ушел, а я с тех пор так и не смогла заставить себя выйти и открыть ее.

Глубокой ночью

От этих чизбургеров, которые я с такой жадностью проглотила, у меня теперь несварение же-

лудка. Лола предупреждала, что нельзя поедать смерть, но я не устояла, и теперь дух мертвой коровы рвется из меня.

Но проснулась я не от несварения, каким бы неприятным оно ни было. Проснулась я все по той же причине, что и раньше: *тук-тук*.

Я могла бы не обращать на это внимания, но это непросто. Когда маму навещали ее ночные гости, она кричала от ужаса, потому что видела, что с ними случилось. Сейчас мне не кажется, что мама действительно видела призраков. Я думаю, она слишком остро чувствовала страдания других и что у нее — женщины, всю жизнь слышавшей предсмертные крики своей матери, которые хоть и стали со временем значительно тише, но до конца так и не исчезли, — был переизбыток эмпатии. Когда она переехала к отцу, она все так же чутко улавливала страдания, и к этому добавилась ее реакция на несправедливость, доминирование и насилие — вот чем она была одержима.

Я могу ошибаться, но именно к этому выводу я пришла, пока писала дневники, — мама никогда на самом деле не видела призраков. Но это не значит, что их не было.

Своего призрака я тоже никогда не видела, но я

знаю, что он, то есть она, ждет меня.

Тук-тук.

Много лет назад, примерно тогда, когда у меня наступила менопауза, мы с Лолой подружились с замужней парой из Дании, приехавшей сюда на лето. Точнее, это Лола с ними подружилась, поскольку я к тому времени практически перестала сходиться с людьми.

Маргит — так звали женщину в этой гетеросексуальной паре — однажды зашла в Лолин парфюмерный магазин, чтобы заказать духи. Она мечтала об аромате готического собора — что-то вроде Нотр-Дама или Кентерберийского собора. Она любила посещать такие места — холодные, мрачные и темные, хранящие в своих стенах саму историю. Постоянно солнечный Нью-Мексико удручал ее — она приехала сюда из-за мужа, чьего имени я не помню (мужей я вообще редко запоминаю), исследовавшего что-то связанное с разработкой в Лос-Аламосе атомных бомб «Малыш» и «Толстяк».

Желая впечатлить эту гламурную женщину, Лола неделями корпела над созданием заказанного Маргит аромата — гораздо дольше, чем она делала мои духи «Беллфлауэр-виллидж» (которые я отказалась даже понюхать, из-за чего мы впервые

поссорились; в результате я выкинула флакон из окна автомобиля прямо на ходу и нажала на газ, чтобы не вдохнуть ни одной молекулы). Когда духи были готовы, Маргит пригласила нас к себе на ужин — в дом на Каньон-роуд, который она снимала с мужем. Как я ни пыталась отвертеться, Лола настояла, чтобы я поехала с ней.

Я оделась как обычно — длинное черное платье, без изысков, простой лен, и заплела волосы в косу. Когда мы вошли в дом, я почувствовала себя простушкой. Маргит — тогда ей, наверное, было за пятьдесят — открыла нам дверь, облаченная в блузку и юбку индивидуального пошива; ее роскошные светлые волосы спускались до плеч; серебряные украшения говорили о безупречном вкусе. Я до сих пор помню, как она тогда выглядела: ухоженная, как деревце-бонсай, изящная и сдержанно-элегантная.

Дом скрывался в тени деревьев — Маргит любила темноту, но в то же время светился изнутри десятками свечей, расставленных везде, где только можно. Она сразу же дала мне понять, что знает, кто я, упомянув, что они с мужем видели мои работы в музеях Лондона и Парижа. Мне не нравилось, когда меня узнавали, когда разглядывали. Маргит заметила, что мне неловко,

и постаралась увести разговор в сторону; постепенно я поняла, что она мне нравится. За ужином беседа вертелась в основном вокруг атомных бомб и ароматов белых цветов, но все это время мы с Маргит участвовали в безмолвном разговоре, обмениваясь понимающими взглядами, пока наши партнеры осыпали друг друга вопросами о работе — их интерес казался бесконечным. Если это и был флирт, то он был очень милым.

После еды я пошла за Маргит на кухню — помочь приготовить кофе.

— «Толстяк» нашел благодарного слушателя, — сказала она. — Вы с Лолой еще долго не сможете отсюда уйти.

— Толстяк? — спросила я, а она лишь улыбнулась.

— Давай не будем говорить о бомбах, — сказала она. — Если я услышу слово «бомба» еще один раз…

— Ты взорвешься? — сказала я, и она рассмеялась.

— Вот именно! Давай лучше поговорим об искусстве. — И она спросила меня о моей картине. — *«Морские астры»*? — сказала она. — Это ведь одна из твоих работ, я правильно помню?

Я кивнула и отвернулась. Будь здесь Лола, она

тут же сказала бы: «О, не обращай внимания на Сильвию, она не любит говорить о работе». Лола умела сглаживать разговор в тех местах, где я лишь разочаровывала собеседников.

— В этой картине так ощутимо передано одиночество, — сказала Маргит. — Одинокие астры в морской низине. У меня она вызвала слезы — не знаю почему.

— Это были хорошие слезы?

— Думаю, да, — ответила она. — Я вообще плачу довольно редко. Она пробудила что-то во мне. Такой красивый и меланхоличный образ. Такой же, как ты. — Она подмигнула мне и направилась в комнату, неся перед собой поднос с чашками. Я подумала, что такие слова, должно быть, часто говорят известным художникам — с ними флиртуют, им льстят, и вряд ли это идет на пользу их искусству. И все же иногда это приятно.

Через несколько дней Лола уехала на неделю в Монреаль — выступить на конференции и навестить кузину. На вторую ночь после ее отъезда я услышала: *тук-тук*. Спать было невозможно. В те времена стук был очень тихим, как будто кто-то нажимал на клавишу пианино в дальнем углу дома, и все равно я не могла уснуть, зная, что моя гостья где-то рядом.

На следующее утро позвонила Маргит и пригласила меня пообедать с ней. Она извинилась за неожиданное приглашение и спросила, смогу ли я приехать к ней, поскольку их автомобиль забрал муж. В обычной ситуации я бы отказалась — я отвергала почти все приглашения, к тому же очень устала, но на просьбу Маргит я сразу же ответила согласием. Мне было одиноко без Лолы, а в обществе Маргит приятно было находиться — такое в моей жизни случалось нечасто.

В доме стоял запах рыбного рагу — Маргит готовила обед.

— Это ведь только Лола вегетарианка, я правильно понимаю? — спросила она, и я кивнула. Как и всегда в отсутствие Лолы, я превращалась в мясоеда. Интересно, в кого превращалась она, когда меня не было рядом.

Пока готовилось рагу, мы с Маргит сели на огромные подушки у этнокамина в гостиной, держа в руках чашки чая. Без свечей в доме не было волшебного мерцания, но деревья пропускали солнечный свет, который красивыми узорами ложился на стены и мебель.

— Ты выглядишь усталой, Сильвия, — сказала Маргит. Мне импонировала ее прямота.

— Я всю ночь не спала. Когда Лолы нет, я часто не могу уснуть.

— Правда? А почему?

Я пожала плечами. Пускаться в объяснения не хотелось.

— Ну расскажи, — сказала она. — Давай это обсудим.

Я засмеялась:

— Ты что, психиатр?

— Вообще-то да.

Я подумала, что она шутит, но оказалось, что нет. Маргит сказала, что на лето закрыла свою практику, чтобы уехать с мужем, но теперь она скучала по работе и не могла найти, чем себя занять.

— Расскажи, почему ты не можешь уснуть без Лолы. Дай мне что-нибудь, с чем я могла бы поработать.

Я подумала, не для этого ли она пригласила меня — чтобы устроить сеанс психоанализа? Она сидела напротив меня в белом сарафане и вязаной кофточке, скрывавшей ее плечи, и в ее глазах был неподдельный интерес.

Я не хотела рассказывать о себе, но и разочаровывать ее тоже не хотела. Меня тянуло к ней, мне хотелось купаться в волнах ее внимания.

И если уж быть совсем честной с собой, то мне пришлось бы признать, что именно поэтому я и приняла ее приглашение: чтобы вновь почувствовать, что желанна.

— Что ж, — сказала я, понимая, что сама загнала себя в эту ловушку. Я тоже обычно отличаюсь прямотой, но тут я заволновалась. Последний раз я разговаривала с психиатром — доктором Уестгейтом, когда мне было двадцать лет, то есть за тридцать лет до знакомства с Маргит. Другим врачам, да и вообще другим людям, кроме Лолы, я никогда ничего не рассказывала — впускать посторонних в преисподнюю своего разума, чтобы так называемые медицинские специалисты рылись там в поисках ключей, мне совершенно не хотелось. Я как-то всю жизнь обходилась без помощи специалистов. Именно что *обходилась* — нельзя сказать, что благоденствовала. Да, я добилась успеха и смогла противостоять ударам судьбы, но у меня до сих пор сохраняются панические атаки и приступы крайней тревожности (иногда совершенно изнурительные); я страдаю от агорафобии и — как показал этот дневник — хронической раздражительности.

Маргит ждала ответа, и я наконец сказала:

— Ты веришь в призраков? — Я была готова

поиграть в эту игру, пока мы ждали обеда; подкинуть ей пару костей, но не всю тушу. В конце лета она уедет домой, и я больше ее никогда не увижу.

— В *призраков*? В каком смысле?

— Когда Лолы нет дома, меня навещает призрак.

— Как интересно, — сказала она, сузив глаза и разглядывая меня так, как она наверняка разглядывала *«Морские астры»* в лондонском музее. — И что этот призрак от тебя хочет?

— По ночам она стучит в окно моей спальни.

– *Она?* То есть ты знаешь, кто это?

— Возможно.

— Но мне ты не скажешь?

— Нет.

— Хорошо, — сказала она, поднявшись с подушки и пересев на стул, заняв официальную позу. — А Лола что об этом говорит?

— Я ей не рассказывала. Это единственное, что я от нее скрываю. — Делиться этим с Маргит казалось неправильным, как будто это было предательством более серьезным, чем любой флирт.

— Сильвия, а ты видела этого призрака?

— Нет, она остается снаружи. Я ее только слышу.

— Ты с ней разговаривала?

— Нет.

— Почему?

— Она сердится на меня. Я боюсь ее гнева.

— Понятно. И как давно она приходит к тебе?

— Почти тридцать лет.

Маргит скептически посмотрела на меня.

— Сердитый призрак тридцать лет стучится в окно твоей спальни, и ты ни разу с ней не поговорила? Ни разу не спросила, чего она хочет?

— Я знаю, чего она хочет. Мне не нужно об этом спрашивать.

— И чего же?

Я задумалась о том, как мне это описать, потому что для этого в языке не существовало слов.

— Наверное, можно сказать… — Я замолчала. — Не знаю, как выразить это по-другому: она хочет меня поглотить.

Маргит жадно посмотрела на меня, готовая препарировать это странное заявление.

– *Поглотить* тебя?

Мне не нравился этот ее взгляд. Ее притягательность постепенно таяла, увядала, как вьюнок на лозе. Я поставила чашку на столик и забралась на диван.

— Забудь об этом, — сказала я, пытаясь придать

своему голосу беспечность, хотя уже видела, что эти неуместные откровения нарушили баланс между нами. — Обед, наверное, готов? Пахнет восхитительно!

— Сильвия, — сказала она, — я не смогу тебе помочь, если ты мне все не расскажешь.

— Все никто никогда не рассказывает, — сказала я, захлопывая приоткрывшуюся было дверь.

Но теперь эта дверь распахнулась настежь. Боюсь, мне уже ее не закрыть. Внутрь рвется пронизывающий — даже не ветер, а настоящий *мистраль*, и мне это не нравится.

Тук-тук.

Когда я затыкаю уши, я все равно это слышу. Должно быть, это о чем-то говорит.

Тук-тук.

Я сижу в гостиной, в своем уютном старушечьем кресле, на письменном столе рядом со мной горит лампа, и это единственный свет в комнате. Этот дневник я держу на коленях. Сейчас все еще глубокая ночь, дом окутан тьмой: и внутри, и снаружи. Деревянная коробка, которую выкопал Диего, по-прежнему во дворе — она стоит там, освобожденная из своей могилы. Но я пока так и не осмелилась подойти к ней.

Дребезжит кругляш дверной ручки. Я знаю, что рано или поздно моя гостья окажется внутри.

— Уходи, — говорю я. — Раньше я никогда к ней не обращалась и теперь, когда после стольких лет я по совету Маргит это сделала, тут же почувствовала облегчение. — Оставь меня в покое! — зарычала я, и на какое-то время в комнате стало очень тихо. Но я не думаю, что она на самом деле ушла. Наверное, она затихла от удивления — ее впервые признали. Может быть, для нее это был знак.

Женщины в моей семье всегда ждали какого-нибудь знака.

18 августа 2017 года
Абикью, Нью-Мексико

В полвосьмого утра я проснулась от телефонного звонка.

— Сильвия? — Это была Ребекка. — Я только что говорила с Кендзи. Как я и думала, Кольт не согласен на два миллиона.

— Предложи ему три, — сказала я и повесила трубку. Да, не очень-то вежливо, но нельзя ожидать от человека, которого выдернули из глубокого сна, особой вежливости.

Я с трудом выгрузилась из своего кресла, где провела всю ночь. Через день после падения все

тело болело еще сильнее, а на правой руке и ноге проступили огромные синяки. Я сделала себе кружку кофе и, прихрамывая, пошла на задний двор, где села на пухлую, с рисунком плюща подушку ротангового кресла. Я всегда любила этот наш двор. Оштукатуренная стена по периметру, с небольшой калиткой, служит разделительной линией между домашним уютом и дикой природой. Вдоль стены — кустарник, который мы с Лолой посадили, вокелиния и самшит и, конечно, цветы — штокрозы, огромные, как в сказке, со стеблями выше меня, и розовые кусты.

Но этим утром во дворе было инородное тело — деревянная коробка, которую выкопал Диего. Она стояла на плитке рядом со мной. Диего очистил ее от комьев грязи, но после стольких лет под землей она все равно выглядела довольно неприглядно. Левой ногой в летнем тапочке я толкнула коробку, чтобы установить с ней хоть какой-то контакт. Оттуда никто не выпрыгнул, да и не то чтобы я этого ожидала, просто уж очень я пугливая, потому и винтовку держу под кроватью.

Я допила кофе, собираясь с духом, а потом встала, открыла замок и откинула крышку. По тому, как я ахнула и отвернулась, можно было бы

предположить, что в коробке спрятано чье-то маленькое тельце. Что ж, в каком-то смысле так и было.

Из коробки я достала сумку из «Бонуит теллер» — в тот последний день, когда я покинула Коннектикут, я взяла с собой лишь ее. Кожа на сумке потрескалась и помутнела, но сохранилась на удивление хорошо. Шестьдесят лет я не прикасалась ни к чему, что принадлежало Айрис Чэпел, и вот, будто по волшебству, видела перед собой ее сумку. Я отнесла ее в дом и поставила на стол.

Едва я это сделала, зазвонил телефон — это была Ребекка.

— Сильвия, они отказались и от трех миллионов.

— Предложи им пять, потом перезвони, я занята, — сказала я и повесила трубку.

Я было потянулась к молнии, но вдруг испугалась и отдернула руку — может, не стоит мне ворошить прошлое? Мы с Лолой зарыли ее вместе, и я помню, как удивилась она этому моему решению. Свою историю я рассказала ей через пару недель после знакомства, и она сказала, что верит мне, и больше я не стала у нее допытываться — если она в чем-то и сомневалась,

я предпочитала об этом не знать. Она сказала, что понимает, почему я стала Сильвией, но эти импровизированные похороны моего второго «я» считала ужасными. Я объяснила ей, что мне не нужны были *похороны* как таковые — дело скорее было в том, что я не могла оставить у себя все эти вещи. Мне нужна была новая страница в жизни, но и просто выкинуть их я не могла. В итоге я была рада, что похороны состоялись, — окончание жизни Айрис заслуживало торжественной церемонии.

Я снова потянулась к молнии, но телефон снова зазвонил, и я вздрогнула.

— Вот это скорость, Ребекка, — сказала я, поднимая трубку.

— Сильвия? — это была Лола.

— Ой, — сказала я и рассмеялась, словно она застукала меня за чем-то, чего я не должна была делать. Отчасти так оно и было.

— Ты ждешь звонка от Ребекки?

— Там ничего интересного, — сказала я, прекрасно понимая, что Лола мне не поверит. — Расскажу, когда вернешься. Не волнуйся об этом.

— Теперь-то уж точно буду волноваться. У тебя все в порядке?

— Я просто устала, милая.

— У меня занятие через пять минут, и я звоню напомнить, что сегодня к тебе придут из Национальной галереи искусств.

— Кто придет?

— Сотрудник, едет из Вашингтона, забрать *«Эбигейл»*. Не помнишь уже? — спросила она, уже понимая, что я действительно не помню.

— Нет, но я дома.

— Я позвонила Диего и попросила его зайти, чтобы ты не была одна.

Лола знала, что я не люблю находиться в доме наедине с мужчинами, и заботливо помогала мне этого избежать. Я доверяю только Диего, потому что он бывший Герреро.

— Сильвия, я уже скоро вернусь. Думаю, это будет моя последняя долгая поездка. Я совершенно измотана.

— Хорошо, — сказала я. — Это очень хорошо. Не то, что ты измотана, конечно. Просто я не люблю, когда ты уезжаешь. — Я не была религиозна, но я молилась, чтобы она не умерла раньше меня. Я бы этого не вынесла.

— У тебя странный голос, — сказала она. — Расскажи мне, что у тебя там происходит.

Я лихорадочно перебирала в голове слова, которые успею сказать ей за ее перерыв между

занятиями. Мне хотелось дать ей хотя бы пару намеков, но я боялась ее напугать.

Наконец я ответила — наверное, слишком загадочно:

— Я боюсь, что Сильвия Рен ускользает от меня.

Пауза, а потом:

— Что ты имеешь в виду?

— Я точно не знаю, но мне кажется, что я теряю с ней связь.

– *С ней?* Сильвия — это ты. Это не какой-то другой человек.

— Но так ли это? Действительно ли я — Сильвия?

Молчание, слишком долгое молчание, а затем стук клавиш клавиатуры.

— Я лечу домой.

— Что ты, не нужно, — сказала я, хотя отчаянно хотела этого.

— Вот, я вижу рейс сегодня вечером, в восемь, в Хьюстон. Оттуда я доберусь до дома завтра около полудня. С тобой до этого времени ничего не случится?

— Нет, — убежденно сказала я. Но когда мы говорим такое, разве мы действительно можем быть в этом уверены?

Какое-то время я просто сидела и прислушивалась к отзвукам Лолиного голоса, не желая отпускать его, пока не буду готова. Затем я раскрыла молнию на сумке и, не глядя, опустила руку в ее шелковые недра. Я ухватила пальцами первый попавшийся предмет — стеклянную бутылку — и, вытягивая его из сумки, уже знала, что это: лавандовые духи Эстер. Потом я извлекла из сумки расческу Эстер с ее волосами, кольцо с коралловой камеей и черепаховые гребни Розалинды, блокнот, в котором Калла записывала свои стихи, и ее кольцо с лунным камнем, непристойный роман с полки Дафни, спиритический дневник Белинды и чучело крапивника, по-прежнему завернутое в носовой платок. Я достала маленькую бурую пташку из укутывавшего ее савана и провела пальцами по ее перышкам, все еще мягким. Поцеловав птицу в лоб, я сказала: «Моя тезка»[21] — и поставила ее на подоконник.

Во внутреннем кармашке я нашла конверт с волосами Зили, который открывать не стала — это было выше моих сил. Из переднего отсека я вытащила Дафнину картину, *«Белый ирис»,* — кое-где краска потрескалась, но сам рисунок был

[21] Сноски: 21
Wren *(англ.)* — крапивник.

по-прежнему прекрасен и удивительно хорошо сохранился. Невидимые нити вели от этой картины к тому, чего мне удалось добиться в жизни, к моему успеху. При виде ее после стольких лет я почувствовала прилив эмоций, дыхание перехватило.

В сумке оставался еще один предмет, я пару раз коснулась его рукой, но доставать пока не решалась. Еще не время.

Расположив все предметы на столе (кроме одного), оглядела их взглядом археолога, рассматривающего коллекцию крошечных костей. Все эти вещи увидели свет впервые за шесть десятилетий, и я боялась, что не справлюсь с захлестнувшими меня чувствами. Мне захотелось снова выбежать на улицу и взобраться на холм. (Но я понимала, что, если я это сделаю, это будет равносильно самоубийству.)

Я подумала, не выпить ли чаю (так себе замена), но тут зазвонил телефон, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Сильвия? — снова звонила Ребекка.

— Да, что там?

— Кольт согласен на пять с половиной миллионов.

— Заметано.

— Вы не хотите сначала обсудить это с Лолой? — спросила она, и я громко вздохнула. Почему все вечно во мне сомневаются?

— Лола не моя мать, — сказала я, стараясь оставаться спокойной. — Мне не нужно ее разрешение.

— Хорошо, — сказала Ребекка. — Я скажу Кендзи, чтобы он закрыл сделку за пять с половиной миллионов.

Мы еще немного поговорили о необходимых документах, и, когда я повесила трубку, меня переполняла беспокойная, вибрирующая энергия, и я не знала, что с ней делать. Я взяла Каллино кольцо с лунным камнем, надела его на палец и сделала несколько глубоких вдохов.

Мои сестры теперь были совсем рядом. Я это чувствовала.

Вспомнив о предстоящем визите сотрудника Национальной галереи, я пошла в другой конец дома, чтобы забрать из Лолиного кабинета *«Эбигейл Кэлишер»*. Все стены кабинета были увешаны картинами, постерами и фотографиями в рамках — так, что самих стен практически не было видно. На одной из стен прямо в центре висело относительно новое приобретение: большой обрамленный постер с ретроспективной

выставки в нью-йоркском музее современного искусства, состоявшейся в феврале в честь моего восьмидесятилетия. *«80 лет. Сильвия Рен: американская икона»*, — гласили большие черные буквы, размещенные над самой известной моей цветочной картиной: *«Пурпурный ирис»*. Я отказалась вешать постер в своем кабинете — на слове *«икона»* меня передергивало от неловкости. Но Лоле, конечно, он приглянулся. «Мужчина бы из-за такого не смущался», — сказала она, как будто это имело какое-то значение.

На другой стене висела *«Земля очарования»*, лепестки роз, та самая картина, которую я рассматривала в галерее в Нью-Йорке много лет тому назад. Тогда я увидела ее совершенно случайно, а ведь во многом благодаря ей я уехала в Нью-Мексико, и именно она отчасти определила то, какими будут следующие шестьдесят лет моей жизни.

На той выставке картину никто не купил, и ее вернули в Школу искусств, где выставили на продажу в магазине. Я увидела ее в первый же день, когда пришла поступать; она стоила всего около пяти долларов — в конце концов, она была нарисована анонимным студентом, и я сразу же купила ее. Это был первый предмет, поступивший

во владение Сильвии Рен. Позже преподаватель сказал мне, что «анонимного автора» зовут Грейс. Грейс не стала подписывать картину, опасаясь, что муж увидит ее, поймет, что символизируют лепестки роз, и очень разозлится. Я с ней так и не познакомилась — за несколько недель до моего приезда в Санта-Фе ее муж вступил в ряды вооруженных сил, и они уехали в Техас, — но свой *«Пурпурный ирис»* я посвятила ей. «*Посвящается Грейс,* — написала я сзади карандашом, — *автору, больше не анонимному*».

Обычно я старалась не заходить в Лолин кабинет, даже когда я скучала по ней в дни ее отсутствия, поскольку здесь я чувствовала себя как в музее, посвященном моей жизни. Я осмотрела стены, разыскивая *«Эбигейл Кэлишер»*, и обнаружила ее висящей справа от стола. Полное название картины — *«Эбигейл Кэлишер в последний раз видит небо»*, но Лола называет ее просто *«Эбигейл»*, словно они старые друзья. Эбигейл Кэлишер существовала в действительности — ее повесили после суда над салемскими ведьмами. Молодая, незамужняя женщина, делившая кров с подругой, она продавала лекарства из трав — мази, бальзамы, стимулирующие ликеры, что позволяло ей сводить концы с концами и что

в конечном итоге привело к обвинениям в ведьмовстве. Лола прочла книгу об охоте на ведьм и рассказала мне об Эбигейл — ей казалось, что они в чем-то похожи с этой женщиной, которая тоже варила настойки и жила по собственному разумению, что обычно плохо воспринимается окружающими. Ее интерес оказался заразительным, и я написала эту картину — она стала единственным изображением Новой Англии в моем творчестве и выставлялась всего один раз, в 1980 году, в берлинском музее.

Самой Эбигейл на картине нет — зритель видит то, что видела она, когда стояла на эшафоте. Внизу собралась толпа — судя по всему, люди пришли поглазеть на казнь, но нам видны лишь верхушки их голов. Глаза героини видят небо, его глубокую гиацинтовую синеву — мне хотелось думать, что такого же оттенка были цветы в ее саду.

Я сняла картину со стены и сдула пыль с верхней части рамы. Не знаю, зачем Лола согласилась выставить ее в Национальной галерее, но я никогда не вмешиваюсь в ее решения. Именно она, а не я (боже упаси!) общается с кураторами по всем подобным вопросам. Я бы хотела, чтобы эта картина висела в моем музее, который уже

перестал быть абстрактной идеей — теперь это был дом, только что купленный мной за пять с половиной миллионов долларов.

Сама я «свадебный торт» вряд ли когда-нибудь увижу. Я не покидала Нью-Мексико с 1987 года, когда мы с Лолой ездили в кемпинг в Йеллоустоун. Но мне нравится представлять Лолу в моем доме детства — деловитая, в защитной каске, она объясняет рабочим, что нужно сделать, чтобы восстановить прежние интерьеры и устранить ущерб, наверняка нанесенный дому фирмой Кольта.

Я уже начала представлять себе этот музей, мысленно ходить по его галереям, думать о том, какие картины где будут висеть. Картины с цветами я бы поместила в девичье крыло, в наши спальни. Некоторые из них можно назвать эротическими, некоторые — нет, но в любом случае, какие они — будет решать зритель. Туда же я повешу *«Белый ирис»*, чтобы отдать должное Дафни. В нашей с сестрами гостиной я бы разместила серию картин, изображающих женские тела и репродуктивные органы в виде цветов. На одной из картин георгины символизируют яичники, бородатый ирис — матку, а гирлянда маргариток — фаллопиевы трубы. Это было до-

вольно смело для шестидесятых (именно из-за этих работ я вскоре оставила колледж), и моя репутация как художницы выросла; в семидесятые одна из этих картин появилась на обложке журнала «*Ms*».

В маминых комнатах я бы повесила серию картин *«Безголовая невеста»*. В этой серии происходит трансформация женщины в пейзаж: невеста постепенно превращается в Серро Педерналь, столовую гору недалеко от моего дома, напоминающую шею без головы. Одну из этих картин однажды поместили на обложку книги — из тех феминистских романов семидесятых годов, расходившихся миллионными тиражами, — в результате чего некоторое время это изображение было повсюду, не только в книжных магазинах, но и в аэропортах, супермаркетах, аптеках; оно прочно закрепилось в общественном сознании — редко какая работа в истории современного искусства удостаивается такой судьбы. Мое созревание как художницы совпало с ростом движения за права женщин, и это во многом предопределило мой успех.

Для этих ранних работ, которые и сделали меня знаменитой, Сильвия Рен черпала вдохновение в глубоком колодце совместного опыта сестер

Чэпел, даже если я никогда в этом себе не признавалась. Тогда еще Айрис ушла не слишком далеко — я была Айрис гораздо дольше, чем Сильвией, а сейчас — наоборот. В те годы, когда я рисовала, я позволяла себе отдаться преследовавшим меня мыслям; прошлое возвращалось не в виде воспоминаний, а в виде образов, которые я превращала в картины. Процесс нанесения воспоминаний на холст походил на беседы с доктором Уэстгейтом — я чувствовала, что шаг за шагом изгоняю их из себя. Постепенно мне удалось перейти к другим темам, и тогда я окончательно стала Сильвией. По крайней мере, так я думала. До недавнего времени.

Мои ранние работы считаются освободительными, прогрессивными, в них прославляется женское тело и сексуальность, но есть в них и боль, много боли, учитывая, на каком материале они были созданы, какой у них, если хотите, первый слой. Я думала, что искусство станет чистилищем для моего прошлого, вот только прошлое никуда не делось. Так получилось, что я с ним никогда по-настоящему не считалась. Убежав из Коннектикута в Нью-Мексико, я в каком-то смысле так никуда и не приехала — я продолжала бежать.

Я взяла *«Эбигейл Кэлишер»* и вернулась в свой кабинет, где села за стол и достала из сумки последний предмет — фотографию моей семьи у отеля на Террапин-Коув, лето 1949 года. Похоронив единственную нашу фотографию, я так долго не видела их лиц, что слезы ручьем полились из моих глаз. Обычно Сильвия Рен не плачет — она тверда и непроницаема для эмоций.

Фотография черно-белая, но я вижу своего отца в коричневом костюме и мать в белом платье. Мы с сестрами одеты в цветные сарафаны; Эстер с Розалиндой уже настоящие женщины, Калла с Дафни выглядят раздосадованными из-за того, что их заставляют позировать в угоду будущим поколениям, а я, невинная душа, держу Зили за руку и улыбаюсь.

На этом снимке мои родители гораздо младше меня нынешней — они оба не дожили до моего теперешнего возраста. Однажды, примерно через три месяца после переезда в Нью-Мексико, я проснулась от стука в окно — это был крапивник, и я поняла, что мамы больше нет. Утром я позвонила в санаторий Святого Обера, притворившись маминой подругой, хотя подруг у нее не было, и медсестра сказала, что той ночью Белинда умерла («Сердце не выдержало», — сказала

медсестра, и эта фраза показалась мне странной. «Неудивительно, — ответила я, — учитывая, сколько ему пришлось вынести».)

Отец умер через шесть лет после этого. Лола вернулась из поездки в Бостон и показала мне открытую на странице некрологов газету *«Бостон глоуб»*, купленную в аэропорту. В самом верху крупным шрифтом было написано: *глава «Чэпел файрармз» умер в 70 лет*.

— И что там дальше пишут? — спросила я, чтобы не читать некролог самой. Я была в своей студии, работала над одной из картин серии *«Безголовая невеста»*; пока Лола читала, я продолжала наносить на холст мазки.

— Рак, — сказала Лола. — Тут говорится: «Его смерти предшествовал уход из жизни любимой жены и пяти дочерей». Ни слова о шестой дочери.

— Шестая дочь была удалена со страниц истории, — довольно цинично заметила я, хотя в душе чувствовала совсем другое. Что именно, я не понимала.

— Сильвия, — сказала тогда Лола, отложив газету. — Давай прогуляемся? — Должно быть, я казалась ей каким-нибудь монстром — перед ней была женщина, которая не плачет, узнав

о смерти родителей. Но у Сильвии Рен не было родителей. У нее были одни лишь острые углы.

— Со мной все хорошо, — сказала я. — Я просто хочу поработать.

Искусство было моим единственным языком, единственным способом выразить эмоции, но для того, что я чувствую сейчас, одного искусства недостаточно.

«Посвящается Грейс — автору, больше не анонимному», — написала я тогда на обороте *«Пурпурного ириса»*. Но разве все эти годы я не была именно им — анонимным автором? Может быть, *Сильвия Рен* — синоним анонимности. В конце концов, я никогда не подписывала свои работы настоящим именем. Элайза Мортимер напомнила мне о том, что я на самом деле призрак.

Я встала, подошла к книжным полкам и быстро нашла, что хотела, — недавно прочитанные мной мемуары Джонни Маркиза. Художник примерно моего возраста, хоть и не такой знаменитый, Маркиз в молодости (которая у мужчин растягивается как минимум до сорока лет) был известен не только своим искусством, но и своими выходками — он участвовал в буйных вечеринках в ночных клубах Манхэттена, разносил в клочья гостиничные номера, а однажды, в семидесятых,

даже пытался угнать самолет, угрожая пилотам, как потом выяснилось, водяным пистолетом. Достигнув преклонного возраста, он решил остепениться, женился на девушке, годившейся ему во внучки, и своей старой, серой спермой, у которой давно истек срок годности, произвел на свет череду детей. В наши дни такое считается смелым и оригинальным.

Я перевернула книгу, ища название выпустившего ее издательства. Увидев внизу знакомый символ «H&V», я вспомнила: «Харт и Водрей». Это самый престижный в США издатель книг художников и о художниках. Я представила, что будет, если они выпустят мои дневники. Им придется сделать шаг в сторону от излияний Маркиза и ему подобных. Моя история будет совсем другой.

Размышляя об этом, о возможности поделиться своей историей, я вспоминаю стихотворение Мюриэл Рукейзер, посвященное моей любимой художнице Кете Кольвиц. В особенности эти строчки:

> Что бы случилось, если бы одна женщина рассказала правду о своей жизни?
> Тогда бы мир раскололся.

Я всю жизнь убегала от прошлого, боясь, что если я соглашусь с его правдой, то мир — не весь мир, а *мой* мир — расколется. Я боялась, что во мне раскроется такая глубокая бездна, что я из нее уже никогда не выберусь. И отчасти я была права. Я написала свои дневники, и эта бездна поглотила меня целиком и полностью. Но, к моему удивлению и облегчению, там, внизу, я увидела свет.

Этот свет помог мне совершенно ясно понять, что я должна сделать. Я должна рассказать правду о себе, о маме и сестрах. Часть этой истории отражена в моих картинах, а дневники расскажут остальное. Тогда я стану цельной; тогда я смогу выбраться из бездны.

Я позвонила по нью-йоркскому номеру Ребекки, осознавая, но игнорируя тот факт, что я ей порядком надоела.

— Вы можете кое-что для меня сделать? — сказала я, когда она взяла трубку. — Я написала мемуары и хотела бы, чтобы «Харт и Водрей» их напечатали.

— Вы написали историю своей жизни? — недоуменно спросила Ребекка.

— Жизни до моих двадцати лет.

— То есть о тех временах, когда вы еще не были

знаменитой?

— Это все равно моя жизнь, Ребекка, — привычно огрызнулась я. — Если люди хотят узнать меня, история о моем детстве — неплохое начало, — добавила я. Это, впрочем, справедливо в отношении каждого человека.

— Сказать, что я ошеломлена, — значит ничего не сказать, — ответила Ребекка. — Вы же горой стояли за неприкосновенность вашей частной жизни. Ваши мемуары будут стоить целое состояние.

— Наверное, — сказала я, — но деньги меня не интересуют.

Она рассмеялась.

— Ох, Сильвия. От других своих клиентов я таких слов никогда не слышала. Вы прекрасны. Правда.

— Это вряд ли, — сказала я.

— Что я должна сделать?

— В моей жизни кое-что происходит, — сказала я. — Возможно, вы заметили.

— Да. — Она посерьезнела.

— Свои мемуары я записала в трех дневниках. Лола может связаться с моим агентом и договорится о публикации — как вы знаете, обычно она этим занимается. А вас я прошу пока сохранить

эти дневники у себя.

— Не совсем понимаю.

— Если со мной что-то случится, я хотела бы знать, что их опубликуют. Мне важно это знать.

— Надеюсь, у вас все в порядке со здоровьем?

— Да, просто… — Мне было сложно облачать свои страхи в слова. — Если по какой-то причине меня уже не будет, я боюсь, что Лола не станет считаться с моим желанием опубликовать дневники. Она подумает, что это было спонтанное решение, что я не понимала, что делаю. И не захочет уничтожить мою репутацию.

– *Уничтожить?* — В голосе Ребекки послышалось беспокойство. — Но как…

— Не волнуйтесь, ничего ужасного я не совершила. Я не серийная убийца.

— Конечно, нет, — сказала она, хотя, думаю, вряд ли она так уж сильно удивилась бы, если бы в моем дворе однажды обнаружились захороненные тела. Я затворница, а значит, наверняка что-то скрываю.

— Никогда не знаешь, как поведет себя расстроенный человек, — пояснила я. Перед моим мысленным взором встала картина: голубые дневники горят в нашем камине. — Я бы предпочла отдать дневники вам на хранение вместе

с письмом о том, что я хочу видеть их опубликованными, чтобы никаких других толкований моих намерений не возникло. Хорошо? Вы с Лолой можете обсудить это, когда она вернется из Бразилии.

— Поняла, — сказала Ребекка. — Я их сохраню.

Повесив трубку и не мешкая ни секунды, я написала письмо, в котором просила опубликовать мои дневники, желательно в издательстве «Харт и Водрей». Потом я добавила абзац о том, что купила особняк в Беллфлауэр-виллидж и хотела бы, чтобы там был организован музей, посвященный моей работе, и учебный центр для молодежи из бедных семей. Упаковав дневники и письмо в небольшую коробку, я написала на ней адрес юридической конторы Ребекки, а потом несколько секунд держала коробку в руках, словно пытаясь взвесить содержащуюся в ней правду.

Сотрудник Национальной галереи сделал свою работу очень быстро и деловито, без ненужного заискивания со мной, что меня очень порадовало. Они с Диего аккуратно упаковали *«Эбигейл Кэлишер»* и погрузили ее в микроавтобус.

— Вы уж будьте с ней осторожны, — сказала я, с опаской представляя ее путешествие авиакомпанией «Юнайтед» в Денвер, а оттуда

в Вашингтон.

Сотрудник уехал, и Диего вернулся в дом вместе со мной. Чуть раньше он принес две буханки хлеба с цукини, которые они с Джейд испекли с утра. Они были завернуты в пергаментную бумагу, как подарки, и Диего развернул их только сейчас, когда мужчина из Национальной галереи ушел. Потом он помог мне устроиться на стуле.

— Вы хорошо питаетесь? — спросил он, доставая одну из буханок. На самом деле я весь день не ела. Кажется, у него был нюх на такие вещи.

— Вроде ничего.

— Я смотрю, у вас синяки проступили. Вы точно не хотите съездить к врачу?

— У меня все болит, но переломов нет, — сказала я, опуская рукава своего черного платья. Скрыть ушибы я забыла; сотрудник музея, должно быть, подумал, что жизнь порядком потрепала эту старуху.

Диего отрезал два куска хлеба с цукини и, пока они поджаривались в тостере, сделал мне чай. Я не возражала. Иногда мне хотелось, чтобы обо мне кто-то позаботился, хотя бы недолго. Вот только я никогда бы в этом не призналась.

— Простите, что говорю об этом, — сказал Диего, — но у меня такое впечатление, что вы

немного не в себе.

— Я не в себе, — сказала я, благодарно принимая кружку чая. — Ты совершенно прав. — Мне хотелось смеяться.

Я жадно проглотила хлеб, и Диего отрезал мне еще.

— Так и знал, что вы ничего не ели, — сказал он, глядя на меня через стол и бездумно теребя руками зеленую резинку на кончике бороды. Мы с Лолой платили Джейд и Диего за их работу, но не за то, чтобы они о нас беспокоились. И я бы посчитала трогательным такое их внимание, если бы меня не раздражала вся эта суета вокруг меня.

Перекусив, я попросила Диего пойти со мной в кабинет, где вручила ему посылку с дневниками и попросила его как можно скорее отвезти ее в Эспаньолу и отослать по адресу ночной экспресс-почтой.

— Это срочно, — сказала я. — Я заплачу сверху.

— Никаких проблем, мисс Рен. Я все равно туда еду — Джейд как раз попросила кое-что там сделать.

— Слава богу. — Я была рада, что дневники отправятся в Нью-Йорк уже сегодня вечером.

Мы с ним пошли обратно к гостиной, и, пови-

нуясь неожиданному импульсу, я сняла со стены одну из своих цветочно-эротических картин: темно-пурпурную петунию.

— Возьми, — сказала я. — Это для вашей малышки.

Он взял картину и принялся ее рассматривать. Через несколько мгновений, поняв, на что именно он смотрит, он неловко переступил с ноги на ногу.

— Мм, — сказал он, по-видимому не находя слов. Молодежь не любит думать о пожилых как о людях с сексуальными потребностями. Это их пугает. — Очень мило с вашей стороны, но, понимаете, Джейд уже оформила детскую обоями с уточками, и эта картина туда не подойдет.

— Нет, Диего, это не *аксессуар для детской комнаты*. — Я напряглась. Как и большинство жителей нашей деревни, его дедушка с бабушкой никогда особо не интересовались моими творческими успехами, и это было даже приятно; вполне возможно, Диего не совсем понимал, кем я была, и меня это совершенно не смущало, но здесь он будто нарочно испытывал мое терпение. — Эта картина стоит неприличную сумму денег. Просто возьми ее и продай когда-нибудь в будущем. После моей смерти она только вырас-

тет в цене.

Разглядывая петунию, он выглядел потрясенным — должно быть, удивлялся, что этот предмет имеет хоть какую-то стоимость.

— Вы уверены?

— Это для вашей дочки, — сказала я, похлопав его по плечу. Какое-то время мы говорили о картине — мне пришлось несколько раз подтвердить, что я действительно дарю ее ему, — после чего я проводила его к выходу. Как всегда, мне хотелось остаться одной, но, глядя на Диего, направляющегося к калитке с посылкой и картиной в руках, я вдруг испугалась того одиночества, которое ждало меня этой ночью.

Когда он ушел, я легла в постель, надеясь немного поспать, но в голове бешено крутились мысли, и уснуть я не могла. Поэтому я просто лежала на спине и смотрела на большую картину на стене перед кроватью — *«Пурпурный ирис»*. Ни в один музей я ее так и не отдала, хотя она много раз участвовала в выставках. Мне было около тридцати, когда я написала ее. Моделью была Лола. Ее тело, помимо моего собственного, было единственным, которое я хорошо изучила; это мой любимый ландшафт. Именно она — и наша любовь — выставлена в музеях всего мира.

Лежа без сна и глядя на картину, я вспоминала Лолу такой, какой она была в момент нашей первой встречи, и представляла, как она заходит в спальню. Именно здесь мы впервые были вместе. Был канун Рождества, и за окном все было покрыто снегом — его белая пелена ненадолго приглушила огонь красных холмов. Мы с Лолой были неразлучны несколько месяцев, но обе были молоды и совершенно неопытны, поэтому стыдились и боялись желания, тянувшего нас друг к другу. Хотеть другую женщину казалось противоестественным, и все же мы обе испытывали именно это.

— Боишься? — спросила она меня тогда, целуя шрам на моей руке. Этот след — свидетельство отчаянной попытки вырваться из прошлой жизни — останется со мной навсегда.

— Не боюсь, — сказала я, зная, что ничего страшного со мной не случится. Я просто это знала. Когда я убегала из дома, я думала, что мой конечный пункт — Нью-Мексико, но на самом деле конечным пунктом была она. Я наконец нашла свое пристанище.

В тот день с Лолой я испытала совершенно новые ощущения: до меня так редко дотрагивались — и вот ее кожа касается моей; я так долго

жила в холоде — и вот ее тело согревает мое. Чувствуя счастье и наполненность, я впервые подумала о том, что мне, возможно, удастся выкорчевать из себя страдания, пустившие такие глубокие корни.

Когда мы наконец затихли и улеглись рядом, глядя на снегопад за окном, в моей голове зазвучал голос — один из тех голосов, которые я старалась в себе заглушить.

Зачем вообще нужна жизнь без любви?

Зили. Этот вопрос она задала мне лишь за несколько месяцев до того дня, и тогда я не смогла ей ответить, не смогла даже понять, о чем она спрашивает. Но теперь, лежа в объятиях Лолы, я понимала, почему Зили была невыносима мысль о том, что ей придется прожить жизнь без прикосновений и тепла другого человека. Любовь вдруг перестала быть абстрактным понятием.

Тогда я залилась слезами, вспоминая сестру, — я ведь даже не оплакала ее так, как она того заслуживала; но с того дня я почти не позволяла себе думать о ней.

Это был мой последний вечер в одиночестве, и я решила приготовить себе на ужин рагу из черной фасоли. Вспомнив слова Диего, я подумала,

что должна заботиться о себе, поэтому пошла на рынок, купила необходимые ингредиенты и дома своей больной рукой резала лук, чеснок и сельдерей, размышляя о событиях дня.

Когда рагу было готово, я взяла миску и села во внутреннем дворике, наблюдая закат — меня по-прежнему завораживает вечерний свет, отраженный в местном ландшафте. Но желания бежать за красками у меня не возникло — никакого творческого порыва не родилось. Я так была поглощена написанием своей истории, что теперь все, что я вижу и чувствую, мне хочется выражать не в цвете и образах, а в словах. В этих ненавистных буквах.

После разговора с Ребеккой я ни на секунду не пожалела о своем решении опубликовать дневники. Но мною потихоньку начинает завладевать скорбь. Не та скорбь, которая заставляет бросаться на могилу и рыдать, а более размеренная, упреждающая скорбь — по тому, что будет. После публикации дневников моя биография затмит мое творчество — такова судьба многих женщин в сфере искусства. Это расстраивает меня больше всего.

Я понимаю, что к правде, которую я раскрываю в своих дневниках, люди отнесутся с недоверием.

Из далекого прошлого до меня доносятся слова доктора Уестгейта: *«Уверяю вас, что ваше объяснение того, что случилось с вашими сестрами, ошибочно. Этого случиться не могло»*. Из-за этого недоверия и связанных с ним порицаний многие женщины предпочитают молчать. Поэтому мне и кажется, что Лола, если меня уже не будет рядом, захочет сжечь мои дневники. Лола, моя верная защитница, постаралась бы оградить меня от того, чтобы меня сочли безумной — как мою мать, только в гораздо более широком масштабе: глобальном.

Но я, кажется, наконец-то поняла, что встать в один ряд с безумными женщинами — это моя судьба. С женщинами, говорящими правду, какой бы ужасной она ни была. С женщинами, которые отдалились от толпы и видят не сердитые лица и неодобрительные взгляды, а бескрайнее небо над ними, его глубокую гиацинтовую синеву того же оттенка, что и цветы в их саду.

Глубокой ночью

Это моя последняя запись в фиолетовом блокноте. Я взяла его с собой в гостиную, проснувшись от того же, что и всегда. Комнату освещает лишь небольшая настольная лампа. Я сижу, плотно запахнувшись в уютный шелковый халат

изумрудно-зеленого цвета, который Лола привезла мне из Японии. Она ездила туда получать престижную награду от моего имени, пока я пряталась от всего мира здесь, в этом доме, где провела большую часть жизни.

Моя гостья здесь. Она стучится в окна и дергает дверные ручки; раньше она никогда так не шумела. Она знает, что я сижу в этой тускло освещенной комнате и не обращаю на нее внимания. Я внутри, а она снаружи. Этому противостоянию уже очень много лет.

Я оглядываю комнату, пытаясь не слышать производимый ею шум. Несмотря на все усовершенствования и на эволюцию нашей мебели от стильной к удобной, гостиная выглядит так, как выглядела всегда. Я вижу Лолину коллекцию старинных флаконов для духов, пейзаж «Ранчо призраков», который я подарила ей на день рождения, и винтовку *«Чэпел-70»*, купленную ею еще до встречи со мной, — она висит над камином, как согнутый палец. Здесь все так, как было в 1957 году, когда я только приехала, и впереди меня ждали любовь и новая, полная возможностей, жизнь.

Тогда я была молода, а теперь состарилась. Оглядываясь назад, я понимаю, что мне удалось

в полной мере прожить жизнь, за которую я так боролась. А это уже немало.

[Лола, если ты читаешь это, помни, что самое главное в моей жизни — это ты. Зили была права — жизнь без любви не имеет никакого смысла.]

Дом трясется. Я не удивляюсь: вот уже несколько недель земля ходит ходуном и расходится вокруг меня трещинами. Это Айрис, ей нужно мое внимание. Она негодует, что ее так долго не допускали внутрь. Я надеялась, что, если напишу о ней, она успокоится, но она хочет большего. Она хочет жизни, которая по праву принадлежит ей.

«Она идет за тобой», — сказала бы мне мама. Но я больше не боюсь. Сейчас я отложу дневник и наконец открою дверь.

КОНЕЦ